

Родная **ЛАДОГА** № 1(19)' 2012

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ**

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Зам. главного редактора
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России;

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;

ЗАО «Утро»

ООО «Издательский дом
«Родная Ладога»

*Зарегистрировано УФС по надзору за соблюдением законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Северо-Западному
Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов); Агафонов Николай, протоиерей (Самара); *Громов А. В.* (Самара); *Денисов Н. В.* (Тюмень); *Казин А. Л.* (Санкт-Петербург); *Коняев Н. М.* (Санкт-Петербург); *Корольков А. А.* (Санкт-Петербург); *Корытин С. Н.* (Санкт-Петербург); *Орлов Б. А.* (Санкт-Петербург); *Попов Г. А.* (Орел); *Сдобняков В. В.* (Нижний Новгород); *Семёнов В. Е.* (Санкт-Петербург); *Смолькин И. А.* (Псков); *Швечиков А. Н.* (Санкт-Петербург); *Яснев В. А.* (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БАКЛАНОВ Андрей Глебович (Москва) — начальник Управления международных связей аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Заместитель председателя Совета ассоциации российских дипломатов.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — депутат Законодательного Собрания СПб, председатель постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына, зав. отд. поэзии журнала «Новый мир».

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

МИХЕЕВ Валерий Леонидович (Санкт-Петербург) — начальник Государственной морской академии им. адмирала С. О. Макарова.

МОЛЧАНОВ Андрей Юрьевич (Санкт-Петербург) — доктор экономических наук, председатель Комитета по делам СНГ Совета Федерации РФ.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — княгиня, вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово РЕДАКЦИИ

Значение журнала «Родная Ладога» в культурно-историческом и духовно-нравственном просвещении современного общества. *К пятилетию журнала* 5

Рождественский РАССКАЗ

Владимир Крупин. Бумажные цепи. *Рассказ* 10
Василий Белов. Птички-рукавички. *Рассказ* 21

Русские СУДЬБЫ

Галина Кучина. Праздники. *Рассказ о жизни русской австралийки из Китая*... 14

ПОЭЗИЯ

Стихотворения поэтов мира русской орбиты 23
Магомед Ахмедов. *Перевод Николая Рачкова* 76
Глеб Артханов. 81
Юрий Павлов. 192
Борис Орлов. 195
Андрей Петухов 238
Наталья Кожевникова. 255
Владимир Скиф. 266
Валентина Сидоренко 280

Славянское БРАТСТВО

Лиляна Булатович-Медич. «Что ожидаешь здесь? На что надеешься?»
Специально для читателей журнала «Родная Ладога» о дружеской встрече с генералом Ратко Младичем в тюрьме в Шевенингене 30
Вячеслав Горелов. «На флаг смирно! Флаг поднять!» 46

ДОСЛЕДНИ

Игорь Андрушкевич. Русские военные традиции и заветы: источник политических идей России 39

ВЕХИ

Памятники А. С. Пушкину. *Ответственный Секретарь Пушкинской секции Союза писателей России, ветеран Великой Отечественной войны, полковник в отставке И. П. Новоселов* 53
Именем Александра Невского... *Александр Сегень* 198

ПРОЗА

Сергей Козлов. Дотянуться до русского неба. *Рассказ* 56
Священник Владимир Чугунов. Тихая осень. *Повесть* 112
Священник Ярослав Шипов. Рюшечки. *Рассказы* 151
Василий Забелло. «Придите ко Мне все труждающие и обремененные...» 228
Виталий Шевцов. Любимая книга. *Рассказ* 241
Иван Вискочил. Загадочное существо. *Рассказы.*
Перевод с чешского А. В. Драгомирова 248

Андрей Еграшов. Жизнь прожить. Главы из автобиографической повести «Птицы перелетные»	283
--	-----

Записки ДИПЛОМАТА

Башир Мальсагов. Муаммар Каддафи: взгляд из прошлого в настоящее и будущее	66
---	----

ПАМЯТОСЛОВ

Борис Подопригора. Непощажённый. 40 дней без Сергея Говорухина	74
---	----

НАСЛЕДИЕ

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы	86
---	----

Пути ПОЗНАНИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский КОНСТАНТИН (Горянов). Религиозно-философская антропология. История и определение термина, современные проблемы	92
---	----

ЛЕСТВИЦА

Архимандрит Тихон (Шевкунов). Вредный отец Нафанаил	103
--	-----

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Наталья Петрова. Выборгский договор. Глава из книги	145
Николай Коняев. Чтобы он всегда в сохранении от зла остался. Тайны Шлиссельбургской крепости	169

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Георгий Фурсей. Соборность как основа нашей самоидентификации	205
Владимир Вава. Неприятие смерти — основа нравственного сознания: опыт русской философии	269

ИСКУССТВО

Екатерина Скоробогачева. «Раскулачивание». Илья Глазунов. Художник о трагедии России	209
---	-----

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей Щербаков. Воды прозрачные. Толкование на повесть Василия Белова «Привычное дело»	218
--	-----

Северное Сияние

Владимир Баранов. Луч Света в полярной ночи	258
--	-----

Слово РЕДАКЦИИ

ЗНАЧЕНИЕ ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» В КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКОМ И ДУХОВНО- НРАВСТВЕННОМ ПРОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

К пятилетию журнала

В новейшей политической формации, когда государство почти сложило с себя координационные функции во многих сферах общественной жизни, в частности в сфере национальной культуры, люди творческих устремлений ищут единомышленников и самостоятельно создают общности, соответствующие своим мировоззренческим устремлениям и нравственным убеждениям. Журнал, в печатном и электронном вариантах, в наше время становится той живой средой, тем базисным элементом, в плоскости которого происходит зарождение и образование нового (в смысле литературно-художественного и общественно-политического процессов) творческого мира. Любой, создающийся вновь журнал, претендует на существование в длительной литературно-исторической перспективе, по примеру известных российских изданий, живущих многие десятилетия. Не всем современным изданиям удастся долго держаться на волнах бурного нынешнего времени. Так что пятилетний возраст журнала можно считать значительным, позволяющим осмыслить степень решения поставленных задач, проанализировать достижения и недостатки.

Наш литературно-художественный и культурно-просветительский журнал «Родная Ладога» зарегистрирован в начале 2007 года. Весной 2012 года с выходом 20-го номера ему исполняется пять лет.

Журнал «Родная Ладога» задумывался и создавался как необходимое звено в отечественной культурной политике в связи с насущной необходимостью обращения к традиционным государственным ценностям ориентирам, направленным на укрепление духовного-нравственного потенциала народа России. Журнал справляется с задачей освоения выбранного участка в процессе куль-

турно-исторического и духовно-нравственного просвещения и сплочения современного российского общества. Мы исходим из того, что современное общенациональное возрождение, заключающееся в возвращении страны на путь ее естественного, закономерного, самобытного развития, к богатейшим отечественным культурно-историческим традициям, может рассматриваться, как оборонный фактор государства.

Название для журнала имеет такое же значение, как имя для человека. По мнению выдающегося русского философа А. Лосева — имя есть «тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность». Безусловно, имя журнала может только объявить, но не объять духовную сущность, истинные размеры которой, конечно же, гораздо больше территории Северо-Западного края и глубины Ладожского озера. Эти размеры верно определил повидавший мир выдающийся русский писатель Иван Гончаров, однажды воскликнувший: «Свет мал, а Россия велика!».

Известно, что именно на берегах Ладоги впервые прозвучало слово «русский». Привычно значение этого слова от корня «рус», что значит светловолосый, русоволосый. Но родственный общеславянский корень «ruds» имеет еще значение рыжий, а точнее бурый. Песчано-илистое дно Ладожского озера является причиной того, что его воды не прозрачны, а имеют желто-бурый оттенок. Так не от цвета ли вод этого великого озера, что финны еще называли «Морем русских», произошло имя великого народа, древнейшие предки которого поселились на каменистых берегах пять-шесть тысяч лет назад, когда еще и в помине не было ни реки Невы, ни Свири? Невская история — особая история жизни Ладожского озера, которое само когда-то носило имя Нево, что в переводе с древних языков означает — море. И само это озеро-море по своему исконному предопределению, несло в себе бремя будущей жизни, возникшей в те времена, когда уже существовали египетские пирамиды, и получившей по рождению имя Нева.

На берегах Ладожского озера, где Богом созданы природные условия для монашеской жизни, где по преданию в древние времена Апостол Андрей Первозванный разрушил языческие капища и воздвиг христианский каменный крест, где монашеский подвиг может проявиться во всей полноте, образовалась Северная Фиваида. Несколько древних великих монастырей — Валаамский Свято-Преображенский, Александро-Свирский, Коневецкий — по сей день оберегают славу Божьего мира.

Ладога испокон веков своей природной мощью, своей победной историей, давала пример величия, постоянства, целостности, державности. Кажется, только вблизи такого источника жизни и могло зародиться и выжить государство с первой своей столицей, основанной 1250 лет назад — Старой Ладогой. Давшая жизнь Неве, а значит, и Санкт-Петербургу — столице на беспокойных западных рубежах, Ладога может считаться и прародительницей русского флота, и культуры, и литературы в новой истории России. Не потому ли Ладога спасала свое детище в дни смертельных испытаний Ленинградской блокады вместе со всем героическим народом, проложившим по ее льду, действительно, Дорогу Жизни.

В сложной, подобной физической, системе с распределенными параметрами, имеющей бесконечное число степеней свободы, называющейся — бытие, — литературное творчество является своеобразной несущей образ этого бытия во времени. Каждого из нас волнует, какой образ нашего, во всех

его противоречиях, времени, нашей сложной эпохи останется в вечности? И останется ли вообще, когда, кажется, произошел категорический разрыв с литературной традицией предшествующих поколений, и истинный образ бытия приобретает сугубо субъективное выражение, тонет в многообразии точек зрения.

Сегодня требуется творческое объединение писателей, поддерживающих традиционные исконно-русские исторически-общероссийские ценности, сущность которых испокон веков определялась такими вечностными категориями, как вера, душа, честь, совесть, свобода, любовь. Это не отвлеченные, не сами по себе существующие понятия. Они всегда имели и имеют по сей день своих носителей и защитников. Этими понятиями определяется жизнедеятельность всех социальных систем, всех областей общественной жизни — политики и экономики, армии, внутренних и внешних систем государственной безопасности, права и педагогики, философии и науки. Журнал «Родная Ладога», издающийся в традициях русских толстых литературных журналов, исследует и отражает в художественном творчестве процесс сохранения и развития традиций во всех сферах российской жизни с учетом того, что художественная традиция не есть застывшая форма, что она может обладать множественностью и противоречивостью. Задумываясь о будущем, мы вглядываться в прошлое, которое есть кладезь примеров высоких духовных начал, бессмертным хранителем которых выступает из века в век Русская Православная Церковь.

История и современность русского народа неделима ни по национальностям, ни по социальным формациям, ни на «красных» и «белых», — она едина и непрерывна, как непрерывна ее духовная составляющая — жизнь Русской Православной Церкви. Журнал «Родная Ладога», ставя одной из своих главных задач — воцерковление через культуру, особенно молодежи, публикует разнообразные духовно-богословские материалы, веря в то, что это поможет и русской научной и творческой интеллигенции подняться хотя бы на одну ступеньку к храму, а в идеале — вернуться в свой родной духовный дом, Русскую Православную Церковь.

Журнал может справиться и справляется с поставленными задачами, так как является профессиональным печатным органом, где одним из главных критериев отбора материалов является мастерство. Высокий художественный уровень поэзии и прозы, публицистических и научно-популярных материалов, всегда отличавший русскую культуру, позволяет в полной мере решать поставленные задачи.

Наверное, уровнем значимости журнала и свидетельством доверия к нашему изданию является то, что в его редакционный совет входят многие известные современные писатели, деятели культуры, ученые, политики. Следует обратить внимание на современную, гибкую структуру издания. Журнал имеет основные, соответствующие его идеологии рубрики, но набор из всех заявленных нами рубрик в каждом номере может быть различным. Содержание текущего издания определяется поступающими работами, значимыми современными событиями или юбилейными историческими датами. Такой подход к комплектации материалов делает каждый номер «живым», актуальным.

Главные разделы литературно-художественного журнала, конечно же, «Поэзия» и «Проза». На страницах журнала «Родная Ладога» опубликованы поэтические подборки поэтов со всей России. Наравне с творчеством извест-

ных российских авторов, считающихся классиками национальной современной поэзии представлено творчество молодых талантливых поэтов. Во всех представленных поэтических материалах прослеживается любовь к Отечеству, попытка осмысления взаимосвязи времен, стремление выявить преемственность нравственных человеческих ценностей, титаническое усилие, как образно сказал поэт, священник Анатолий Трохин, связать «тысячелетий два материка». Знамениты имена авторов публикаций в разделе «Проза».

Творчество священников — особые, наполненные светом веры, надеждой на духовное возрождение России, страницы.

Под рубрикой «Наша идеология» чаще всего публикуются передовые статьи. Способствуют рассмотрению и отчасти решению проблем, связанных со внедрением общероссийских президентских программ, вопросов, определяющихся сложностью и противоречивостью происходящих в нашей стране и во всем мире политических и социокультурных процессов, материалы таких рубрик, как «Национальная безопасность», «Стратегия», «Русские судьбы», «Точка зрения», «Вопросы творчества», «Лестница», «Мировоззрение», «Критика и литературоведение», «Петербургский писатель», «Родная речь», «Искусство», «Философия», «Высокие технологии» и многие другие.

Особое значение имеет рубрика «Великая провинция», показывающая в дополнение к публикациям столичных авторов, богатство и творческое разнообразие литературы Пскова и Самары, Кузбасса и Краснодара, Новгорода Великого и Нижнего Новгорода, Костромы и Тюмени, Орла, Иркутска, Кургана и мн. др. городов России. Это свидетельствует о широком, всероссийском охвате журнала. Читатели «Родной Ладоги» проживают во многих городах России, чему свидетельствует перечень респондентов в ежеквартальной рассылке, состоящий из более двух сотен городов, регионов и организаций, имеющих с журналом постоянные связи. Журнал имеет связи с духовными центрами России и ближнего зарубежья. Наше издание поступает в библиотеку Президента РФ, в фонд «Духовно-нравственной культуры подрастающего поколения России» Светланы Медведевой, в Государственную Думу, в Законодательное Собрание Санкт-Петербурга, в Фонд русской культуры, возглавляемый Н. Михалковым, в библиотеку музея «Михайловское», в библиотеку «Дома Романовых» в Костроме и другие библиотеки России. Журнал «Родная Ладога» известен и уважаем в университетах Новгорода Великого, Арзамаса, Костромы...

Почти с первых своих номеров журнал вышел на мировой уровень сотрудничества. Сегодня в журнале печатаются не только авторы из ближнего зарубежья: из Белоруссии, Латвии, Эстонии, Украины, Молдавии, Казахстана. Особо плодотворные связи у «Родной Ладоги» с писателями — поэтами, прозаиками и публицистами Крыма, журнал уже несколько лет высылается в Центральную библиотеку Крыма в Симферополе. Поддерживаются и расширяются творческие связи с дальним зарубежьем, с русской эмиграцией, проживающей в США, Аргентине, Австралии, Германии, Финляндии. Так например, регулярно на страницах нашего издания публикуются материалы Игоря Андрушкевича о современной жизни и о сохранении патриотических традиций с императорских времен в русской диаспоре в Аргентине, берущей свое начало от эмигрантов первой волны. Журнал «Родная Ладога» благодаря сотрудничеству с писательницей Галиной Кучиной, которая также

является дочерью русских эмигрантов первой волны, известен в Аргентине. Интерес к «Родной Ладоге» проявляют русскоговорящие жители Финляндии, происходит обмен материалами с финским журналом «Иные берега». «Родная Ладога» высылается в США, в Атланту. Здесь нашу миссию представляют издатели русского журнала под редакцией Геннадия Петрова «На любителя». Теплые, дружественные связи у нашего издания с Сербией, в частности с известным публицистом, прозаиком, историком, писательницей Лиляной Булатович-Медич. Творческое сотрудничество со Словакией связано с именами словацкого публициста Изидора Початека и словацкого предпринимателя Васи́ла Шевца.

Наш журнал уже несколько лет тесно сотрудничает с Министерством Иностранных дел России, публикует стихи дипломатов, широко представлены материалы на актуальные политические темы, подготовленные дипломатами, работавшими в странах Северной Африки и Ближнего Востока.

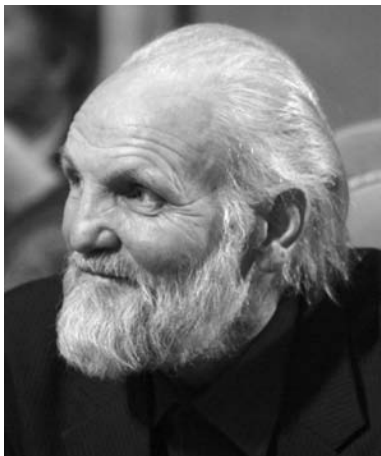
Особым направлением постоянной литературной работы является сотрудничество, обмен мнениями и материалами со многими российскими и зарубежными литературными журналами, в частности, это: «Балтика» (Эстония), «Вертикаль» (Н.Новгород), «Русское эхо» (Самара), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Родная Кубань» (Краснодар), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Тюмень литературная» (Тюмень), «Новая Немига литературная» (Беларусь), «Простор» (Казахстан), «Молодая гвардия» (Москва) и мн. другие.

К сожалению, журнал, который, по мнению бывшего председателя Думского комитета по культуре, а ныне заместителя министра культуры, Григория Ивлиева, высказанного в газете «Газета» (30.10.09), является одним из пяти лучших современных журналов, выпускается на весьма ограниченные спонсорские пожертвования и существует за счет безвозмездного труда авторов и членов редакции. При условии увеличения тиража и достаточной финансовой поддержке журнал может ставить и решать более сложные задачи, значительно расширить читательскую аудиторию, учредить литературные премии, углубить сотрудничество с государственными структурами, общественными и просветительскими организациями, русскими диаспорами за рубежом. Назревает необходимость повышения частоты издания до шести раз в год. Это позволит отслеживать и более подробно отражать событийные мероприятия как на государственном, так и на региональных уровнях. Может быть рассмотрена возможность тематических выпусков, могут быть открыты новые специальные рубрики, повышено качество и количество иллюстративно-художественного материала и объем издания.

В перспективе на базе редакции журнала «Родная Ладога» возможен выпуск художественных или учебно-научных книг современных писателей, ученых, работающих в соответствии с государственной идеологией. Считаю особо ценным то, что идеология журнала совпадает с мировоззрением Русской Православной Церкви, это оберегает его от крайних точек зрения, от любых проявлений экстремизма. Основная задача журнала «Родная Ладога» — быть полезным России, служить ее благу, ее процветанию, ее единению.

Редакция поздравляет читателей и авторов нашего журнала с Новым 2012 годом и с Рождеством Христовым! Дорогие наши друзья, мы надеемся на ваш отклик, на сотрудничество, на доброе ваше слово. Мы благодарим всех наших авторов за их безвозмездный труд, который по сути своей является служением России.

Рождественский РАССКАЗ

Владимир КРУПИН

БУМАЖНЫЕ ЦЕПИ

Рассказ

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 году в с. Кильмезь Кировской области, сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был гл. редактором журнала «Москва». С 1994 года преподает в Московской духовной академии. Гл. редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

С годами все обостреннее вспоминается детство, особенно Новый год. Елочных игрушек у нас было мало — терялись куда-то. Вот была картонная курочка, бронзовая, с крохотным красным гребешком, а принесли из чулана коробку с игрушками, разбираем — нет курочки. Клоун тут, самолетик тут, где курочка? Начиналось следствие. Старшая сестра вспоминала сама и заставляла всех вспоминать, кто в прошлом году разбирал елку? Никто не помнил. И вообще никто не любил разбирать елку, всем хотелось, чтоб она подольше стояла. Значит, родители. Но чтобы родители могли сделать что-то небрежно, такого и подумать было невозможно. Потерянная курочка становилась еще дороже именно от того, что была потеряна.

— К соседям ушла, на соседский сарай, — говорила мама, — там не сется. Ничего, к Пасхе вернется, без яиц не останемся, не переживайте.

В заботах о новой елке курочка забывалась. Да если бы она и не пропала, все равно надо делать новые игрушки. И фонарики, и цепи, и «снег», и флажки. Оказывается, отец уже приготовил старые газеты, пузырек клея, кисточку, краски. Все хотели клеить кисточкой, ссорились.

Но мало-помалу налаживалась работа дружной бригады. Мама стригла газеты на длинные узкие полоски. С одной стороны покрывали разными красками или тушью, они быстро сохли, их резали на равные частички — это для цепей. На фонарики — тетрадную бумагу. Для «снега» жертвовали разноцветные промокашки.

Первое кольцо для цепи склеивалось сразу, второе в виде полоски, продевалось в первое, потом тоже склеивалось. И так далее. Подбирали цвет, чтоб не было подряд двух красных колечек или двух синих.

Клея к этому времени не оставалось, и вместо него пользовались вареной картошкой. Хорошо бы, конечно, сделать клейстер из муки, но если можно картошкой, то зачем тратить муку?

Мама доставала со дна швейной машинки «Зингер» шпульку ниток. Шпульку раскручивали, сматывая с нее столько нитки, чтобы ее хватило на несколько раз от стены до стены. Это для гирлянд с фонариками и флажками. Гирлянды возносились на свои места самыми первыми, еще до появления елки, чтоб потом ее не потревожить.

А цепи, копящиеся около стола шуршащей грудой, все удлинялись и удлинялись. И уже мне казалось, что хватит, нет, старшие продолжали трудиться, значит и я с ними. Младшие засыпали прямо за столом.

И на другой день, в последний день старого года, еще все делали цепи. Но уже без нас со старшим братом, мы шли на лыжах за елкой. Брат по-мужички затыкал топор за ремень телогрейки, мне доверял только санки.

В лесу, в его тихом белом сиянии, ожидающем восходящего солнца, елочек были целые заросли.

— Эту возьмем! — кричал я, хватая ту, которая ближе. Снег осыпался с ветвей, елка радостно зеленела. Любая елка казалась мне красавицей, мало того, я любую жалел и желал всем елочкам счастливого Нового года.

— Маленькой елочке холодно зимой, — говорил я, — из лесу елочку надо взять домой. — Давай побольше наберем, — предлагал я брату. — Все нарядим, им же обидно, вот одну возьмут, а они — так под снегом и жить?

Брат оглядывал меня с интересом и все искал и искал ту единственную из десятков самых разных. Уже и солнце всходило, уже я замерзал и хныкал, а брат все продолжал поиски. Наконец решался.

Но уж зато и елочка у нас была! Ровно под потолок, шатериком, веточка к веточке. А запах! Будто брат и запах выбирал — запах слышался уже в сенах. В чулане находили прошлогоднюю крестовину или делали новую, устанавливали елку и начинали наряжать. Младшие улепляли игрушками подол елочки, мне доставались ветки повыше, маме еще повыше, брат залезал на табуретку и украшал самый верх. Сестра подавала ему игрушки и командовала. Отец осуществлял общее руководство.

Начинали окружать елку цепями. Осторожно, чтоб не порвать, подавали брату, он закреплял первое колечко на лапку у звезды, потом переставлял табуретку, принимал от нас волны бумажной цепи, которая серпантинной спиралью опоясывала разноцветное зеленое чудо.

Доблесть была в том, чтобы цепь нигде не разорвалась. Если кто попал между елкой и цепью, работа останавливалась. Попавший вылезал на свободу.

— Ой, не хватит, — переживала сестра, — ой, давайте реже окружать.

Но реже не хотелось, потому что когда много таких цепей, то вся елка становилась кружевной. И всегда все сходилось в самый раз. Последнее колечко укрепляли на ветке у самого пола.

— Это как пельмени: стряпашь-стряпашь, — говорила мама, — и боишься, вот теста или фарша мало будет, вот лишнее, а всегда выходит точно.

Мы любовались елкой.

Отец начинал рассказывать, какие елки были в его детстве. Мы это, конечно, слышали. Еще бы ему не помнить — делали фактически для него одного, он был один сын, а кроме него десять сестер, наши тетки.

— Один раз тятя поехал на Тихорецкую ярмарку, — начинал отец. Мы уже знали о чем будет рассказ, о французской булке, но с радостью слушали, таких булок мы не едали. — Поехал и привез всем калачей, сушек, а мне еще отдельно французскую булку. Бабушка говорит: «Съешь, Колюшка, половинку сейчас, а вторую половинку завтра». И разрежала булку. А мне это так обидно показалось, говорю: «Зашивай, и все!» И она, что вы думаете, она...

— Зашила! — кричали мы.

— Баринот рос, — говорила мама, — нечего говорить, баринот.

— Да, — довольно хмыкал отец, — мне ногами до пяти лет не давали ходить, все на руках таскали.

— Так уже до пяти? — сомневалась мама.

— Ну до трех, — сбавлял отец и вспоминал дальше. — А у нас в деревне были микаденки, прозвали по отцу, у них отец пришел с японской войны и все время говорил: «микадо», «микадо», это японское слово.

— Это — император, — говорила сестра.

— Семья большая. Звали детей микаденки. У них был японский фонарь, ох, они им хвалились. Их тоже выслали. Их — раньше, успели собраться может, фонарь сохранили. А нас высылали — ни минуты на сборы, все бросили. Игрушки пропали. А в Сибири игрушки делали из шишек. Навешаем кедровых, потом орешки щелкаем.

— Ой, а корова, — вскрикивала мама. — Отец, пойло приготовил?

— Так точно! На моей фабрике ни одной забастовки.

Вот как нас елка увлекла, даже про корову забыли, а у нее скоро будет теленок, к ней надо чаще ходить. Но как же не хотелось уходить от елки! Раньше мы наперебой, «напередир», как выражалась мама, старались завоевать право нести фонарь, с мамой или отцом идти давать корм корове, поросенку, курам, а сегодня маме пришлось назначать себе спутника.

— Нет добровольцев? — спросила она и поглядела на елочку. — Ну, конечно, где ж корове против елки.

Да, но оставалось в деле украшения еще кое-что — «снег». И оставшуюся цветную бумагу, и промокашки резали мелко-премелко, потом в большом блюде этот «снег» — название «конфетти» мы узнали позже — этот «снег» перемешивался, брат опять залезал на табуретку, я на вытянутых над собой руках держал блюдо, брат пригоршнями черпал из него и обдавал нашу елочку как будто дождем. А последние заскребышки взлетали над нами и падали нам на головы, на плечи.

— Ой, — пищала младшая сестренка, — ой, на реснице сидит, ой, тихо! Ой, упала, — и она начинала реветь.

Младший брат пытался водворить «снежинку» на ресницы сестренки, но тут возвращалась мама.

Мы ужинали и начинали ждать Новый год.

Не только «конфетти» — все будет позже: будут папиным-маминым внукам, нашим детям, дорогие заграничные елочные украшения, мигающие электрические гирлянды, шагающий игрушечный дед-мороз, луноход на батарейках, трещащие, похожие на взавправдашние автоматы и настоящий

Дед Мороз, приносящий в оплаченное время оплаченный подарок, — все будет.

И уж, конечно, съедобные подарки будут другими: фрукты, шоколад, конфеты всех мастей. «Нам бы в детство такие конфеты, — недавно сказала сестра, — мы бы из этой серебряной фольги резали “снег”».

Да уж, вспомнили мы свои тогдашние подарки в пакетах из газет: печенье, конфеты-подушечки, булочка. Пакеты вышли из моды — началась новогодняя упаковка из полихлорвинила, в виде матрешки, сундучка, царь-пушки, золотого ключика, а то и вовсе в виде башни...

Но все-то мне кажется, что у нас было больше радости от Нового года. Больше. Мы сами создавали его. Сидя у керосиновой лампы, тычась от усталости носом в стол и все равно ни за что не уходя, пока не будет полночь, пока не наступит этот щемящий, так томительно ожидаемый и тут же исчезающий миг... Разве можно уйти спать, провалиться в сон? Да ни за что!

Мы сидели, глядели на елку, кое-что еще подправляли в ней, каждый раз обсуждая, как будет смотреться перецепленная игрушка на новом месте.

— Ты от порога посмотри, так близко смотришь, — говорила сестра. Старший брат брал в руки лампу и мы торжественно обходили елку вокруг.

— Хороводы завтра, — строго говорила сестра. — Сейчас в «морской бой» или в «города».

— В «пуговики», — хныкал младший брат. Он уже совсем-совсем засыпал. Младшая давно спала.

Первое свое стихотворение я написал именно в новогоднем ожидании: «Растет история, и вот мы вместе с ней растем. И пусть войдем мы в Новый год, как в новый дом войдем».

А наутро так ликовало солнце, будто тоже понимало, что надо жить в новом году по-новому, оставив в старом все плохое. И хотя мы по-старому ломали лыжи, бросаясь на них с Красной или Малаховой горы, по-старому обмораживались, но все равно, счастье продолжалось: дома нас ожидала елка, и ее запах соревновался с запахом свежей стряпни.

О, эти мамины плюшки, ватрушки, это зимнее мороженное молоко, эти пестрые пузырчатые блины...

Самое загадочное, что на следующий год бронзовая картонная курочка находилась, и мы спорили, где ей лучше жить на елке. Ей на смену терялся домик, потом он тоже находился...

И всегда-всегда делали бесконечные бумажные цепи, оковывали ими елочку.

И вот я, понимающий, что в моей жизни все прошло, кроме заботы о жизни души, думаю, что именно этими бумажными цепями я не елочку украшал — я себя приковывал к родне, к детству. И приковал. Приковал так крепко, что уже не откуюсь. Многие другие цепи рвал, эти не порвать. И не пытаюсь, и счастлив, что они крепче железных.

Правда, крепче.

Детство сильнее всей остальной жизни.

Русские СУДЬБЫ

Галина КУЧИНА

ПРАЗДНИКИ

*Рассказ о жизни
русской австралийки
из Китая*

Галина Игнатьевна Кучина, урожденная Волегова — родилась в 1929 году в Маньчжурии, Китай. Отец — Игнатий Волегов — офицер Белой армии, пройдя всю Сибирь, включая Ледяной поход, оказался в Китае, где женился на дочери купца Антонова. Гимназию закончила в Хайларе, продолжала образование в Харбине. Активно занимается общественной деятельностью, возглавляет литературно-театральное общество им. В. Солоухина, проводит Дни Русской Культуры, организует камерные концерты. Автор книги «Минувшее разворачивает свиток» (СПб., 2007). **В 1957 году вместе с семьей мужа и своими родителями переехала в Австралию в Мельбурн, где и проживает до настоящего времени.**

Семья наша была очень традиционной и патриархальной. Соблюдались все праздники, традиции, связанные с этими праздниками, и детское сердечко билось в унисон с событиями, которые праздновала и отмечала церковь. Великий пост, Страстная неделя, говение всей школой или классом, благоговейное настроение в полном соответствии с событиями, напоминающими нам о страдании Христа. А Пасха! Я как сейчас помню заутреню, когда я слышала «Христос воскрес!» Я чувствовала всем своим существом, что Христос воскрес именно сейчас, именно в этот момент, и приятная нервная дрожь пробегала по всему телу, чувство глубокой радости наполняло мою детскую душу, слезы умиления стояли в глазах, и я ощущала и сердцем, и сознанием присутствие Христа. Как жаль, что таких духовно-возвышенных экстазов не испытываю сейчас.

То же самое я испытывала и в Рождественскую ночь, опять-таки всем своим детским существом чувствовала, что Христос родился. Но Пасха для меня всегда была более значительным, более глубоким и важным событием. Я не помню, чтобы мои родители проводили со мной духовные беседы, навязывали религиозные взгляды, но образ жизни семьи, поведение моих родителей, регулярное посещение церкви, исполнение обрядов и традиций утвердили меня в вере. Очень большое влияние на мое духовное развитие имел о. Ростислав Ган. Он был нашим законоучителем, приходским священником и другом семьи. И опять-таки не его проповеди, которые полностью не могли восприниматься детским умом, а сама личность священника повлияла на мое мировоззрение и духовное развитие.

В сочельник ночью украшали елку, когда я спала глубоким сном.

Верила до предельного возраста, что принес елку Дед Мороз, и даже когда уже точно знала, что Деда Мороза нет, а есть любящие мама и папа, сохраняющие в тебе эту иллюзию, стремящиеся продлить для тебя мир сказок, все равно хотелось верить в Деда Мороза.

Рано утром начинали приходить славильщики, обычно мальчики. Накануне мама приготавливала мелкие деньги, конфеты, орехи и прочие сласти, и группами, одна за другой, рано-рано утром, на самом рассвете приходили ребятишки славить Христа. Продолжалось это до обеда. С утра накрывался парадный стол — закуски, вина, чайный стол, и где-то в середине дня начинали приходить визитеры. Эта традиция приема визитеров была во всех семьях — богатых и бедных. Каждый готовился к празднику по своим возможностям, но каждый радовался ему в равной степени. Мужчины делали визиты дамам, которые с большой радостью принимали поздравления и вечером подсчитывали, сколько перебывало визитеров в течение дня, и каждой хотелось, чтобы у нее было больше. В первый день Рождества или Пасхи всегда приходил священник и в каждом доме служил молебен, и особенно торжественно звучал церковный хор, который ходил по домам и пел праздничный тропарь. Эти прекрасные моменты никогда не забудутся и будут согревать наши сердца воспоминаниями о том, что бережно сохранили наши родители и передали нам. Вечером с появлением первой звезды начинали приходить славильщики постарше, со звездой, сделанной из легкой деревянной конструкции, обклеенной разноцветной бумагой. Внутри этой звезды горела свеча перед картиной, изображающей Христа в яслях, и дети тоже пели тропарь и рождественские колядки и тоже получали деньги и сласти.

Второй день был днем дамских визитов, но эти визиты обычно заканчивались в одном доме, потому что несколько дам, собравшись вместе, уже не расходились и вели нескончаемые разговоры за чаепитием, а к вечеру приходили мужья и накрывался стол к ужину.

Праздновали Рождество до самого Крещения, а Пасху — до Вознесения или до Троицы. Со второго или третьего дня Рождества начинались детские елки. В каждом доме, бедном и богатом, была елка, кого-то наряжали Дедом Морозом. Собирались дети, играли в разные игры, а потом приходил Дед Мороз с огромным мешком, наполненным индивидуальными мешочками, и в каждом мешочке всегда были мандарин, яблоко, орехи, конфеты, пряники. Каждый из нас должен рассказать стишок, прежде чем получить мешочек, и ясно помню, с каким трепетом я выступала перед Дедом Морозом. Дети все были празднично одеты и всегда в колпаках, сделанных руками любящих наших мам. Эти елки были ежедневным событием до самого Крещения, потому что каждая мама устраивала своему ребенку этот праздник. Яблоки и мандарины запасали заранее и хранили в подполье до самого праздника. В мешочке часто дети находили какую-нибудь игрушку. Всегда были хлопушки, бенгальские огни. Как только начинало смеркаться, мамы приходили и разбирали своих детей. Весь этот период святков проходил в развлечениях, гуляньях, гаданьях. В Крещение эти празднования заканчивались и наступала нормальная трудовая жизнь, а для нас — школа.

О Крещении можно рассказать много. У нас в Хайларе были два храма, и после литургии Крестный ход из этих храмов направлялся на скованную льдом речку, где был высечен из льда крест и престол, около которого совершался торжественный Крещенский молебен с водосвятием. Во время

пения тропаря выпускали голубей. Обычно это делали мальчики. Служба всегда была торжественной. Из церкви и с Иордани, как мы называли молебен на реке, домой на горячий обед и неизменные пельмени.

Г. В. Мелихов в своей книге «Белый Харбин» пишет: «До 1921 года Иорданей на Сунгари не бывало. На Крещение они сооружались по всем харбинским церквям, и там же производилось и водосвятие. Торжественных Крестных ходов, церковного служения на льду реки, купаний в крещенской проруби, с которыми так свыклось молодое поколение харбинцев, — как будто они существовали здесь всегда, — ничего этого не было. 19 января 1921 года — первая “Иордань” на Сунгари...»

Много лет спустя, когда я уже жила в Харбине, Крещенский молебен с освящением воды служили на реке Сунгари. Там было очень торжественно. Крестные ходы из Иверской церкви, из Свято-Петропавловской церкви Сунгарийского городка шли к Софийскому храму. Здесь они соединяются, и уже объединенный Крестный ход направляется к центральному месту всех крестных ходов — в Благовещенский храм. Сюда также подходит Крестный ход из Свято-Пророкоильинской церкви. Навстречу движется Крестный ход из затонской Свято-Николаевской церкви. Соединенные Крестные ходы под торжественный звон колоколов с хоругвями и иконами плавно движутся к Сунгари. Пение объединенного хора, блеск золота икон, хоругвей и облачений церковнослужителей вызывают духовный подъем и восторг. Искристый под солнечными лучами снег, блеск восьмиконечного ледяного креста из прозрачного чистого льда завершают великолепный пейзаж. Увидев однажды эту величественную картину с великим множеством народа, движущимся по Китайской улице к берегу Сунгари, — забыть нельзя. Память об этом дне неизгладима. Этим огромным торжественным шествием подходили к высеченному из льда Престолу. В Харбине работы из льда делались великолепно. Огромный ледяной крест, царские врата в виде арки, на ней два ледяных голубя, аналой, купель, от которой идет вырубленный во льду крест, а дальше идет бассейн-купель для верующих купальщиков.

Наступает торжественный момент. Под пение тропаря «Во Иордани крещающагося Господа» священнослужитель погружает крест в купель, освящает воду, тонкий слой льда пробивается ломом и высеченный крест наполняется водой. В этот момент выпущенные из рук голуби кружатся над Иорданью. Водой наполняется бассейн для купальщиков, а их было много, в том числе и я. Вокруг бассейна была разложена солома, чтобы мокрые ноги не примерзали ко льду. Осенив себя крестным знаменем, погружаешься в воду трижды, всегда кто-то протягивает руку помощи, чтоб выйти из бассейна, не поскользнувшись. Для этого случая, конечно, одеваешься разумно — валенки, чтобы быстро засунуть ноги, махровый халат, под которым на мне еще мокрый купальный костюм, на глазах у людей нужно его каким-то образом снять, а потом самое легкое, шаль и шуба — и на рикше домой!

Необходимо отметить, что в отдаленных от Сунгари церквях города водосвятие тоже происходило в специально сооруженных для этой цели «Иорданах».

Много лет спустя, а точно сказать — в 1997 году, Господь сподобил меня опуститься в воды Иордана на Святой земле.

Такое шествие и несметное количество людей на Китайской улице мешало нормальному потоку движения. Городской транспорт нарушал свое рас-

писание, в разных местах города образовывались пробки, и вот в целях соблюдения порядка чины китайской полиции цепью охраняли этот Крестный ход на всем его протяжении. Мы уехали из Харбина в 1957 году, и Крестные ходы продолжались до нашего отъезда из Харбина. Многие китайцы тоже шли на Сунгари с ведрами, и я помню, как я спросила одного китайца, зачем он черпает эту воду. Он мне отвечает на ломаном русском языке: «Мадама, тебе ничего не понимай, тебе пей эта водичка, тебе более не будешь». Вот так китайцы, глядя на нас, верили в чудодейственность крещенской воды.

Как я уже сказала, Пасха для меня имела даже большее значение, чем Рождество, несмотря на то, что Рождество всегда считалось детским праздником. Готовились к Пасхе в течение всего Великого поста. После того как отвели масленицу с блинами в каждом доме (ах, какие блины! И пресные, и кислые, со сметаной, балыками, икрой, селедкой, вареньем и пр., и пр.), наступало Прощеное воскресенье. Утром литургия, вечером — всенощное бдение, строгая проповедь о. Ростислава о посте, покаянии, прощении, примирении. Священник просит прощения у всех прихожан, и прихожане просят прощения друг у друга. Шло общее примирение в храме, а дома в семье тоже прощали друг друга.

С понедельника, от начала Великого поста, атмосфера менялась. Отменялись увеселения, танцы, спектакли. Особенно великопостно выглядел храм. Все пелены, облачения священнослужителей были черными с белыми крестами. В одну из недель Великого поста учеников строем вели в церковь на исповедь и причастие на следующий день.

Праздник Благовещения считался великим праздником и был очень запоминающимся нам, девочкам. В этот праздник «птица гнезда не вьет, девица косы не плетет». Поэтому мы заплетали косы накануне праздника — выполняли этот наказ буквально.

Любили Вербное воскресенье. Вечером с пучками вербы, украшенными цветами и свечами, благоговейно стояли в церкви, которая, несмотря на черное облачение, превращалась в праздничный, торжественный, залитый светом паникадил и свечей храм.

Страстная неделя была самой трудной неделей Великого поста. Бесконечные утренние и вечерние службы мы, конечно, посещать не могли, потому что жизнь продолжала идти по установленному руслу: занятия в школе, служба и пр., но такие службы, как в Великий четверг, чтение двенадцати Евангелий, вынос и погребение Плащаницы, не пропускались. После чтения двенадцати Евангелий все шли домой с зажженной свечой, которой делали крестное знамение на каждом косяке дверей во всем доме. Много лет спустя, уже в 1992 году, я была в Москве в этот день в храме и по своей старой традиции повезла зажженную свечу домой. Мои друзья этому удивились, ибо такой обычай в советское время не практиковался.

Вынос и погребение Плащаницы — это очень эмоциональные службы. Церковное пение, чтение страстей, слабое освещение храма создают полную картину трагедии совершившегося. Страдания Христа откликались, я не побоюсь сказать, в каждом сердце молившихся. Возвращались домой с поникшей головой, сосредоточенные, печальные, с полным сознанием происшедшего злодеяния.

Но наступает Пасха! Храм ярко освещен, горят все паникадила, свечи. Белое облачение храма и священнослужителей. «Христос воскрес! Воис-

тину воскрес!» — разливается по всему храму. Полное ликование. Все счастливые, улыбающиеся, радостные. Я помню последнюю Пасхальную заутреню в Свято-Николаевском соборе в Харбине. Служил митрополит Нестор — экзарх Московской Патриархии, Владыка Никандр и целый ряд священников. Помню, как Владыка Нестор при каждом возгласе «Христос воскрес!» поднимал свечу, а в руке его переливались всеми цветами радуги хрустальные четки. Вот такая деталь мне запомнилась на всю жизнь.

После заутрени шли домой разговляться, а утром хозяйки готовились к приему визитеров.

Уместно будет сказать о том, как отмечалась Радоница в Харбине. На десятый день после Пасхи, во вторник, во всех православных храмах служатся панихиды — поминовение усопших. После панихид все направляются на кладбище, чтобы на могилках своих близких отслужить панихиду. Обычно по старой русской традиции приносят с собой кутью, еду, какую-то выпивку и на могилах поминают усопших. В этот день обычно направлялись специальные автобусы, которые подвозили публику к Успенскому кладбищу. Священники приезжали из всех храмов города, и по завершении всех панихид в храме Успения Пресвятой Богородицы или около храма служилась общая панихида обо всех покойных и безродных. Надо сказать, что в этот день местные власти обеспечивали порядок движения автобусов, трамваев и пешеходов.

Судьба Успенского храма и кладбища оказалась плачевной. Во время «культурной революции» храм был снесен, плитами от памятников китайцы вымостили улицы, кладбище было выровнено и стерто с лица земли, на его месте разбили парк. Очевидцы рассказывали, что, проходя по улицам Харбина, видели каменные плиты, которыми были вымощены улицы или тротуары, с именами их близких и знакомых. Вот такие grimасы судьбы дарила жизнь в дни «великих переворотов», «великих идей», унесших и погубивших миллионы невинных людей в тюрьмах, лагерях, ссылках.

Хочется рассказать о том, как проходила подготовка к праздникам. Ведь все это начиналось за несколько недель до Рождества или Пасхи. Например, пельмени к Рождеству стряпали за три-четыре недели. В нашем небольшом городке Хайларе все знали, у кого сегодня делают пельмени, знакомые приходили помогать и, естественно, получали ответную помощь. Эта лепка пельменей носила характер посиделок. Приятное и полезное времяпрепровождение. Мы, дети, страшно любили такого рода посиделки, только нам, к сожалению, не доверяли лепить пельмени, нам только разрешали раскатывать сочни, да и этому мы были рады, лишь бы принимать участие в общей работе. Приятно было сознавать себя полезными в обществе взрослых, а еще приятнее слушать все разговоры, которые обычно велись строго среди взрослых, не в присутствии нас. Пельмени морозили и ссыпали в мешки в таком количестве, чтобы хватило на все святки, то есть до самого Крещения. Ведь в Китае была лютая зима, как и в России, поэтому пельмени замерзали очень быстро, и в течение всей зимы без холодильников и морозильников можно было держать и сохранять все продукты замороженными в чуланах или кладовках. У нас в кладовке обычно стоял бак, в котором находились замороженные пельмени, ссыпанные в большой льняной мешок. Помню, как большим совком или глубокой тарелкой вместо совка черпали эти пельмени, варили и наслаждались прелестью этого блюда.

И вот уже 40—50 лет спустя, живя в Австралии, мы не только не отказались от пельменей, а наоборот, привили нашим друзьям австралийцам любовь к этому для нас простому блюду. Для них оно деликатес, экзотика.

Затем закупались окорока, дичь, готовились различные сольтисоны, малороссийская колбаса, холодец, паштеты, а ближе к празднику началась выпечка тортов, различного печенья и пр., и пр. Дома прибирались и украшались. Снимали шторы, салфетки, скатерти, все стирали, сушили с огромными трудностями из-за мороза. Развешивалось все это на веревке во дворе. Все выстиранное белье замерзает, и в виде огромных замороженных щитов его заносят в дом на ночь, так как оставлять во дворе нельзя. Украдут моментально. После всех этих трудов квартиры выглядели очень уютно, празднично, особенно перед Рождеством, потому что дом наполнялся свежим запахом елки.

А Пасха! Сколько радости приносил нам этот светлый праздник! А сколько забот он приносил нашим мамам. Ведь выпечка куличей — это священнодействие. Все продукты заготавливались заранее. Мама озабочена за несколько дней до выпечки. Идет обсуждение с сестрой Александрой Федоровной Лупповой (с которой они были очень дружны и неразлучны), в какой печи выпекать куличи — или у себя дома, или в китайской пекарне, которую китайцы предоставляли за умеренную плату. Я очень любила всю подготовку к выпечке куличей и различных тортов, потому что заготавливались орехи, изюм. Миндаль заливался горячей водой, чтобы очистить его от шелухи, изюм тщательно промывался от пыли и песка, потому что в те времена продавалось все на развес из больших мешков. Все это надо было промыть и просушить. Уже накануне на столах расстелены большие полотенца, на которых разложен изюм и миндаль для просушки. Какой прекрасный случай полакомиться! Таскать изюминку за изюминкой, прихватив миндаль, — как вкусно! Мама делает вид, что ничего не замечает.

Почему-то опара ставилась всегда ночью, и с этого момента до выпечки последнего кулича женщины не находили покоя. Сосредоточенные лица, страх в глазах — вдруг тесто не поднимется — ведь сколько в него ухлопано продуктов! А сколько волнений и переживаний. Двери открывались и закрывались тихо, хлопать дверьми нельзя: тесто может сесть. Но вот волшебный момент наступил, вынимается последний кулич, и мама сияет, тетя Шура радуется, а остальное — пустяки. Сырная пасха, торты, печенье, окорока и сольтисоны — это для хороших хозяек не страшно.

Глазировка куличей, окраска яиц, украшение тортов является тоже очень важным этапом в подготовке пасхального стола. Тут уже выявляется артистичность каждой хозяйки. Мне всегда хотелось научиться этому тонкому искусству, и только в Австралии в период моего продолжительного шестимесячного отпуска, заслуженного и оплаченного — за 25-летнюю работу в госпитале, мне удалось пройти курс украшения тортов, куличей, изготовления мармелада, зефира и пр. Всему этому я научилась у Веры Степановны Апанаскевич. Но здесь мы столкнулись с другой проблемой. Все это настолько калорийно! Розы, грибочки с шоколадными головками, цветы и пр., сделанные из масляного крема, в условиях Австралии очень бесполезны для здоровья и фигуры. Но, тем не менее, я очень довольна, что умею это делать: с любовью испекла и украсила трехъярусный торт на свадьбу моей дочери Марины и ее жениха Васи, украшала торты на креще-

ние внуков, и сейчас в одном из альбомов лежит фотография пасхального стола, на которую я смотрю с удовольствием и, признаюсь, с гордостью.

Итак, Пасха, визитеры, церковный хор ходил по домам и приносил весть о воскресении Христа. «Христос воскрес! Воистину воскрес!» Возгласы сопровождались троекратными поцелуями. Священник с крестом обходил дома и приветствовал и взрослых, и детей. Детям всегда ставили качели, мы играли «в битки», то есть бились яйцами. Играли и в домах, и во дворах, потому что погода обычно была приятная. В Маньчжурии это было началом весны, чудная пора.

ВЫШАА КНИГА

Николай Коняев. Алексей Кулаковский. ЖЗЛ. 2011.

«Быть там, где тяготит более...» поэт, мыслитель, пророк народа саха

Пытаюсь представить себе на миг, сколько людей порадуются, взяв эту долгожданную книгу в свои руки, сколько будет тех, кто взволнованно выслушает весть о ее выходе в свет, и сколько будет читателей, которые, внимательно изучив ее до конца, поспешат поделиться с друзьями своими переживаниями, мыслями и открытиями, а потом предложат им эту новинку с рекомендациями для обязательного прочтения.

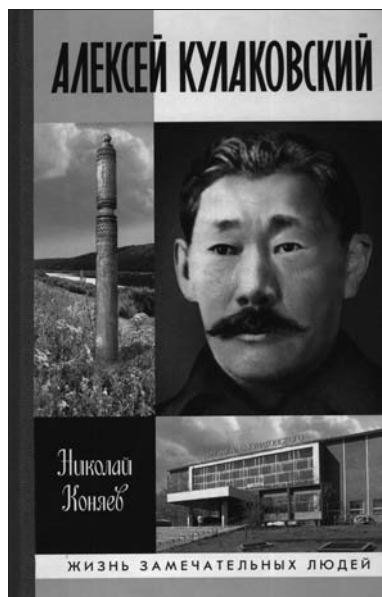
Для кого-то этот прекрасно изданный глубоко содержательный том из любимой всеми книжной серии «Жизнь замечательных людей» станет настольной книгой, а жизненный подвиг, неповторимая личность ее героя — поэта, мыслителя, пророка якута-саха Алексея Елисеевича Кулаковского — явится путеводной звездой, образцом для подражания, верным помощником каждому в поиске смысла жизни.

Убежден в том, что эта книга обречена на успех. Велика в этом заслуга известного российского писателя Н. М. Коняева, художественно освоившего бесконечно сложный исторический материал, связанный с жизнью и деятельностью также бесконечно сложной многогранной личности «природного якута», как называл себя главный герой А. Е. Кулаковский.

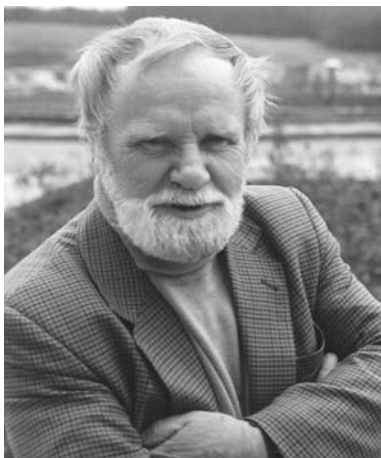
Из книги мы узнаем подробности его яркой биографии, проследим жизненный путь от рождения в типичной якутской сельской глубинке вплоть до его неожиданной кончины от неизлечимого недуга во время командировки, проездом через Москву. Его прах и ныне покоится на Даниловском кладбище в столице России.

Главной притягательной силой новой книги является завораживающий своей красотой и силой центральный образ человека, воплотившего в себе не только наиболее типические черты внешности, характера, поведения, традиционной культуры, но и сам великий дух своего народа саха. Алексей Елисеевич Кулаковский смотрел на мир честными и мудрыми глазами своего народа, сквозь призму его национальных ценностей и исторических интересов, а свою судьбу целиком связал с судьбой народа — словно никогда и не думал иными категориями. «Я должен быть там, где тяготит более» — писал он в объяснительной записке по поводу его постоянных разъездов по отдаленным и бедствующим уголкам родного края.

М. Е. Николаев, первый Президент Республики Саха (Якутия)

Рождественский РАССКАЗ

Василий БЕЛОВ

ПТИЧКИ- РУКАВИЧКИ

Рассказ

Василий Иванович Белов — родился в 1932 году в деревне Тимонихе Вологодской области. Учился в школе ФЗО, работал столяром, электромонтером, окончил Литинститут. Признанием его заслуг стало присуждение Гос. премии СССР, Гос. премии РФ в области литературы и искусства, награждение орденами — Трудового Красного Знамени, Ленина, «За заслуги перед Отечеством» и Преподобного Сергия Радонежского. Близ своей деревни Тимонихи он восстановил разрушенную церковь Успения. Собственноручно настилал полы, сделал по всем канонам престол, иконостас. В течение трех лет вкладывал свои сбережения в восстановительные работы. И сейчас в церкви открыт приход. **Живет в Вологде**, но часто и подолгу бывает в родной Тимонихе.

После этого дедушка каждый день рассказывал Антону с Катюшей сказки и говорил, что мама приедет завтра.

Пришла уже и зима. Мамы все не было. Однажды Катюша поглядела в окошко. Там было все бело от снега. Она глядела в окошко и думала про маму, а мама не ехала, потому что не могла найти зайчика. Дедушка говорил, что зайчик теперь вырос. У него стали длинные ноги, и он убежал далеко-далеко, а мама никак не может его найти. Антон скрипел по стеклу пальцем, бабушка мыла чайные чашки. На улице было много снега. Вчера мама прислала Антону и Катюше посылку с печеньем. Еще в посылке были красные рукавички и книжка. Катюша надела шубку и рукавички, и дедушка пошел с нею. Взяли и Антона. Дедушка большой деревянной лопатой раскидывал у крыльца снег. Антон убежал глядеть, как ребята лепят снежную бабу. Катюша катала за веревочку санки. Катала, катала и потеряла красную рукавичку. Поискала, а рукавички нигде нет. Катюша подошла к дедушке. Глядит на свои замерзшие пальчики и не знает, что делать.

— Дедушка!

— Что, красавица? — дедушка воткнул в снег лопату.

Катюша показала ему замерзшие пальчики.

— Ай-яй-яй! — сказал он. — Плохо дело!

Одному пальчику было очень холодно. Дедушка взял Катюшину ручку и согрел ее в своих больших ладонях.

— Вон твоя рукавичка, — сказал он, — видишь, на ветке висит.

Поглядела Катюша — и правда, на ветке черемухи висит ее красная рукавичка. Только не достать ее, надо батожком.

Дедушка нашел батожок, подал Катюше.

— Только не запнись да не упади, — сказал он. Катюша добежала до черемухи, глядит, опять нет рукавички. Оглянулась, а дедушка сидит на крыльце.

— Улетела, — сказал он. — Улетела рукавичка. Боится она, что ты ее опять в снегу потеряешь.

Дедушка взял Катюшу на руки и отнес домой. Катюша дома согрелась и сразу к окошку. Смотрит, а на ветке висят сразу три красные рукавички.

— Дедушка, дедушка! — закричала Катюша. — Гляди, дедушка! Наш Антон тоже потерял рукавички!

А дедушки-то и не было. Пока Катюша слезала со стула и бегала к бабушке, все рукавички улетели.

— Бабушка, почему рукавички улетели?

— Это, Катенька, снегири, птички такие.

— Птички-рукавички?

Тут пришел дедушка.

— Дедушка, принес рукавичку? — спросила Катюша. Дедушка вынул рукавичку из кармана и положил на печку, чтобы высохла.

— Долго я ее уговаривал, чтобы не улетала, — сказал он. — Я ей говорю: «Не улетай. Катюша тебя не будет больше терять». Вот и не улетела...

Катюша захлопала в ладоши, а дедушка рассказал ей о птичках-рукавичках.

— Это все снегири. Они раньше были рукавичками, а маленькие дети потеряли их в снегу. Вот они и стали птичками. Летать научились, потому что кому охота в снегу мерзнуть?

Катюша погладила рукавичку:

— Не улетай, рукавичка, я больше не буду тебя в снегу терять!

РОЖДЕСТВО

«РОССИИ В НАШЕМ СЕРДЦЕ НЕ УБУДЕТ...»

*Стихотворения
поэтов мира
русской орбиты*

Звезда у Младенца над головой
Вдруг встала, не шевелясь.
И путник замер, едва живой,
Котомку роняя в грязь.

Блеяли овцы, мычали волы,
Брезжил в окне рассвет.
И к хлеву, спеша, подошли волхвы,
Блуждавшие много лет.

Лица были у них стары,
Одежда груба на вид,
Они, склоняясь, принесли дары
Младенцу, который спит.

Он под звездой в рассветном дыму
Весь золотом осян.
И дышит корова в лицо Ему,
И смотрит в упор баран.

Он не правитель, не будущий царь,
Он в яслях, так мал, лежит.
Но Он полюбит последнюю тварь
И даже убийц простит.

И в хлеб Его превратится плоть,
А кровь Его станет вином.
Так в каждую душу войдет Господь,
Как в разоренный дом.

А тот Младенец не говорит,
Его не осмыслен жест.
Он знает все, и спокойно спит,
И видит на небе крест.

МАРИЯ

Мария не слышала голосов,
Летающих со всех сторон:
«Младенец, что явлен под хлева кров,
Кто Он и откуда Он?»

Волхвов Мария не видела спин,
Звезду, что в окне горит.
Лежащий в яслях рожденный Сын
Ей словно не принадлежит.

Мария не говорила слов,
Сияла, словно луна,
Свет проливая на пастухов,
Свершенным потрясена.

Во что Ее превратилась плоть,
С каких спустился вершин

Младенец, Звезда, Спаситель, Господь,
И одновременно — Сын?

Мария не отводила глаз
От солнца Его лица.
И до Голгофы с Ним собралась
Отправиться, до конца.

Николай РОМАНЕНКО

(Латвия)

* * *

Я бы не поверил никогда,
Если б не увидел сам воочью
Как прижалась к берегу вода,
Словно ты ко мне минувшей ночью.

Не было ни ветра, ни звезды, —
Все в природе, кажется, застыло, —
В сумеречном таинстве воды
Что-то очень чувственное было!

Сонных губ касаясь чуть дыша,
К берегу пологому залива
Прижималась влажная душа
И лежала рядом молчаливо.

Вот уже вокруг совсем темно.
Укрывая спящих с головою,
Небо опустилось вдруг на дно
И запахло йодом и травой.

Наталья ЛИТВИНОВА

(Дания)

ПЕТРОПОЛЬ

Еще Петрополь помнит стоны
Фургонов с надписями «Хлеб»,
Еще горбатые вороны
Садятся на плечи Харону,
Чей облик — в кителе — нелеп,

Еще мертвящей тишиною
Наполнены сердца квартир —
А уж Орфеевой струною
Звонит твой голос надо тьмою
Из-под заржавленных мортир.

Мужей ахейских песнопенья,
И од державинских хорал,
И итальянской речи жженье,
И северных баллад биенье —
Все ритмы ты, дыша, вобрал.

И не унять, и не утишить:
Твой слабый голос все звончей
В стихах неубиенных слышен,
Как отклик неба — выше, выше
Набатом в уши палачей.

Алла АХУНДОВА
(Азербайджан)

ПОЛУКРОВКА

Да, полукровка! Да, отсевок,
Больной дичок среди дерев.
Пою заплачки русских девок
И песни азиатских дев.

Меж двух отчизн — мое сиротство,
Безродность — между родин двух.
Их двуединство, двунесходство,
Как двоедушия недуг.

И в две земли пуская корни,
Судьбы своей не назову,

И две струны нащупав в горле,
Я ни одной не оборву.

Мне две даны. И я не смею
Одну из горла вырывать.
И пусть одна звучит сильнее,
Но той без этой не звучать.

Ни двуязыкой, ни двукровкой
Я называться не боюсь...
Ужель боюсь, что черной коркой
Я к хлебу белому леплюсь?

Зоран КОСТИЧ
(Сербия)

УСТУПКА ОЧАГА

Порывом генов — тем, который должен знать
все о своей стране, — тех, кто на грани были
(у коих время тщится истекать),
из милости в своем мы доме приютили,

а Исчезающие тихо по углам
в утробы женские вливали семя,
и женщины рожали тут и там,
и дети их, как наставало время,

теснились к свету в комнатах чужих
и были друг на друга так похожи...
Мы думали, что наших больше среди них,
но оказалось, что чужих — куда как больше, —

мы поняли, когда их сильные тела
нас оттеснять в углы все чаще стали, —
и вот, усевшись молча вокруг стола,
мы их из тьмы печально подсчитали...

Владимир ПРЕДАТЬКО

(Украина)

* * *

Куда-то в ночь, где пьяно зреет донник
И силы набирает девясил,
Стремятся в степь стреноженные кони
На воле накопить былинных сил...

Я, может, в жизни что-то не успею,
Узнать прощальных сроков — не дано,
Поверьте, я ничуть не сожалею,
Что пил запоем бытия вино.

* * *

Белым по белому пишет поземка.
Только прошел — не увидишь следа,
Да горизонта размытая кромка
Словно уводит наш взгляд в Никуда.

Белым по белому пишет поземка,
Белым по белому — слепнут глаза...
Вслед уходящему смотрит иконка,
Да со свечи оплывает слеза.

Анатолий АВРУТИН

(Беларусь)

ВОЗРАСТ

Нынче песни поют, где ни слов, ни куплета...
Может, вправду — теперь наша песенка спета?

Стало зябче высокое солнце в июле,
Стало в доме темней, хоть свечи не задули.

Стали мелкими буквы, а дали — тусклее,
С каждым днем удлиняются в парке аллеи.

Стали выше ступеньки и тише — трамвай,
Чуть слышать воробьев, что сбиваются в стаи.

Стала вдруг каменистее к дому дорога,
Стало некому: «Мамочка!» — крикнуть с порога...

* * *

Вот и свободны...
От меча и духа.
Совсем — от духа, малость — от меча.
Голодным взглядом сверлит даль старуха,
И в сундуке нашарена свеча.

И можно вдоволь, всласть плевать в колодцы
И утверждать, что это — благодать.
И нам, «как слово наше отзовется»,
Увы, вполне дано предугадать...

Молчи, Баян! Не пишутся сказанья
На рубеже духовной наготы.
И холодно мерцает мирозданье,
И увядают поздние цветы.

Вадим КРЕИД (США)

* * *

Вешний день, вишневое цветенье
и круженье пчел —
самое простое поученье
заново прочел.
Май весны и сад благоухает,
вот уже сирень
лепестки под солнцем распускает,
и лиловой тень.

Самая невинная затея —
лечь в тени в траву,
на шмеля мохнатого глаза,
сочинить строфу —
про сирень, шмеля, цветенье вишни,
вот про этот час,
зная, что глядит на нас Всевышний
и что любит нас.

* * *

Когда вечерний горизонт
как храм сооружен,
когда невольный этот сон
уже преображен,
таись, молчи, не говори,
сожги свои мосты

в пунцовом пламени зари,
как стружки бересты,
и пусть земля небес милей,
ты не гляди назад
на этот бред земных полей,
на этот грустный сад.

Людмила ЛАРКИНА

(Австралия)

ЗА ЦАРЯ НИКОЛАЯ УБИТОГО НАСТРАДАЛАСЬ ВЕЛИКАЯ РУСЬ

Кровоточит икона Всевышнего.
Над Тайнинским таинственный свет.
На поклон к Тебе,

Господи, вышли мы,
Очумев от безумственных бед.

За Царя Николая убитого
Настрадалась великая Русь,
И из сердца народа открытого
Льется боль покаяния пусть.

На крови царской были замешаны
Наши лозунги и клевета,

От того, как собаки, мы бешены.
Кровоточит у Бога щека.

Злодеянию есть ли прощение?
Опрокинут святыни обоз.
Как велик Ты в Своем снисхождении,
За людей пострадавший Христос!

Как велик Ты, Всевышний, любовью
К заблудившимся чадам Своим!
Над Россией с судьбиனுшкой вдовьею
Воссияет спасительный нимб.

Зинаида ДЫРЧЕНКО

(Испания)

ПОДРУГИ

В стенах барака полутемного,
продрогнув за день на ветру,
сходились женщины у теплого
титана в сумрачном углу.

На разговоры сил уж не было,
им хоть бы руки отогреть,

и чем делиться — только бедами,
а здесь они у каждой есть.

И две подруги изможденные
сидят рядком к руке рука —
супруга маршала Буденного
и Анна, «ангел» Колчака.

Валерий МИХАЙЛОВ

(Казахстан)

РОССИЯ

Тебя ко смерти все приговорили
Уже давно, но ты еще жива.
Тебя казнили, мучили, морили,
А ты живые все родишь слова.

Твои леса, и тундра, и болота
Так непомерны, что ни дать ни взять,
Но все ж кому-то вечная охота
Тебя, до нитки обобрав, распать.

Так душу живу распинает тело,
Так черным дырам не мила звезда,
Чтобы она не плакала, не пела
И не молилась Богу никогда.

России — нет? Россия вечно будет!
В нас — кровь ее, а это не отнять.

России в нашем сердце не убудет
Ни на частицу духа, ни на пядь

Земли ее, раскромсанной врагами,
Растащенной... И пусть разрушен кров
Над степью, над полями, над снегами
Сияет Божьей Матери Покров!

ВАЛЕНТИН ИВАНОВ (США)

НЕ ОТРЕКУСЬ

Когда настанет в жизни трудный час
И нужно будет принимать решение,
Приду к Тебе, как я пришел сейчас,
Неся свои печали и сомненья.

Я припадаю вновь к Твоим ногам:
Прости грехи мои и зла не помни.

Ты жизнь мою построил по слогам,
Особым смыслом эту жизнь наполнив.

Пусть ветры злые воют надо мной,
И леденят метели кровь мою,
Тебе молиться буду всей душой, —
Не отрекусь, а гимн Тебе пою.

ГОСПОДИ, ДАЙ ЖЕ ТЫ КАЖДОМУ

С каждым годом груз забот все тает,
Кажется, я все уже сказал.
Только пустяка мне не хватает —
Снова заглянуть в Твои глаза.

И тогда, привычный к укоризне,
Я слова последние скажу:
«Мне не надо, Боже, легкой жизни.
Легкой смерти у Тебя прошу!»

Славянское БРАТСТВО

**Лиляна
БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ**

«ЧТО ОЖИДАЕШЬ ЗДЕСЬ? НА ЧТО НАДЕЕШЬСЯ?»

*Специально для читателей
журнала «Родная Ладога»
о дружеской встрече
с генералом Ратко Младичем
в тюрьме в Шевенингене*

Лиляна Булатович-Медич — родилась в 1940 г. в Томашево, Черногория. Окончила филологический факультет Белградского университета. Член СП Сербии. Член СП России. Лауреат премии «Имперская культура» и «Золотой Витязь». Известная сербская писательница и журналистка. Автор многих книг, вышедших в Сербии и за рубежом и неоднократно переизданных: «Ратко Младич» (1996) — 6 изданий, «Радован» (2002) — 3 издания, «Завет матери Радована Караджича» (2003) — 2 издания, «Репорт коменданту» (2009, 2010). Член редакционного совета журнала «Родная Ладога». Живет в Белграде, Сербия.

В начале октября 2011 г. руководство Гаагского трибунала решило мне посетить Ратко Младича в тюрьме. Таким образом, я смогла исполнить его просьбу и придти к нему в качестве верного, испытанного друга. Наша историческая встреча состоялась там, где я бы никогда не предположила прежде может оказаться столь легендарный военачальник Армии Республики Сербской.

Виртуальный адрес генерала Ратко Младича с 31 мая 2011 г. таков: Ратко Младич, дело ИТ-09-92, Международный суд по военным преступлениям в бывшей Югославии, Гаага. В действительности генерал находится в Шевенингене во Временном учреждении предварительного заключения ООН или Трибунала, сформированного Советом Безопасности ООН с целью проведения судебных процессов над лицами, совершившими военные преступления в ходе боевых действий в Хорватии, Боснии и Герцеговине в начале 90-х годов.

Этот объект, опоясанный высоким забором из красного кирпича, занимает довольно обширную территорию в пригороде Шевенингена, являющегося частью Гааги, столицы Голландии. С фасада, где находится главный вход для сотрудников и посетителей, тюрьма окружена симпатичными домиками голландской архитектуры, с большими окнами и множеством цветов. С тыльной стороны, вдоль широкой улицы, тюрьма ограждена забором из красного кирпича с серыми воротами. Возле них в день этапирования сотни корреспондентов и просто любопытствующих безуспешно поджидали генерала в расчете запечатлеть сербского героя в наручниках. Не удалось. Это не удалось вплоть до 3-го июня — до первого появления его перед камера-

ми в зале суда, где генерал сразу же возмутился против применения наручников и удерживания под руки охранниками. Но такие протесты здесь оказались безрезультатны.

Защитник свободы сербского народа в Республике Сербской арестован и брошен в застенки Шевенингенской тюрьмы, официально именуемой как «Временное учреждение предварительного заключения ООН»! Все оформлено таким образом, чтобы сокрыть вопиющую немилосердность данного заведения.

Генерал просил меня посетить его

С того самого дня 26 мая 2011 г., когда Младича, по всем признакам тяжело больного, физически изможденного, доставили в белградскую тюрьму и такого садистски показывали всему миру, он просил меня прийти к нему, захватив с собой «побольше бумаги и карандашей»... В Белграде судебные власти лицемерно будто бы разрешили некоторым его друзьям встречу с легендарным узником. Однако, когда мы пришли в тюрьму в назначенное нам время, генерала уже «выдали» в Шевенинген.

В те дни сербская верхушка грубо глумилась над пленником, которого еще вчера боялась. Лидеры Сербии облегченно вздохнули, когда отпала опасность встретиться с героем глаза в глаза. Народу же они лицемерно обещали светлое будущее и благосостояние в еврообъятиях их распорядителей. При этом властимущие сурово грозили каждому, кто осмелится поднять непокорную голову и подать голос против несправедливости, которая совершенно определенно вершилась в те дни над сербским народом. Народом, который в состоянии непостижимого страха склонился до самой земли православной.

И вот теперь этот непокорный военачальник, которым гордился сербский народ, назван злейшим военным преступником. Едва передвигающийся из-за множества болезней, с искаженным лицом, нестерпимо униженный, он немилосердно представлен многомиллионной телеаудитории. Казалось, что бывший командующий продирается сквозь грязь предательства.

В те дни сербский народ следил за телесобеседованиями об арестованном генерале с отчаянием, разочарованием и болезненным неверием в происходящее, тогда как враги нашего народа безумно радовались, наслаждаясь содеянным.

Меня мучило множество вопросов о его судьбе, на которые я долгое время не знала ответов. Я не знала, где он находился все эти годы, но очень беспокоилась, чтобы какая-либо болезнь не подорвала его силы перед лицом исторических испытаний.

Немало врагов, да и друзей, аналитиков и журналистов со всех концов света цинично задавали один и тот же вопрос и себе, и мне: почему генерал не покончил жизнь самоубийством? Немало гнусных пресмыкающихся всех мастей выползло из своих нор, рассчитывая насладиться гибелью человека, в отношении которого весь свободолюбивый мир надеялся, что он неким волшебным способом сможет победить своих гонителей. И спрашивали эти гады, почему герой не покончил с собой, почему он обманул желания тех, кто больше хотел видеть его мертвым, нежели униженным в оковах Гаагского лжесуда!

Я проклинала того, кто первым и последним предал его!

Мне генерал Ратко Младич нужен был для откровенного разговора по тем вопросам, на которые дать ответ мог только он. Я не спрашивала его, где он находился и почему не ушел из жизни добровольно. В такой ситуации об этом не спрашивают.

«Как считаешь, что здесь будет? На что надеешься?» — спрашивала я брошенного в шевенингенские застенки генерала Ратко Младича, воспетого сербским народом, неустрашимого воина, народного защитника, талантливого полководца и человека чести, сохранившего свободу своему народу, который он вел сквозь пламя сражений против оккупантов всех мастей и прочих злодеев.

Спрашивала я его, борца за свободу, закованного в цепи, его, которого мы вознесли на пьедестал легенды, ценя его заслуги, веря, что однажды обязательно встретим его на свободе...

«Подожди, — отвечал генерал-пленник, — Сейчас еще рано для ответа на этот вопрос... Однако, я не мог позволить себе бесшумно уйти в небытие, чтобы на меня и на мой народ вылились потоки ужасающих лживых обвинений». Так ответил мне на этот вопрос легендарный Ратко Младич в шевенингенском изоляторе, в Гаагской тюрьме.

В Шевенингене я получила признание всей жизни

Только с третьей попытки мне удалось 3 и 4 октября 2011 г. посетить в шевенингенской тюрьме генерала Ратко Младича. Несмотря ни на что, я безгранично благодарна сотрудникам трибунала за то, что они признали нас друзьями и разрешили нам встретиться и поговорить

Так исполнилось желание генерала, ставшее для меня его заветом. Свою надежду отчитаться по-дружески перед ним на свободе, я заменила на это вынужденное общение в тюрьме, оставаясь в убеждении, что свобода находится в самом Человеке. Так я осуществила мечту многих его известных и неизвестных друзей!

В то утро я почти целый час кружила около шевенингенских тюремных стен. Все никак не могла подойти ко входу и пройти сквозь железные ворота. Бродила по голландскому газону, безлюдным улицам. Находила согласие лишь с осенней листвой. Рядом с этой тюрьмой для «наших» в старинном здании с башней, похожем на дворец, содержатся и голландские заключенные.

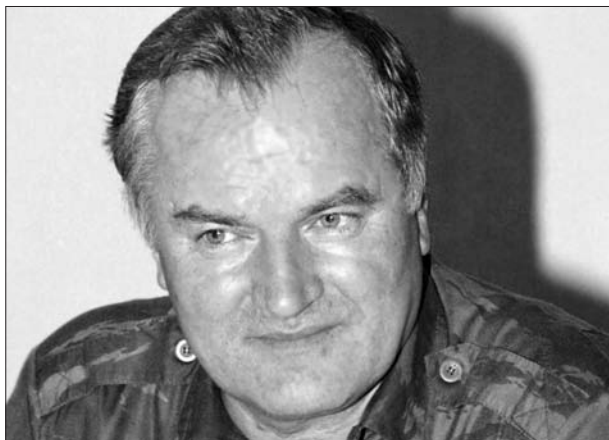
Я смотрела на древние тюремные стены, величественные, безмолвные. и перебирала в памяти имена сербов, которые томились здесь в качестве обвиняемых или уже осужденных, которые тут умерли. Вспомнила я и несчастного Милана Мартича, военного президента Республики Сербской Краины, который отбывает срок в тюрьме в далекой Эстонии за артобстрел Загреба, которого в действительности не было. Я переживала крайнее волнение, так что даже фотокамера упала из моих рук.

И вот я вошла в здание тюрьмы.

Все тюремные служащие, к которым я обращаюсь, находятся за толстыми затемненными стеклами. Получаю пропуск с каким-то номером.

Начинается процедура осмотра, в известном смысле как при посадке в самолет.

Торопливо иду за любезным надсмотрщиком, который извиняется за то, что пришлось его ждать. Ощущаю себя как в каком-то американском боевике... Представляю себе, как сейчас буду здороваться с другом. После стольких лет разлуки. Но все пошло совсем не так, как я предполагала.

Ратко Младич

Когда я вошла в указанную мне комнату, мы сразу встретились взглядами. Было ощущение, будто мы недавно расстались после незабываемого обеда, который по случаю моего дня рождения организовали Младичи в своем белградском доме в 1997 году. Так они выразили мне свою признательность за написанную мною книгу «Генерал Младич», изданную за год до этого, за дружбу, которая между нами окрепла. Это была первая книга о генерале Младиче...

Встреча через 14 лет

И вот мы вновь вместе после четырнадцатилетней разлуки. И оказались там, где никогда даже не предполагали быть — в шевенингенской тюрьме! В серой комнате, называемой приемная, переполненной сербскими заключенными и их родственниками, под бдительными взглядами многочисленных, но на удивление симпатичных и неприметных надзирателей!

Когда я только вошла в помещение, меня заметил Властимир Джорджевич (последний раз я брала у него интервью в Приштине в 1998 году, тогда он занимал пост начальника полиции Автономного края Косово и Метохии, входившего в состав Сербии). Он поздоровался со мною стоя, сказав при этом: «Кто бы мог подумать, что мы здесь встретимся». Разумеется, он понял, к кому я пришла, и быстро окликнул Младича, который находился среди ранее пришедших — его супруги Босы, также арестованного Стояна Жупляничича, его родителей и сына. Они громко разговаривали.

Увидев меня, Младич подошел ко мне, мы по-братски обнялись. Улыбаясь, он с какой-то гордостью и радостью представил меня окружающим. Только после того, как они закончили разговор о родных, мы перешли в отдельную комнату. Он и Боса предлагают мне кофе, напитки — совсем как дома, в Белграде. Эта гостевая комната неплохо оборудована: в ней есть посуда, автоматы с освежающими напитками, кофейный автомат, микроволновка и даже посудомоечная машина. У стола — большая корзина, наподобие тех, что для белья, а в ней лежит то, что можно принести из своей камеры или тюремного магазина-буфета.

Мы общались, шутили, пересказывали минувшие события подробно, как никогда прежде. Была иллюзия, что мы не в тюрьме. В голове проносились воспоминания, события, факты, которые хотелось обсудить, не сдерживая эмоций.

Смотрю на Командующего и вижу глаза того великого и храброго человека с большой буквы, хотя болезнь оставила на его внешности заметный след. Правая сторона тела плохо слушается, но генерал отчаянно преодолагает свой приобретенный физический недостаток. И мы говорим, говорим, шутим, смеемся как в давние, счастливые времена. Он перебрасывается шутками и с надзирателями. Они отвечают ему тем же. По всему видно, что он тяжело болен, но мне ясно, что генерал свои болезни объявил главными врагами и всю свою волю задействовал для сопротивления им с целью выжить и иметь возможность в зале суда рассказать всю правду, когда до этого дойдет дело. Обстоятельства вынудили его перефразировать завет матери Станы: «молчание еще никто не победил!»

Я тихо спросила: «Ну, как ты?», и внимательно всматриваюсь в выражение его лица, ищу ответ на вопрос в его взгляде. Качнув головой, он отмахнулся, кратко заметив: «Не будем сейчас об этом». И сразу же обрушил на меня лавину своих вопросов о моей семье, сыне, друзьях и тех, кто пытается выдать себя за них... О Косово... Извиняется за то, что нас с мужем нынешние власти преследовали за дружбу с ним. Я, разумеется, не принимаю эти извинения, говорю: «Ничего, каждый делает свое дело».

Разрешите подать рапорт, товарищ командир!

Когда я смогла вставить свое слово, то сказала серьезным тоном: «Ты звал меня, и вот я прибыла, чтобы подать тебе рапорт!», — глядя прямо в его глаза, как будто бы мы были на свободе. Он, и здесь оставаясь воином, кажется, воспринял меня так, как будто я стою на шаг впереди перед строем бригады, собранной для решающего сражения.

«Я тебе уже говорил, что у меня нет никаких замечаний по содержанию твоей книги. «Рапорт» я прочитал четыре раза. Ты, Лиля, подала истории настоящий РАПОРТ о борьбе сербского народа за свободу. Единственное о чем сожалею, что не имел возможности сообщить тебе еще некоторые детали и лучше разъяснить конкретные ситуации и поступки известных людей. Но ты и без этого не допустила ошибок в их оценке».

Он такой оценки моего труда я расчувствовалась и едва сдержала слезы. Собственно говоря, великий военачальник присвоил мне награду всей моей жизни.

Я только и смогла встать по стойке «смирно» и сказала ему: **«Спасибо тебе, брат!»**

А он тем же тоном попросил прислать ему все три книги написанной мною «Трилогии о Сребренице»: «Истинная Сребреница», «Сербские мученицы Сребреницы», «Крики и предостережения».

Мы еще много говорили, затрагивали трудные темы, переплетая их с шутками, а потом возвращались к началу, задавали друг другу много вопросов.

Из всего арсенала глубоко продуманных отвратительных лживых обвинений в его адрес наибольшее возмущение у Младича вызвало утверждение о

том, что, находясь в Сребренице в июле 1995 года, он перед теле- и кинокамерами раздавал детям конфеты, а сразу же после съемки отбирал их! И такое лживое утверждение включено Гаагским трибуналом в доказательную базу обвинения против генерала. Он просил разыскать этот фильм о Сребренице и показать всю правду о событиях тех дней. Два дня спустя он с возмущением говорил об этом в зале суда на статусном заседании, хотя единственным вопросом, вынесенным на рассмотрение, было тяжелое состояние его здоровья.

Я хочу сплотить сербство

Обсуждая тему добровольной сдачи, жизни и смерти, он говорил, что не мог позволить себе так просто умереть, так как это не соответствует его характеру, званию и положению, тому, за что он боролся, ради чего он жил.

Когда я сообщила ему, что была на праздновании Дня святого Лазаря в селе Лазарево, откуда полицейские увели его в Белград в суд по военным преступлениям, и что жители хотят свое село переименовать в Ратково, он не соглашается: «Пусть хранят имя Лазаря, его кости защищают Косово и Метохию, а эта часть Сербии сейчас под самой большой угрозой!»

Далее он говорит, что должен «объединить и сплотить сербство по всему свету», бороться за Величественную, а не Великую Сербию! Повторил и мне то, о чем не раз говорил на статусных заседаниях суда, а именно, что в Гааге он защищает не себя, а сербский народ, Республику Сербскую и Сербию! Хотя судья напоминает ему, что якобы в данный момент обвиняется только он лично, и поэтому ему следовало бы думать, прежде всего, о своей собственной защите.

Дочь Анна была половиной моего бытия

Все два дня, сколько длилось наше общение, он старался держаться и выглядеть более здоровым, чем это было на самом деле. Он часто цитировал отрывки «О счастье» из книги Йована Дучича «Наследие царя Радована». Много спрашивал, многое объяснял мне. Я вынесла из этого общения уникальные темы и знания для будущих своих статей. Генерал вспоминал что-то так, будто желал, чтобы это было сейчас, поскольку правда о прошедшем его глубоко мучила. Замолкая, он замечал в моих глазах пытливые вопросы... И мы продолжали общаться, и говорили, говорили...

Хотя Младич и убеждал меня, что он счастливый человек, поскольку является неотъемлемой частью своего народа, и у него есть преданная и достойная семья, внуки, друзья, однако судьба его дочери Анны остается для него тягчайшей раной: «Она составляла половину моего бытия... Она не покончила с собой. Не могла она выстрелить себе в голову из моего пистолета!» И потекли слезы... И спазмы сдавливали горло.

Затем, посреди детального рассказа о событиях в Книне, он вдруг неожиданно спросил: «А знаешь ли ты, Лиля, какой это ужас извлекать обугленные тела молодых солдат из подбитых танков... После этого тебя еще несколько дней преследует запах смерти тех детей. А сколько подобных чудовищных картин было в сербской книнской краине?!»

Вспоминая время, когда он скрывался в одиночестве, он говорит с еще большей болью и убедительностью: «Как думаешь, можно ли жить в стране

и быть в стороне от нее?! Чтобы тебя ни одна живая душа не приметил... годами?! Можно, но не дай тебе Бог такого мучения!»

Наверное, я и здесь генерал

В тот раз мне разрешили два посещения тюрьмы по два часа. Когда в первый день в конце разрешенного времени я встревожено начала подниматься при виде направляющегося ко мне надзирателя, Младич остановил меня со словами: «Ты же знаешь, что сидишь здесь с генералом! Пока генерал не встанет, и ты не смеешь подниматься с места! Пойдешь, когда я скажу!»

Я с удивлением наблюдала, как он по-сербски объяснял конвоиру, что я останусь там до конца их рабочего дня. Конвоир, постоял немного, переговорил с кем-то по рации и ушел, а я действительно осталась до 16.45.

Так было и на следующий день: всего двенадцать часов исторической ретроспективы событий, как двенадцать клятвенных молитв.

В эти дни я даже обедала вместе с ним в тюрьме. Обед нам готовил генерал Драголюб Ойданич, также обвиняемый начальник Генштаба вооруженных сил Сербии и Черногории. Младич ему помогал, насколько он мог это делать со своей больной правой рукой. При этом Младич по-хозяйски принес откуда-то фруктовый торт и красное вино, естественно, безалкогольное. Откуда? Непостижимо.

На второй день из камеры он взял упомянутую книгу Дучича «О счастье» (часть произведения «Наследие царя Радована») и газету «Франкфуртские новости», единственную, которую получал. Младич гордился как своей, моей книгой «Рапорт командиру», показывал ее всем, и надзирателям, и гостям, и таким же заключенным. Вспоминал тех, кто оказывал помощь Армии Республики Сербской, просил меня передать им его искреннюю благодарность.

Он надеется на Российское Государство. Благодарен Союзу писателей России за их славянскую поддержку брата, который, несмотря на свой высокий авторитет и уважение, оказался необоснованно и несправедливо годами прикован к позорному столбу. Вспоминал и много раз описывал встречи с российскими военачальниками во время войны.

Он также иронично «передавал приветы» и тем, кто грешил перед истиной, связанной с его ратными делами, с ним лично, кто «по дружбе» советовал ему сдаться или покончить с собой. Он говорил, что хотел бы посмотреть им в глаза: «Чтобы их переубедить... Ведь Дучич говорит, что честь и счастье человека, когда он может вернуть себе друзей...»

Поклонился мощам святого Василия Острожского в 1989 г., несмотря на то, что подобное офицерам ЮНА строго возбранялось

В беседе Младич часто крестился, когда вспоминал погибших друзей. В какой-то момент, когда мы продолжали разговор, к нам подошел генерал Здравко Толимир. На шее у него были четки. Поздоровались со словами веры в Господа.

Я передала Младичу освещенные четки из монастыря Острог, что побудило его рассказать мне, как еще в 1989 году он посетил монастырь Святого Василия Острожского.

«В то время я был начальником Учебного управления Третьего военного округа ЮНА, и мы проводили учения комсостава по приспособлению к местности, в которых участвовало около 150 офицеров со всего округа. Для учений был выбран высокогорный район Черногории близ Никшича. В конце учений я организовал посещение монастыря Острог. Все осмотрели монастырь, а я попросил игумена разрешить мне поклониться мощам Святого Василия (настоятелем тогда был игумен Георгий Миркович, который скончался в 1992 г. и погребен в монастыре Тврдош). Настоятель насторожился, вероятно, сомневаясь — знаю ли я обряд поклонения, поскольку в те годы офицерам ЮНА не разрешалось совершать церковные обряды. Я объяснил ему мое желание, и он провел меня в келью, где покоились Святые мощи. Я снял фуражку, перекрестился и сделал все так, как подобает. Тогда мне выпала великая удача: настоятель открыл ковчег и снял покров с рук Святого... Я увидел ногти на пальцах Святого. Я приложился к мощам Святого Василия, слава ему и Божья милость. Так сбылось мое желание.

Когда мы вернулись с учений, начальство вызвало меня «на ковер», но им не удалось поколебать мое убеждение, что я совершил правильный поступок. Поэтому при встрече с Патриархом сербским Павлом в 1993 году во избежание недоразумений я прямо заявил: «Ваше Преосвященство, я крещен и крещусь. И хотя воспитан в духе атеизма, остаюсь православным и верен Православию. Но уважаю и другие религии».

Перед тем как расстаться, я спросила генерала: «Намерен ли ты дать мне, своему верному и бескорыстному другу, действующему по своей воле, без чьего-либо умысла какое-то новое задание? Что и как я должна сейчас сделать из того, что еще не сделала?»

Он обошел вокруг стола, присел рядом со мной, мягко почти по-отцовски обнял и сказал: «Для тебя нет человека, который мог бы давать задания! Все, что ты до сих пор делала и сделала, решения принимала самостоятельно. И сейчас ты сама знаешь, как действовать далее!»

Эти его слова вызвали у меня глубокое эмоциональное потрясение. Помог мне успокоиться глоток красного вина, которое мы выпили за свободу, за эту и наши следующие встречи в лучшие времена.

Расставались мы так, как будто уже завтра встретимся вновь и продолжим наш разговор.

В заключении эссе.

Я осталась еще на два дня в Гааге, чтобы увидеть генерала в зале номер три Гаагского трибунала на очередном статусном заседании.

Комнату для посетителей и зал для судебных заседаний разделяет перегородка из толстого пуленепробиваемого стекла. При необходимости могут быть спущены и жалюзи, когда заседания носят закрытый характер.

Я предполагала, что на заседании опять появятся представительницы объединения так называемых Матерей Сребреницы (представляют только матерей-мусульманок). Мне пояснили, что их приход регулируется каким-то отдельным протоколом. Сейчас здесь были только журналисты и студенты юридического факультета из Риеки (Хорватия).

Войдя в зал, генерал сразу же спросил адвокатов, где я. Мы кивнули друг другу. Позднее, в определенный момент генерал по-военному отдал

мне честь. Я ответила ему тем же, заметив, что сегодня он выглядел очень уставшим. Когда судья вошел в зал заседаний, генерал не встал, как положено по судебному протоколу. Судье он объяснил, почему опоздал на заседание: он так сильно болен, что не спал всю ночь, мучаясь от болей. Одеться смог лишь с помощью надзирателей, которые помогли ему подняться и передвигаться... Он также обратился к судье с просьбой пропустить к нему супругу, пока она еще находится в Гааге, так как не уверен, что доживет до следующего дня...

При этом Младич говорил, что в Гааге он защищает не себя, а сербский народ и Республику Сербскую. Вновь требовал от судей не надевать ему наручники при перемещении из тюрьмы в Гаагу... Но опять все просьбы оказались безответными...

Я была поражена! Что могло случиться за прошедшие 48 часов? Два дня назад, казалось, он забыл обо всех своих болезнях, которые получил, находясь несколько лет в подполье.

С тех пор по сей день, приходят сообщения одно хуже другого о самочувствии сербского героя. В какой-то момент все «дело» генерала Радко Младича сведется к бюллетеню о его здоровье. Может быть, кто-то заранее продумал такой сценарий конца героя сербского сопротивления...

Белград, ноябрь, 2011 года

Примечание: Содержание этой моей исповеди ограничено по правилам Гаагского трибунала, так как я находилась с частным визитом в качестве друга заключенного, обвиняемого в «тягчайших военных преступлениях».

**Игорь
АНДРУШКЕВИЧ**

РУССКИЕ ВОЕННЫЕ ТРАДИЦИИ И ЗАВЕТЫ: ИСТОЧНИК ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ РОССИИ

Игорь Николаевич Андрушкевич — родился в 1927 г. в Белграде (Югославия) в семье русских белых эмигрантов. Был крещен в РПЦЗ. Отец — полковник Русской Армии. Окончил Первый Русский В. К. Константина Константиновича Кадетский Корпус. Затем переехал в Аргентину, где учился на журналистском и философском факультетах. Работал директором на металлургических заводах в Буэнос-Айресе. 30 лет преподавал историю России. Был членом Епископского Совета Аргентино-Парагвайской Епархии РПЦЗ, председатель «Объединения кадетов Российских кадетских корпусов в Аргентине». Редактор журнала «Кадетская перекличка». Автор многих книг и статей. **Живет в Буэнос-Айресе, Аргентина.**

Слово **традиция** (буквально — «передача») происходит от латинского глагола *tradire*, передавать. **Заветы** — это советы, передаваемые потомкам. Таким образом, оба понятия — «традиции» и «заветы» — по смыслу весьма схожи, вернее, они уточняют друг друга. Вместе взятые — это переданные нам, в виде духовного завещания, советы наших предков.

В данном случае речь идет о **русских военных традициях и заветах**, рассматриваемых как источник политических идей России.

Таким образом, сама по себе тема утверждает некое различие между нашими, русскими, и иными, чужеродными, военными традициями. Встает ряд вопросов: В чем заключается это различие? Каким образом военные традиции могут являться источником для политических идей? И дальше: если наши военные традиции отличаются как-то от иных военных традиций, то значит ли это, что и наши политические идеи тоже будут отличаться от других политических идей? Желательна ли такая дифференциация в политических идеях?

Ответить на последний вопрос легче, чем на предыдущие: да, различие в политических идеях не только желательно, но и необходимо. Без различия в политических идеях не будет никакого плюрализма, и даже не будет возможна никакая демократия, так как в таком случае народу нечего будет выбирать.

Политические идеи являются идеями о полисе, о государстве, так что для выяснения соотношения между военными традициями и политическими идеями необходимо сперва выяснить **роль военных функций** при зарождении государства.

Сколько бы разных причин не приписывалось созданию государ-

ства, несомненно, что одной из них является необходимость **организации военной защиты общества**, создающего это государство. Немецкий ученый XIX века фон Игеринг считает, на основании изучения становления римского государства, что двумя главными первопричинами государства были необходимость всеобщей **арбитражной судебной власти** и необходимость предварительного обеспечения **военного возглавления** на случай войны. Причем в обоих случаях государственная власть была задумана, как власть, не посягающая на свободу граждан, а как власть, созданная для **обеспечения** этой свободы. Посему, она, по своему предназначению, является властью **ограниченной**, в первую очередь именно этими двумя функциями, органом каковых она является.

Фон Игеринг отдает предпочтение функциям судебно-арбитражным, но испанский философ Ортега-и-Гассет считает первейшей функцию военную. Он отмечает, что латинский титул военного возглавителя **«император»** уже существовал до основания римского государства, когда его временно давали временным вождям, в моменты войн или других подобных бедствий. Это был «мерцающий» титул, для «мерцающих» функций, сводящихся к умению провести подготовку к военным действиям, а затем и возглавить их. (От глагола «*impragare*», **приготавливать**, организовывать. Ортега-и-Гассет отмечает, что в одном древнеиндийском наречии тоже существует подобный титул: «эмбратур»).

Однако необходимо иметь в виду, что существуют разные варианты создания государств. А. С. Хомяков обращает внимание на разницу в происхождении русского и западноевропейских государств.

Все западноевропейские государства произошли в результате завоеваний, в то время как русское государство создавалось и развивалось органически, как и римское. Согласно Хомякову, такой генезис русского государства предопределяет также и иное чувство законности, легитимности: *«В России народ не находил законности истинной в **формальном призраке** законности. Это чувство принадлежит собственно России, как общине живой и органической: оно не принадлежит и не могло принадлежать условным и случайным обществам Запада, лежащим на **беззаконной основе завоевания**».*

Открытие пятьсот лет тому назад Нового Света, Америки, привело к третьему виду создания государств: создания не в результате органического роста и не в результате завоевания, а как следствие сознательного **учреждения новых государств** с написанными специально для этого конституциями.

Очевидно, что каждому из этих трех видов государств присущи **военные функции**, так как без них немислимо никакое государство. Однако характер этих военных функций зависит от того, как было создано государство.

В государствах, образованных в результате завоевания, военные функции в основном принадлежат завоевателям, а затем их потомкам, то есть они привносятся извне. Эти завоеватели присваивают себе ряд привилегий, в результате чего вся государственная структура зиждется на **системе привилегий**. Например, Вальтер Скотт пишет, что права и привилегии лордов в Англии принципиально важнее, чем права короля. (Лорд происходит от слова «глафورد», дающий хлеб, хлебодатель). Ортега-и-Гассет обращает

внимание на разницу в понимании самого слова «привилегия» в Древнем Риме и в западноевропейских государствах. В Риме это слово было своего рода ругательством. Когда какой-нибудь законопроект хотели сорвать, его обзывали «частным законом» («привилегиум»), законом не для всех, не для «общего дела» (для республики), а в пользу отдельных, частных лиц или групп. В Западной Европе это слово, наоборот, было престижным, обозначавшим почет.

В государствах, учрежденных искусственно, наново, военные функции тоже создавались наново. Этим самым они создавались **отдельно** от политической власти, так как политическая власть их же и создавала. Это обстоятельство, наряду с новой теорией о подразделении государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, и привело к отделению военных функций от политических.

В Русском государстве, так же как и в Римском, военные функции не предназначались только для завоевателей и для их потомков, так как завоевателей вообще не было. Они так же и не были отделены от общих политических функций. Это ясно видно из повторных летописных текстов, как, например, в Патриаршей или Никоновской летописи за 998 год:

«Бъ же Володимеръ милостивъ, и щедръ и даровитъ, и сие слово присно глаголя: “яко сребромъ и златомъ не имамъ добыти дружины, но дружиною добуду и сребра и злата”; и сие зъло любяше Володимеръ дружину, и съ ними **думая о божественъй дръжавѣ Русской**, и о всемъ земскомъ устроении».

Эта последняя фраза в Лаврентьевской Летописи гласит:

«Бъ бо Володимеръ любя дружину, и с ними **думая о строи земленъ** и о ратехъ и о **оуставе земленъ**».

Это и есть **первый русский военный завет**, из которого вытекают и все последующие заветы: **русские воины не являются наемниками**, они не продаются за «серебро и золото» или за какие бы то ни было привилегии, ибо они служат только Русской Державе и ее Главе, а не своим или чужим частным, партийным или групповым интересам. Русские воины не наемники, не завоеватели и не потомки завоевателей, а являются **отобранными для обороны страны** представителями от всего народа.

При этом эта их служба не отделена полностью от общих политических функций. Наоборот, военная служба обязывает ее высших представителей также и к **«думанию о Державе Русской, о всемъ земскомъ строю и о уставѣ земленѣ»**.

После крещения Руси к этой Думе старшей дружины иногда присоединялся собор высшего духовенства, но он не включался и не смешивался с Думой (как это происходит до сих пор в английской палате лордов, в которой рядом с лордами заседают епископы Англиканской церкви, возглавляемой королевой Англии), так как Православная Церковь **отделена от государства, в симфонии с ним**. Такие совместные заседания, говорит Ключевский, на Руси происходили от желания **совместного разбора** двумя различными юрисдикциями тех дел, которые имеют **отношение к обоим**.

Такое изначальное совместное «думание» позднее истолковывается, как обязывающий **конституционный прецедент** в Государстве Российском, наподобие аналогичным конституционным толкованиям в Англии. Например, московские послы говорили в 1610 году полякам: *«Изначала у нас в Рус-*

ском царстве так велось, если великия государственныя или земския дела начнутся, то великие государи призывали к себе на собор патриархов, митрополитов и архиереев, и с ними о всяких делах советовались, без их совета ничего не приговаривали».

Это тоже наш весьма важный военный завет: **в великих государственных делах действовать в симфонии с Русской Церковью.**

С начала существования древнерусского государства русские вооруженные силы известны под названиями «рать», «вои», «воинство», «войско», «сила», «полки». Они состояли из трех частей: старшей (старейшей) дружины, младшей (молодшей) дружины и народного ополчения (вои, полки).

Младшие дружинники были своего рода личной гвардией главы государства, князя. Их звали «гридьба», «отроки», «детские», а позднее «дети боярские», «дворяне».

Старшие дружинники (княжии мужи, бояре), как было сказано, являлись **советниками** князя и вместе с ним думали вопросы государственного управления. Со временем они стали называться **Боярской Думой**, ставшей постоянно заседающим — и весьма действенным — высшим органом государственного управления. Этих думных чинов было немного: окольничих около 15 человек, думных дворян не более 6 человек, а бояр от 15 до 25 человек (наибольшее число последних было при Борисе Годунове: 30 человек). Значит, всего около 50 человек. В их среде лучше всего и сохранялись как общегосударственные, так и военные русские традиции и заветы.

В этом отношении интересна история рода воеводы Яна Вышатича, переданная нам летописью. Ян Вышатич умер в 1106 году, прожив 90 лет. В 1089 году, при Всеволоде Ярославиче, *«воеводство киевской тысячи держал Ян»*. Затем *«Ян и прочие разумные мужи»* дают советы сыну Всеволода Владимиру Мономаху. За полвека до этого Ярослав Владимирович *«послал в 1043 году сына своего на греков и дал ему воинов много, а воеводство поручил Вышате, отцу Яна»*. Также говорит нам летопись, что Вышата, отец Яна, был сыном *«Остромира, воеводы Новгородского»*. («Остромирово евангелие» было изготовлено для него.) До Киева Вышата был в Тмутаракани и в Чернигове. Отцом Остромира был Константин Добрынич, тоже посадник новгородский. А Добрыня — это известный былинный богатырь, сподвижник Владимира Красное Солнышко, Добрыня Никитич. Дедом Добрыни был, по-видимому, знаменитый Свенельд, воевода первых князей — Игоря и Святослава.

В этой истории имеется для нас еще один завет: наши древние воины **служили всей Руси**, от Новгорода до Киева и до Тмутаракани, без каких-либо местных, областных или провинциальных предпочтений. **Единство страны** обеспечивалось не только династическим единством и церковным единством, но также и **единством военным**.

Единство всей Руси является главным заветом в важнейшем источнике наших государственных и военных традиций, каковым является **«Слово о полку Игореве»**. Удачная защита от внешних врагов возможна лишь при преодолении внутренних разделений и междоусобиц. Русские воины обретают себе **честь**, и **славу** своему Предводителю, только лишь своим служением **«Земле Русской»**, многократно повторяет «Слово о полку Игореве».

При возникновении внешней опасности в войско привлекались **народные массы** — «вои», организованные в **полки**. Полковая военная организация

существовала на Руси, по-видимому, до основания государства. Само слово «**полк**» у славянских племен обозначало «**народ**». Это слово образовано от индоевропейского корня «**пел**», «**пол**», полнота, полный, наполнять, и ему родственны немецкое слово «**Фольк**» (народ), латинские слова «**плебес**», «**популус**», «**публикус**» и греческие слова «**полис**», «**политика**» и т. д.

Таким образом, наши предки видели глубинную и неразрывную связь между понятиями военной полковой организации и всеобщей политической организации. **Полк и ополчение были военными аспектами полиса**, приблизительно как это было и в Риме в царский и республиканский периоды. (Когда, например, звание претора — буквально предводителя — являлось одновременно обозначением судьи и военачальника, а большинство голосований проводилось по сотням.)

Военная организация народа на Руси покоилась на десятичной системе. Все члены рода или племени, способные носить оружие, а позднее взрослое население города и прилегающей области, составляли «**тысячу**» во главе с военачальником — **тысяцким**. Тысяча делилась на сотни под командованием сотников, а сотни на десятки со своими десятскими. Эта военно-народная администрация была выборной, вплоть до военных реформ Ивана Грозного, во времена Ливонской войны, когда выборы сотников, или «**сотенных голов**», были заменены назначением их правительством, из-за профессионализации войска. Это наше коренное выборное, демократическое начало сохранилось в значительной мере у казаков. Однако эти реформы Ивана Грозного ничуть не затронули традиционного принципа **военно-народного политического единства**, завещанного нашими предками.

Вообще, не было отчетливого размежевания между военными и гражданскими функциями. Например, **тысячники** в мирное время назначались правительством на административные службы: их рассылали в качестве городских воевод, назначали на строительство городов и пограничных укреплений. С другой стороны, во время приготовлений к войне для текущих работ при больших воеводах (главнокомандующих) назначались **дьяки**, которые вместе со своими помощниками — **подьячими** — составляли штаб войска, получивший в XVII веке название «**разрядного шатра**».

Когда в 1611 году, под совместным предводительством Военного и Народного вождей, возникло народное ополчение для борьбы с интервентами, для восстановления Государства Российского, то при нем был образован «**Совет всея земли**», в который входили избранные представители от городов и уездов («из всяких чинов по два человека») и представители ополчения. Под председательством представителя Русской Православной Церкви — за отсутствием Царя — этот Совет и явился тем **Земским Собором**, который восстановил тогда наше Русское Государство и подтвердил его историческую Конституцию.

Русские военные традиции развивались **в рамках монархической государственности**. При этом, русские монархи, по традиции, были воинами и, следовательно, **институционными представителями** и вождями **русского воинства**.

Владимир Мономах в своем завещании детям подробно описывает военные обязанности князя во время похода на войне: *«Пойдя на войну, не ленись, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни снатью; и стражей сами наряжайте, и ночью нарядив их со всех*

сторон, тогда ложитесь около воинов, а вставайте рано, а оружия не снимайте с себя тотчас, ибо не осмотревшись, из-за лености, внезапно человек погибает».

Святой Великий Князь Александр Невский тоже был выдающимся воином и полководцем, как и его предки и потомки. В числе его прямых потомков можно отметить Дмитрия Донского и Ивана Грозного. Про последнего современники пишут: *«Бе во бранех на супротивные искусен, велик бе в мужестве, и умеа на рати копием потрясати, воиничен бо бе и ратник непобедим, храбросерд же и хитр конник... ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен»*.

Такая интеграция верховной политической власти, воинства и народа, в симфонии с Церковью, на основе общих верований и нравов, вела к духовному и нравственному обогащению русских воинских традиций. Русское ратное искусство неотделимо от высших духовных императивов и этических норм и опирается на них.

Например, тот же Владимир Мономах, одновременно с чисто воинскими советами, дает духовные и нравственные заветы. Сам он, по словам летописца, был «украшенный добрыми нравы». В завещании своим детям (тоже воинам) он указывает: *«Не ревнуй злодеям, не завидуй делающим беззаконие, ибо делающие зло истребятся, уповающие же на Господа наследуют землю»*. Затем Владимир Мономах переходит к социальной программе (860 лет тому назад!): *«Всего же более убогих не забывайте, но насколько можете по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не позволяйте сильным погубить человека»*.

В своем послании Владимиру Мономаху митрополит Никифор так формулирует главную задачу высшей русской политической и военной власти: она должна быть *«устраивающей словеса на суде, хранящей истину в веки, **творящей суд и правду** по среде земли»*. Святой Александр Невский завершает этот завет в своем известном изречении: **«Не в силе Бог, а в правде»**.

Между прочим, аргентинский философ Гарсиа Вентурини в своей книге «Политея» ставит святого Александра Невского как пример политической власти, не поддающейся демагогии. Он пишет, что когда святой Александр Невский прибыл на княжение в Новгород, то народ на вечевой площади кричал ему: *«Княже, мы любим тебя»*. Однако святой князь им ответил: *«Я пришел к вам для того, чтобы править вами, а не для того, чтобы вы любили меня»*. Не ища демагогически любви, святой и благоверный князь Александр Невский стяжал себе, однако, такую любовь у русского народа, вплоть до наших дней, какую мало кто мог стяжать в нашей истории, ибо он «тщательно проходил свое служение», как гласит надпись на его могиле.

Эту линию высокой духовности и высокой нравственности затем особенно твердо утверждал и другой наш великий полководец, тоже Александр, — А. В. Суворов.

Суворов завершил ту длинную эпоху военных реформ, которая началась с введения стрелцкого и других новых видов оружия при Иване Грозном, продолжалась созданием новых полков при царе Алексее Михайловиче и резко набрала скорость при Петре Великом. (Сам Петр Великий считал, что *«регулярное войско начал употреблять отец наш в 1647 году»*).

Больше того, Суворов сумел дать **новый синтез** между нашими традиционными военными заветами и новыми требованиями современности,

устранив в военной области все лишнее и чрезмерно чуждое, введенное во время петровских реформ. Поэтому суворовские военные заветы являются естественным продолжением и завершением наших изначальных заветов и традиций. Его «Завещание» относится и к нам:

«Бог нас водит. Он нам генерал. Вот, братцы, воинское обучение. Господа офицеры, какой восторг! Здравствуйте братцы, чудо богатыри! Любезнейшие друзья мои! Старые товарищи, здравствуйте! Помилуй Бог, мы русские! Восстановим по прежнему веру в Бога Милостивого! Очистим беззаконие! Везде фронт... Равнение по передним! От начальства не отставать, неприятель от вас дрожит, вы русские!»

В этой области Суворов сделал ту же работу, что и А. С. Пушкин в области нашего языка, который очистил русский язык от всего лишнего и ненужного, чужого. Кульминацией этих суворовских военных реформ, в согласии с нашими исконными заветами, были педагогические военные реформы Великого Князя Константина Константиновича.

К сожалению, в политической области мы не сумели вовремя достигнуть подобного синтеза, чтобы вернуться к нашим собственным историческим традициям и заветам, с использованием всего необходимого, взятого на стороне, но с извержением всего духовно и этически чуждого, ненужного и вредного. Это и было одной из главных причин Катастрофы.

Полное восстановление нашего государства требует возврата к нашим основным государственным идеям, в том числе и к военно-политическим.

ВЫШЛА КНИГА

Александр Казин. Двойное солнце. Пушкин и Достоевский в русской метафизике. LAMBERT / Fcfdemic Publishing / 2011.

Книга представляет собой сравнительный философско-культурологический анализ основных произведений А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского с точки зрения русской религиозной метафизики. Основное внимание уделено отношению Пушкина и Достоевского к христианско-му/антихристианскому образу бытия.

Славянское БРАТСТВО

Вячеслав ГОРЕЛОВ

«НА ФЛАГ СМІРНО! ФЛАГ ПОДНЯТИ!»

Вячеслав Николаевич Горелов — родился в 1959 г. в городе Армавире Краснодарского края. Окончил Ленинградский электротехнический институт им. В. И. Ульянова (Ленина). Кандидат физико-математических наук. Автор многих статей, посвященных проблемам русской истории и литературы. Член Попечительского совета крымского отделения «Литературной газеты». Лауреат севастопольского общегородского форума «Общественное признание». **Живет в Севастополе, Крым.**

Россия и Севастополь

Я более четверти века живу в Севастополе. Лет пять тому назад мне довелось посетить малую родину, что находится на юге России, в Краснодарском крае. Зашел в гости к школьной учительнице. Все было, как обычно в таких случаях, — рассматривали старые фотографии, вспоминали школьную жизнь, обсуждали судьбы одноклассников.

У учительницы в тот день убиралась по хозяйству ее внучка, девушка лет шестнадцати. Послушав наш разговор и узнав, что я из Севастополя, юная леди соблаговолила меня порадовать: «Вы так хорошо говорите по-русски», — сказала она мне. Ответом была немая сцена.

Итак, за пятнадцать лет в России народилось поколение, для которого Крым и Севастополь суть зарубежье, где живут иноземцы, которых за владение русским языком незасорно и похвалить.

Попытаемся понять, как мы дошли до жизни такой.

Фрагмент 1

Веками южные рубежи Московского царства тревожили набеги из Крыма и Северного Причерноморья, однако только во второй половине XVIII столетия у России появилась возможность решить старый спор в свою пользу.

Русско-турецкая война 1768—1774 годов завершилась подписанием Кучук-Кайнарджийского мирного договора, включавшего статью 3 «О независимости Крыма». Провозглашалось, что «Все татарские народы: крымские, кубанские, едисанцы, жамбуйлуки и едичкулы, без изъятия от обеих империй имеют право

быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавной властью собственного их хана чингисского поколения...»

Вслед за этим договором последовала умная экономическая и военная политика России. В результате события на полуострове подошли к такой черте, после которой провозглашение Манифеста о присоединении Крымского полуострова, острова Тамани и всей Кубанской стороны к России оказалось не просто возможным, но и естественным. Манифест от 8 апреля 1783 года, в частности, гласил: «...Решились мы взять под державу нашу полуостров Крымский, остров Тамань и всю Кубанскую сторону». Уже в мае того же года в Ахтиарскую бухту (ныне Севастопольская) вошли корабли Азовской флотилии под командованием вице-адмирала Ф. А. Клокачева. Из донесения Клокачева в Санкт-Петербург: «...При всей Европе нет подобной сей гавани — положением, величиной, глубиной».

Началось тяжелое, в невзгодах и лишениях, строительство Севастополя. Не хватало строительных материалов, инструментов, питьевой воды. Однако город постепенно рос, хорошел. Обустраивались портовые сооружения, строились магазины, дома и казармы, возводились береговые батареи, прокладывались дороги. В русско-турецкой войне 1787—1791 годов молодой Черноморский флот одержал свои первые замечательные победы. Итогом сражений на море и на суше стал Ясский мирный договор, в котором Турция признала присоединение Крыма к России. Так, статья 2 договора гласит: «Трактат мира 1774 года июля 10 ... и акт, объясняющий присоединение к Российской империи Крыма и Тамана, ... силою сего мирного договора подтверждаются во всех статьях».

В 1804 году Указом Александра I Ахтиар (Севастополь) был назначен главным военным портом Черноморского флота. Последующие сто с небольшим лет — история, несоразмерная с рамками газетной статьи. Почти каждый ее эпизод — легендарная веха в великой истории России.

Фрагмент 2

Год одна тысяча девятьсот семнадцатый. Закрутилось красное колесо революции. Падение самодержавия вызывает взрыв сепаратизма в Малороссии. В Киеве формируется Центральная Рада, председателем которой избирается Михаил Грушевский. Начинается череда Универсалов (Указов), первый из которых провозглашает автономию Украины, третий — создание Украинской Народной Республики на территории девяти губерний. В число этих губерний под сурдинку включаются исконно русские этнические территории: «Народ Украины! Мы, Украинская Центральная Рада, творя твою волю во имя установления порядка в нашем крае, во имя спасения всей России, объявляем, отныне Украина будет “Украинской Народной Республикой”, не отделяясь от Республики Российской, сохраняя единство ея. ...На родной земле мы станем на страже права и революции не только у себя, но во всей России, и потому объявляем территории: Украинской Народной Республике принадлежат земли, заселенные в большинстве украинцами: Киевщину, Подолию, Воынь, Черниговщину, Харьковщину, Полтавщину, Екатеринославщину, Херсонщину, Таврию без Крыма...».

Примечательно, что даже в дни безвластия, раздрая и всеобщей разрухи, когда под благовидными лозунгами от Империи отгрызались земли и население, бесспорная принадлежность Крыма России не вызывала сомнений ни у Петлюры, ни у Центральной Рады, ни у Грушевского, столь почитаемых нынешними радателями украинской самостийности.

Последние, кстати, стыдливо умалчивают, что крестным отцом четвертого Универсала, провозгласившего в январе 1918 года полную независимость Украинской Республики, был немецкий генерал Гофман, который в 1919 году в интервью газете «Daily Mail» признался: «В действительности Украина — это дело моих рук, а вовсе не плод сознательной воли русского народа. Я создал Украину для того, чтобы иметь возможность заключить мир хотя бы с частью России...»

Однако вернемся в Крым.

Фрагмент 3

В марте 1918 года территория Крымского полуострова была объявлена Советской Социалистической Республикой Тавриды, а в октябре 1921 года была образована Автономная Крымская Советская Социалистическая республика в составе РСФСР в границах Крымского полуострова. В 1945 году 30 июня «всесоюзный староста» М. И. Калинин подписал Указ Президиума Верховного Совета СССР о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР.

В 1944 году в Крыму завершились боевые действия во время Великой Отечественной войны, в мае был освобожден Севастополь. Здесь уместно сделать небольшое отступление и оценить общие масштабы людских потерь в битвах за Крым и Северное Причерноморье.

Начнем с событий, по которым имеются более или менее учтенные данные (включены боевые потери, а также потери от голода и болезней):

Русско-турецкая война 1710—1713 гг., Прутский поход — около 4 тыс. чел.

Русско-турецкая война 1735—1739 гг. — до 125 тыс. чел.

Русско-турецкая война 1768—1774 гг. — до 75 тыс. чел.

Русско-турецкая война 1787—1791 гг. — до 60 тыс. чел.

Русско-турецкая война 1806—1812 гг. — до 100 тыс. чел.

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. — до 140 тыс. чел.

Крымская война 1853—1856 гг. — более 100 тыс. чел.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. — 105 тыс. чел.

Потери при обороне и освобождении Крыма в Великой Отечественной войне — около 600 тыс. чел.

Всего за период с XVIII века в войнах за Крым Россия потеряла около одного миллиона трехсот тысяч убитыми.

Если включить сюда потери русских войск в войнах с Крымским ханством в XVI—XVII вв., а также потери от набегов крымских татар на русское государство, которые подсчитать практически невозможно, эта цифра вырастет до полутора миллионов человек или более.

В 1948 году в октябре выходит постановление № 403 Совета Министров СССР «О мероприятиях по ускорению восстановления Севастополя». В преамбуле сказано: «Совет Министров СССР отмечает, что восстано-

ление города Севастополя и главной военно-морской базы Черноморского флота осуществляется крайне медленно. При существующих темпах восстановления города и военно-морской базы может быть закончено не ранее 10–15 лет, что является совершенно недопустимым». А далее — соответствующие случаю директивы: закончить в течение ближайших 3–4 лет..., выделить..., предложить..., возложить..., назначить...

Через несколько дней после этого в Москве подписывается важнейший документ, который следует привести полностью:

**Указ
Президиума Верховного Совета РСФСР
О выделении города Севастополя
в самостоятельный административно-хозяйственный центр**

Выделить город Севастополь в самостоятельный административно-хозяйственный центр со своим особым бюджетом и отнести его к категории городов республиканского подчинения.

*Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР И. Власов
Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР П. Бахмуrow
Москва, 29 октября 1948 года*

Таким образом, за Севастополем был закреплен особый хозяйственно-правовой статус. В тот же день Совет Министров РСФСР издал постановление № 1082 «Вопросы города Севастополя», которым обязал «Госплан РСФСР, Министерство финансов РСФСР, министерства и ведомства РСФСР выделять город Севастополь в государственном плане и бюджете отдельной строкой».

В кратчайшие сроки город был в основном отстроен, очищены бухты и отремонтированы причалы, восстановлена боеготовность оборонительных сооружений.

Приближался 1954 год.

Фрагмент 4

Приведем без купюр постановление Совета Министров РСФСР № 156 от 5 февраля 1954 года, которое озаглавлено «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР». Сказано следующее:

«Учитывая территориальное тяготение Крымской области к Украинской ССР, общность экономики и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР, Совет Министров РСФСР постановляет:

Считать целесообразным передать Крымскую область из состава РСФСР в состав УССР.

Просить Президиум Верховного Совета РСФСР рассмотреть вопрос о передаче Крымской области в состав УССР и войти в Президиум Верховного Совета СССР с соответствующим представлением».

Президиум ВС РСФСР откликнулся в тот же день: «...Передать Крымскую область из состава ... в состав...» и сие постановление не замедлил внести на утверждение Президиума Верховного Совета СССР.

Уже 13 февраля Президиум ВС Украинской ССР, торопясь со своей стороны поддержать благое начинание, благодарил Россию за небывалый подарок. Вот выдержки из документа:

«Президиум Верховного Совета Украинской ССР ... считает, что передача Крыма Украинской ССР ... вполне целесообразна и является свидетельством безграничного доверия великого русского народа украинскому народу.

Украинский народ с сердечной благодарностью и одобрением встретит решение о передаче Крыма ... как новое проявление заботы ... о дальнейшем укреплении нерушимой дружбы и братской связи между русским и украинским народами. Правительство Украины уделит должное внимание делу дальнейшего развития народного хозяйства Крыма, повышению материального и культурного благосостояния трудящихся Крымской области».

Еще через неделю, 19 февраля 1954 года, «первый красный офицер» Климент Ефремович Ворошилов поставит свою размашистую подпись под Указом Президиума ВС СССР «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР», и в этот день закончится российская история Крыма, за которую было заплачено полутора миллионами жизней наших соотечественников.

Наконец, в апреле 1954 года на сессии Верховного Совета Союза ССР был принят закон «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» и внесены соответствующие изменения в статьи 22 и 23 действовавшей тогда Конституции СССР. Представитель Украины в своем выступлении на сессии заверял: «Мы безмерно благодарны великому русскому народу, который спас Украину от порабощения султанской Турцией и польской шляхтой... Передача Крымской области Украине еще больше укрепляет дружбу наших братских народов. Когда и в какой капиталистической стране возможен был такой великодушный акт, как передача великим народом одной из лучших своих областей другому народу?»

Обратим внимание на эту фразу: «одной из лучших своих областей». Действительно, нигде в вышеупомянутых документах ни слова не сказано о городе-герое Севастополе, который Указом от 29 октября 1948 года был...

Совершенно верно.

...Был выделен в самостоятельный административно-хозяйственный центр со своим особым бюджетом и отнесен к категории городов республиканского подчинения.

Фрагмент 5

О правовой несуразице, спешке и небрежности, с которыми разрабатывались и принимались противозаконные по своей сути постановления и указы 1954 года, сказано и написано немало. Но даже на этом нелепом фоне ситуация с Севастополем выглядит театром абсурда. Итак:

1. После уже упомянутого Указа от 29 октября 1948 года Совет Министров РСФСР принял постановление № 1082, которым поручил российским министерствам, ведомствам и Крымскому облисполкому в плановых и бюджетных вопросах отделить Севастополь от Крымской области. Это поручение в связи с прекращением дотационного периода финансирования европейской части СССР после войны 1941–1945 годов было отменено Пос-

тановлением Совета Министров РСФСР только в 1968 году, то есть через четырнадцать лет после событий 1954 года.

2. Следующим документом, принятым по Севастополю на уровне высших органов государственной власти, было Постановление ВС РФ «О статусе города Севастополя» № 5359-1 от 9 июля 1993 года, подтвердившее российский федеральный статус города Севастополя в административно-территориальных границах городского округа по состоянию на декабрь 1991 года. В этом постановлении давались поручения Совету Министров, Центральному банку России и Комитету Верховного Совета РФ предпринять меры по обеспечению этого статуса.

Это — все. Никаких других решений по Севастополю Россия не принимала.

Зато в 1978 году в Конституцию УССР была включена статья 77, в которой Севастополь был объявлен городом республиканского подчинения в составе Украинской ССР.

Вот какой комментарий по этому поводу дает Московский институт международных отношений МИД РФ: «Положение Конституции Украинской ССР в статье 77 ... не имеет юридической силы с момента принятия, так как принято Украинской ССР в одностороннем порядке, без принятия соответствующего решения конституционными органами власти РСФСР».

Кроме того, есть международный правовой обычай — длительное и нарушаемое пользование военно-морской базой. Так, в 1704 году Гибралтар стал британским в результате войн за испанское наследство. С тех пор все усилия испанцев вернуть город под свою юрисдикцию оказались безрезультатными. Военно-морская база Великобритании на Пиринеях имеет площадь всего 5 кв. км, но она существует и является одним из главных опорных пунктов морского могущества Великобритании. Британский статус Гибралтара общепризнан.

То, что Россия начиная с 1774 года владела территорией, на которой расположена военно-морская база Севастополь, подтверждается многочисленными договорами, о которых мы уже рассказывали.

То, что финансирование города и базы осуществлялось из бюджета СССР, правопреемницей которого является Российская Федерация, подтверждается в выводах Рабочей комиссии Верховного Совета России по статусу города Севастополя и звучит это так: «Практически по 1991 год... не только финансовые, но и организационные функции, включая паспортный режим на территории г. Севастополя, осуществлялись под непосредственным руководством Совета Министров СССР, без участия Совета Министров УССР». Конец цитаты.

Поэтому признание Украины после 1991 года в качестве нового, суверенного и независимого государства вовсе не означало автоматического признания ее прав на оспариваемые территории, и постановление ВС РФ «О статусе города Севастополя» от 9 июля 1993 года, не отмененное до сего дня, юридически безупречно.

После подтверждения российским парламентом российского федерального статуса Севастополя должно состояться соответствующее решение Правительства РФ по его финансированию. На ноябрь того же года было намечено на очередном Съезде народных депутатов при внесении изменений в Конституцию РФ окончательно узаконить решение Верховно-

го Совета, то есть записать положение о том, что Севастополь наряду с Москвой и Санкт-Петербургом приобретает статус города республиканского подчинения. Однако наступили известные события сентября 1993 года, повлекшие за собой расстрел Белого Дома в Москве, и решение ВС РФ по Севастополю реализовано не было.

А что же сам Севастополь? Народ безмолвствовал? Отнюдь.

В июне 1994 года Севастопольский городской совет народных депутатов провел опрос жителей Севастополя о статусе города. Итоги: 89,6 % участников высказались за то, чтобы Севастополь являлся главной базой российского Черноморского флота. На основании этого опроса 23 августа 1994 года Севастопольский горсовет обратился к президентам В. Ельцину и Л. Кучме, руководителям парламентов В. Шумейко, И. Рыбкину и А. Морозу с предложением «принять государственно выверенное решение о российском федеральном статусе Севастополя и окончательно решить проблемы Черноморского флота». В обращении были указаны и основания для рассмотрения данных проблем, а именно:

1. Воля жителей г. Севастополя и моряков-черноморцев, 89 % которых положительно ответили на вопрос о российском его статусе.
2. Отсутствие конкретных решений по статусу города и флота.
3. Продолжающаяся финансово-экономическая блокада города.
4. Принципиально невозможное совместное базирование сил Черноморского флота и ВМС Украины.
5. Введение в город подразделений национальной гвардии Украины без согласования с городским Советом народных депутатов.

Эта просьба осталась без разрешения.

О взятии Севастополя в июле 1942 года радио нацистской Германии сообщило так: «Наши доблестные войска овладели Севастополем, самой мощной из военно-морских крепостей, когда-либо существовавших в истории человечества».

В мирное время великий российский город и «самая мощная из военно-морских крепостей» оказались бессильны перед равнодушием власть предержащих.

Но, как и прежде, базируется в Севастополе Черноморский флот Российской Федерации, и каждое утро над Севастопольской бухтой раздается «На флаг смирно! Флаг поднять!», и в высокое южное небо взмывает легендарный Андреевский стяг.

ПАМЯТНИКИ А. С. ПУШКИНУ

После трагического распада Советского Союза многие наши недруги стали усиленно заниматься принижением роли СССР в XX веке, особенно в героическом подвиге советского народа в разгроме фашизма.

Ими всячески принижается роль и значение русской культуры в мировой истории.

Центром же нашей русской культуры всегда был А. С. Пушкин, его творчество, которое, несомненно, принадлежит всему человечеству.

А. С. Пушкин открыл свободный поиск истины, а русскую культуру сделал искательницей этой истины. Для А. С. Пушкина в его творчестве главным всегда был смысл человеческой жизни.

Именно поэтому у меня зародилась идея заняться продвижением русской культуры в зарубежные страны путем установки там монументов русским писателям и поэтам.

Первый монумент А. С. Пушкину мне удалось установить в 1999 году — в год его 200-летия со дня рождения — в Королевстве Норвегия в г. Осло в государственной Дейхманской библиотеке. Финансовые средства на это мероприятие мне выделила норвежская компания «Денофа». Государственные и общественные деятели этой страны, принявшие участие в церемонии открытия монумента А. С. Пушкина, с радостью восприняли установку монумента нашего великого русского деятеля в своей стране. Норвежская пресса уделила большое внимание этому событию. Скульптором монумента был Ю. С. Динес.

В том же году такой же скульптурный бюст А. С. Пушкина в бронзе работы скульптора Ю. С. Динеса был мною установлен в пос. Вяземы Московской области в музее писателя. В финансировании этого проекта приняли участие уже российские граждане.

Продолжением этой миссионерской деятельности мне посчастливилось заняться через 10 лет. В этой дальнейшей деятельности мне активно стали помогать такие граждане России, как А. Г. Шкуро, В. И. Демков и В. П. Мельников. Также я получил большую финансовую поддержку из ОАО «Газпромбанк».

По просьбе посла Сербской Республики в России г-на Милинича в 2008 году мною была организована установка скульптурного бюста А. С. Пушкина в бронзе в г. Баня Лука. Это событие было встречено славянской общественностью с большой радостью. В том же 2008 году во время проведения Олимпийских игр в Китайской Народной Республике при содействии китайских друзей памятник А. С. Пушкину работы Г. В. Потоцкого в бронзе был установлен в портовом городе Нинбо.

В 2009 году я организовал установку монументов А. С. Пушкину в Республике Словения в Библиотеке Славянских языков г. Любляны, в Турецкой Республике в ОКАН — Университете г. Стамбула, в Республике Болгария в Университете им. Епископа Константина Преславски в г. Шумен, в Республике Сербия в г. Белграде на площади рядом с памятниками Кириллу и Мефодию, а также Вуку Караджичу и, наконец, на родине предков А. С. Пушкина — в африканском государстве Эритрея в г. Асмара. Автором всех этих монументов был Н. А. Кузнецов-Муромский, кроме г. Стамбула, где автором был Г. В. Потоцкий.

Во всех этих странах установка монументов А. С. Пушкину воспринималась с глубокой сердечностью и благодарностью. Достаточно привести пример, когда на пресс-конференции в г. Белграде сербы говорили — «Дар памятника А. С. Пушкина — свидетельство того, что Россия повернулась лицом к Сербии».

В 2010 году работа по установке монументов была продолжена. Скульптурный бюст А. С. Пушкина в бронзе работы Г. В. Потоцкого был установлен в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО), а памятники А. С. Пушкину в бронзе работы Н. А. Кузнецова-Муромского установлены в Кабардино-Балкарской Республике Российской Федерации в г. Нальчике, в республике Казахстан (г. Костанай) и скульптурный бюст в бронзе в Социалистической Республике Вьетнам в г. Ханое.

Как яркий пример отношения к А. С. Пушкину я приведу строки из стихотворения вьетнамского поэта Ле Ван Няна:

*Общий разрушился дом большевистский,
Но сохранился же русский язык —
с нами остался по-прежнему близкий
Пушкина звонкий и гордый язык!
Мы сбережем в героическом риске
шестьипадежный любимый язык,
здесь, среди вьетов, создавobeliski
с крупною надписью РУССКИЙ ЯЗЫК!*

В 2010 году, в год 150-летия со дня рождения писателя А. П. Чехова в Демократической Социалистической Республике Шри-Ланка, на острове Цейлон, в г. Коломбо, в отеле, где 120 лет тому назад побывал писатель, ус-

тановлен скульптурный бюст в его память в бронзе работы автора Г. В. Потоцкого.

В 2011 году по договоренности с государственными и общественными деятелями Швейцарской Конфедерации с моей помощью был установлен скульптурный бюст А. С. Пушкина в бронзе в 100 км от Цюриха, в местечке Теллсплатте, где в XIV веке жил и боролся с иноземцами Вильгельм Телль. Открытие этого бюста было приурочено к 24 сентября — то есть к дате изгнания со швейцарской земли французских захватчиков русскими воинами под руководством А. В. Суворова.

В ноябре 2011 года по просьбе иракских выпускников советских и российских высших учебных заведений скульптурный бюст А. С. Пушкина был установлен на территории Багдадского университета.

Руководство Республики Армения выразило готовность установить памятник Пушкину в центре Еревана в 2012 году.

Памятник Пушкину в г. Медельин будет установлен в Университете «Антиокии» в 2012 году.

Ведутся переговоры об установке скульптурных бюстов А. Пушкина в Республике Мадагаскар и также в Великом Герцогстве Люксембург, где, как известно, проживала родная дочь А. Пушкина.

Видя воочию реакцию жителей тех мест, где с моей помощью были установлены монументы русским писателям, я убедился в правильности моих усилий в этом направлении. В России простые люди во всем мире видят Мировую Державу, которая исторически является страной, владеющей огромным нравственным потенциалом. Считают, что Россия это особое место на земле, страна с особой культурой, страна, где живет особая нация. Россия — это единственное место на земле, где Запад и Восток плавно переходят друг в друга, а не сталкиваются в конфликте.

Моя миссионерская деятельность была высоко оценена Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым, которым 23 июня 2011 года подписан Указ о награждении меня орденом Дружбы.

*Ответственный Секретарь Пушкинской секции
Союза писателей России, ветеран Великой Отечественной войны,
полковник в отставке И. П. Новоселов*

ПРОЗА

Сергей КОЗЛОВ

ДОТЯНУТЬСЯ ДО РУССКОГО НЕБА

Рассказ

Сергей Сергеевич Козлов — родился в 1966 г. в Тюмени. Окончил Тюменский гос. университет. Работал учителем истории в школе, музыкантом, сторожем, текстовиком в рекламном агентстве, директором средней школы. С 2007 г. преподает на Кафедре журналистики Югорского государственного университета. Член Союза писателей России. Лауреат премий — губернатора Югры, международного конкурса литературы для детей и юношества им. А. Н. Толстого за повесть «Мальчик без шпаги (Пуговица Царевича Алексея)» (повесть экранизирована Константином Одеговым — фильм «Наследники»), им. В. П. Крапивина, журнала «Наш Современник», специальной премии «Народного собора». Автор многих книг прозы. **Живет в Ханты-Мансийске.**

В такую ночь, кажется, вся Вселенная открывается. Глянешь в небо, и голова кружится. Звезд высеяно — и больших и малых — цветов разных и сияний всяких. И все это не просто мерцает-светит, а еще, вроде как, дышит, движется что-то там. Будто в механизм часов Господа Бога заглянул. Вращаются шестеренки галактик, цепляют друг друга, и сияет весь этот мудреный мир какой-то удивительной радостью творения. Сияние передать можно, движения отдельные описать, а объема не передать. Слов не хватит, потому как дух захватывает. И никакого чувства хаоса, напротив — размеренность и предначертанность во вселенском устройстве. В глазах рябит... Но важно — увидеть ту главную звезду — Вифлеемскую. Ночь-то рождественская... А на земле топчется с ноги на ногу всего-навсего брненное тело, запрокинув голову в чарующее ночное небо, душа же будто соединилась невидимым лучом со всей этой звездной кутерьмой. И скользит душа по лучу и теряется в мириадах миров, в завихрениях туманностей, и непонятно, то ли она за взглядом, то ли взгляд за ней едва поспевает. Ночь же, пронизанная, будто примороженная, а не привороженная даже вселенской тайной, ширится и объемлет маленький человеческий мир, наполняя его чудесами для тех, кто умеет видеть и слышать небо. Для тех, кто очень в них нуждается, для тех, кому в эту ночь не хватает любви и заботы.

Вдруг две маленьких, как крупинки, звезды сорвались с разных частей неба и ринулись вниз по наклонной к центру горизонта территории, столкнулись на середине пути и превратились в небольшую, но очень красивую вспышку.

— Bay! — восхитился Ильяс, который никогда ничего подобного

не видел. — Вау, — повторил он, как человек современный, и добавил, как учил его дед: — Хвала Аллаху, господу миров!

Несмотря на свое бедственное состояние, Ильяс не мог не восхититься увиденным. Он даже забыл, что смотрел в ночное небо от великой печали. Идти ему в этом чужом северном городе было некуда, даже добраться до аэропорта, где можно было встретить земляков и получить хоть какую-то помощь, было не на что. Можно было радоваться, что прораб, выгоняя его с работы накануне праздника, милостиво швырнул ему хотя бы паспорт. И чужой город, сияющий не только окнами и огнями реклам, но и огромными белоснежными сугробами, никуда не звал его. Поэтому у Ильяса появилось время смотреть в небо. Много времени... А обида шептала ему, что теперь он вправе забрать честно заработанные деньги там, где они плохо лежат. Надо только хорошо подумать. Найти такое место или такой карман. И пусть потом кто-нибудь другой рассказывает про кризис, и про то, что хозяин стройки вдруг разорился...

— Вы тоже это видели? — фразу произнес мужчина, который будто из-под земли вырос рядом.

Прежде чем ответить, Ильяс внимательно посмотрел на него: статный, седой, без головного убора, в длиннополом черном пальто и дорогих лаковых ботинках... Явно из тех, кто не думает, из какого кармана достать деньги. Точнее — электронную карточку.

— Видел, — сухо ответил Ильяс.

— Мне кажется, вас что-то печалит, раз вид такого удивительного неба не радует вас, — вкрадчиво и очень вежливо предположил мужчина. Но именно эта вежливость раздражала Ильяса. Более того, он из-за нее мог считать себя хозяином положения.

— Вы у каждого гастарбайтера спрашиваете, как у него дела? — иронично поинтересовался Ильяс.

— Нет, конечно, я редко бываю на улице.

— Много работаете? Офис-мофис?

— Не только поэтому, — уклончиво ответил мужчина и вдруг представился и протянул руку: — Меня зовут Илья Сергеевич.

— Ильяс, — он вынужден был протянуть руку в ответ.

— Ух ты, — удивился мужчина, — мы тезки. Просто у вас вариант арабский.

— Ну да... — сам удивился Ильяс и позволил себе немного оттаять.

— Так в чем же ваша проблема? — участливо спросил Илья Сергеевич.

— Мировой финансовый кризис, — начал издалика Ильяс, но Илья Сергеевич не дал ему договорить и задал другой вопрос.

— Вы очень хорошо, почти без акцента говорите по-русски. А возраст... Ну вы точно не в СССР родились.

— Точно. Просто у меня отец был учителем русского языка. Его Ильхом зовут. Он был очень хороший человек.

— Был?

— Да, он умер.

— Извините.

— Ничего. Он давно умер. Я старший сын, должен заботиться о семье, и вот я приехал сюда, а тут случился этот проклятый кризис.

— Вам не заплатили и выставили на улицу в рождественскую ночь, — догадливо продолжил Илья Сергеевич.

— Точно.

— М-да... Не по-христиански...

— Да это вообще не по-каковски!.. — дал волю возмущению Ильяс. — Я просил денег хотя бы на билеты!..

— Вы позволите мне помочь вам? — перебил его Илья Сергеевич.

— Позволить? — переспросил Ильяс. — С чего бы вам это делать? — Он посмотрел на Илью Сергеевича с таким недоверием, что тот очень смутился.

— Беда нашего времени в том, что мы уже перестали доверять добру. Это страшно. — Печально сказал куда-то себе под ноги Илья Сергеевич. — Мы в добре видим подвох! Последние времена... Явно последние... Но, — оживился он вдруг, — в рождественскую ночь должны происходить чудеса. Должно совершаться добро. Понимаете?

— Понимаю, — криво ухмыльнулся Ильяс, — прораб так и сказал: с рождеством тебя, чурка...

— Не обижайтесь на него. Он просто недалекий человек. Вы ведь тоже как-то между собой называете русских?

— Валенки... иваны... — начал вспоминать Ильяс. — Кляты мурики! — это хохлы так говорили, которые с нами работали.

— Ну вот, — облегченно вздохнул Илья Сергеевич, — знаете, моя соседка Валентина Петровна — очень добрая старушка, она приготовила мне рождественского гуся, есть немного вина... Сама она побежала на службу в храм.

— А вы? — спросил Ильяс. — Вы не пошли в храм? У вас же праздник... Мы Ису почитаем, как пророка.

— Если Христос узнает, что я вместо того, чтобы пойти на службу, помогал человеку, Он не обидится.

— Даже если этот человек мусульманин?

— Человек — вот главное. Пойдемте ко мне, — запросто предложил Илья Сергеевич, — через Интернет можно заказать вам билет на самолет...

— Вы что — дадите мне денег?

— Конечно, вы же вернете, — удивился недоверию Илья Сергеевич, — вы же тезка. Разве не так?

— А-эм... — Ильясу вдруг стало стыдно, он увидел этого пожилого статного мужчину насквозь. Илья Сергеевич располагал к себе без всяких объяснений, просто потому, что был добр от природы. Ильясу стало стыдно, что он отнесся к нему с недоверием.

— Какое удивительное, какое глубокое и какое насыщенное сегодня небо, — Илья Сергеевич восхищенно шептал, запрокинув голову. — У ангелов много работы.

— Вы в это верите? — Ильяс тоже обратил взор к небу.

— Ну... У меня даже выбора нет.

— Как это нет?

— Ну... у каждого человека есть данный Богом выбор: верить или нет. А у меня нет. Я просто верю и все.

— Вы что, их видели? — грустно улыбнулся Ильяс.

— Как вас, — спокойно ответил Илья Сергеевич, — понимаю, — опередил он недоумение гастарбайтера, — я выгляжу, как сумасшедший. Очень жаль...

Ильясу снова стало стыдно. Он вспомнил, что в Фергане его ждут младший брат и младшая сестра, ждет бабушка, ждет Чинара... Младшие тоже верят в чудеса, от этого они немного счастливее, чем Ильяс, чем бабушка, вся жизнь которой — это только труд и ничего более. И вот Ильяс не сможет сделать для них маленькие чудеса: хотел всем привезти подарки. А теперь стоит под холодным сибирским небом, пялится в него вместе с добрым, но явно сумасшедшим пенсионером, которого сначала принял чуть ли не за олигарха. Станные и разные эти русские. Были такими большими и сильными, и что с ними стало? На что они себя растратили? Почему половина русских продолжают считать себя великим народом, а другая половина спивается и заискивает перед Западом? Какая половина победит или останется? Или, как говорил мулла, через какое-то время русских останется столько, что можно просто будет прийти на то место, где они были. Они с настороженностью смотрят на нас, мы — на них. Отец говорил, что когда-то у него был русский друг, и этот друг был самым верным. Но его убили на улицах Ферганы... За то, что он был русским. А здесь — на этой улице — запросто могут убить Ильяса. Но вот стоит пожилой мужчина, и в глазах его светится добро. У него серые глаза... А у Чинары — голубые. Удивительное сочетание. Сама она бронзовая, волосы — бархатная смоль, а глаза — голубее неба! Может, где-то в прадедах у Чинары есть вот такой сероглазый Илья Сергеевич. У него, наверное, в юности глаза тоже были светлее и ярче, но потом их затянуло пеленой прожитых лет. У отца были такие же... Уже не карие, а похожие на пересохшую почву.

— Я верну вам деньги. Прорабу все равно придется с нами рассчитываться. У нас все было по закону. Договор, карточка миграционная... Хотите посмотреть мой паспорт?

— Зачем? Чтобы поверить? — улыбнулся Илья Сергеевич. — Не надо. Мы не в банке.

* * *

Квартира Ильи Сергеевича оказалась маленькой, но уютной. Две комнаты и кухня, стены которых превращены в стеллажи для книг. Тут не нужны ни водоземельсионка, ни обои — тут со всех сторон корешки книг. Даже на кухне есть книжная полка.

— Вы все это читали? — восхищенно спросил Ильяс.

— Нет, очень хотел бы, но просто не успел и уже не успею.

— Отец тоже много читал... На русском... — шагая вдоль стеллажей, Ильяс нечаянно налетел на инвалидное кресло-каталку, которое стояло у кровати в спальне. — Извините, зазевался.

— Да ничего страшного. У меня как раз к вам просьба. Поможете?

— ? — обратился во внимание Ильяс.

— Хочу передвинуть кровать к окну. Там хоть и дует, но зато видно небо.

— Конечно, помогу, — Ильяс тут же взялся с одной стороны за спинку кровати. — Туда двигать?

— Туда.

Они быстро и легко переставили кровать, как просил Илья Сергеевич.

— Ну, а теперь нас ждет гусь, которого запекла Валентина Петровна. Очень добрая у меня соседка. Очень. Если б не она, я, наверное, с голоду бы умер. Прибирает, готовит, стирает... Как за ребенком за мной смотрит.

— Моя бабушка тоже помогает одинокому соседу, — добавил Ильяс.

— Время такое. Все торопятся. Пожилые люди предоставлены сами себе.

— У нас не так. Мы уважаем старших, — твердо возразил Ильяс, — а соседу бабушка помогает не потому, что его дети бросили или мало ему помогают, а потому что ей самой так хочется.

— Ну и, слава Богу, — улыбнулся Илья Сергеевич. — Вы немного вина выпьете или ислам запрещает?

— Немного можно. Ночью Аллах не видит, у меня друзья так шутят. Они современные люди.

— А вы, Ильяс?

— А я?.. Не знаю... — Ильяс по-прежнему бродил вдоль книжных стеллажей и все больше думал об отце. После его смерти книги вынесли в сарай. Старые книги с пожелтевшими страницами. На место книжных шкафов поставили современную мебель, новенькую аудиоаппаратуру. Удачная халтура в Москве тогда подвернулась. Строили торговый центр. Да, странная нынче экономика, — подумал Ильяс, — магазины строим, — а заводы не строим. Что будет продаваться в магазинах?

Илья Сергеевич между тем включил компьютер и стал искать в сети заказ авиабилетов.

— А вы кем работаете или работали? — спросил Ильяс.

— Я писал книги для детей.

— Писатель?

— Ну... можно так сказать.

— И много написали?

— Как посмотреть. Ну... вон... на той полке...

— А почему для детей? Детей любите? — Ильяс развернул одну из книг, бесцельно полистал.

— Люблю. Как же детей не любить. Они же ангелы.

— О! У меня младший брат такой ангел, — усмехнулся Ильяс, — шайтан, а не ангел. Только и успеваю его из неприятностей всяких вытаскивать. — Он подошел к столу, за которым сидел Илья Сергеевич, и увидел фотографию в рамке: молодой Илья Сергеевич с красивой женщиной и двумя мальчиками. Скорее всего, погодками. У женщины были голубые глаза, как у Чинары. Не голубые даже, а почти бирюзовые. Но женщина была блондинкой.

— Это ваша семья?

— Да.

— Они куда-то уехали.

— Да. — Илья Сергеевич неотрывно смотрел на экран ноутбука.

— На нем пишете?

— Ага, если Валентина Петровна не против.

— Как не против? — удивился Ильяс.

— Она за моим режимом следит. Чтобы не переработал.

— А-а-а...

— Ну вот, билет завтра, до Ташкента. До Ферганы от нас не летают.

— Ничего, там я доберусь. — Ильяс стоял рядом, покусывая нижнюю губу в нерешительности, ему хотелось сказать что-нибудь очень теплое Илье Сергеевичу, но он не находил слов, да и не решался.

— А сейчас — за стол! Полночь скоро, праздник. Сейчас начнут запускать фейерверки. Те, которые от Нового Года остались. Глупо у нас в стране получается. Рождество после Нового Года...

— Илья Сергеевич, — наконец-то решился Ильяс, — я обязательно верну вам все деньги. Может, не сразу, но обязательно верну. Вы хороший человек. Таких сейчас не бывает. Мой отец был таким...

— Это самые лучшие слова, которые ты мог сказать мне, — Илья Сергеевич опустил взгляд, потому что на глаза у него навернулись слезы.

— Я верну. Правда.

— Я знаю. Пойдем за стол. Думаю, тебе лучше приехать сюда уже в апеле. Кризис-то надуманный. Все уляжется. Весной работы будет больше.

— Я так и поступлю. Вы хоть и сумасшедший, но мудрый, — улыбнулся Ильяс, — простите...

— Да ничего.

— Я просто думаю... Вот как на вас со стороны посмотрят. Подобрал какого-то первого встречного на улице, нерусского, да еще дал ему кучу денег на билеты...

— Ах! Чуть не забыл! — спохватился Илья Сергеевич. — Вот, — он взял с полки книгу и вынул конверт, который лежал между книг. — Тебе нужны будут подарки твоим близким... — И торопливо упредил недоумение, от которого Ильяс потерял дар речи: — Бери-бери. Здесь не так много. Гонорар за последнюю книгу. Тебе сейчас нужнее. У меня еще пенсия. И Валентина Петровна. Бери же...

— Что скажут ваши близкие?.. — Ильяс покосился на фотографию.

— Ничего не скажут. Точно.

— Храни вас Аллах! — теперь уже на глаза Ильяса выступили слезы.

— И тебя храни Бог, — улыбнулся Илья Сергеевич. — Пойдем, если мы сейчас не съедим гуся, Валентина Петровна будет меня с самого утра ругать. Там еще и пюре... А вино у меня крымское. Настоящее. Каберне. «Массандра». Друзья прислали.

Они просидели до самого утра. Запеченный гусь с золотистой корочкой, пюре, зелень и красное вино окончательно расположили их друг к другу. Ильяс рассказал о своей семье, о Чинаре. О том, что они мечтают пожениться, но нужно заработать десять тысяч долларов на свадьбу. Меньше не получится. Нет, калым теперь уже пережиток. Калым, может быть, у богатых. Простые люди хотят счастья своим детям, и так же как в России родители жениха и невесты складываются на свадебные расходы. Но свадьба обязательно должна быть пышной. Шумной. Гостей должно быть много. И должны быть важные, именитые гости. А Чинара... Она такая стройная и немного высокая. Как немного высокая? Ну... немного выше, чем принято. Кем принято? Откуда стандарты? Ну, на западе она была бы топ-моделью, а на востоке надо быть чуть меньше... Чуть-чуть... Может, поэтому на нее еще никакой олигарх-бай глаз не положил...

Илья Сергеевич в основном слушал, спрашивал и задавал такие вопросы, что Ильясу самому было интересно на них отвечать. И когда Ильяс хотел задать какой-нибудь свой вопрос, хозяин дома опережал его на долю секунды, и приходилось уступать старшему. После семейных историй Ильяс рассказывал о древнем Самарканде, Коканде, об Улугбеке и его деде — хромом Тимуре. О том, какой красивый весенний праздник

Навруз... За беседой они даже не заметили, как пролетело время, и когда зазвонил телефон (диспетчер сообщила, что такси ждет у подъезда), они с удивлением заметили, что за окном огромными хлопьями летит снег. Весь мир удивительно обновился.

— Русская зима, настоящая, пушистая... Я в Европе работал, там нет такой, даже если есть снег, — сказал Ильяс.

— Да, — согласился Илья Сергеевич.

— Вы мне забыли дать свой мобильный телефон.

— Ах да, — смущенно спохватился Илья Сергеевич, как будто и не собирался этого делать.

Он черкнул на блокнотном листе цифры, имя, и протянул его Ильяс.

— Если долго не буду отвечать, значит — в больнице, — пояснил он.

— Я все равно приеду и отдам долг. А они, — Ильяс неопределенно кивнул за окно, — отдадут мне. Я полгода не за «доширак» работал.

Когда Ильяс вышел из подъезда на улицу, он оглянулся, надеясь, что его новый старший товарищ смотрит в окно. Но за стеклом никого не было. Он глубоко вздохнул удивительно свежий воздух и посмотрел на небо, откуда падали вчерашние звезды. Мириады звезд. Ему нужно было сказать несколько слов небу, и он сказал, специально ломая русский язык акцентом:

— Папа, какой тебе большой рахмат за то, что ты заставлял меня учить русский. Какой рахмат, тебе, отец! Принимай гостя лучше, чем собственного отца... — пришла в голову пословица. — Нет, так не бывает, — он еще раз оглянулся на окна Ильи Сергеевича. — Пока есть разум, узнавай людей... — вспомнил он вслух еще одну древнюю пословицу, — и сел в такси, за рулем которого оказался его земляк.

— На ташкентский торопишься? — спросил таксист.

— Уважаешь язык, уважаешь народ, — ответил вдруг отцовской пословицей Ильяс, отчего земляк настороженно на него покосился, но потом быстро перевел в понятное для себя русло:

— У русской девочки Рождество праздновал?

Ильяс не стал ему отвечать. Спросил, сколько стоит такси до аэропорта. Земляк с широкой улыбкой назвал двойную цену... Как брату, сказал он.

* * *

В этот город Ильяс вернулся, как и говорил ему Илья Сергеевич, в апреле. Даже не потому, что он так посоветовал, а потому что так сложилось. Почти четыре месяца он изо дня в день звонил своему старшему товарищу из далекой Сибири, но телефон был отключен. А потом позвонил тот самый прораб, извинился за грубость в рождественский вечер, сослался на то, что и сам тогда остался без зарплаты, но теперь обещал, что постепенно все выплатят, а бригаду надо собрать снова. Документы для договоров он уже готовит. «Ты же мастер, Ильяс», уважительно сказал прораб в конце разговора.

Когда Ильяс спустился по трапу на летное поле, он снова увидел снег. Снежинки летели огромными хлопьями, словно вырезанные из салфеток, и падали плашмя на голые бетонные плиты. Было промозгло и зябко, отчего казалось, что сейчас даже по сибирским меркам не апрель, а ноябрь. А дома уже отцвел урюк... По внешним признакам Ильяс заметил, что

город уже успел оттаять после долгой зимы, но вот она вернулась снова, будто что-то забыла. «Как они здесь живут?», спросил он сам себя, одновременно задаваясь вопросом о том, что нужно пообещать Абдураимову Ильяс, дабы он согласился провести остаток своих дней в Сибири. Он согласился бы переехать сюда лишь по одной причине: если б здесь жила Чинара. «Чинара — восточный платан, — вспомнил, как над именем его любимой задумался в ту ночь Ильяс Сергеевич, — Это дерево в Древнем Египте считалось воплощением богини неба Нут». «Красивая богиня?», — спросил тогда Ильяс. «Как небо», — улыбнулся Ильяс Сергеевич. «У нее золотистые волосы, немного выются..., только глаза голубые», — сообщил Ильяс. «Небо в золотой оправе», тут же нашелся писатель. Ильяс так и сказал Чинаре при встрече: «ты мое небо в золотой оправе...» Ей очень понравилось. «Ты не начал писать стихи?»

И теперь, вспоминая ночной разговор, Ильяс почувствовал, как в душе у него что-то дрогнуло, ему захотелось сделать что-то доброе и значимое для Ильи Сергеевича. Он подхватил сумку и ринулся на стоянку такси. Почти не удивился, что оказался в той же машине, что в январе везла его в аэропорт. Земляк не вспомнил его, потому повторно дал визитку с телефоном (если вдруг понадобится такси) и рассказал местные новости.

У подъезда Ильяс остановился, посмотрел в окна. Они показались ему серыми и безжизненными. Какое-то недоброе предчувствие скользнуло в душу. Потом он долго и настойчиво звонил в дверь, но никто не открывал. Уже собрался, было, уходить, как приоткрылась дверь напротив, и в проеме показалось настороженное лицо старушки.

— Чего шумишь? Видишь, нету там никого...

— Не вижу. Дверь ведь не открывают. А вы — Валентина Петровна, — догадался Ильяс.

— Откуда знаешь?

— Мне Ильяс Сергеевич про вас рассказывал, а гуся вы готовите замечательно.

— Гуся? Какого гуся? — подпрыгнули седые брови.

— Мы на Рождество с ним ели. Он в храм из-за меня не попал.

— В храм?

— Да, он помог мне очень. Мне надо ему долг отдать.

— В Рождество, говоришь, — прищурила старушка белесые глаза, стараясь внимательнее рассмотреть гостя. — Где он тебя нашел-то?

— На улице, в двух кварталах отсюда. Мы на небо смотрели. Вместе... А потом мы еще кровать двигали...

— Кровать! Ой, Господи! Сколько же он меня, дуру старую, просил... Небо хотел видеть. На небо, говоришь, смотрели... очень это на него похоже. А во что он был одет?

— Темное такое длинное пальто. Шарф белый. И ботинки лаковые.

— Ух! — всплеснула отчего-то руками Валентина Петровна, а потом закрыла лицо ладонями и заплакала.

Ильяс теперь окончательно почувствовал беду и помрачнел. Он не решился ничего говорить, просто стоял и ждал.

— Пойдем-ка, — позвала старушка за собой в свою квартиру. — Как хоть тебя зовут-то?

— Ильяс. Я тезка Ильи Сергеевича.

- Заходи-ко, Ильяс. Заходи. На кухню пойдем, чай будешь?
- Зеленый, если можно.
- Я и сама зеленый уважаю. И Ильяс Сергеевич любил.
- Почему любил?
- Ты это... ты садись... садись...

По щекам Валентины Петровны теперь уже безостановочно текли слезы. Она и не пыталась их скрывать. Дрожащей рукой зажгла конфорку, поставила чайник. Села напротив.

- Ильяс, послушай, сосед мой умер в Рождественскую ночь.
- Когда я уехал? — испугался Ильяс.
- Тут не все просто... Тут чудо, понимаешь?
- Понимаю, он мне про это чудо всю ночь твердил. Говорил, в Рождественскую ночь должны быть чудеса.

— Господи!.. — снова всхлинула Валентина Петровна. — Всем соседям я говорила, что он, как праведный Иов. Он ведь неходячий был, понимаешь?

- Как неходячий?
- Да так, еще после аварии в восьмидесятом! У него вся семья тогда погибла, а он выжил. Вот только неходячим остался.
- Это... на фотографии?... Семья?..
- Значит, ты точно у него был, раз фотографию видел.
- Красивая белокурая женщина и два мальчика. И он — молодой еще.
- Оленька, Саша и Володя... Я их всех знала. Ильяс Сергеевич потому детские книги и писал, что как бы для сыновей. Понимаешь?

— Понимаю, — у Ильяса в горле стоял комок. Такой большой и такой угловатый, что проглотить его было невозможно. Он проталкивал слова еле-еле, где-то по самому краю: — Но ведь он пришел туда сам... Мы видели, как упали две звезды...

— Да верю я тебе. Не поверила бы, никогда бы к себе не пустила. Ты как про кровать сказал, сразу все поняла. Мы же утром, когда пришли его проводить, с праздником поздравить, он и лежал на кровати. Долго гадали, кто же передвинул-то. Я-то боялась, что дует от окна. На пластиковые все денег не хватало. Рамы старые, деревянные, ветер гуляет, а ему простудиться — легко. Понимаешь?

- Понимаю.
- А он все просил. Видеть, говорит, хочу, Петровна, небо...А я дура старая!

— Он мне денег дал. На дорогу... На подарки...

— Это он, я знаю, — шептала сквозь слезы Валентина Петровна, — он и моему сыну на машину дал. Просто так. Похороните, говорит, только рядом с моими, землю я выкупил. А так, мол, зачем мне деньги. Понимаешь?

— Понимаю, — снова повторял Ильяс, но ничего не понимал, кроме одного — ему почему-то хотелось плакать вместе с этой старушкой.

— А пальто-то... Он тогда в нем и ехал. Гололед был. Из больницы его в этом пальто привезли... В ботинках этих лаковых. И он сказал мне: убери это все. Выброси. А я не выбросила! — Валентина Петровна засеменила к шкафу в прихожей и достала оттуда знакомое пальто: — Берегла! Нафталин, химчистка, гладила... Под полиэтиленом оно висело. Ты не мог этого знать. Понимаешь?

— Нет, — наконец-то сказал Ильяс и заплакал. Он достал из кармана тот самый конверт. — Вот, деньги. Я должен ему отдать. А это, — он достал из большой спортивной сумки огромный букет красных роз, — для его жены. А тут еще зелень, мумие привез, подарки... Я должен ему отдать! Я обещал! Если это был не он, то — кто? Ангел что ли? Он мне все время говорил, повторял — у ангелов в Рождественскую ночь много работы. Рассказывал, как ангелы пришли не к царям, а к простым пастухам, потому что у тех не было гордыни... Потому что это радость для всех, а не для сильных мира сего.

— А он и жил, как ангел, — Валентина Петровна вдруг успокоилась, только говорить стала тихо и смиренно, — удивительной доброты был человек. Ему с каждым днем делалось хуже, а он становился добрее. Другие так обозлятся — почему так со мной, за что? А Ильяс Сергеевич только добрее становился. Расстраивался лишь последнюю неделю: ребятишки дворовые колядовали, а он на коляске не всегда успевал двери открыть, чтобы конфет им дать... И книжек... Гусь-то правда понравился? — спросила она вдруг как о чем-то очень важном.

— Очень!

— А я переживала. В храме стою, думаю, как он там один...

— Вы мне могилу покажете? Надо цветы увезти. Я такси закажу.

— Да покажу, милый, покажу...

— Может, он в последнюю ночь встал?

— Врачи сказали, что еще до полуночи сердце остановилось. Он лежал с открытыми глазами и смотрел в небо. И телевизор включенный был за спиной...

— Не, телевизор мы даже не включали. Разговаривали. Долго разговаривали.

— Видишь, не все совпадает...

— Все. Совпадает все. Потому что такого человека больше нет.

— Это точно, — печально согласилась Валентина Петровна. — А еще говорят — чудес не бывает. Он верил.

— Он сказал, что у него выбора нет. Только верить.

— И тебе сказал?

— Сказал... Он говорил, что любовь это чудо. Что рождение детей — это чудо. Что моя девушка похожа на богиню неба... Поэтично так сказал. Ее Чинара зовут...

— Чинара? — встрепенулась старушка.

Валентина Петровна быстро встала и направилась в комнату, откуда вернулась с книгой, которую открыла на первой странице, где от руки был автограф.

— Вот, а я тут гадала, кому это. Думала, дереву, что ли подписал.

— Я хотел попросить у него книгу на память... Постеснялся...

— Значит, это тебе, — улыбнулась она сквозь слезы. — В руках у него была.

«Чинаре и ее детям. Дотянуться до русского неба», — прочитал Ильяс.

Записки ДИПЛОМАТА

Башир МАЛЬСАГОВ

МУАММАР КАДДАФИ: ВЗГЛЯД ИЗ ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Башир Алиевич Мальсагов — родился в 1944 г. в селе Валерик Ачхой-Мартановского района Чечено-Ингушской АССР. В 1968 г. окончил МГИМО МИД СССР. Кандидат философских наук. Эксперт в области идеологии и политики арабских стран. В 70-е — начале 80-х гг. работал в системе ЦК ВЛКСМ и Совета по делам религий при Совете министров СССР. С 1982 по 1989 гг. — представитель Союза советских обществ дружбы с зарубежными странами в Ливии. С 1988 г. — на дипломатической службе. Работал в советских и российских посольствах в Сирии, Египте, Ираке. Имеет дипломатический ранг советника I класса. Член совета Ассоциации российских дипломатов. **Живет в Москве.**

В 20-х числа октября 2011 г. весь мир с изумлением и ужасом наблюдал леденящие душу кадры самосуда и зверской расправы «инсургентов» над попавшим в их руки истекающим кровью лидером ливийской революции М. Каддафи. Вопреки всем нормам общечеловеческой морали, потеряв всякое представление о таких понятиях, как честь и совесть, участники этого завершающего акта ливийской трагедии поставили в ней финальную точку, обнажив тем самым всю глубину своей моральной деградации. Но на этом кощунственное, мерзкое деяние не закончилось. Совершив странное, не поддающееся описанию надругательство над трупом поверженного, «представители победившего народа» выставили его, как музейный экспонат, как мумию, на всеобщее обозрение, а толпа выстроилась в очередь, чтобы воочию лицезреть главный трофей «победы», сполна утолить свои первобытные инстинкты. Да были ли они ливийцами?

А где же ислам, заповеди и предписания, которые категорически отвергают подобное обращение с человеком, а тем более с трупом?! Правда, в последний момент, под влиянием мирового общественного мнения, шокированного подобной жестокостью и вандализмом и требовавшего создания Международной комиссии для беспристрастного расследования обстоятельств гибели М. Каддафи, новые власти приняли решение тайно захоронить его останки в безвестной пустыне, исключив тем самым возможность паломничества людей к его могиле.

Подоплека быстрой расправы над М. Каддафи крылась, очевидно, в нежелании основных заказчиков оставить полковника в живых, допустить дело до суда, в ходе которого он мог бы пролить свет на многие

вопросы, особенно в том, что касалось взаимоотношений с лидерами ряда западных стран. Для них было важно, чтобы он унес все эти тайны в могилу. А предводители ливийской оппозиции в свою очередь, также, очевидно, не могли игнорировать тот факт, что М. Каддафи своей мужественной борьбой, готовностью умереть на своей родной земле, до последней капли крови защищая ее, ни в коем случае не помышлял сдаваться на милость врагу, и все это не могло не вызывать восхищения простых ливийцев, арабов, мусульман, да и всех честных людей во всем мире.

Оппозиционеры не могли допустить, чтобы существовал такой символ.

Казалось, весь мир должен был бы решительно и однозначно осудить это убийство, как преступное деяние. Однако вместо этого мы увидели проявление буйной радости не только у непосредственных исполнителей, но и у главных заказчиков, представителей руководства правящей элиты «демократического Запада», лидеров ряда стран Европы и США. В этом смысле особенно знаменательно выглядело победоносное «вау» в устах госсекретаря США Х. Клинтон, когда до нее довели ожидавшуюся информацию о гибели полковника. Не кощунство ли это?

Ну что же! Запад может радоваться. Повержен еще один решительный противник империализма и колониализма. Более сорока лет полковник стойко защищал свой народ от закабаления, оберегал достоинство арабской нации, отстаивал исламские ценности, возвышая свой голос во имя всех обездоленных и угнетенных на земном шаре. Теперь устранены все препятствия и барьеры на пути к полному господству Запада над сырьевыми природными ресурсами Ливии, возвращению под его прямой военно-политический контроль стратегической зоны Южного Средиземноморья. Логика, наверное, такова: не хотели миром вы и иже с вами в стойло уготовленного вам Большого Ближнего Востока. Так получайте!?

Ради этих «благородных» целей врагам Ливии нетрудно было нажать на Совет Безопасности ООН, добиться принятия им резолюции 1973, давшей зеленый свет заранее запланированному вмешательству во внутренние дела суверенного государства под надуманным и лицемерным предлогом «защиты мирного населения»; стоило пойти на грубое нарушение буквы и духа резолюции Совбеза, на явное превышение мандата ООН, на непропорциональное использование вооруженного потенциала блока НАТО, массированные бомбардировки и ракетный обстрел всей территории страны, на прямое участие в операции, привлечение помимо прочего разведывательных групп и отрядов спецназа, мобилизацию всевозможных наемников со всех концов света, в том числе из арабских и азиатских стран и т. д. В итоге — уничтожение десятков тысяч мирных граждан, женщин, детей и стариков, разрушение основных очагов материальной и духовной культуры. В сухом остатке — выжженное поле, где дальше могут произрастать лишь семена раздора и ненависти, а многочисленные вдовы и сироты в неутешном горе оплакивать своих близких.

Кто ответит за все это? Как всегда в таких случаях, зачинщики этой величайшей современной трагедии постараются уйти от ответственности и переложить всю тяжесть содеянного ими на жертву, то есть на ливийский народ.

Оказывается, в XXI веке можно безнаказанно свергать неугодные Западу режимы в других странах, принуждать народы и их руководителей,

Муаммар Каддафи

объявляя их вне закона, физически устранять. После Ирака, Афганистана оказалась Ливия. Кто следующий?

Я не ставлю перед собой задачу защищать или восхвалять М. Каддафи, тем более после его трагической гибели. Он, безусловно, был очень сложной, противоречивой фигурой. К тому же, когда деятель такого масштаба находится у власти столь длительное время, он совершает и ошибки и про-

счеты, особенно в созданном ближайшим окружением ореоле абсолютной непогрешимости. М. Каддафи был исключительно сильной личностью, харизматическим лидером, человеком стойких убеждений и принципов, обладал нестигаемой волей и нельзя было рассчитывать на то, что он спасует перед любыми угрозами и личными опасностями. Да, несомненно, полковник был и диктатором, жестко и беспощадно расправлялся с врагами ливийской революции, руководствуясь только своим мировоззрением. Ему были свойственны такие характерные для развивающегося мира черты, как nepoтизм, стремление закрепить власть за своим кланом, может быть даже основать новую династию, передав власть своим сыновьям и т. д. Но сам ливийский лидер, особенно на первом этапе своей деятельности, был честен, бескорыстен и бесстрашен. Не дрогнул он и перед угрозами Запада, который, столкнувшись с его упорством, решил наказать «зарвавшегося» полковника. Расчет делался на достижение желаемого результата в течение короткого времени. Однако целых семь месяцев натовцы и опекаемые ими силы не могли сломить сопротивление и добиться победы над живым М. Каддафи.

Было бы логичным проанализировать различные аспекты ливийской драмы, остановиться на достижениях и ошибках прежнего руководства, и, в частности, самого М. Каддафи, задаться вопросом, а что же дальше. Не обернется ли нынешнее торжество натовских стратегов «пирровой победой» и т. д. Но хотелось бы ограничиться здесь своими впечатлениями от общения с этим незаурядным человеком.

Мне довелось работать в Социалистической Арабской Народной Ливийской Джамахирии в период с 1982 по 1988 год в качестве первого секретаря Посольства СССР в Ливии, Представителя ССОД и общества советско-ливийской дружбы. Впервые я лично увиделся с М. Каддафи в 1983 году не в силу своего официального статуса, который явно не тянул на общение с лидером ливийской революции, а в силу случайных обстоятельств.

В начале 1983 года наш посол в Ливии А. В. Анисимов получил приглашение на открытие Первой Всемирной конференции по «Зеленой книге», написанной лидером ливийской революции. Для подготовки конференции и последующей пропаганды идей М. Каддафи, изложенной в трех частях

этой программной брошюры, был создан Международный центр по изучению и исследованию «Зеленой книги».

Появление «Зеленой книги» было вполне оправдано тем, что, как и любой другой лидер страны, М. Каддафи хотел дать теоретическое обоснование дальнейшему пути развития ливийского общества. Тем более, что даже менее авторитетные, но более амбициозные руководители арабских и африканских стран и созданные ими политические организации и партии выдвигали в тот период различные теории «национального социализма», арабского, африканского и др.

Будучи в прошлом работником ЦК КПСС и принципиальным советским коммунистом, наш посол даже представить себе не мог, как это он примет участие в конференции по «Зеленой книге» и тем самым, как бы, хотя и в косвенной форме, но признает «третью мировую теорию», о чем он откровенно сказал и предложил мне поехать в г. Бенгази на этот форум вместо себя. Но, конечно, он не мог так просто отказаться от приглашения и должен был получить соответствующее разрешение от Центра. Через несколько дней добро было получено и на мою поездку вместо посла.

Признаться, я недоумевал по поводу нашего общего отношения в те времена к желанию руководителей стран «третьего мира» определять пути дальнейшего развития в соответствии с историческими условиями, с учетом местных реалий. Если мы сами пропагандировали возможность и обоснованность некапиталистического выбора этих стран, то почему нельзя было признавать их право на то, чтобы самим определять свой путь развития, конечно же, с нашей помощью, которая была бы противовесом давлению империалистического Запада.

В дипкорпусе восприняли идею участия в Первой всемирной конференции по «Зеленой книге» весьма неоднозначно. Послы ряда соцстран, аккредитованные в Ливии, решали этот вопрос с оглядкой на советского посла и послали вместо себя вторых лиц, то есть советников-посланников. Зато для западных стран, и особенно для стран Азии, Африки и Латинской Америки, выезд в Бенгази и участие в таком значимом мероприятии были неординарным событием. Во-первых, выезд из Триполи с его пресной дипломатической жизнью был для них возможностью на время выбраться из «прокрустово ложе» обычной рутины; во-вторых, давал надежду на контакты с собиравшимся там цветом ливийской политической элиты и, тем самым, на получение определенной информации для своих правительств.

Оргкомитет направил приглашения во многие страны мира, ливийская сторона брала на себя все расходы по проезду и пребыванию в стране. В огромном заполненном зале конференции дипкорпусу была оказана особая честь, для него выделили несколько первых рядов. Поскольку я, как первый секретарь, не входил в круг руководства дипмиссий, да и вообще мне были даны от посла инструкции вести себя сдержанно, но с достоинством, как должно представителю великой державы, то я решил лишь наблюдать со стороны за всем происходящим на форуме и вместе с тем получить как можно более адекватное представление о нем для соответствующего отчета перед послом. Поэтому скромно сел на крайнее сиденье где-то в пятом или шестом ряду, у самого бокового правого прохода. Все ожидали, что лидер и члены президиума форума появятся из-за кулис на сцене, куда были устремлены взгляды всех присутствующих. Но совершенно неожидан-

но для собравшихся М. Каддафи вошел в зал из боковой двери и очутился прямо передо мной. Я немедленно встал в знак уважения к нему, зал бурно рукоплескал, а ливийцы шумно скандировали свои приветствия и лозунги. Поскольку мне приходилось видеть и слышать лидера ежедневно и по телевидению, а иногда и на торжественных мероприятиях, то я не почувствовал какого-то особого волнения и спокойно приветствовал его. Зато чуть-чуть удивился сам М. Каддафи. Он, очевидно, не предполагал, что кто-то из иностранцев, представителей дипкорпуса, заговорит с ним на арабском языке, причем я ведь произнес не только приветствие, но и успел выговорить несколько фраз. Он протянул мне руку и спросил кто я, откуда и где изучал арабский язык. Возможно, эта экспромтная беседа продолжалась не более 1–2 минут, но впечатление этот эпизод оказал, как выяснилось в дальнейшем, довольно сильное и на ливийцев, и на дипкорпус. Мои разъяснения, что я впервые виделся с лидером и лишь приветствовал его, как это принято на Востоке, никого не убедили, но зато я стал как бы «героем» в их глазах. Все дни работы форума и на различных торжественных мероприятиях вне зала заседаний они кучковались вокруг меня и пытались проконсультироваться по различным вопросам. Но я ведь хорошо знал, что здесь никакой моей заслуги нет, просто благоприятное стечение обстоятельств; тем не менее, в моей дальнейшей работе этот эпизод сыграл крайне важную роль и еще больше способствовал налаживанию полезных контактов с ливийцами на всех уровнях.

Забегая вперед могу сказать, что в течение шестилетнего пребывания в Ливии мне довелось встречаться в узком составе (лидер, посол и я) десятки раз, а иногда и самому беседовать с М. Каддафи. Если в других странах это могло быть обычным явлением, то в Ливии, где лидер не принимал даже послов, заявляя, что он не президент, не премьер-министр, а руководитель ливийской революции, такое его отношение к нам воспринималось как демонстрация особого уважения к СССР.

Ни в коей мере не могу согласиться со сложившимся во многих странах, в том числе и арабских, представлением о М. Каддафи, как о неадекватном, непредсказуемом, неуравновешенном и т. д. Я видел перед собой умного, ответственного руководителя страны, искренне болеющего за ее будущее и энергично стремящегося расшевелить ливийский народ, побудить его на активное участие в реализации идей революции, изложенных в «третьей мировой теории». Кроме того, он чувствовал себя ответственным перед всей арабской нацией; решительно критиковал лидеров ряда арабских стран, которые в угоду Западу, занимали каучуковую позицию по судьбоносным и крайне актуальным для своих народов вопросам, в частности по ближневосточной проблеме и ее сердцевине — палестинскому вопросу, по проблемам осуществления на деле лозунга арабского единства и др. Яркий оратор, он своими зажигательными речами мог так воодушевить огромную аудиторию, что дай он ей соответствующий знак, то все, кажется, могли бы ринуться на штурм указанных целей, сокрушение врагов революции и т. д. Я хорошо помню, как в 1983 году внешними силами была предпринята попытка дестабилизировать ситуацию в стране и, опираясь на «пятую колонну», пошатнуть режим М. Каддафи, а если удастся, то и устранить его. Эта попытка полностью провалилась, так как не получила той поддержки, на которую рассчитывали ее организаторы. По призыву лидера была объ-

явлена беспощадная борьба с врагами революции, и в течение нескольких дней мне довелось наблюдать по телевидению жуткие сцены расправ над участниками путча, которых десятками вешали в публичных местах при большом стечении народа, набрасывая на их головы какие-то мешки.

Конечно, это было жестоко, но такова уж была реальность в арабском мире, в странах Азии и Африки, где режимы отстаивали свои позиции, отстаивали суверенитет и безопасность страны и такими методами.

Лишь те, кому довелось общаться с М. Каддафи, могли в полной мере убедиться в его скромности, почти аскетическом образе жизни, широте взглядов, глубоком знании религиозной проблематики и многом другом, о чем нельзя получить реальное представление на основании только официальных выступлений ливийского лидера, в которых зачастую его критиками особо вычленялись некоторые экстравагантные моменты или высказывания. Гораздо важнее, как представляется, содержание, суть, внутреннее ядро, а не внешняя оболочка.

Мне очень нравилась атмосфера встреч и бесед с М. Каддафи. Они, как правило, проходили в бедуинской палатке с более чем скромной обстановкой: небольшой столик, несколько стульчиков; подавали знаменитый ливийский зеленый чай, очень высокой концентрации, с густой пеной и довольно сладкий. Лидер отличался тем, что внимательно выслушивал собеседника, никогда не прерывал, комментировал и отвечал кратко, но выразительно, каждое слово взвешено, решение, принимаемое им, весомо. Я видел в нем и прекрасного психолога, он хорошо знал, как можно и нужно вести себя, беседовать в любой аудитории или с частным лицом. Создавалось впечатление многоликости М. Каддафи: с врагами революции и арабской нации — один стиль, жесткий, бескомпромиссный, митинговый, в резких выражениях; с представителями дружественных государств — совсем наоборот — благожелательность, интерес, доверие. С ливийцами — он свой, знает проблемы, обычаи, образ мышления и в соответствии с этим обходится с ними. Особенно он любил общаться с соплеменниками; здесь он простой, доступный, внимательный, обходительный, все делается в соответствии с традициями, обычаями и нравами, с учетом местных реалий.

Помимо того, в заслугу М. Каддафи надо, несомненно, отнести то, что он вернул ливийцам чувство собственного и национального достоинства. Если до революции США, Англия, Франция и Италия безраздельно хозяйничали в Ливии, то в 70—80-е годы XX века представители этих стран и их граждане ощущали себя уже людьми второго сорта, а многие ливийцы откровенно давали им знать, что они полностью освободились от прежнего комплекса неполноценности и теперь ощущают себя подлинными хозяевами своей страны. Вместе с тем полковник постоянно апеллировал к своему народу, требовал от него не паразитировать на нефтяных сверхдоходах, не опираться на привлечение дешевой рабочей силы из Туниса, Египта, Марокко, Турции и других стран, а самим трудиться во имя процветания страны. Но в тех условиях эти призывы лидера не доходили зачастую до многих ливийцев, так как им были гарантированы высокие зарплаты, несопоставимые с тем, что получали в соседних государствах, так же как и высокий уровень благосостояния и социального обеспечения, в целом.

Западные страны, прежде всего США, крайне раздражала независимая политика М. Каддафи, и спецслужбы неоднократно предпринимали попыт-

ки физического устранения полковника. Они также всячески поддерживали сторонников свергнутого ливийской революцией королевского режима.

В ночь с 14 на 15 апреля 1986 года стратегические бомбардировщики и авианосцы США нанесли превентивный вероломный удар по двум важнейшим городам страны — Триполи и Бенгази, а также ряду других объектов, поправ все международные нормы и законы. Это была наглая акция по устрашению руководства страны, не желавшего принять американскую гегемонию на Ближнем Востоке вообще, и в Ливии, в частности, что ярко проявилось в вопросе о принадлежности залива Сирт. Конфликт возник ранее, когда американская авиация и флот стали совершать провокационные рейды в район этого залива, который ливийцы считали своими внутренними водами, а американцы громогласно заявляли, что заставят Ливию признать залив Сирт международными водами. Вместо того, чтобы разрешить этот спор мирными дипломатическими средствами, США решили в одностороннем порядке, без консультаций с ООН, а точнее игнорируя ООН, расправиться со страной, посмевшей иметь свою точку зрения, занимавшей по основным вопросам внешней политики антиимпериалистическую позицию и защищавшей свои национальные интересы.

Несмотря на пропагандистские утверждения американской администрации о том, что удар наносился лишь по военным объектам, представлявшим угрозу для США, на самом деле объектами бомбардировок стало мирное население, жилые кварталы в центре городов, больницы, учебные центры и т. д. После первой бомбардировки Триполи сразу же погибло более 50 мирных жителей, в основном женщины и дети, сотни были ранены. Мы с женой хорошо помним эту злопамятную ночь. Накануне она спрашивала меня, будет ли удар по Ливии? Я, ссылаясь и на командующего нашим флотом, и на другие источники, отвечал, что не должно быть. Мы уже спали, когда в 1 час 50 минут ночи раздались оглушительные раскаты взрывов и рев бомбардировщиков, все вокруг сотрясало от сыпавшихся бомб и ракет, в том числе крылатых. Наиболее сильно досталось кварталу на расстоянии 100–200 метров по прямой от арендуемой мною виллы в одном из центральных районов Триполи, на втором этаже которой находилось наше жилье.

Меня очень удивил и обрадовал тот факт, что ливийцы не растерялись и не поддались никакой панике. А ведь американцы очень рассчитывали на то, что начнутся беспорядки и волнения, смута и недовольство народа режимом, а там, глядишь, могут замахнуться на более решительные действия по его устранению. Но ничего из этих планов у США не вышло. Всю ночь я слушал, как по радиции переговаривались полицейские посты и члены дружин народного ополчения, никакого страха и волнения в голосах.

Я побывал в резиденции Объединенного командования ливийских вооруженных сил и располагавшейся рядом с ним небольшой двухэтажной, весьма скромной вилле, со столь же скромной обстановкой — домике М. Каддафи и его семьи. Дом был разрушен полностью. Повсюду валялись обломки, осколки, обугленные детские игрушки и т. д. В первые же часы бомбардировки погибла приемная дочь лидера, ранение получили два его сына и жена. Увиденное очень потрясло всех членов наших делегаций.

М. Каддафи, как известно, не принимал иностранных послов, ссылаясь на то, что он де не занимает никаких официальных постов. Но эту традицию удалось пошатнуть нашему послу О. Г. Пересыпкину, который находился

в Ливии в 1984—1986 годах. С приездом нового посла П. С. Акопова встречи с ливийским лидером приобрели регулярный характер. Поскольку наш посол просил меня сопровождать его, то и мне доводилось общаться с полковником гораздо больше, чем раньше, и каждый раз я открывал в нем для себя все новые грани. Хорошо помню нашу вместе с послом прощальную встречу с М. Каддафи. Это было в апреле 1988 года. Когда посол сказал ему, что доктор Башир (так меня называли во всех арабских странах) скоро уезжает, то ливийский лидер поинтересовался, чем это вызвано и нельзя ли продлить мое пребывание в стране. Мы оба объяснили, что нельзя бесконечно оставаться в одной стране. Я в свою очередь добавил, что благодарен ливийскому народу и его лидеру за самые плодотворные годы, проведенные в стране, за дружеское расположение к нашей стране и ко мне лично.

М. Каддафи, обратившись к послу, спросил, каким орденом решено наградить доктора Башира с советской стороны, пояснив, что с ливийской стороны тоже встал вопрос о награде. Лидер высказал в мой адрес приятные слова, а затем написал на моей визитной карточке (своей визитки у него не было) «Доктору Баширу с уважением и высокой оценкой» и поставил свою подпись. В дальнейшем эта карточка с его надписью послужила для меня очень хорошим пропуском в любые учреждения.

Я уехал из страны с чувством глубокого удовлетворения, так как мне, кажется, удалось понять чаяние и чувство ливийцев, лучше узнать особенности их психологии, познакомиться с достижениями ливийского народа в различных областях жизни, наладить широкие контакты, приобрести новых друзей среди ливийцев и внести свой скромный вклад в развитие отношений дружбы и взаимопонимания между нашими странами и народами.

И после отъезда из Ливии, и вплоть до настоящего времени я продолжал следить за развитием ситуации в Ливии и вокруг нее, интересовался дальнейшей судьбой народа, с которым мне довелось делить все радости и невзгоды в течение 6 лет. Отслеживал, конечно, деятельность М. Каддафи. Как и всякий человек, радовался достижениям страны и сопереживал, сочувствовал в преодолении выпавших на его долю испытаний героическому ливийскому народу, который понес в годы итальянской оккупации многотысячные жертвы, по некоторым данным, от трети до половины тогдашнего населения, а после Второй мировой войны стал объектом колониальной экспансии США, Англии и Франции.

Трудно предугадать, как сложится дальнейшая судьба этого народа, но хотелось бы верить, что он преодолеет последствия нынешних тяжелых испытаний и займет свое законное место среди других народов мира, внесет свой достойный вклад в развитие мировой цивилизации.

Борис ПОДОПРИГОРА НЕПОЩАЖЁННЫЙ

*40 дней
без Сергея Говорухина*

Борис Александрович Подопригора — родился в 1955 году в Ленинграде. Закончил Военный институт иностранных языков (китаист и специалист по Афганистану), а также факультет психологии СПбГУ. Заслуженный военный специалист России. Награжден 2 орденами и 20 медалями. Занимал должность заместителя командующего федеральными силами на Северном Кавказе. В настоящее время — преподаватель СПбГУ — специалист по международным конфликтам. Востоковед, член Экспертно-аналитического совета при Комитете по делам СНГ и соотечественников Государственной Думы ФС РФ. Постоянный автор периодических изданий и художественных альманахов. Лауреат журналистского конкурса «Золотое перо-2006» в номинации «Личность в журналистике». **Живет в Санкт-Петербурге.**

В 2002 году, не без труда управляясь протезом, он вошел в контейнер замкомандующего группировки на Северном Кавказе. Чеченская Ханкала нередко знакомила людей, которые вряд ли нашли бы друг друга в «миру». Сергей Говорухин имел основание быть ироничным к командованию группировки. Тем не менее уже при второй нашей встрече он неожиданно написал письмо-рецензию на мои стихи. Рецензию — скорее ироничную, но теплую. Со взаимных улыбок началась дружба, хотя в дальнейшем мы виделись нечасто. В основном на ежегодно проводимых им вечерах памяти. Каждое 11 декабря они посвящаются не вернувшимся с чеченской и других недавних войн.

Правда, была одна встреча — особая по месту в памяти. Сергей едва ли не первым откликнулся на диагноз, поставленный мне онкологами, приехал в Питер, привез народные снадобья с автографическим рецептом тогда еще здравствовавшего Александра Исаевича Солженицына. Война задает человеческим судьбам особое притяжение. Без напускного приятельства, но с безошибочным внутренним тестером — «свой-чужой».

Феноменом общественного восприятия войны, в частности чеченской, стал его фильм-реквием «Прокляты и забыты». Феноменом потому, что многих зрителей-ветеранов не покидало странное ощущение — «Это все-таки *его* Война — не моя. Но ею непощажённый, он имеет право на такой вот, эксклюзив». Уже на похоронах Сергея Говорухина прозвучало напрашивавшееся открытие: он, возможно, единственный из современных художников задал своему творчеству шукшинскую планку. Достичь — не хватило жизни.

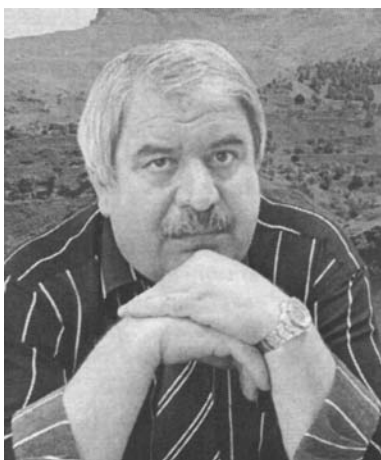
Виной тому не только война. А диапазон его исканий-забот. Жил на форсаже. Сжег не только творческий ресурс, но и его физическую оболочку. При встрече в стекляшке на метро «Сухаревская» он, опоздав на час, отодвинул бокал и говорил, что наперекор всему должен УСПЕТЬ... В заданной им манере общения — с ироническими подколками — я подарил ему тогда портмоне. Сын культового режиссера, выпускник ВГИКа, он был обречен на сопоставление двух Говорухиных. Но в отцов кильватер не встал. Не только из-за нехватки отцова внимания в детстве, чего Сергей не скрывал. Поэтому был привязан, прежде всего, к своей семье.

Забытые Отечественные войны предопределили главное содержание его немодного «душекорябявающего» творчества. Писатель по небесному предназначению, он за работу корреспондентом в Афганистане, Югославии, Таджикистане, Чечне получил боевые награды раньше, чем немногие лауреатские звания. Посвященность войне стала для него не творческим идефиксом и не синдромом «ампутированной ноги». Он слишком буквально следовал лозунгу-титulu другого своего фильма — «Никто, кроме нас!» Никто так пронзительно по форме, осмысленно по цели и результату не напоминал об ответственности страны за ее солдат. 3 часа из 365 дней в году становились ритуалом воздаяния живых невернувшимся. Воздаяния в виде ордера на квартиру вдове офицера, погибшего в югоосетинскую кампанию. Помощь испытывшим больше, чем он, Говорухин воспринимал как собственную потребность. Даже если помочь всем не хватало «портмоне».

Его вечера электризовали национальную совесть через рукопожатие спецназовца, который на 17-м году новой России получил уже третий орден Мужества. Риторический вопрос о востребованности страной иных добродетелей мешал придать говорухинским вечерам напрашивающийся государственный масштаб. Говорухину-старшему не простили «Великой криминальной революции». Говорухин-младший раздражал чиновников напоминаниями о жертвах, которые почти ежедневно несет страна. Раздражал деятельным несогласием с принципом «отвоевал-свободен». Если бы в стране появилось министерство по делам ветеранов, трудно было бы найти другого «командующего» полуторамиллионным младоветеранским «фронтом».

Третий его фильм «Земля людей» перекликается со столь же «несвоевременной» книгой «Прозрачные леса под Люксембургом». Здесь и там — констатация «папиного», только сдвинутого на 20 лет вперед — «Так жить нельзя». Только с ироничной усмешкой Говорухина-сына. Русский художник, если он не оправдывает конформизм нерусским *se la vie*, из комы не выходит. Его последнее земное пристанище очерчено памятниками космонавту Павлу Поповичу, Валентине Толкуновой, плитой с именем Виталия Вульфа. Ушедшие мудрее задержавшихся, которые всегда в меньшинстве...

Сергей Говорухин безо всякой иронии любил Петербург, где ничто не мешало нашим вечерним беседам. По традиции наполненным взаимной иронией между откровениями, после которых повисала пауза. В день его пятидесятилетия — 1 сентября 2011 года — я спросил его о подарке, который бы он хотел получить 11 декабря. Сергей попросил акварель с видом Петербурга. Теперь в его кабинете в фонде «Рокада» — целых пять акварелей с питерскими куполами. У его могилы кто-то в сердцах произнес: «После ухода Сергея в Москве не останусь»...

Магомед АХМЕДОВ

«ГОЛОС РОДИНЫ СЛЫШУ...»

*Перевод
Николая Рачкова*

Магомед Ахмедович Ахмедов — окончил литературный институт им. М. Горького. Автор многих поэтических книг и литературных статей. Член Союза писателей России. Народный поэт Дагестана. Лауреат Большой литературной премии России. Руководитель Союза писателей Дагестана. **Живет в Махачкале.**

ИЗГНАННИК

Я горец. Я аварец. Не пророк.
На Родине своей изгнанник я.
Плыву сквозь лет изменчивый поток,
Плыву сквозь годы горя и вранья.

Плыву сквозь слезы, немощен и сед,
И удивляюсь, что еще живой.
На куст колючий времени присев,
Пою, как птица:

«Родина, я твой...»

Она молчит. Но верю: в свой черед
Даст для могилы землю без труда.
И над моей могилою сверкнет
Звезда ее, небесная звезда.

Зачем мне постных почестей елей?
Я горец. Я пою свои края.
Изгнанник я на Родине своей,
Но для народа не изгнанник я.

* * *

У гор я своих в долгу,
И вот их наказа суть, —
Я слез сдержать не могу:
— О смерти не позабудь...

Журчат родники, их свет
Тревожит мне часто грудь,
В нем всех уходящих след:
— О смерти не позабудь...

Орлы клекочут от ран,
К Всевышнему лег их путь.
О, Родина!.. О, Дагестан!..
— О смерти не позабудь...

БЕСЕДА

— Где ты, Родина? Где? —
к небесам обращаю я взоры.
— Там, где вечно была, — отвечает, —
где скалы и горы...
— Что ты чувствуешь, Родина?
— Чувствую горькое горе.
Жаждают крови враги,
люди всюду в печальном раздоре.
Стал другим человек,
подменили его в новом веке,

Совесть, совесть сегодня
 смертельно больна в человеке.
Честь моя на кону,
 ибо средь виртуальных величий
Забывается мой и язык, и очаг, и обычай...
«О, Всевышний, — молю, —
 береги Дагестан год за годом,
Много туч нависает,
 склонились они над народом.
Отгони эти тучи своею всеильной рукою,
Подари Дагестану хотя бы немного покоя...»
— Ты куда держишь путь, моя Родина?
— Разве я знаю?
Зло везде и жулье,
 стая кружит вокруг воронья.
Словно в пропасть я падаю...
— Родина, край мой любимый!
На вершины вернись,
 на вершины, где клекот орлиный,
Где высокие горы
 беседуют мирно по кругу,
Неприступные скалы
 плечо подставляют друг другу.
Чтобы горцы опять стали горцами прежней породы,
Чтоб язык свой родной забывать не посмели народы.

БЕЛЫЙ КОНЬ

Аульчане мои, земляки,
Я все больше люблю вас с годами.
Помню, в детстве, у горной реки
Белый конь был — как белое пламя.

На коне — и глядишь свысока,
И душа замирает порою.
Белый конь узнавал седока,
Сразу сбрасывал он лжегероя.

Белый конь — он в глаза нам смотрел:
Вот и новое выросло племя!
Станешь храбрым джигитом, пострел,
Ногу в стремя смелей,
ногу в стремя!

Век машинный бушует, гремя,
Все давно изменилось на свете.
...Но купают, как прежде, коня
В горной речке отважные дети.

РУССКОЕ ПОЛЕ

В русском поле опять только снег, только снег,
Нестерпимо бело в русском поле зимою.
Дни мои, мои годы пустились в разбег.
Я печален, что нет тебя рядом со мною.

Где, любимая, ты? На кого мне пенять?
И куда, и какая взяла тебя сила?
Жаль, что песни моей не смогла ты понять,
Не смогла, а зима вот ее подхватила.

Где, любимая, ты? Песни той уже нет,
Что тебе напевал я душой молодою.
Сколько лет ты мне снишься уже, сколько лет,
Снег идет, снег идет над моей головою.

Снег идет, не видать ни луны, ни звезды,
И душа холодеет от выпавшей доли.
Словно конь подо мною летит без узды,
И лечу на коне я по русскому полю.

Ты — как русское поле, нежна и грустна,
И в груди от тебя столько света и воли!
Все проходит — любовь остается одна,
Если эта любовь — словно русское поле.

ПОКАЯНИЕ

Счастье мое, нежность моя, страсть моя и добро!..
В небе мое орлиное имя, мое перо:
Если мой стих взлетает прямо под небосклон,
Значит, он настоящий, значит — бессмертный он.

Жизнь моя — что слеза моя, душу сжигала мне,
Годы мои пробивала и оседала на дне.
Век мой двадцатый оставил отметины на лице,
Век мой три точки проклятия запечатлел в конце.

Там, где конец, там четко все начинается вновь:
Снова грехи все те же, ненависть и любовь.
Ненависть вновь клянется в том, что она мне друг,
Ну а любовь разрывает круг моих жарких рук.

Что же мне делать, Всевышний, выхода нет в судьбе,
Я опоздал с молитвой, поздно пришел к Тебе.
Позже других смиренно встал я на намазлык,
Люди уже молились, преображаясь вмиг.

Что же мне делать, Всевышний, вот я перед Тобой —
Грешник вчерашний, нынешний грешник уже седой.
Вот он я, жизнь прожигавший, ныне растерян я:
Путь все короче, Господи, здесь моего бытия.

Годы идут к закату, рад я Тебе служить.
Но если забуду прошлое, как же мне дальше жить?
Песней, зовущей к Богу, я оглашаю даль.
Но победит ли песня дней окаянных печаль?

Может быть, в правде этой все же таится ложь?
Ты милосерден, Всевышний, знаю, меня поймешь.
Ты лишь один измеришь жизнь моих горьких слез,
Жизнь изреченного слова в мире вселенских гроз.

Нет, ничего не прошу я, Ты обо мне не радей.
Разве я сам не вижу, как Ты устал от людей.
Лишь сбереги мою душу тогда, когда в полный рост
И я поднимусь обреченно, шагну на сиратский мост.

* * *

Есть звезда красоты, мы ее потеряли когда-то,
Где-то в небе она...
Я во сне слышу голос набата.
Это бьет она в колокол,
навекая легенды и были:
Люди, люди, вы в жизни
о жизни преступно забыли!..
Я хотел бы писать о любви,
возвышающей душу людскую,
Озаряющей время,
но писать не могу, не рискую.
Дни такие настали,
что совесть и честь не в почете,
Волны Каспия вянут,
ведь даже они на учете.
Та звезда красоты
часто снится глухими ночами.
Как о ней я мечтал,
увидать ее в жизни не чая!
Разве только во сне снизойдет,
на подушку приляжет,
О таланте, о месте его в этом мире расскажет.
И, конечно, о том,
что не для же простого присеста
Средь людей у поэта
должно быть особое место...
...Как талант уберечь,
если бездари царствуют рядом?

Как сберечь свое имя,
 коль травят они его ядом?..
...Голос Родины слышу:
 чего тебе, сын мой, нейдет?
И могилу получишь,
 и для имени место найдется.

ОГОНЬ ГЛАГОЛА

Где судьбы нашей, горе измерившей, пик,
Где из сердца рванувшийся горестный крик?
Где стихов об Отчизне пленительный свет,
Чтоб остался в народе бессмертным поэт?

Где он, мед правдой жизни наполненных строк,
Чтобы пить как лекарство в назначенный срок?
Где свобода, добытая в страшной войне,
Где наш путь к ней, в какой он теперь стороне?

Где мечты в лунном свете крылатых ночей,
Где огонь вдохновенно сиявших очей?
Звуки неба! Да кто их расслышит уже?
Вон как пусто в измотанной, жалкой душе.

Я привязан к судьбе, как унылая тень,
Нету слов, чтобы выразить нынешний день.
Боже, беды от нашей страны отврати,
Дай ей время, чтоб силы набраться в пути.

Мы о будущем думали прежде, мой друг,
Не купить и не взять было нас на испуг.
У ненастного века мы нынче в плену.
Кто наш почерк поймет? Что поставит в вину?

Кто из наших в дороге знобящей погиб?
Сердце градом побито, как вольный Гуниб.
Языку все страшной чужеродный приют.
Продают нашу песню и нас предают.

Можно ль что в этом мире навеки сберечь?
Постоим до конца за родимую речь.
Так обнимемся, друг, наши души не лед,
Если в них еще держится древний полет.

И не зря, неспроста есть в стихах наших все ж
И величие гор, и волнистая рожь,
И глагол наш горящий возвышен и строг,
Коль живут в наших строчках Отчизна и Бог.

Глеб АРТХАНОВ

«РЕЧЬ МОНАСТЫРСКАЯ РУССКИХ ПОЭТОВ...»

Глеб Арханов (Юрий Игоревич Алексеев) — родился в семье военного, жил в Тюмени, Иркутске, Челябинске, на границе в Литве. Корни — питерские. Поэт. Автор переводов с белорусского, эстонского, вьетнамского, английского, курдского языков, переводчик с санскрита памятника мировой литературы «Бхагавадгиты». Автор нескольких книг стихов. Работал зав. отделом поэзии журнала «Неман». Сейчас член редколлегии и зав. отделом поэзии журнала «Новая Немига литературная». Член Союзов писателей России и Белоруссии. Является заместителем главы Постоянного представительства русских писателей Белоруссии при Санкт-Петербургской организации Союза писателей. Живет в Минске.

Да кто я такой, чтобы буквы
складывать в строчки?...
Да кто я такой,
чтобы это желали читать?...
И что я сказать-то могу,
кроме бредней сорочьих?
Кругом же не дурни,
чтоб бредни чужие читать?!

Поэтому я и молчу,
и пишу понемножку.
Ведь в собственном доме
и слышать меня не хотят.
Когда достаю свою душевную душу —
гармошку,
Кричат: не туда, вот болван,
он опять невпопад!

Ах, если бы я не туда,
а то все ведь туда же.
Ведь писано
и переписано все, что ни есть.
На нас ведь на всех одинаково
давит поклажа.
И наглухо горло забила
мышинная шерсть.

И пусть колокольца мои
прозвонили к вечерне,
И пусть припозднился я нынче
во вражьих гостях,
Еще отплюемся с тобой мы
от всяческой черни,
Еще мы попляшем с тобой
на мышинных костях.

И будем мы буква к букве
ладить и ладить,
И будем за чаркой друг другу
читать и читать...
В ковчежек сосновый положишь ты
эти тетради,
Когда я от ночи начну уплывать,
уплывать.

ЮРОДИВЫЙ

А он о своем все рассказывал детстве, —
Как мама его укрывала
Бессильно и нежно от будущих бедствий
И прятала под покрывало.

И он до сих пор, если что-то случалось
В грозящих годах, как обычно, —
Отчаянно к маме в могилу стучался
И слышал ответ горемычный:

Сама я на это попалась, сыночек.
Мне мама моя говорила,
Что спрячет меня от озяблости ночи,
И встанет она из могилы.

Но нам не подняться, сыночек мой милый,
Совсем наша силушка взята.
А ты не умри бесполезно без силы,
И к нам не стучись виновато.

И слабых, и сильных — их всех утянула
Какая-то хищность паучья.
Господь! — и Его-то она обманула,
И не отпускает, и мучит.

Совсем мы увязли, приклеились к твари,
И жить нам совсем безнадежно.
А ты не поддайся. Хотя и ударит...
Упрись и иди осторожно...

И мне благодатность, и мне утешенье,
Что ходишь со старой сумою,
Смиренно любое берешь подношенье
И в драке со смертью самою...

СИВАШ

На изломе зернится, искрится душа
До последней икриночки-искорки,
Будто соль на ладонях седых Сиваша
После долгой мучительной выпарки.

Он лежит в порыжелых степях испокон.
Розовеет в нем сизое солнышко.
И в ладонях его, будто темень икон,
Собирается дедова кровушка.

Пыль над степью сарматской держали полки,
Волоклись, только крехоты слышатся.

И в полынь, будто в рай, полегли биваки.
На ветру словно души колышутся.

Ух, горька эта крымка — сивашская соль,
Окровила сурово нательное, —
Здесь тамбовская моль, там рязанская голь —
Просолила усища похмельные.

Наши беды и боли сойдут под сохой,
Горьковато подсохнет сукровица,
И затянутся горести коркой сухой,
И душа ковылями укроется.

* * *

Караульному не спится
В Александровском дворце.
Вдруг застонут половицы
С тихим восхлипом в конце.

Или в длинных коридорах
Кто-то дальний закричит.
И чего с таким-то вздором
Не причудится в ночи!

Он тайком откроет дверцу,
И от жуткости такой

Стопку выплеснет на сердце.
Боже, душу упокой!

И тетере не приснится,
Что не всхлипнут половицы,
Хоть паркету за сто лет:
Что плывет Императрица
В свой последний кабинет.

И шафрановые свечи
В серой дымке чуть видны,
И плывет в мышастом френче
Кто-то статный со спины.

* * *

В монастыре глуховаты речения.
Теплится тихий глагол монастырский,
Будто лампадки далекой свечение
Путник приметил с дороги неблизкой.

Самому верному тихому голосу,
Самому верному — мы не послушны.
С черной ведет он на белую полосу.
Мы же по черной бредем равнодушно.

Мы — за стенами, как все оглашенные,
Мы равнодушны, мы немые и глухи.
Мы — оглушенные, мы — отрешенные.
Если и ждем, то костлявой старухи.

Братцы, уважьте, и душу уставшую
Вы окуните в сияние светов.
Братья! Услышьте мольбу просиявшую —
Речь монастырскую русских поэтов.

* * *

Въехали в белую мглу серебристую,
В белую сизость, в седое мерцанье.
В Питерском лете из сумрака мглистого
Путь наш отвесный — на юг мироздания.

Нам на Валдай, через край, через Красное, —
Сам в темноте позабытый когда-то, —
Через заборы косые безгласные
Путь указывает во тьме навигатор.

Гой, ты, Валдай, ты — шалтай кулебяковый,
Избы кривые стоят без надзора,
Тучи рубахами всякого якова
Долей линиялой плывут вдоль забора.

В образе кровоточивого отрока
В сизой дали беззащитного лета
Что там встает: иван-чай или облако
Розово-желтым сукровичным светом?..

* * *

У церковки от века к веку
Скрипач выплакивает Брамса,
И обволакивает деку
Луна тигрового окраса.

В полутени полунагая
В настое волокнисто-душном
Толпа размякшая шагает
Сама с собой в разладе скучном.

Над головой во тьме магнолий
Нагромождили пароходы

Огни, дымы, гирлянды, штольни,
Плавильни, домны и заводы.

Сквозь них кисейными ночами
В немом «Прощании славянки»
Плывут полки, скрипя ремнями,
Хрипят беззвучные тачанки.

Бесшумно воздух топчут кони
В бессчетное начало века.
Ночь у Святителя Николы.
Бульвар приморский и аптека.

ЦАРСКОЕ СЕЛО

Здесь со следами увядания
И грозди красные, и листья
В туманы ранние и давние
Уносят посвист легких истин.
И тихие воспоминания
Чего-то, что важнее жизни,
Как жизнь, проходят в ожидании
Чего-то, что важнее жизни.

Воспоминаний полужнание,
Всемилоствивые царицы
Душе напоминают о страдании
И призовут перекреститься.
Соборов собственных мелькание
В руинах красной крепостицы,
И листьев желтых трепетание,
И наши собственные лица.

Ну а когда все обиды отвалятся,
Станет плавней неказистая речь, —
Только сиянье со мною останется.
Стану его еще пуще беречь:

Будто пылцу
на подсохнувшей лужице,
Сизую соль в соляном озерце,
Белую цветъ на каштановой улице
Или печаль на любимом лице.

Люди и образы — все перемешано...
Эту ли выбрать избушку иль ту...
Что различишь,
коль оконце заснежено?
Что различишь на слепящем свету?

Все, что узнал, осеняет свечение.
Желтая пыль овекает меня.
Только свобода имеет значение —
Вспышка свободы в мелькании дня.

К В Ш Л А К Н И Г А

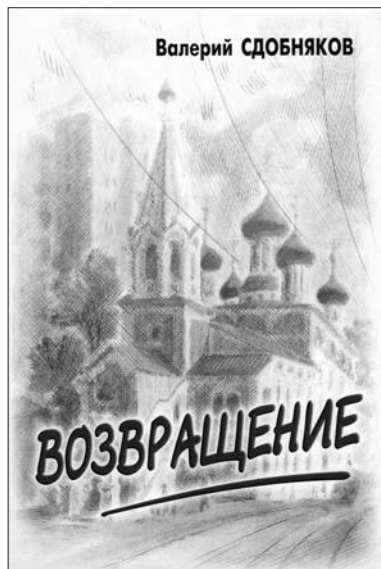
Валерий Сдобняков. Возвращение. Серия «Вертикаль. XXI век»: ВРЕМЕНА и МНЕНИЯ. — Нижний Новгород: «Вертикаль. XXI век», 2011. — 304 с.

Основу новой книги прозаика и публициста, лауреата Международной премии имени М. А. Шолохова и всероссийской премии «Хрустальная роза Виктора Розова», главного редактора литературно-художественного журнала «Вертикаль. XXI век» Валерия Сдобнякова составили беседы с известными политиками и писателями, деятелями культуры и науки. Среди его собеседников губернатор Амурской области и опальный Министр имущества времен Ельцина В. П. Полеванов, классик русской советской литературы Ю. В. Бондарев, главный редактор «Исторической газеты», лауреат Государственной премии России, поэт А. А. Парпара, адмирал И. В. Касатонов... Также в книге помещены очерки-прощания с теми, с кем автора связывали долгие годы дружбы — поэтом Олегом Шестинским, писателем Валентином Николаевым, художником Евгением Расторгуевым, ученым, председателем Московского интеллектуально-делового клуба (Клуб Н. И. Рыжкова) Михаилом Кодиным.

Отдельный раздел книги посвящен проблемам сегодняшней России. В него входят статьи и очерки «Встречи на не отданной и отвоеванной земле» (о встречах писателя в Калининграде с «демократической» молодежью), «Алтайские этюды» (его впечатления о поездке по Алтайскому краю) и т. д.

Остро поднятые в опубликованных материалах темы современной русской жизни не оставят равнодушными заинтересованных читателей. Содержание книги рассчитано на самый широкий их круг.

Оформлен том великолепными офортами художника Н. П. Мидова-Полянина из коллекции автора.

1952 год

**Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ**

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884–1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г., № 1, 2, 3, 4 за 2009 г., № 1, 2, 3, 4 за 2010 г. и № 1, 2, 3, 4 за 2011 г.

Как тяжело человеку переносить всякую скорбь и тесноту!.. Что бы это ни было! Болезнь ли, или семейные неурядицы, неудачи на работе, скорбные случаи и т. п., а что говорить о большом горе — потере, смерти родного человека...

И охи, и вздохи, уныние, полное расстройство душевного состояния, шум, крики, сердитые взгляды, оскорбительные речи (без всякой причины) — и все виноваты, всех готовы обругать, отомстить... А за что? Только за то, что у них нет такой скорби... А уж осуждать других, жаловаться на всех и всем готовы!

Грустная картина! И эта картина нам хорошо известна.

Есть ли в таком состоянии что-нибудь христианское? Конечно, нет... Двух мнений быть не может... Тогда возникает вопрос: «А как же должен себя вести христианин?»

Для нас это в таких случаях вопрос очень серьезный. Мы всем своим существом чувствуем, что так христианину вести себя в скорби не следует. А как же будет правильно — и не сказать. Как мне говорил один человек: «Всем нутром своим чувствую, что это не то, что надо, а рассказать не умею».

А это ведь не один, а все мы такие. Все готовы рассуждать вкривь и вкось, а толком, ясно, вразумительно сказать никто не сумел. А вопрос важный: в скорбях наша жизнь проходит, а мы носим имя христианина, искренне хотим быть христианами на деле, а не только на словах.

Давайте же учиться у богомудрых учителей Церкви. Я вот и выбрал, чтобы прочитать сегодня, письмо епископа Феофана Затвор-

ника. Он говорит так глубоко и серьезно и вместе с тем, так просто и ясно, и образно, что и запомнить легко, и подумать есть над чем.

Это — собрание писем святителя Феофана (вып. 1, М., 1894). Там есть письмо № 115 к неизвестной для нас особе, которая, очевидно, горько жаловалась в своем письме епископу Феофану на свои горя и скорби. Он ей так отвечает (выписываю буквально стр. 116—118):

«Милость Божия буди с вами!

Прочитавши вами сообщенное, не мог удержаться, чтобы не сказать: какая прекрасная у вас обстановка! Разумею в отношении дела спасения... И вот вам мое решение:

Не только все передайте в руки Господа, но еще благодумствуйте, радуйтесь, благодарите.

Верно, есть, что из вас выбить, и вот Господь и направил на вас столько молотков, которые колотят вас со всех сторон. Не мешайте же им своим сердчаньем, противлением, недовольством. Дайте им свободу, пусть не стесняясь ничем, совершают над вами и в вас дело Божие, к которому Господом приставлены для спасения вашего.

Господь любит вас и взял вас в руки, чтобы вытеснить из вас все негодное. Как прачка моет, трет и колотит белье, чтоб убелить его, так Господь трет, моет и колотит вас, чтоб убелить вас и приготовить к наследию Царствия Своего, куда не войдет ничто нечистое.

Так взирайте на свое положение и утверждайтесь в нем и Господу молитесь, чтоб Он и в вас такое воззрение утвердил и углубил.

Затем с радостью принимайте всякую неприятность, как врачество, подносимое Самим Господом. На окружающих вас смотрите, как на орудия Божии во благо вам, и за ними всегда зрите руку Божию, вам благодетельную. И за все говорите: «Слава Тебе, Господи!»

Но старайтесь, чтоб это было не на языке только и в мысли, но и в чувстве. Молитесь, чтоб Господь и чувствовать так дал: И даст!

Положите законом:

1. Всякую минуту ждать неприятности и, когда придет, встречать ее какжданную гостью!

2. Когда совершается что-либо противное, готовое огорчить и раздражить, скорее бегите вниманием к сердцу и, сколько можете, напрягайтесь не допускать возродиться тем чувствам, напрягайтесь и молитесь.

Если же допустите породиться тем чувствам, всему конец, ибо все от чувств: если породится хотя и маленькое, если можно, ничего не говорить и не делать, пока не выткали те чувства; если же нельзя не говорить и не делать, старайтесь говорить и делать не по тем чувствам, а по заповеди, как Бог велит, кротко, тихо, как будто ничего и не было.

3. Всякое ожидание прекращения такого порядка выбросьте из головы, а определите себя на неприятности до конца жизни. Если не будет этого — терпение установиться не может.

4. Ко всем молоткам сим приложение:

а) держать любовный взор, любовный тон речи, любовное обращение, и
б) главное — всевозможно избегайте что-либо напомнить им о их несправедливостях. Действуйте так, как будто ничего от них и не было.

Все эти пунктики потрудитесь хорошенько обдумать и взвесить все случаи, когда и как они приложимы в вашем течении жизни.

Всего просить у Господа с полной Ему покорностью. Навыкайте — память Божию хранить неотказно.

Я очень жалею, что вам приходится все такое терпеть, переносить! Но иначе вам исхода нет. Терпите... Так хочет Господь во спасение ваше, любя вас. Спасайтесь.

Ваш доброхот епископ Феофан».

Вот как смотрит на это дело Святая Православная Церковь.

Я знаю, что у многих мелькнет мысль, да может ли это быть вообще в нашей жизни? А между тем может быть. И на самом деле есть.

«Душа, не испытанная скорбями, никуда не годна»¹.

Вот правильный взгляд на нашу жизнь. Но как это понимать? Неужели скорби имеют в нашей жизни такое огромное значение? Да, истинно так. И вот как объясняет это епископ Феофан²: «Наряду с другими способами, как сильнейшее средство очищения должны быть ощущаемы постоянные прискорбности и неприятности, Богом устрояемые, и дух сокрушения, Им же подаваемый.

По силе своей это средство равняется руководителю и, когда руководителя нет, вполне может руководителя заменить, да и заменяет у человека верующего и смиренного — ибо в таком случае Сам Господь Бог есть руководитель, а Он, без сомнения, премудрее нас.

У святого Исаака Сириянина подробно изображается, с какой постепенностью вводит Господь очищаемого, все более и более, в скорби чистительные и как разогревает в нем дух сокрушения. С нашей стороны требуется только вера в благое промысление и готовое радостное, благодарное приятие всего скорбного, что посылает Господь.

Недостаток такого настроения отнимает чистительную силу у скорбных случаев, не пропускает ее до сердца и глубин наших.

Без великих скорбей трудно устоять человеку против гордости, самомнения, а без слез сокрушения — как избавиться от фарисейского самооправдания? Кто не имеет скорбей, у Апостола считается «прелюбодейчищем» (Сборник о молитве Иисусовой, № 276).

Есть что подумать и обдумать, прочитав эти строки. А вот как пишет другой светильник нашего времени — епископ Игнатий (Брянчанинов): «Жизнь человека на земле есть цепь страданий. Должно бороться с телом своим, со страстями; с духом злобы. В этой борьбе — наша надежда.

Наше спасение есть Бог наш. Возложившись на Бога, должно переносить с терпением время борьбы.

Искушения как бы топчут человека, претворяя зерно в муку. Они попускаются нам по Промыслу Божию к великой душевной пользе нашей: от них человек получает сердце сокрушенное и смиренное, которое Бог не уничтожит»³.

Вот как говорят богомудрые учителя наши.

Епископ Феофан в прочитанном 115-м письме указывает на то, что нужно делать человеку.

¹ *Епископ Феофан. Письма. Т. IV, № 745.*

² «Путь ко спасению». С. 294.

³ *Епископ Игнатий (Брянчанинов). Т. I–II. С. 117.*

Я об этом не раз говорил. И не раз слышал такие речи: Ой, как трудно этого добиться! Ой, как трудно во время тяжелой скорби оставаться спокойным и смотреть на обидчиков или даже просто на людей веселых, не испытывающих скорби, — трудно смотреть на них без неприязненных чувств, где и обида, и зависть, и негодование, и т. п.

Совершенно правильно, что этого добиться очень трудно, даже просто невозможно для человека, если он думает добиться своими силами. Но —

Невозможное для человека возможно суть у Бога.

Как во всех обстоятельствах наших, так и здесь единственный наш Спаситель — Господь Иисус Христос и Тот Великий Утешитель, Которого Сын Божий посылает от Отца, — Дух Святой, Совершитель нашего освящения. Скорби на то и даны, чтоб узнать эту великую истину. Недаром говорит пословица: «Чем глубже скорбь, тем ближе Бог!»

Епископ Феофан в своем письме все время убеждает: «молитесь», «молитесь». Сколько раз это слово встречается!..

Всякий просящий получает. Просите и дано будет вам.

Это — слова Самого Господа. В них великая сила.

«Да я молилась, — говорила мне одна слушательница, — а скорбь не утихает, тоска заглушает все: говорю слова, а сама их и не слышу, и не понимаю; в голове только и есть, что мои горькие думы... Я и бросила молиться».

Так это и не была молитва, это только видимость молитвы. Без внимания — не молитва, а лишнее оскорбление Господу, грех против третьей заповеди.

Епископ Игнатий (Брянчанинов) пишет: «Качество истинной молитвы состоит в том, когда ум во время молитвы находится во внимании, а сердце сочувствует уму»¹.

То же повторяет епископ Феофан: «Полная и настоящая молитва есть та, когда со словом молитвенным и молитвенной мыслью соединяется и молитвенное чувство»².

Следовательно, если чего-либо из перечисленного в нашей молитве нет, то это есть ненастоящая, неправильная молитва, а то и вовсе не молитва.

Вот почему наша молитва не только не приносит нам немедленного утешения, а и вообще никакого утешения скорби не дает. Причина ясна: не знаем, как надо молиться, и не умеем за это дело взяться. А тут слышишь: «Я и вчера, и сегодня молилась — и ничего не вышло. Я и бросила молиться».

Как это все просто и скоро! И вместе с тем легкомысленно! Постояла перед образом 20—30 минут, а то и меньше, и решила, что она уже великая молитвенница и должна все-все получить немедленно.

Самое маленькое дело требует сноровки и опыта, а молитва — это величайшее дело для человека на земле: беседа со Всемогущим Владыкой жизни и смерти, с Всесильным и Премудрым Творцом мира. Это дело не может и не должно свершиться только потому, что я изволила стать на молитву.

«Нет, — говорит отец Лев Оптинский, — нет, голубушка, посиди у моря, подожди погоды. Не хочешь ждать, не хочешь учиться — твое дело».

¹ «Аскетические опыты». Т. II. С. 163.

² «Невидимая брань». С. 144.

Как бы хорошо было, если бы человек пришел в школу, нигде не учась, и сдал бы экзамены на аттестат зрелости!.. а оказывается, так не бывает: а надо 10 лет учиться, и хорошо учиться, чтобы за десятилетку экзамены сдать.

Чтоб стать хорошим слесарем, надо долго и упорно учиться. Сначала и у слесаря выходит плохо, нескладно, а потом, если он будет настойчиво добиваться, и опытным мастером станет.

Тем более в молитве, которая есть «Путь к Богу». Епископ Игнатий пишет ясно: «Путь к Богу — молитва».

Измерение совершаемого пути — различные молитвенные состояния, в которые постепенно входит молящийся правильно и постоянно. «Научись молиться Богу правильно и молись постоянно — и удобно наследуешь спасение. Спасение является от Бога в свое время, с неоспоримым сердечным извещением в себе молящемуся правильно и постоянно»¹.

Видите, какое великое благо — научиться молиться Господу и молиться постоянно.

Да не подумает кто, что он кому-то одолжение делает, когда будет учиться молиться! Совсем не так... Епископ Игнатий пишет:

«Не нужны Богу наши молитвы: Он знает и прежде прошения нашего, в чем мы нуждаемся: Он, Премилосердный, и на не просящих у Него изливает обильные щедроты.

Нам необходима молитва: она усваивает человека Богу.

Без нее человек чужд Богу, а чем больше упражняется в молитве, тем более приближается к Богу.

Молитва — причащение жизни. Оставление ее приносит душе невидимую смерть.

Что воздух для жизни тела, то Дух Святой — для жизни души. Душа посредством молитвы дышит этим святым таинственным воздухом!»

Вдумайтесь в эти слова: молящийся постоянно и правильно все более и более приближается к Богу. Молитва усваивает человека Богу, то есть делает человека своим, родным, близким к Богу. А Господь Бог есть и свет, и радость, и блаженство. Следовательно, если в скорби будет человек молиться Господу, то и в скорби получит утешение...

«Царю Небесный, Утешителю...» — говорим мы в молитве. А Утешитель и утешит, и ободрит, и подкрепит. Таким образом, все, что я сейчас писал, имеет прямое отношение к скорбям нашим, к тому вопросу, который мы сейчас разбирали.

Научись молиться правильно — и в скорбях найдешь утешение. Легко сказать «научись», когда учиться, да еще долго учиться — совсем не хочется.

Но Господь, который «всем человекам хочет спастися», не оставит погибать и таких людей.

А как же Господь их призывает к Себе? На этот вопрос отвечает Оптинский старец Леонид (в схиме Лев):

«Кого посетит Господь тяжким испытанием, скорбью, лишением возлюбленного из близких, тот и невольно помолится всем сердцем и всем помышлением своим, всем умом своим.

¹ «Аскетические опыты». Т. V. С. 140—141.

Следовательно, источник молитв — у всякого есть; но отвергается он — или постепенным углублением в себя, по учению отцов, или — мгновенно, Божиим сверлом»¹.

Следовательно, не хочешь учиться у святых отцов-молитвенников — жди «Божьего сверла». Примеров такого «Божьего сверла» мы — священники — видим и знаем много.

Зачастит в храм человек, который давно не бывал в храме, — верный признак, что Божье сверло действует. Я таких никогда не спрашиваю — сам расскажет, когда горе до точки дойдет. И окажется обязательно так: Господь позвал, и невольно пришел человек.

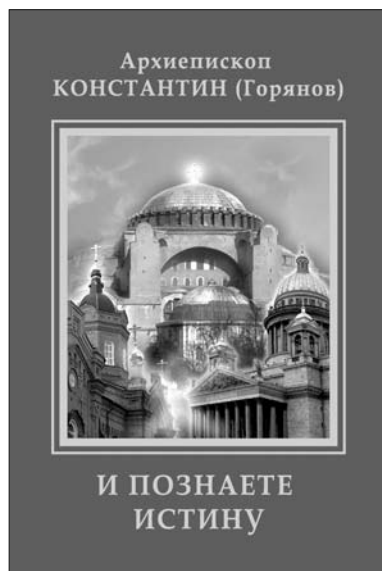
Но это — путь очень тяжелый и небезопасный. Лучше пойти путем длинным, но не так уж страшным. Будем учиться у Святых Отцов.

¹ Жизнеописание Оптинского старца Леонида, 1890. С. 178.

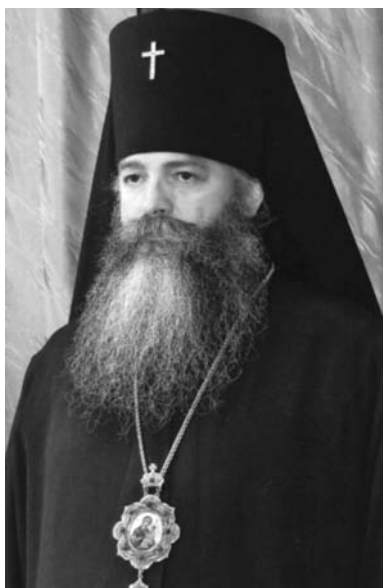
ВЫШЛА КНИГА

Архиепископ КОНСТАНТИН (Горянов). И познаете истину (Ин. 8:32). — СПб.: Родная Ладога, 2011. — 568 с.: ил.

Книга архиепископа Константина (Горянова), иерарха Русской Православной Церкви, кандидата медицинских наук, профессора-богослова, историка, педагога «И познаете истину» (Ин. 8:32) подготовлена к 60-летию со дня его рождения, к 40-летию научной деятельности и 20-летию его архиерейской хиротонии. В этом научно-просветительском издании проводится исследование современности в контексте тысячелетней церковной и светской истории Руси-России, происходит глубокое духовное осмысление прошлых трагических событий в жизни православного государства. В книге, содержащей богатый фактический материал, не только доказывается необходимость восстановления связи времен, национального единства на основе Православной веры, но рассматриваются конкретные пути, даются неотложные, оптимальные методы решения задач в обеспечение независимости России как духовной целостности. Книга будет полезна священникам, преподавателям и студентам духовных и светских учебных заведений, а также широкому кругу читателей, интересующихся богословской наукой, историей и современной жизнью Русской Православной Церкви.

Пути ПОЗНАНИЯ

**Архиепископ Курганский
и Шадринский
КОНСТАНТИН
(Горянов)**

РЕЛИГИОЗНО- ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНА, СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ¹

¹ Предлагаемая статья продолжает цикл публикаций научно-богословских работ архиепископа Константина (Горянова) на темы религиозно-философской антропологии, развитие которой в России связано с именами выдающихся русских философов В. Несмелова и Вл. Соловьева.

Влияние античной философии на формирование христианской антропологии

Греки времен классической древности ставили на первый план общественную деятельность человека как гражданина полиса и уделяли мало внимания его личной жизни. Эллины не мыслили себя вне полиса и политики. Их сознание было скорее экстравертированным, нежели интровертированным.

Самый знаменитый философ древности Сократ (469–399 до Р. Х.) специально антропологией не занимался, а касался ее постольку, поскольку она тесно соприкасалась с его этикой. Если верить историку Ксенофону Афинскому (444–356 до Р. Х.),

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов) — родился в ауле Кэнессы Джамбульской обл. Казахстана. В 1974 г. окончил лечебный факультет Винницкого мед. института и работал участковым врачом, затем ст. врачом бригады интенсивной терапии. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДС, продолжал заниматься мед. практикой. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. Окончив МДА, получил степень кандидата богословия. В 1990 г. возведен в сан игумена, зачислен в братию Жировицкого монастыря, затем назначен ректором МинДС и возведен в сан архимандрита. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член Синодальной богословской комиссии, редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН, АПОБ и др.). Ныне правящий архиерей Курганской епархии.

то Сократ был первым из греческих философов, кто в вертикальном положении человека, в его способности говорить и рассуждать и, что особенно важно, в наделенности его душой, усматривал разительный пример Божественного промысла и привилегированного положения человека в мире. В разговоре с Аристодемом об отношении Божества к человеку Ксенофонт влагает такие слова в уста Сократа: «Неужели тебе не ясно, что в сравнении с другими существами люди живут, как боги, уже благодаря своему природному устройству далеко превосходя их и телом и душой? Если бы у человека было, например, тело быка, а разум человека, он не мог бы делать, что хочет, точно так же животные, имеющие руки, но лишённые разума, в лучшем положении от этого не находятся. А ты, получив в удел оба эти драгоценные дара, думаешь, что боги о тебе не заботятся?»¹ Эта мысль, что привилегированное положение человека в мире отобразилось в его анатомии, получила основательное развитие у Аристотеля и достигла своей вершины у св. Григория Нисского («Об устройении человека»).

Сократ учит, что весь прекрасный мир создан Богом и богами ради человека. Бог Сократа — это безличный вселенский разум, а отдельные боги, о которых он говорил, были для него проявлениями этого универсального разума, благодаря которому невидимая душа человека «причастна Божеству и царит в нас»². Для Сократа тело и душа составляли две части живого и целостного человека, но части далеко не равноценные, ибо «по исходе души, в которой только и происходит процесс мышления, тело самого близкого человека поскорее выносят и скрывают под землей»³.

Впрочем, подобно всем античным философам, Сократ считал, что забота о физическом здоровье необходима даже для людей умственного труда, ибо «забывчивость, уныние, дурное расположение духа, сумасшествие у многих часто вторгаются в мыслительную способность вследствие телесной слабости до такой степени, что выбивают даже знания»⁴. Для Сократа потеря знаний безнравственна, так как добродетель есть знание, и моральное поведение — есть поведение разумной души, а не тела. Подобно тому, как ум, пока находится в теле, распоряжается, как хочет, так и разум во Вселенной устраивает ее так, как ему угодно⁵.

Вера Сократа в бессмертие души согласуется с его представлением о душе как о божественной, невидимой, бестелесной сущности, определяющей подлинное «Я» человека, его личность. Однако некоторые исследователи считают, что аргументация в пользу бессмертия души, выдвигаемая в «Федоне», является больше платоновской, чем

¹ *Ксенофонт Афинский*. Воспоминания о Сократе // Сократические сочинения. М.—Л.: Akademia, 1935. Кн. I; 4, 14.

² Там же. Кн. IV; 3, 14.

³ Там же. Кн. I; 2, 53.

⁴ Там же. Кн. III; 12, 6.

⁵ Там же. Кн. I; 4, 17.

сократовской¹. Ф. Х. Кессиди полагает, что Сократ считал для себя невозможным высказаться на этот счет с полной уверенностью. Он убежден, что «Сократ непоколебимо настаивал лишь на одном: и о душе надо одинаково заботиться как в случае, если бы мы знали, что потеряем ее через сутки, так и в том случае, если бы знали, что она будет существовать вечно»².

Родоначальником антропологии и ее раздела — психологии, как науки о душе, — является Аристотель Стагирит (384–322 до Р. Х.). Психология Аристотеля занимает в мировоззрении этого выдающегося мыслителя центральное место, поскольку душа, по его учению, связана, с одной стороны, с материей, а с другой — с Богом. Психологические сочинения Аристотеля представляют ряд тесно связанных между собою трактатов, из которых главный есть «Исследование о душе» (Περὶ ψυχῆς ἱστορία)³ первый в истории науки психологический трактат. В нем представлены история и критика предшествовавших учений о душе, установлены принципы и метод исследования, дано определение души, классификация главных групп душевных явлений и общая их характеристика. Аристотель представлял себе предмет науки о душе очень широко, как совокупность всех проявлений жизни животного и даже растительного миров, прогрессивно развивающихся до высших явлений духовной жизни человека. Стагирит убежден, что высшие формы жизни включают в себя все более низкие. По Аристотелю «жизнью мы называем всякое питание, рост и упадок тела, имеющее основание в нем самом», а тело само есть субстрат и материя. «Таким образом, — делает вывод Аристотель, — душа необходимо есть сущность в смысле формы естественного тела, обладающего в возможности жизнью. Сущность же (как форма) есть энтелехия⁴, стало быть, душа есть энтелехия такого тела»⁵. Это приложение к телу аристотелевского принципа о соотношении формы и материи. Подобно тому, как форма реально не существует в отвлечении от материи, так и наоборот, — материя есть только возможность известной формы, и сама по себе не существует. Душа пребывает в пневме, сродной эфиру, и находится, главным образом, в крови, поскольку кровь проникает во все органы; отсюда — сердце есть главный орган души. Со смертью тела (материи) умирает и душа (форма, а точнее сказать, — энтелехия тела).

¹ Кессиди Ф. Х. Сократ. М.: Мысль, 1988. С. 168.

² Там же. С. 171.

³ Латинские комментаторы и переводчики постоянно опускают слово ἱστορία и озаглавливают сочинение просто «De anima» /О душе/. То же сделано и в современном русском переводе.

⁴ Слово ἐντελέχεια происходит от ἐντελέχης — законченный, совершенный; разлагается филологически в τὸ σῖναι ἐν τῷ τῷ τέλος ἔχειν — и означает нечто, имеющее полноту, законченность, цель в себе самом, иначе — полную, совершенную и окончательную действительность. / Снегирев В. Психологические сочинения Аристотеля. Казань, 1885. Вып. 1: Исследование о душе. С. 40.

⁵ Аристотель. О душе, 412 а.

Что же касается вопроса о взаимоотношении тела, души и ума, то здесь Аристотель нередко противоречит себе. Чтобы согласовать эти противоречия, Нуйенс¹ выдвинул гипотезу о трех этапах развития этого учения у Стагирита. Сначала Аристотель учил, что ум присущ душе, а душа антагонистична телу, как бессмертное — смертному. Затем — что душа есть жизненная сила (витальный принцип), которая находится в теле и связана с ним особым органом, и что она присуща всем живым существам (именно в этот период Аристотель создает свои биологические труды), однако ум он начинает отделять от тела. Наконец, философ истолковывает душу как энтелехию тела, такая душа не бессмертна, она возникает и погибает вместе с телом, зато ум (нус) совершенно отделяется от души, как нематериальный и бессмертный интеллект.

«Аристотель, — пишет Ф. Х. Кессиди в предисловии, — сын своего века и народа, он “прирожденный” интеллектуалист, для него разум (nous) составляет субстанциальную основу познавательной и всякой иной деятельности человека и его отличительный признак»². Аристотель считает ум, как потенцию, соприсущным человеку, а как энергию — считает его извне привходящим в нас и не столько назначенным для бытия и существования, сколько способствующим успешному познанию и созерцанию природы. Разум есть нечто над-индивидуальное. Он один во всех людях. Будучи чужд индивидуальности, разум освобождается от связи с телесной деятельностью, так что мышление есть чисто духовный процесс.

По Стагириту, душа не обладает протяженностью, потому что неделима. Когда же Аристотель пишет и рассуждает о видах или частях душ, то он имеет в виду ее проявления. Душа, по Стагириту, состоит из двух главных частей: разумной и неразумной, или как он пишет: «Наделенная суждением и лишенная его»³. Затем каждую из этих частей он делит еще на две, — итого получается четыре. Зачем? «Дело в том, — поясняет свой подход автор, — что для вещей разного рода существуют разного рода части душ, предназначенные для каждой отдельной вещи по самой своей природе»⁴.

В разумной душе он выделяет научную (ἐπιστημονικόν) или теоретико-познавательную часть, посредством которой созерцаются неизменные принципы бытия, и рассудительную, рассчитывающую (λογιστικόν), — благодаря последней осмысливаются изменчивые обстоятельства и многообразные человеческие дела, взвешиваются мотивы и осуществляется правильный выбор образа действий.

¹ Гипотеза голландского ученого Ф. Нуйенса — дана в изложении: Чанышев А. Н. Аристотель. М., 1989. С. 129.

² Кессиди Ф. Х. Этические сочинения Аристотеля // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М., 1984. Т. 4. С. 8.

³ Аристотель. Никомахова этика. Кн. VI; 2, II39a5.

⁴ Там же. Кн. VI; 2, II39a10.

Неразумная душа состоит из подвластных влечениям (аффективной, страстной, стремящейся) и способной к питанию. У Аристотеля это не единственная классификация, а наиболее совершенная. Учитывая другие аристотелевские схемы деления, подвластная влечениям часть души соответствует, примерно, животной, а способная к питанию — растительной части неразумной души. Что касается последних двух частей, то они, будучи энтелехией тела, от него неотделимы. Все эмоции души как-то проявляются и в теле. Главным органом души является сердце. Параллельно с функциями души совершенствуется и тело человека. Главное его анатомическое преимущество в том, что передние конечности имеют форму рук, тело расположено вертикально, взор обращен не к низу, как у животных, а вперед. Анатомические представления Стагирита более соответствуют современным, чем физиологические.

Аристотель, в противоположность своему учителю Платону (428–348 до Р. Х.), настаивает на взаимопредназначенности души и тела. Известно, что Платон считал тело темницей души, а чувственные влечения — своего рода цепями, которые приковывают душу к чуждому ей телу. Эмоции отклоняют человека от его истинного назначения и влекут к низменному, порочному. Лишь с помощью ума можно разорвать эти цепи, избавившись от вожделений и страстей, освободиться от этого мира и устремить свой взор к высшей, реально существующей идеальной действительности. В отличие от Платона, душа у Аристотеля не является каким-то самодвижущимся числом (влияние пифагореизма у Платона) или гармонией.

Однако, до Боэция на Западе и Леонтия Византийского, а затем — св. Иоанна Дамаскина на Востоке, — к аристотелизму относились с большим предубеждением. У церковных писателей, за очень немногим исключением, симпатии были на стороне Платона. В антропологии Платона импонировала трихотомия: божественное, бессмертное, разумное начало души + смертная душа + тело. В диалоге «Тимэй» философ пишет, что Бог по правилам музыкально-числовой гармонии устроил космос — «единое живое существо». «Впрочем, — оговаривается Платон, — сам Он был создателем только божественных существ, труд же создания смертных существ Он возложил на своих собственных чад. И вот они, по Его примеру, получивши от Него бессмертное начало души, вслед за тем облекли ее в смертное тело, дали ей все это тело как колесницу»¹.

Божественное разумное начало души боги поместили в голову мужчины — убежден Платон. Этот разум «в силу своего родства с небом поднимает нас выше земли, как тварей не земного, а небесного происхождения»². Это выпрямило человека, придав ему вертикальную направленность к небу. Но уже не Бог, а боги создали смертную, то есть волящую и чувствующую части души. В других местах «Тимэя» это две души. Затем боги создали и тело с различны-

¹ Платон. Тимэй. Гл. XXXI. С. 69.

² Там же. Гл. XIII, 90 А.

ми органами, которые оказались нужными для различных функций. Лучшую, волящую, часть души они поместили в грудной клетке, а чувственную — привязали, как жадного зверя, в пространстве от диафрагмы до пупа. Распоряжения разумной души идут из головы к сердцу, а из сердца уже по всему телу.

Платон на основе известных ему анатомических и физиологических (по тому времени крайне несовершенных) представлений очень смело строит свою антропософию. Так, Бог предоставил части души, находящейся в печени, приличное времяпрепровождение ночью — занятие мантикой во время сна., а чтобы и она каким-нибудь образом имела участие в истине, поместили (боги) в ней дар прорицания»¹. Поэтому человек, когда прорицает, находится в иступленном состоянии. Днем же часть души, находящаяся в печени, обеспечивает человеку спокойствие и веселие, потому что печень имеет гладкую и блестящую поверхность. Остальная «органософия» у Платона носит не менее фантастический характер.

Человек у Платона — это микрокосмос. Правильное поведение человека, считает философ, заключается в следовании порядку макрокосма. Движения бессмертной разумной души должны быть в гармонии с движениями Мировой Души, то есть постоянно описывать между собою встречающиеся и друг друга пересекающие круги. В какой мере душа того или иного существа усвоила себе навык двигаться по этим кругам, в такой же мере голова имеет сферическую форму. Он пишет, что души мужчин, которые в прошлой жизни отличались трусливостью и лживостью, вселяются в женские тела. Когда же это произошло, тотчас же мужская и женская половины рода человеческого были соответствующим образом приспособлены друг к другу для любви, супружества и деторождения. Птицы образовались из легкомысленных людей, «которые любили много заниматься небесными телами и явлениями», но не признавали ничего кроме того, что можно видеть телесными глазами. Обитающие на суше животные произошли от людей, «которым совсем чуждо было любомудрие (философия), которые совсем не занимались исследованием природы мира» и ничего не искали, кроме низких чувственных удовольствий. Поэтому голова у них наклонена к земле, а форма головы у животных зависит от того, какие части головы у человека в прошлой жизни работали больше, а какие — меньше. Из людей скверных, «самых невежественнейших и бестолковейших» произошли населяющие воду животные². Правда, в диалоге «Горгий» Платон уже пишет, что души умерших людей исцеляются в аиде через боль и страдания. Души закоренелых грешников мучаются вечно.

¹ Платон. Тимей. Гл. XXXII, 71 ДЕ.

² Там же. Гл. XXIV. 91А–92В // Диалоги Платона: Тимей /или о природе вещей/ и Критий / Пер. примеч. и введ. Г. В. Малеванского. Киев, 1883. С. 236–238.

Антропологические представления Платона дали обильные всходы в умах еретиков. Мысль о том, что Бог не Сам творил плоть человека (как низкую), а боги, — была перенесена на библейское учение иудеем Филоном. Александрийский мудрец учил, что Бог создал дух человека, а плоть — ангелы. Это к ангелам был божественный призыв: «...сотворим человека»... Через Филона мысль о теле, как темнице духа, была заимствована христианами гностиками и неоплатониками. Платоновские идеи о предсуществовании душ совращали лучшие христианские умы и были осуждены Церковью только на V Вселенском Соборе в 553 г. На авторитете Платона держался европейский нецерковный мистицизм. Платоновское учение о Мировой Душе бредило умы русских философов, в особенности софиологов, и философствующих писателей XIX—XX вв., а ведь среди них были талантливейшие люди.

Таким образом, антропологические представления Платона, а не Аристотеля были наиболее охотно взяты на вооружение еретиками и обрели новую жизнь в различных сомнительных с христианской точки зрения концепциях русских богословов-софиологов XX в.

Поскольку именно Аристотель создал первую систематическую антропологию, то понятно, что все последующие мыслители так или иначе учитывали его положения при построении собственных концепций. Аристотелевский гений определил план, содержание и характер всех последующих психологических исследований в течение всех Средних веков и даже в Новое время — от Декарта до Гегеля включительно¹.

Кроме того, Аристотель дал теологии понятие мира и природы, которое согласовывалось с религиозным мировоззрением и подчинялось последнему. Труды таких великих мыслителей католической церкви, как Альберт Великий и Фома Аквинский, Царство Божие и царство природы приведены были в единую великую связь². Вселенная — это подготовительная ступень к «царству милости». Если взор человека из царства природы проник в мир сверхчувственного, то человеческая жизнь нашла свое действительное призвание в дальнейшем развитии и стремлении к этому сверхчувственному, куда ее ведет Церковь с помощью своего учения и своей иерархии.

И даже сейчас, спустя более двух тысячелетий, аристотелевская психология в усовершенствованном виде входит в систему неотомизма, который в настоящее время признается католической церковью единственно верным философским учением. Поэтому нам, прежде чем перейти к христианской антропологии, оказалось совершенно невозможным не вспомнить Аристотеля.

¹ *Снегирев В.* Психологические сочинения Аристотеля. Казань, 1885. Вып. 1: Исследование о душе. С. 3.

² *Зибек Г.* Аристотель. СПб.: Образование, 1903. С. 142.

После Рождества Христова антропологические сочинения Аристотеля начинают воспроизводиться в исследованиях других мыслителей сначала по частям и в отрывках, как у Филона, Порфирия и других неоплатоников, а потом целиком — в виде комментариев и парафраз. Порфирий комментировал Платона и Аристотеля, его «Введение в “категории” Аристотеля» — главный источник знакомства с аристотелевской логикой в Средние века. В этих и последующих комментариях теория Аристотеля незаметно сливается с платоновской и неоплатонической метафизикой души, чему способствуют очень краткие высказывания Аристотеля об уме «деятельном». «Существует, с одной стороны, такой ум, — учит автор¹, — который становится всем, с другой — ум, все производящий». «И этот ум, — продолжает Аристотель, — существует отдельно и не подвержен ничему, он ни с чем не смешан, будучи по своей сущности деятельностью». И далее, делает вывод — только существуя отдельно, этот деятельный ум есть то, что он есть, «и только это бессмертно и вечно».

У нас нет воспоминаний о деятельности этого ума, «так как этот ум ничему не подвержен, ум же, подверженный воздействиям, переходя и ничего не может мыслить». Разум страдательный появляется лишь после присоединения деятельного к животной душе.

Таким образом, пифагорово деление души на разумную и неразумную вошло через сократо-платоно-аристотелевскую психологию и в древне-церковную антропологию². Но как древние представляли себе бессмертие этой души — не совсем ясно. Профессор МДА А. И. Введенский считает, что бессмертие мыслилось как надиндивидуальное. «Впрочем сам Аристотель не договаривается до этого заключения, так как вопрос о личности в древней философии не поднимался. Нам самим поэтому приходится делать эти выводы из его учения»³.

Античная философия в лице ее главных представителей — Сократа, Платона и Аристотеля — является источником того трехчастного деления человеческой природы на тело, душу и ум (дух), которому следовали не только позднейшие философы (Филон, Плотин — считали ум отдельной, высшей частью души), но и учителя, а также Отцы Церкви: Климент Александрийский, Ориген, св. Ириней Лионский, блаж. Августин и другие, называвшие ум «владычественным души» (τὸ ἡγεμονικόν). На антропологию Аристотеля не только ссылались, но ее активно усваивали, усовершенствовали, что особенно ясно из творений св. Григория Нисского («Об устройении человека») и еще больше у Немезия, епископа Емесского, который в своем небольшом трактате «О природе человека» двадцать раз прямо ссылается на Ста-

¹ Аристотель. О душе, 430 а.

² Позов А. Основы древне-церковной антропологии. Мадрид, 1965. Ч. 1: Сын человеческий. С. 65.

³ Введенский А. И. Платон и Аристотель. Б. м., б. г. Машинопись. Библиотека МДА: В-О/В-24, № 40892.

гирита. «Значение Сократа, Платона и Аристотеля только увеличивалось с веками, а с появлением христианства, после некоторого рода заминки, эти философы глубоко вошли в христианское, иудейское и магометанское богословие, получили неоплатоническое углубление и навсегда остались представителями философии абсолютного духа, которых можно было бы сравнить только с немецким идеализмом»¹.

Общепринято считать, что онтологический, гносеологический и антропологический фундамент античности возмещает проблему Единого и множественного. Единое — предельное понятие, обладающее мифологической способностью рождать «глубокое сердечное волнение» и «даже молитвенный восторг»². Именно этот образ, дополненный иерархией эманаций (Единое, Ум, Душа), является точкой отсчета неоплатонизма. Вне зависимости от эпохи и страны этот неоплатонический принцип в той или иной форме разворачивается с завораживающей убедительностью, вызывая заблуждения и ереси. Однако сказать, что любая философская мысль, направляющаяся идеей Единства (например, русская философия Всеединства), является ложной — значит уничтожить всякое содержание, облекающееся в форму поклонения идеальному первоначалу.

На христианском Востоке антропология Аристотеля усваивалась, главным образом, благодаря финикийскому епископу Немезию (IV—V вв.), которого с полным правом можно назвать одним из наиболее ранних аристотеликов. Он душу определяет как *οὐσία αὐτοτελής, ἄσώματος*, то есть бытие, само по себе составляющее цель, и бестелесное. Душа разделяется на две части: разумную и неразумную. Разумная часть души состоит из мышления, памяти и воли, свобода и независимость которой составляют личность. Неразумная часть в свою очередь распадается на два отдела: 1) способности, ничего у разума не заимствующие, как пожелание и отвращение; 2) душа растительная и животворная.

Епископ Немезий не останавливается и перед авторитетом Аристотеля с его учением о душе, как об энтелехии тела, используя аргументы неоплатоников Аммония Саккаса и Нумения. Душа, соединившись с телом, остается совершенно неслитной. Будучи бестелесной и неограниченной местом, душа проходит вся через все и проникает своим светом все тело. Вместе с Платином Немезий возражает Платону, что душа не управляется телом, но сама управляет им; она не заключена в теле, как в сосуде или в мешке, но скорее наоборот — тело в ней³.

Сведения из области соматической (анатомия и физиология) антропологии епископ Немезий черпает у отца медицины Гиппократ

¹ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика. М.: Искусство, 1974. Т. 3. С. 319.

² Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М., 1992. Кн. 1. С. 428.

³ Немезий, епископ Емесский. О природе человека: пер с греч. Ф. Владимирского. Почаев, 1904. С. 73.

(ок. 460 — ок. 370 до Р. Х.), Аристотеля и знаменитого римского врача Галена (ок. 130 — ок. 200). Последний оставил после себя классический труд «О частях человеческого тела», в котором обобщил представления античной медицины в виде единого учения и дал первое анатомо-физиологическое описание целостного организма. В учении о чувствах, памяти и психических аффектах епископ Немезий предпочитает схемы Аристотеля, но использует также аргументы стоиков и неоплатоников. «Это был писатель особого типа, не встречающегося более в патристической литературе: это был христианский психофизиолог и психолог-систематик»¹.

Историческое значение Емесского епископа в патристической антропологии определяется, главным образом, его влиянием на многих христианских мыслителей последующей эпохи, которые заимствовали из его трактата «Περὶ φύσεως ἀνθρώπου» — О природе человека» целые главы. Так, святой Иоанн Дамаскин (VIII в.) многие главы (3, 4, 7, 8, 11, 12, 13, 15, 16, 18, 19, 20, 24, 25, 26, 27, 28, 29...) второй книги «Точного изложения Православной веры»² составил исключительно на основании указанного сочинения Немезия. А некоторые главы, например: 13, 17, 18, 19 — заимствованы Дамаскиным почти дословно и соответствуют у Немезия главам 18, 6, 11, 12. Глава 20-я «О способности помнить» у св. Иоанна Дамаскина представляет сначала буквальное воспроизведение 13 главы трактата Немезия с тем же заглавием, а дальше — довольно близкий к тексту перифраз. Сравнения и аналогии можно было бы и продолжить, но важно другое. Если епископ Емесский Немезий в своем трактате «О природе человека» соглашается с чьим-то мнением, или опровергает его, или уточняет какой-то пункт антропологии, то всегда при этом делает ссылки на авторов. Дамаскин на Немезия нигде не ссылается, что следует исследователю учитывать. Русские авторы первые научные сведения по антропологии заимствовали именно из сочинения Дамаскина в переводе Иоанна, экзарха Болгарского, и Никифора-грека «О посте и воздержании»³.

Святой Иоанн Дамаскин является признанным отцом схоластики (в лучшем смысле этого исторического термина). В последующий период, особенно в течение XIII и XIV вв. (поздняя схоластика), сформировался особенный тип науки о душе, известный под именем схолистического, господствовавший в Европе до начала XIX в., подвергаясь незначительным видоизменениям, дополнениям и поправкам. Такая психология, как главный раздел антропологии, со-

¹ Соколов П. П. Отзыв на сочинение Ф. Владимирского «Антропология и космология Немезия, еп. Емесского, в их отношении к древней философии, предшествующей и последующей патристической литературе» на соискание степени магистра богословия // Богословский вестник, 1912. Т. 1, июнь. С. 500.

² Иоанн Дамаскин, св. Точное изложение Православной веры: пер. с греч. с предисл. и примеч. магистр богословия. А. Бронзов. СПб., 1894.

³ Снегирев В. А. Психология. Харьков, 1893. С. 109.

хранилась в основных своих чертах в богословских школах до начала XX в. Профессор Богословского Православного института в Париже протоиерей В. В. Зеньковский считает, что в творчестве мыслителей, начиная с «Метафизической психологии» протоиерея Ф. А. Голубинского, архимандрита Феофана (Авсенева), Кудрявцева, архиепископа Никанора и заканчивая М. М. Тареевым и (во многом ему полярным) В. И. Несмеловым, мы имеем дело с русским (православным) типом схоластики¹.

Таким образом, древнегреческая философия оказала огромное влияние на святоотеческое богословие, а через него и на русскую религиозно-философскую антропологию. Однако следует постоянно помнить и учитывать, что античная антропология не поднялась до понятия «личности». Без вмешательства в исторический процесс развития философской мысли Христианского Откровения переход от античного фатализма к христианским понятиям личности, свободы и ответственности был бы невозможен.

Итак, главный вопрос антропологии таков: откуда взялся человеческий род? Это квинтэссенция всех человеческих вопросов. Только христианство отвечает на этот вопрос и тем самым дает нам чувство уверенности в понимании того, кто мы есть: мы творение Бога, созданное по Его образу и подобию для общения с Ним. Это основа всякой христианской антропологии.

В настоящее время следует отметить сильную школу петербургских антропологов в лице: А. А. Королькова, Л. Ф. Шеховцовой, М. Я. Дворецкой, М. В. Захарченко, В. И. Стрельченко, А. А. Грыкалова и фундаментальный труд Ю. М. Зенько «Основы христианской антропологии и психологии».

¹ Зеньковский В. В., *прот.* История Русской философии. Париж: ИМКА, 1950. Т. 2. С. 102.

**Архимандрит
ТИХОН (ШЕВКУНОВ)**

ВРЕДНЫЙ ОТЕЦ НАФАНАИЛ

Архимандрит Тихон (Георгий Александрович Шевкунов) — родился в 1958 г. в Москве. В 1982 г. окончил сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии по специальности «литературная работа». По окончании вуза стал послушником Псково-Печерского монастыря. В 1986 г. переведен в Издательский отдел Московского Патриархата. В 1991 г. пострижен в монашество в московском Донском монастыре. С 1996 г. — наместник Сретенского монастыря. С 1997 г. — архимандрит. Ректор Сретенской духовной семинарии. Руководитель издательства Сретенского монастыря и интернет-портала Православие.ru. Автор фильмов «Псково-Печерская обитель», «Гибель империи. Византийский урок», получившего премию Российской киноакадемии «Золотой орел» за 2009 г. Академик РАЕН. Награжден орденами преп. Сергия Радонежского II ст. и св. равноап. князя Владимира III ст. **Служит в Москве.**

Если бы в то время кто-то предложил назвать самого вредного человека в Печорах, то без сомнений услышал бы в ответ только одно имя — казначей Псково-Печерского монастыря архимандрит отец Нафанаил. Причем в этом выборе были бы единодушны священники и послушники, монахи и миряне, коммунисты из печорского управления КГБ и местные диссиденты. Дело в том, что отец Нафанаил был не просто вредный. Он был очень вредный.

К тому времени, когда я узнал его, он представлял собой худенького, с острым пронзительным взглядом преклонных лет старца. Одет он был и зимой и летом в старую застиранную рясу с рваным подолом. За плечами обычно носил холщовый мешок, а в нем могло быть что угодно — и сухари, пожертвованные какой-то бабкой, и миллион рублей. И то и другое в глазах отца казначея являло собой чрезвычайную ценность, поскольку было послано в обитель Господом Богом. Все это достоинство отец Нафанаил перетаскивал и перепрыгивал по своим многочисленным потаенным кельям и складам.

Финансы монастыря были полностью в ведении и управлении отца Нафанаила. А тратить было на что: каждый день в обители садились за стол до 400 паломников и 100 монахов. Надо было обеспечивать бесконечные монастырские ремонты, новые стройки, да еще ежедневные житейские потребности братии, да помощь бедным, да прием гостей, да подарки чиновникам... Да и многое что еще. Как отец Нафанаил один справлялся со всеми этими финансовыми проблемами, не ведомо было никому. Впрочем, на его плечах лежало и все монастырское делопроизводство. А еще — составление устава для ежедневных длинных монастырских богослужений, обязанности монастыр-

ского секретаря, ответы на письма людей, обращавшихся в монастырь по самым разным вопросам, и, наконец, он делил с отцом Наместником труды по весьма, как правило, неприятному общению с официальными советскими органами. Все эти обязанности, от одного перечисления которых всякому нормальному человеку должно было бы стать плохо, отец Нафанаил исполнял с таким вдохновением и скрупулезностью, что мы иногда сомневались, осталось ли в нем что-то еще, кроме церковного бюрократа.

Ко всему прочему на отце казначее лежала обязанность надзора за нами — послушниками. И можно не сомневаться, что исполнял он это дело со свойственной ему дотошностью: подглядывал, высматривал, подслушивал — как бы мы чего не сотворили против уставов или во вред монастырю. Хотя, честно признаться, присматривать за послушниками действительно было надо: приходили мы из мира в обитель изрядными разгильдяями.

Была у него еще одна фантастическая особенность: он всегда появлялся именно в тот момент, когда его меньше всего ждали. Скажем, увильнет монастырская молодежь от послушания и расположится где-нибудь на гульбище древних стен отдохнуть, поболтать, погреться на солнышке. Как вдруг словно из-под земли появляется отец Нафанаил. И, тряся бородой, начнет своим трескучим, особенно невыносимым в такие минуты голосом выговаривать, да так, что послушники готовы сквозь землю провалиться, только чтобы закончилось это истязание.

В своем усердии отец Нафанаил в буквальном смысле не ел и не спал. Он был не просто аскетом: никто, например, никогда не видел, чтобы он пил чай, а только простую воду. Да и за обедом съедал еле-еле пятую часть из того, что подавалось. Каждый вечер он непременно приходил на ужин в братскую трапезную, но лишь с той целью, чтобы, сидя перед пустой тарелкой, придирчиво наблюдать за порядком.

При этом энергия его была изумительна. Мы не знали, когда он спит. Даже ночью в окнах его кельи через ставни пробивался свет. Старые монахи говорили, что в своей келье он либо молится, либо пересчитывает горы рублей и трешек, собранных за день. Все это несметное богатство ему еще надо было аккуратно перевязать в пачки, а мелочь разложить по мешочкам. Когда он заканчивал с этим, то начинал писать руководство и пояснения к завтрашней службе: никто, как отец Нафанаил, не разбирался во всех особенностях и хитросплетениях монастырского уставного богослужения.

Но даже если ночью свет в его келье и выключался, все отлично знали, что это вовсе не означает, что мы хотя бы на время можем считать себя свободными от его надзора. Нет, ночь напролет в любое мгновение отец Нафанаил мог появиться то там, то здесь, проверяя, не ходит ли кто по монастырю, что было настрого запрещено.

Помню, как-то зимней ночью мы, просидев допоздна в гостях у кого-то из братии на дне ангела, пробирались к своим кельям. И вдруг в пяти шагах от нас из темноты выросла фигура отца Нафанаила. Мы замерли от ужаса. Но через несколько мгновений с удивлением поняли, что на этот раз казначей нас не видит. И вел он себя как-то странно. Еле волочил ноги и даже пошатывался, сгорбившись под своим мешком. Потом мы увидели, как он перелез через низкий штакетник палисадника и вдруг улегся в снег прямо на клумбу.

«Умер!» — пронеслось у нас в головах.

Мы выждали немного и, затаив дыхание, осторожно приблизились к нему. Отец Нафанаил лежал на снегу и спал. Просто спал. Так ровно дышал и даже посапывал. Под головой у него был мешок, который он обнимал обеими руками.

Мы решили ни за что не уходить, пока не увидим, что будет дальше, и, спрятавшись от света фонаря в тени водосвятной часовни, стали ждать. Через час мы, вконец заковневшие, увидели, как отец Нафанаил внезапно бодро поднялся с клумбы, стряхнул запорошивший его снежок и, перекинув мешок за спину, как ни в чем ни бывало направился своей дорогой.

Тогда мы совершенно ничего не поняли. И лишь потом давно знавшие казначея монахи объяснили, что отец Нафанаил просто очень устал и захотел удобно поспать. Удобно в том смысле, что лежа. Поскольку в своей келье он спал только сидя. А чтобы не нежиться в кровати, предпочел поспать в снегу.

Впрочем, все, что касалось образа жизни печорского казначея в его келье, было лишь нашими догадками. Вредный отец Нафанаил никого в свой сокровенный внутренний мир не допускал. Да что там говорить — он никого не пускал даже в свою келью! Включая всесильного отца Наместника. Хотя это и казалось совершенно невозможным, чтобы Наместник отец Гавриил куда-то в своем монастыре не мог войти. Тем более что келья казначея находилась не где-нибудь, а на первом этаже в доме, где жил Наместник, прямо под его покоем. Конечно, мириться с таким положением вещей для хозяина монастыря было невозможно. И вот однажды отец Наместник после какого-то праздничного обеда, будучи в чудесном расположении духа, объявил отцу Нафанаилу, что не откладывая идет к нему в гости попить чайку.

Несколько человек из братии, находившиеся рядом в тот момент, сразу поняли, что сейчас произойдет нечто потрясающее ум, душу и всякое человеческое воображение. Упустить возможность увидеть такое событие было бы непростительно. Так что благодаря свидетелям сохранилось описание этой истории.

Отец Наместник торжественно и неумолимо двигался по монастырскому двору к келье отца Нафанаила. А казначей семенил за его спиной и с великим воплем убеждал отца Наместника отказаться от своей затеи. Он его умолял заняться чем-нибудь душеспасительным, полезным, а не праздными прогулками по ветхим, совершенно никому не интересным комнатухам. Он красочно описывал, какой у него в келье беспорядок, что он не прибирал в ней двадцать шесть лет, что в келье невыносимо затхлый воздух... Наконец в полном отчаянии отец Нафанаил перешел почти к угрозам, громко размышляя вслух, что ни в коем случае нельзя подвергать драгоценную жизнь отца Наместника опасности, которая может его подстергать среди завалов казначейского жилища.

— Ну, хватит, отец казначей! — уже с раздражением оборвал его в конце концов Наместник, стоя перед дверью кельи. — Открывайте и показывайте, что у вас там!

Было видно, что, несмотря на сердитый тон, отца Наместника разбирает настоящее любопытство.

Осознав наконец, что теперь никуда не деться, отец Нафанаил как-то вдруг даже повеселел и, молодцевато отрапортовав положенное монаху

«Благословите, отец Наместник!», прогремел ключами и отверз перед начальством заветную дверь, которая четыре десятилетия до этого момента приоткрывалась лишь ровно на столько, чтобы пропустить худенького отца Нафанаила...

За широко распахнутой дверью зияла полнейшая, непроглядная тьма: окна в таинственной келье днем и ночью были закрыты ставнями. Сам отец Нафанаил первым прошмыгнул в этот черный мрак. И тут же исчез, как провалился. Во всяком случае, из кельи не доносилось ни звука.

Отец Наместник вслед за ним осторожно вступил за порог двери и, неуверенно крикнув, пробасил:

— Что ж у вас тут так темно? Электричество-то есть? Где выключатель?

— Справа от вас, отец Наместник! — услужливо продребезжал из непроницаемой тьмы голос казначея. — Только ручку протяните!

В следующее мгновение раздался душераздирающий вопль отца Наместника, и какая-то неведомая сила вынесла его из тьмы казначейской кельи в монастырский коридор. Вслед за ним на свет стремительно вынырнул отец Нафанаил. В долю секунды он запер за собой дверь на три оборота и бросился к ошеломленному Наместнику. Охая и ахая, казначей принялся сдвигать пылинки и оправлять рясу на отце Наместнике, взхлеб причитая:

— Вот незадача, Господи помилуй! Этот выключатель... к нему приспособиться надо. Сломался еще в шестьдесят четвертом, на Покров Божией Матери, аккуратно в день, когда Хрущева снимали. Знак! Утром отвалился выключатель — вечером Никиту сняли! С тех пор я этот выключатель назад не возвращаю. И ни-ни, никаких электриков — сам все наладил: два проводка из стены торчат: соединишь — горит свет, разъединишь — гаснет. Но приспособиться, конечно, надо, это правда! Но не все сразу, не все сразу!.. Так что, отец Наместник, милости просим, сейчас я дверку снова отворю, и грядем с миром! Теперь-то вы знаете, как моим выключателем пользоваться. А там еще ох много интересного!

Но Наместника к концу этой юродивой речи и след простыл.

При всем при том отец Нафанаил был действительно образцом послушания, писал длиннющие оды в честь отца Наместника, в честь Псково-Печерского монастыря, а также сочинял нравоучительные стихотворные проповеди в пять листов.

* * *

Вредность отца Нафанаила простиралась и на могучее Советское государство, особенно когда оно слишком бесцеремонно вмешивалось в монастырскую жизнь. Говорят, что именно отец Нафанаил дал особо тонкий совет великому печорскому Наместнику архимандриту Алипию, когда даже тот был в некотором затруднении от напора и грубости властей.

Произошло это в конце шестидесятых годов. Как известно, в те годы все граждане Советского Союза должны были принимать участие в выборах. В монастырь ящик для голосования приносили в трапезную, где после обеда братия под надзором Наместника, недовольно ворча, отдавали кесарю кесарево.

Но вот как-то первый секретарь Псковского обкома КПСС узнал, что для каких-то там невежественных монахов попущена нелепая льгота, так

что они голосуют за нерушимый блок коммунистов и беспартийных в своем отжившем исторический век монастыре, а не на избирательном участке. Первый секретарь Псковского обкома КПСС возмущен духом и устроил своим подчиненным беспощадный разгон за попустительское нетрудовому элементу. И немедля распорядился, чтобы отныне и до века чернецы приходили на выборы в Верховный Совет СССР как все советские люди — на избирательные участки по месту жительства!

Вот тогда-то, как говорят, отец Нафанаил и поштал Наместнику отцу Алипию на ухо тот самый до чрезвычайности тонкий совет.

В день выборов (а это было в воскресенье) после праздничной монастырской литургии из ворот обители вышел торжественный крестный ход.

Выстроившись по двое, длинной чередой, под дружное пение тропарей монахи шествовали через весь город на избирательный участок. Над их головами реяли тяжелые хоругви, впереди по обычаю неслись кресты и древние иконы. Но это было еще не все. Как и положено перед всяким важным делом, в зале выборов духовенство начало совершать молебен. До смерти перепуганные чиновники пытались протестовать, но отец Алипий строго оборвал их, указав, чтобы не мешали гражданам исполнять конституционный долг так, как это у них положено. Проголосовав, братия тем же чинным крестным ходом вернулись в святую обитель.

Нет нужды объяснять, что к следующим выборам избирательная урна с раннего утра дожидалась монахов снова в монастырской трапезной.

И в то же время строго приглядывавший за нами отец Нафанаил всегда пресекал гласные проявления оппозиционности по отношению к государству и тем более попытки диссидентства. Поначалу это казалось нам чуть ли не возмутительным. Мы думали, что казначей просто лебезит перед властями. Но потом мы постепенно узнавали, что отец Нафанаил не раз и не два сталкивался с засланными в монастырь провокаторами или переодетыми оперативниками. Но даже вполне понимая, что перед ним искренние люди, отец Нафанаил все же всякий раз обрывал столь любимое нами вольномыслие. И не только потому, что оберегал монастырь. А скорее потому, что берег нас самих от нашего же неразумия, фанаберии и молодой горячности, замешанной на самой простой гордыне. Он не дорого ценил слова, даже самые героические, и знал о советской власти и обо всем, что творилось в стране, не так, как мы — большей частью понаслышке да по книгам. И еще потому отец Нафанаил имел трезвое и очень личное отношение к советской власти, что его отец, священник Николай Поспелов, был расстрелян за веру в тридцать седьмом году. Пройдя солдатом через всю войну, отец Нафанаил стал послушником великого Наместника архимандрита Алипия и духовным сыном святого печорского старца и чудотворца иеросхимонаха Симеона. И оба они, увидев в нем человека кристальной честности и необычайно живого ума, сделали его в тяжелейшие годы хрущевских гонений на Церковь казначеем и секретарем монастыря и поверили ему самые сокровенные монастырские тайны.

И еще к вопросу о советской власти. Как-то летней ночью я нес послушание дежурного на площади перед Успенским храмом. Звезды слабо мерцали на северном небе. Тишина и покой. Трижды гулко пробили часы на башне... И вдруг я почувствовал, что за спиной у меня кто-то появился. Я испуганно обернулся. Это был отец Нафанаил. Он стоял рядом и смотрел в звездное небо. Потом задумчиво спросил:

— Георгий, что ты думаешь о главном принципе коммунизма?

Псково-Печерский монастырь. Успенская площадь. 1983 год. Три часа ночи. Звезды...

Не ожидая от меня ответа, отец Нафанаил так же в задумчивости продолжал:

— Главный принцип коммунизма — «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Но ведь «способности», «потребности» — это ведь, конечно, какая-то комиссия будет определять? А какая комиссия?.. Скорее всего — «тройка»! Вот вызовут меня и скажут: «Ну, Нафанаил, какие у тебя способности? Кубометров двадцать леса в день напилить сможешь! А какие потребности? Бобовая похлебка!.. Вот он и весь главный принцип...

Хотя отец Нафанаил всегда тщательно подчеркивал, что он не кто иной, как педантичный администратор и сухой службист, даже мы, послушники, через какое-то время стали догадываться, что свои духовные дарования он просто тщательно скрывает, как это, впрочем, делали все настоящие монахи в обители. Отец казначей не был официальным монастырским духовником. На исповедь к нему ходили из города лишь несколько печорских старожилов, да еще кто-то приезжал к нему из далеких мест. Остальных он как духовник не принимал, ссылаясь на свою неспособность к этому занятию.

Но однажды он на мгновение приоткрыл сокровенную часть своей души. Хотя тут же опять спрятался за привычной строгостью и сварливостью. Я как-то провинился на послушании. Кажется, исполнил порученное мне дело очень небрежно. За это сам отец Наместник поставил меня три дня убирать снег со всей Успенской площади. Я тогда порядком разобиделся, да еще снег все шел и шел, так что к третьему дню я не просто устал, а еле ноги волочил. Мне было так жалко себя, я так надулся на весь мир, что даже всерьез начал вынашивать план мести. Но какая месть послушника Наместнику? Масштабы совершенно несопоставимые. И все же, из последних сил работая лопатой, я взлелеял в сердце следующую картину. Когда Наместник будет проходить мимо меня на обед в братскую трапезную, то наверняка язвительно поинтересуется: «Ну, как живешь, Георгий?» И тут я отвечу — весело и беззаботно, как будто и не было этих трех каторжных дней: «Лучше всех, отец Наместник! Вашими святыми молитвами!» И тогда он поймет, что меня так просто не сломить!

Картина этой ужасной мести так согрела мое сердце, что даже среди непрекращающегося снегопада я почувствовал себя значительно веселее. Когда рядом проходил отец Нафанаил, я даже разулыбался ему, подходя под благословение. В ответ он тоже очень приветливо осклабился и осенил меня крестным знамением. Я склонился поцеловать его руку и вдруг услышал над собой скрипучий голос:

— Так значит: «Лучше всех, отец Наместник! Вашими святыми молитвами!»?

Я так и замер, согнувшись, как от радикулита. Когда же наконец решился поднять глаза на старца, то он смотрел на меня с нескрываемым ехидством. Но, заметив мой ужас, он уже с настоящей добротой проговорил:

— Смотри, Георгий, дерзость еще никого до добра не доводила!

И, перекинув свой мешок с миллионом, а может с сухарями, заскрипел по морозному снегу к братскому корпусу. А я остался стоять разинув рот

и только смотрел, как оторванная подметка на башмаке казначея болтается при каждом шаге.

Ну, настоящий Плюшкин! Только святой.

Как сказал один почтенный питерский протоиерей: «Один год Псково-Печерского монастыря — это все равно что пятьдесят лет духовной академии». Другое дело, как мы эти уроки усвоили... Но это уже другой и, признаться, весьма горький вопрос.

Кстати, Плюшкиным отец Нафанаил был самым нешуточным. Кроме того, что он трясся над каждой монастырской копейкой, он исступленно кидался выключать все празднично горящие электрические лампочки, экономил воду, газ и вообще все, что можно было сберечь и поприжать.

И еще он строго бдел над вековыми устоями монастыря и древними иноческими уставами. К примеру, он терпеть не мог, когда кто-то из братии уезжал в отпуск. Хотя лечебный отпуск полагался для тех, кому это было необходимо, отец Нафанаил все равно совершенно не принимал и не выносил этого. Сам он в отпуск, разумеется, никогда не ходил за все свои пятьдесят пять лет пребывания в обители. Наместник архимандрит Гавриил тоже никогда отпуском не пользовался и косо смотрел на тех, кто приходил к нему с просьбами об отъезде.

Как-то, помню, Наместник все же благословил поехать в летний отпуск одному иеромонаху. Благословить-то он его благословил, но деньги на дорогу велел получить у казначея.

Я тогда дежурил на Успенской площади и был свидетелем этой сцены. Началось с того, что иеромонах, собравшийся в отпуск, долго и впустую стучался в дверь кельи отца Нафанаила. Казначей, сразу поняв, о чем пойдет речь, затаился и не открывал. Тогда батюшка решил брать отца казначея измором. Он присел на скамью поодаль и стал ждать. Часа через четыре отец Нафанаил, опасливо озираясь, вышел на площадь, и тут его настиг отпускник с письменным благословением Наместника выдать деньги на дорогу.

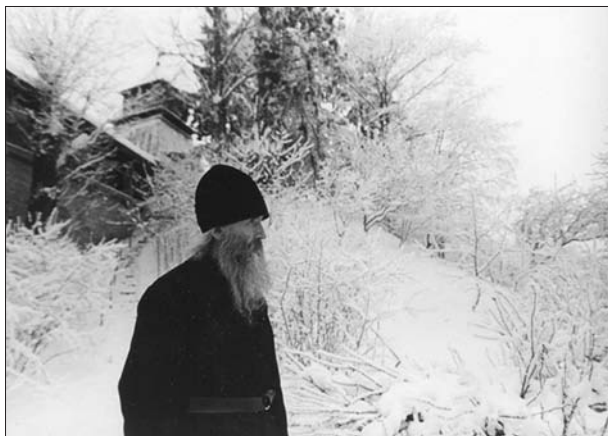
Увидев бумагу, отец Нафанаил замер, совершенно убитый, а потом с воплем повалился на землю и, задрав к небу руки и ноги (при этом из-под подрясника обнажились драные башмаки и синие выцветшие кальсоны), закричал во весь голос:

— Караул! Помогите! Грабят!!! Деньги им давай! В отпуск хотят! Устали от монастыря! От Матери Божией устали! Грабят! Караул! Помогите!!!

Бедный батюшка даже присел от ужаса. Изумленные иностранные туристы на площади стояли открыв рты. Схватившись за голову, иеромонах опрометью бросился в свою келью. А Наместник, стоя на балконе настоятельского дома, страшно довольный, взирал на всю эту картину.

Увидев, что опасность миновала, отец Нафанаил совершенно спокойно поднялся, отряхнулся от пыли и отправился по своим делам.

Особую радость нам доставляло, когда мы получали послушание помогать отцу Нафанаилу в проведении экскурсий по монастырю. Как правило, ему поручалось водить каких-то особо важных персон. Та история с президентом Ельциным и знакомство главы государства с особенностями святых пещер произошла, конечно же, при участии именно отца Нафанаила. В наши послушнические обязанности входило лишь открывать и закрывать за посетителями тяжелые церковные двери. Остальное время мы вни-

Архимандрит Нафанаил (Поспелов)

мали отцу Нафанаилу. А послушать было что. Отец Нафанаил был продолжателем традиций своего учителя — великого Наместника архимандрита Алипия, который отстаивал монастырь и веру в Бога в самое тяжелое время хрущевских гонений. И алипиевский дар мудрого, а порой и беспощадного слова перешел по наследству к отцу Нафанаилу.

В те атеистические годы советские работники,

приезжавшие в монастырь, ожидали увидеть кого угодно: мракобесов, хитрецов-хапуг, темных недочеловеков, но только не тех, кого они встречали на самом деле — своеобразно, но очень интересно образованных умниц, необычайно смелых и внутренне свободных людей, знающих что-то такое, о чем гости даже не догадывались. Уже через несколько минут экскурсантам становилось ясно, что таких людей они не встречали за всю свою жизнь.

Как-то, а это было в 1986 году, псковское партийное начальство привезло в монастырь высокого чиновника из Министерства путей сообщения. Он оказался на удивление спокойным и порядочным человеком: не задавал идиотских вопросов, скажем, о том, в каком корпусе живут жены монахов, не интересовался, почему Гагарин в космос летал, а Бога не видел. Но в конце концов после двухчасового общения с отцом Нафанаилом чиновник, пораженный своим новым собеседником, все же выдал:

— Слушайте, я просто потрясен общением с вами! Такого интересного и необычного человека я не встречал за всю свою жизнь! Но позвольте, как вы с вашим умом можете верить в... Ну, вы сами понимаете во что! Ведь наука раскрывает человечеству все новые и новые горизонты. И Бога там нет! Он, простите, просто не нужен. Вот в нынешнем году к Земле из глубин Вселенной приближается комета Галлея. И ученые, представьте, точно высчитали весь ее маршрут! И скорость! И траекторию! И для этого, простите, никакой идеи Бога не нужно!

— Комета, говорите? Галлея?.. — затряс бородой отец Нафанаил. — Значит, если с кометой все подсчитали, то и Господь Бог не нужен? Н-да, понятно!.. А вот представьте — если меня поставить на холме у железной дороги и дать бумагу и карандаш. Ведь я через неделю точно смогу сказать вам, когда и в какую сторону будут ходить поезда. Но это ведь не значит, что нет кондукторов, диспетчеров, машинистов?.. Министров путей сообщения? Ведь не значит? Начальство — оно везде нужно!

Но не все подобные беседы заканчивались мирно. Однажды в монастырь прибыла экскурсия, состав которой нам назвали шепотом: дети членов ЦК. Не знаю, так ли это было, но молодые люди оказались весьма невоспитанными. Такая золотая московская молодежь середины восьмидесятых годов, которую я очень хорошо знал. Молодые люди то и дело

прыскали от хохота, показывали пальцами на монахов и задавали те самые идиотские вопросы. Но делать было нечего, и отец Нафанаил повел их по монастырю.

Экскурсия началась с пещер, в самом начале которых есть крохотная келья с одним маленьким окошком. В этой келье в начале XIX века подвизался затворник иеросхимонах Лазарь. Здесь же он и похоронен. Над могильной плитой висят его тяжелый железный крест и вериги.

— Вот в этой келье, не выходя двадцать пять лет, подвизался иеросхимонах Лазарь, — начал свою экскурсию отец Нафанаил. — Я сейчас расскажу вам об этом удивительном подвижнике.

— А куда же этот ваш Лазарь здесь в туалет ходил? — громко поинтересовался один из юных экскурсантов.

Его спутники просто покатались от хохота.

Отец Нафанаил терпеливо дождался, когда они успокоятся, и невозмутимо произнес:

— Куда в туалет ходил? Хорошо, я вам сейчас покажу!

Он вывел несколько озадаченных экскурсантов из пещер и повел их через весь монастырь к скрытому от посторонних глаз хозяйственному двору. Здесь, на отшибе, ютился старый нужной чуланчик. Выстроив экскурсантов перед этим заведением полукругом, как делают это обычно перед важным экспонатом, отец Нафанаил торжественно указал на него рукой и произнес:

— Вот сюда иеросхимонах Лазарь ходил в туалет! А теперь стойте и смотрите!

И, развернувшись спиной к изумленным молодым людям, он оставил их одних.

Когда те пришли в себя, старший группы разыскал Наместника и выразил свое негодование всем случившимся. На что отец Наместник ответил:

— Архимандрит Нафанаил доложил мне, чем вы интересовались. Именно это он вам и показал. Ничем больше помочь не можем!

Надо учитывать, что на дворе стоял 1984 год. А тогда все было не так просто. Могли случиться и серьезные неприятности. Но наместники Псково-Печерского монастыря традиционно были сильными людьми.

* * *

Умирал вредный отец Нафанаил необычайно тихо и смиренно. Когда врачи предложили поставить ему сердечный электростимулятор, он умолил отца Наместника этого не делать:

— Отцы, представьте, — говорил он, — душа хочет отойти к Богу, а какая-то маленькая электрическая штучка насильно запикивает ее обратно в тело! Дайте душе моей отойти в свой час!

Я имел счастье навестить отца Нафанаила незадолго до кончины и был поражен его бесконечной добротой и любовью. Вместо того чтобы беречь последние оставшиеся для жизни силы, этот невероятно бережливый во всем другом церковный скряга отдавал всего себя человеку, которого лишь на несколько минут посылал к нему Господь Бог. Как, впрочем, делал он это всю свою жизнь. Только когда-то мы этого не понимали.

**Священник
Владимир ЧУГУНОВ**

ТИХАЯ ОСЕНЬ

Повесть

Владимир Аркадьевич Чугунов — родился в 1954 году в Нижнем Новгороде (тогда г. Горький), служил в ГСВГ (ГДР), работал на Горьковском автозаводе, старателем в Сибири, пастухом, окончил Литературный институт им. А. М. Горького, Нижегородский педагогический университет, курс «Практическая теология». Печатался в журналах «Москва», «Наш современник», «Вертикаль. XXI», «Слово». С 1990 года — священнослужитель. Семья большая — девять детей. Автор книг прозы «Деревенька», «Русские мальчики», «Городок», «Дыхание вечности». **Живет на приходе, в старинном Поволжском селе Николо-Погост, Городецкого района, Нижегородской области.**

В городском парке было свежо и тихо. Кое-где на скамейках сидели пожилые люди, гуляли молодые мамы с колясками. Липы почти сбросили листву, вся земля была усыпана легким, шуршащим под ногами, золотым покрывом.

Михаил Федорович Овчинников любил городской парк за его безлюдность. Мало кто любил в нем бывать. Перебежать, пересечь наискось — да, но посвятить несколько часов воскресного отдыха, прогуляться с друзьями, этого не было. Для такого случая больше подходила верхневолжская набережная, выходящие к ней улочки, другие исторически значимые и по-своему прекрасные места.

Уединение было одним из любимых удовольствий в жизни Овчинникова. Можно было хоть ненадолго утвердиться мыслью в быстро текущем времени, как по мановению волшебной палочки замереть в пространстве памяти и оглянуться назад внимательно, с любовью. К воспоминаниям в последнее время подталкивала и предстоящая женитьба сына Алеши. С необыкновенно обостренным чувством наблюдал Михаил Федорович за отношениями сына с его девушкой. Ничего, казалось бы, общего с его историей с Таней. И хотя не все в их любви было так плохо, именно это плохое и бредило былые раны.

Михаил Федорович поднялся со скамейки. И в ту же минуту из бокового кармана куртки послышался «Турецкий марш» Моцарта. Достав телефон, глянул на табло, радостно отметил: «Олег! Легок на помине!»

— Слушаю, дорогой!.. Когда?.. Не один?.. С кем?.. Да, что ты!..

Так... Так... Та-ак... Приедешь — обсудим... О чем речь?.. И у тебя уши не краснеют такое сказать?.. Ты меня за кого держишь? Никаких гостиниц! И не выдумай! Все, ждем.

Олег, а для большинства давно уже Олег Андреевич Завернихин, сообщал, что перед поездкой в Дивеево заскочит завтра на денек с молодой женой Леной и восемнадцатилетним сыном Андреем. От первого брака у Олега была дочь и внук, с которым деду видаться не позволяли. Можно сказать, первая семья распалась еще до того, как Олега в 1980 году за диссидентство уупекли в Казанскую психушку. Удивительно, что не расстались они прежде — ни любви, ни общих интересов давно уже не было. Выйдя на свободу, Олег как-то очень уж скоро, по мнению Овчинникова, женился на восемнадцатилетней студентке скромного московского вуза, в котором благодаря горбачевскому плюрализму стал преподавать. Так и сказал: «По крайней мере, сам воспитаю и будущую мать, и хозяйку». Но молодая жена всего пару лет глядела мужу в рот, затем, особенно после рождения сына, стали сказываться и «плоды просвещения», и совершенно не обосновательный страх за земное благополучие. Лишь после трагедии девяноста третьего, едва оставшись в живых, Олег, и то благодаря случаю, понял, в чем дело, но было поздно. Лена, как и первая жена, его пространные, постоянно меняющиеся рассуждения стала принимать в штыки, всячески ограждая от них подрастающего сына. Опять начались скандалы, длинные, с упреками с обеих сторон, разговоры, абсолютное друг друга непонимание... Тогда-то и свершилось чудо — пожалуй, первое в жизни Олега. Матушка Варвара, с которой Олег в январе 1994 совершенно случайно, как считал он тогда, познакомился, и которая поставила его на твердую почву Православной веры, сказала как-то: «Я, деточка, за вас буду молиться». А еще через год просто ошеломила, заявив: «Вымолила, деточка. Все у вас в свое время наладится, жди и молись сам». И он, как мог, молился, ждал, по совету матушки, не приставая ни к жене, ни сыну с назиданиями. Но время шло, а все было по-прежнему. В 1997 году, за два дня до Успения, отошла в Царство Небесное светлая и любвеобильная матушкина душа. И тогда Олег, впервые испытал чувство духовного сиротства, кинулся ездить по монастырям. Это длилось уже восемь лет, но никого, подобного этой рабе Божьей, он так пока и не встретил. Скорбел об этом. Но что поделаешь? Надеялся, ждал. И вот буквально недавно был потрясенным свидетелем еще одного сбывающегося матушкиного пророчества. Его непослушная жена и росший балбесом сын вдруг сами собой стали ходить в церковь. «Так, свечечки поставить... А что?» — отвечала, пожимая плечами, Лена. «А что, нельзя?» — огрызнулся сын Андрей. А неделю назад вдруг оба запросились в Дивеево. Об этом он и сообщал другу.

Это действительно походило на чудо, потому что буквально год назад, после празднования Дня города, когда друзья, отпыхиваясь, сидели в предбаннике, Олег признался:

— Завидую я тебе, Миша.

— Мне?

— Вам обоим: как ты смотришь на Таню, и как она на тебя.

Как пойманный школьник, Михаил Федорович заулыбался.

— Постой-постой. И это как же?

— А словно только вчера познакомились. Да-да. Прекрасно помню и твою глупую физиономию, и совершенно отсутствующий взгляд в то после-

армейское лето, и как это меня раздражало... Видишь, как странно получилось: я всю жизнь боролся — и в итоге ни с чем. Ты сидел, можно сказать, сложа руки, а сохранил главное — семью, любовь, счастье... Больше всего теперь жалею, что ничего подобного в моей жизни не произошло.

Дом у Овчинникова был не шикарный, но не плохой, просторный, с удобствами, с большой гостиной комнатой, с шикарным камином, отделанным изразцами изумрудного цвета. Тепла хватало и без камина, и соорудил его Михаил Федорович, более отдавая дань моде, чем по необходимости. И топил редко, так сказать, для аксессуара. Скажем так: посидеть с другом, как в былые времена, за чашкой кофе, или глубоко, ни о чем, задуматься на корточках у огня. Похоже, камин и подходил лишь для выражения этой ностальгической печали. А порой, и пронзительно остро напоминал о далекой, всеми забытой, напроць разрушенной, но еще дорогой русскому сердцу старине. И так поэтически близок в такие минуты бывал ему родной Городец. Так прямо и отзывался словами полюбившейся песни, что «дух России кроется в старом Городце».

2

Открыла ему Таня, Татьяна Васильевна. На голове немного сбитый набок платок, в руках открытый молитвослов.

— Акафист читаю... Жду-жду — нет. Дай, думаю, акафист пока прочту... — внимательно приглядываясь к мужу, выражала она свою сердечную тревогу и все же заметила. — Ничего не случилось? Какой-то ты...

— И какой же? — по инерции попытался заслониться он.

Раздевшись и сунув ноги в шлепанцы, по заведенной с первых дней супружества привычке чмокнул жену в приоткрывшиеся ему навстречу губы.

— Потерянный какой-то.

«Сказать?» Но решил не отвлекать жену от молитвы, сообщив лишь о приезде семейства друга.

— Правда? — приятно удивилась жена: — Постой-постой... И ты от этого такой потерянный?

— Не выдумывай, — отмахнулся Михаил Федорович. — Просто устал, с собрания... Да! Батюшка твой выступал... — вильнул он опять в сторону.

Татьяна Васильевна покачала головой, мило, совсем как в юности улыбнулась.

— Ты ужинала?

— Тебя ждала. Алеша к Маше ушел, все никак друг на друга не глядятся, Надя — в музыкальной. Знаешь, она серьезно занялась в студии вокалом. Звонила, сказала задержится.

— И что — получается?

— Получается... — как-то неопределенно протянула Татьяна Васильевна и спросила опять: — Так что же все-таки случилось?

— Вот за это я тебя и люблю! — наконец, сдался он.

— За что «за это»?

— Давай потом поговорим. Ты помолишься... Поужинаем...

— Ты будешь ждать, пока я помолюсь? — удивилась она.

— Зачем ждать?... — как-то неловко ответил он. — Я, если не возражаешь, рядом... помолюсь — громко сказано... постою хоть... Ты не возражаешь?

Ему понравилось ее прямо-таки потрясение.

— Ну-у, могу камин пока растопить, чтобы тебе не мешать. Посидим после ужина, поговорим... Как?

— Да мне незачем дальше молиться.

— Это как? — удивился он.

— Так. Все, о чем просила пять лет подряд, слава Богу, получила... сейчас...

Он понял и оценил. И они вместе пошли на кухню. Пока супруга накрывала на стол, как умел, старался передать смысл речи выступавшего на торжественном собрании священника. Смысл речи заключался в том, что, оказывается, благодаря Федоровскому монастырю и Александру Невскому «Городец находится под особым покровом Царицы Небесной». После ужина камин топить не пришлось. Пришла Надя и, сходу сев за фортепьяно, стоявшее в гостиной, взяла несколько вступительных аккордов, попробовала голосом тональность и ошеломляюще красиво запела:

*Как два мастера, Никита да Иван,
Во широком поле выбрали курган.
На кургане том фундамент возвели,
Обхватив стеной да пядь святой земли.*

*Камень белый приносили в катанах,
Да во чистом поле жили — не в домах,
Да не с женами-то спали — а с Луной,
Да на зорьке просыпались золотой...*

Тут же оборвала песнь, встала из-за инструмента, сказала:

— Решено, буду петь! Ма-ам, на концерте буду петь вместо одной девочки в вокальном трио, слышишь? Па-ап?

— Пригласишь на концерт-то? — как всегда теплея душой от голоса дочери, поинтересовался Овчинников.

— Вход свободный. Приходи.

— И когда?

— Ты разве не знаешь? — сказала жена. — Батюшка готовит святочный концерт. Матушка сказала, что две старшие дочери их будут петь, пятая — лет десять ей, что ли? — дочь и ровесник их последней дочери, шестилетний внук.

— Это что-то новое!

— Да, пап! И батюшка сам будет принимать участие! И сам сценарий написал!

Овчинников удивился.

— Сценарий? Зачем?

— В том-то и дело, пап, это будет не простой концерт, а концерт-спектакль. «Русь святая зовет!»! Классно?

— Еще бы! И что... он плясать, что ли, в рясе намерен?

— Ну, ты пап даешь!.. Он будет за ведущего. — Дочь встала в регентскую позу, тряхнула кудряшками темных, по плечи распущенных волос, сделала романтическое лицо. — Начало такое. В полном мраке, в углу сцены чу-уть подсвеченный прожектором журнальный столик, горит свеча...

Раздается отдаленный колокольный звон. Звучит музыка и песнь иеромонаха Романа, в исполнении Жанны Бичевской... У Алеши на диске, пап, есть, если хочешь, послушай — так и называется или «Бом-бом», или «Спешите в храмы Божии»... — протрецала она и опять важно: — А потом батюшка незаметно появляется из темноты, как из тьмы веков, садится за стол и читает текст... Потрясающе! — подпрыгнула она в восторге и добавила, как очевидное: — Ну, и по смыслу текста вытекают наши номера...

— Зачем?

— Пап, ну ты что как маленький — зачем-зачем? Придет время, сам узнаешь, зачем!

Дочь была «копия Тани», как уверяла, пока была жива, бабушка Вера, Танина мать. Другая бабушка, Нина, и поныне категорично возражала, уверяя, что копий у Бога не бывает, но определенно видела во внушке черты сына. Сам Михаил Федорович был согласен со всеми.

Надя еще поботала по клавишам фортепьяно, пожестикнула, повертелась перед зеркалом в коридоре и засела за уроки, которые едва поспевала делать. Училась она в десятом, и хотя про зеркало не забывала, была девушкой серьезной, с правилами. На сына и отец, и мать с рождения дочери, смотрели, как на взрослого. Как со взрослого и спрашивали. Всякое бывало. Но, слава Богу, прошло. И теперь Михаил Федорович мог только гордиться сыном. На кого он был похож? «А вылитый папа», — в один голос уверяли все. «Только, видно, поумнее...» — добавляла, пока была жива, потихоньку теща.

Алеша приходил поздно. В привычном смысле слова, его не ждали. Михаил Федорович и Надя, потушив свет, ложились спать. Одна Татьяна Васильевна еще долго, мешая заснуть, гремела на кухне кастрюльками. Там и молилась. И практически всегда дожидалась сына, предлагала покушать, крестила по недавно заведенной привычке на ночь. И лишь тогда нисходила в их жилище царица-ночь. Таков был сложившийся в последние годы порядок. Но сегодня был нарушен и он.

Сначала, благословив перед сном дочь, сидели с супругой на кухне. После возвращения Алеши, удивившегося, что застал их в столь поздний час вместе, перешли в кресла, в зал, и, не зажигая света, в тишине, ворошили в памяти далекое прошлое. Потом легли спать. И жена вскоре уснула, а он, не в силах победить волну нахлынувших воспоминаний, все подымал и подымал из памяти картины далекого прошлого.

Глава вторая

1

Войдя в блестящий чистотой полов и свежестью зал, Михаил толкнул сияющую глянцево-белой дверью справа и встал на пороге небольшой спальни.

Таня сидела за письменным столом, напротив открытого настежь окна, занавешенного марлей, что-то спешно дописывая в тетради и уже собираясь повернуться. Она была в светленьком домашнем платье, без рукавов, с аккуратно убранными назад в пучок темными волосами, открывавшими шею и уши. Справа от входа, у комода, скучал на стуле баян.

— Я так и знала, что это ты! — сказала она, повернувшись. И он понял, что она очень рада его внезапному появлению.

— На велосипеде катался, дай, думаю, загляну посмотреть, как ты тут живешь, чем занимаешься... — соврал он и, чувствуя, что краснеет, подошел к столу; заглянув в открытую тетрадь, спросил: — Ну, и чего тут у нас?

Таня поспешно закрыла тетрадь.

— Ничего интересного.

Он не настаивал.

— А я учил-учил... А запомнил только, как отец Ивана Грозного заточил жену Соломонию в монастырь за бесплодность, чтобы жениться на другой. В результате чего и появился на свет гой еси царь Иван Васильевич. Помнишь у Лермонтова? Песнь про купца Калашникова?

— Еще бы! Особенно то место, после поединка, когда купец сказал царю: «А убил я его вольной волею, а не нехотя...». Настоящий мужчина!

— Да уж... — обронил он и, чувствуя неловкость, отошел стола.

Сняв на пол баян, присел на стул. Он не понимал, что с ним, но он решительно не мог смотреть Тане в глаза.

Таня поднялась и осторожно закрыла дверь, которую он не решился закрыть за собой. Походя, хлопнула крышкой шкатулки на комод, села на прежнее место и, плавно опустив руку на стол, сладко заглянула в глубину поднятых Мишиных глаз.

«Вот сейчас взять и сказать...» — подумал он, но вместо этого, кивнув на баян, спросил:

— Чей?

— Папин.

Минута была упущена. И, злясь на себя за это, стал говорить:

— У нас, когда на разводе играли «Прощание славянки», весь дивизион в открытые окна ревел «ура».

«Зачем я опять не о том?» — подумал он и, поставив на прежнее место баян, поднялся и прошелся по комнате, делая вид, что рассматривает ее.

Таня сидела, не оборачиваясь.

— Я тебе мешаю заниматься, — сказал он вдруг, не понимая, зачем это говорит. — Прогони меня.

Таня в недоумении пожала плечами.

— Уходи.

— Правда?

Она склонила на бок голову и, обернувшись, опять заглянула ему в глаза волнующе, тревожно.

«Вот сейчас и сказать! — решил он опять. — Надо сразу сказать... Да что сказать-то? — усомнился он в следующую минуту. — Таня, будь моей женой? Или — выходи за меня замуж?... Неужели и так не ясно и об этом обязательно надо говорить?»

И опять минута была упущена.

Но он решил, что рано или поздно скажет об этом, хотя бы вечером, да-да, именно вечером, днем об этом как-то не говорилось, чего-то было совестно, что-то мешало.

2

Но ни в этот, ни в другой, ни в третий вечер и даже через неделю он так и не решился сказать об этом, оправдываясь сначала тем, что и так все

ясно, без слов, а потом, просто боясь связать свободу обещанием, пусть и желанным, но которого почему-то заранее побаивался. Нет, он был уверен, что любит Таню, и другой жены себе не желал, но что «все случится» так скоро и, главное, так «обыкновенно», примириться не мог.

А еще ему хотелось, как можно дольше продлить то очарование, в котором находился эти дни. Все шло, как в сказке. В два часа Таня приходила с учебы из педучилища, а в четыре он стоял на пороге. Домой возвращался поздно и спал до обеда. Если было жарко, шел на откос, на свое место, за детской библиотекой, читал учебник и, как правило, почти ничего не запоминал. Все не мог сосредоточиться и постоянно отвлекался, думая о Тане. Он мог думать о ней часами. Лежать, например, на спине и, заложив руки за голову, смотреть в небо, на легкие облачка, на летящий по воздуху тополиный пух, на трепетавшую листву — и как-то через все это любил Таню. Когда приходило в голову, что нужно заниматься, он открывал учебник, читал несколько строк — и уже представлял себя на экзаменах, как бойко отвечает и получает «отлично» по всем предметам, а потом учится лучше всех, поступает в аспирантуру, защищает диссертацию, его посылают за границу на симпозиумы, он привозит оттуда Тане подарки. Таня, разумеется, счастлива, гордится мужем, он и сам гордится собой, но виду не показывает, всегда прост и скромен и никогда не кичится своим умом, а даже, напротив, в простой компании родственников может и пошутить, и спеть, и даже сплясать. Надо обязательно научиться плясать или петь. Хотя лучше все-таки стать академиком. Работать, не покладая рук, и все до зари. Всякий раз, когда наступает утро, Таня приносит ему чашку кофе. Он целует ее в висок, она улыбается и говорит, что у него прибавилось седых волос, но что ему к лицу седина. А он скажет, что она совсем не переменилась и все такая же, лучше всех... А потом... потом какая-нибудь пушинка залетала ему в нос. Он чихал, трезвел. Брался за учебник, зевал. И, наконец, откладывал учебник до другого раза, на потом, на завтра, на послезавтра, время терпело, садился на велосипед и летел в знакомую прохладу светлой комнатки, садился на стул у комода и, как в забытии, следил за пером, бегущим по тетради, за тем, как Таня, задумавшись, мило хмурила брови. «И на меня так же будет хмуриться, когда я буду неправ». Кусала ровными зубками конец авторучки, а потом невидяще смотрела на него, «замечала», протягивала руку, горячую, нежную, с испачканным чернилами пальчиком, спрашивающее, кивала и говорила:

— Я эгоистка, да? Совсем не думаю о том, что тебе нужно готовиться к экзаменам. Я знаю, сам ты не уйдешь, а мне так хорошо заниматься, когда ты рядом.

И он молча трется щекой о горячую ладонь ее обнаженной до локтя руки, и все эти заботы о Московской Руси кажутся ему совершенно посторонними, не имеющими ничего общего с его влюбленностью, с ее нежностью и вниманием к нему, с теплым майским вечером за распахнутым окном и яркой зеленью сада, жужжанием зацепившейся в паутине мухи и беспечным смехом ребенка.

— Разве утопающий думает о еде?

— А ты — утопающий?

— А то, кто же! Особенно, когда ты так смотришь на меня. Послушай, как бьется.

Таня прикладывала ладонь к его груди, улыбалась. И он говорил, что с ума сходит от одной ее улыбки. И тогда она улыбалась опять, но уже как-то театрально, неестественно, и он ругал себя за то, что сказал ей об этом. И хотя теперь ему не нравилась ее улыбка, приятно было видеть, что Таня улыбалась, чтобы нравиться ему.

Все эти дни он был истинно счастлив. Так продолжалось почти месяц, до Таниных именин.

3

Тогда, выходя вечером из квартиры, глянув на себя в зеркало с волнением, ему стало чего-то стыдно.

«Ай, нехорошо», — попробовал он усовестить себя. Но ему не было нехорошо на самом деле. Волнение сообщало подвижность и острое восприятие всего. Как очарованный, смотрел он вокруг. Волга дремала в вечерней прохладе. Солнце только зашло, но еще горело над плотиной небо, а на другой стороне реки высоко блестел тонкий месяц. Сады погрузились в безмолвие. Редко где чирикнет воробей, кинется через дорогу. Задрожит под ним ветка, зашуршит листва — и опять тишина, волнующая, живая, словно и впрямь что-то обещающая.

Стол был накрыт на веранде. Из гостей еще никого, он первый, но, как успел заметить, самый желанный. Таня и сама казалась взволнованной. Что-то происходило с ней очевидно. Щеки разрумянились от волнения, глаза блестели тревожной радостью. Приняв букет, потерянно улыбнувшись, она ушла в дом за вазой.

Стали сходиться гости. Две девушки-соседки, следом за ними старшая Танина сестра с мужем, вышла Танина мать, следом за нею отец, с баяном в руках.

После обычных поздравлений и пожеланий, выпили.

Мише есть не хотелось. После выпитой стопки заложило уши, и он словно погрузился в иной мир, как из-под воды улавливая обрывки разговора. Умом он понимал, что между тещей и зятем натянутые отношения, что-то и между женой и мужем неладно. Но его это никак не задевало. Подружки весело щебетали о своем. Отец семейства, прижавшись щекой к баяну, играл «Зачем, зачем, я повстречала его на жизненном пути...» и отрешенно плакал. Потом от лирики резко перешел к трагике, рвал меха и кричал, как, очевидно, в войну, на корме катера, когда шли в атаку: «Я Ва-аська-а-а, жуть нацисская!..» И тут же был удален супругой. Но без гармониста, что за посиделки? У зятя все больше и больше косило на сторону рот, но, очевидно, не окончательно созрев до скандала, он жадно искал глазами бутылку. Но бутылки (их и было-то две — с беленьким да красненьким) были давно под столом, напоминая о себе при всяком неосторожном движении ног.

Когда, наконец, вышли на улицу, было уже темно. Подружки шли впереди, Михаил с Таней, взявшись за руки, сзади.

Старалась попасть в ногу и раскачивая в такт его руку, Таня забавно декламировала:

— Така-ая, сяка-а-ая, покинула отца... Така-ая, сяка-ая, сбежала из дворца...

И заразительно смеялась.

В парке как никогда было много народа. И на танцплощадке, и вокруг, под цветущими липами. Знакомые и незнакомые, веселые и печальные, кто-то разговаривал, кто-то смеялся, одни танцевали, другие сидели. Все это только мелькало, как во сне, перед глазами отдаленно и незначительно, а самыми близкими и значительными были Танины глаза, ее похорошевшее от волнения лицо, улыбка.

4

Ночью он проснулся от безысходного страдания — снилось, что по какой-то роковой ошибке женился на толстой, обрюзгшей женщине, с неестественно большой грудью, большим животом и толстыми круглыми коленями, что теперь жизнь его погублена навсегда, и сам он конченный человек. Ему стыдно не только показаться с ней на улице, но вообще стыдно признать это дебелое существо собственной женой. Его пугал ее взгляд, улыбка, с которою она смотрела на него, как на собственность, с животным сладострастием. Он ненавидел ее всею силою души и в то же время чувствовал, что связан с нею порочной близостью навеки, навсегда. И страдал, и стонал от безысходности положения, пока, наконец, не проснулся.

В комнате было темно и душно, за окном вспыхивали зарницы, освещая серебристую листву тополя. Гроза шла стороной, за Волгой.

И Михаил долго лежал с открытыми глазами, с ужасом вспоминая вчерашнее, как-то соединившееся теперь с ужасом кошмара.

Когда проснулся другой раз, было уже светло. На улице пасмурно, серое и низкое лежало над Городцом. Весь день прошел в муках.

Вечером он шел к Тане с такою тяжестью на душе, какой не испытывал в своей жизни никогда. Как глянуть после случившегося в глаза, что сказать?

Дверь открыла Вера Николаевна. Посмотрела, казалось, недружелюбно, с затаенной досадой, которую против желания должна была сдерживать теперь.

Когда же увидел, наконец, Таню, просто поразился. Так она подурнела! Она стояла, опустив глаза, бледная, с розовыми болезненными пятнами на щеках, с темными подглазниками, нос распухший.

— Таня... — проговорил он, пронзенный жалостью к ней. — Таня... Я не знаю... Что хочешь... Я все...

Он шагнул к ней, не зная, можно ли теперь обнять, не будет ли это выглядеть оскорблением. Таня быстро глянула на него и опять опустила глаза. Предупреждающе коснулась его руки ледяными пальцами.

— Не надо... — сказала она тихо.

— Ты не прогонишь меня?

Таня опять посмотрела на него. Глаза ее сухо горели, но уже не так, как прежде, что-то пропало в них.

— Знаешь, — сказала она, глядя на него с грустью. — Я вчера чуть не отравилась димедролом. Я не могла заснуть... Я не думала, что это так опасно. Я не сказала маме, но она, кажется, догадывается...

— И я заметил.

— Что?

— Она так посмотрела на меня сейчас!..

— Вот видишь...

И, положив руки ему на плечи, с заботливостью жены обобрала ниточки с пиджака, опять улыбнулась и любяще, как-то до жалости преданно, заглянула в глаза. И было что-то ужасное в этой покорности, в отсутствии прежней девичьей гордости, что-то тягостное, что надо было принять покорно, как наказание за то, что произошло вчера. И он принял это как должное, уверяя себя, что любит Таню по-прежнему, и ничего для него не переменялось.

Но это было не так. И хотя он любил Таню всем существом своим, любовь эта казалась ему чем-то состоявшимся, о чем не стоит много заботиться. Все чаще и чаще его стала охватывать тоска, что будто бы он променял что-то возможное осуществиться в будущем, великое и славное, на что-то обыденное, тусклое и невзрачное. Тоска сосала его сердце особенно в минуты свиданий. Он ощущал в себе силы, которые, как думалось, были скованы вынужденным бездействием. Таня не переменялась к нему, но он чувствовал, что-то переменялось в нем. Свидания их час от часу становились все тягостнее. Несмотря на то, что он ходил каждый день, ходил уже не как прежде, не как на праздник, а словно по обязанности. Таня понимала это. Все чаще он стал замечать на себе ее внимательный, задумчивый взгляд. Спрашивал, о чем она думает, почему так странно смотрит. Таня встряхивалась, улыбалась и отвечала, что ни о чем не думает, а просто на нее иногда находит. Он, скуки ради, допытывался, что же это такое на нее находит, о чем ему знать нельзя, и однажды нарвался на объяснение.

— Мне кажется, ты переменялся ко мне, Миша, — сказала она.

— Я?

— Ты будто не ко мне, а посмотреть телевизор или поиграть с папой в шашки. Как войдешь, сразу берешься за программу.

— Ты просто стала мнительной, Таня, — ответил он не без досады, за детей за живое, и подумал: «Если все так кончается, что же любовь?»

— Хорошо, пусть я мнительная, — возразила Таня и замолчала, отчего у него, как и в тот день, после именин, опять невыносимой жалостью сдавило сердце. «А ведь она права», — решил он и, коснувшись ее руки, сказал:

— Ну, хорошо, хорошо, Тань, прости...

Но прежнее не возвращалось. Подобные объяснения стали случаться все чаще, превратившись, наконец, в забаву для него и в муку для Тани.

Любовь его к ней, лишившись тайны, утратила всякую привлекательность. Он чувствовал себя скорее зависимым, чем влюбленным. Ему было жаль Таню и только. Что-то безвыходное было в их отношениях. А однажды они поссорились из-за пустяка.

5

На следующий день Михаил не пошел к Тане, чтобы наказать ее за холодность, с которой она простилась с ним. Не пошел и во второй день, в случае чего думая отговориться наступившим ненастьем. И все это время провалялся на диване в летаргическом забвении, как сквозь сон слыша накрапывание по жестяному сливу дождя, унылый шелест листвы.

Когда приходила с работы мать, он уходил в другую комнату, садился за письменный стол и тупо, невидяще смотрел в учебник. Его

охватывал ужас от одной мысли, что дальнейшая его жизнь может продолжаться без Тани.

В третий день он был в городском парке на встрече с одноклассниками, пришедшими со службы, и, захмелев, кричал, что никогда не женится, или, по крайней мере, после тридцати, и то «от усталости», а «не из любопытства». И все хохотал, острил, стараясь казаться безразличным, в то время как умом и сердцем был у Тани.

Дома повалился на диван и проспал до вечера. Поднялся с прежней тяжестью на сердце. Ненавидяще глянул на себя в зеркало, долго стоял под душем, еще дольше растирался полотенцем — легче не стало. Он постоянно с тревогой посматривал на часы, на улицу. Не пойти сегодня — значило не просто не пойти из-за дождя. Дальше тянуть было некуда.

«Все равно уж... — решил он в отчаянии, злясь, что ничего не может с собой поделать. — Схожу — а там, что будет!»

На улице не было дождя, но воздух был насыщен влагой, и деревья шумели на ветру тревожно.

Дверь открыла Таня. Глянув на него, как на пустое место, запахнулась в бордовую кофточку и, поеживаясь, молча пропустила на веранду. Ее равнодушные подхлестнуло его.

— Вот что, подруга, — выговорил он не терпящим возражений тоном. — Нам или надо поскорее пожениться, или я не знаю!..

— Что еще — за подруга? И что за тон? И потом, к чему такая спешка? — спросила она, на него не глядя.

— А почему бы — нет?

— Не будем об этом.

— Почему?

— Там видно будет, — обронила она.

— Там это — где? — все больше и больше накалялся он. — Ты можешь ответить прямо? Согласна ты или нет?

И замер в ожидании. Прошла минута, две. Таня, наконец, вздохнула, выдала:

— Сам знаешь.

— Тогда я не понимаю тебя. Ты согласна выйти за меня и в тоже время говоришь, что не можешь выйти теперь. Почему?

— Мама говорит, когда ты поступишь в университет, найдешь себе образованную...

— Что за чушь! — перебил он. — И при чем тут образованная? И вообще!.. Какое мне дело до того, что думает по этому поводу твоя мать? Сама ты как думаешь?

— Я без маминого согласия не пойду. И потом... Я не хочу стеснять тебя, — продолжала она упрямо, как по писаному, отчего он просто выходил из себя. — Разве нельзя подождать со свадьбой? Если только мы действительно любим друг друга...

— Прекрати! Ты понимаешь, что говоришь?! — перебил он. — Что значит, если только? Что за предосторожности? А обо мне ты подумала, наконец? Я, может, не могу и не хочу больше ждать! Плевать, в таком случае, на университет! И откуда ты знаешь? Я, может, сам боюсь, что ты разлюбишь меня, что вполне возможно, или что-нибудь случится...

— Что же может случиться?

— Мало ли! Жених какой-нибудь богатенький подвернется! — выпалил он желчно, не владея собой.

— Зачем ты это говоришь? — выдохнула она дрогнувшим голосом, не выдержав этой своей игры в благоразумие взрослых и осторожных людей. — Неужели ты не видишь, как я тебя люблю? Неужели ты слепой? Посмотри! Я на себя не похожа! На меня и не глянет теперь никто, какая я! Я всю ночь плакала после того!.. И потом, и вчера! И мама видела. Почему ты не приходил два дня? — И, отвернувшись к стене, заплакала.

Он кинулся ее утешать.

— Тань! Ну, прости! Прости!

Конечно, она простила. Они примирились. Свадьбу все же решили отложить до осени. Он не настаивал. Несмотря на горячность, он все-таки желал поступить в университет, а там можно было перевестись на заочное отделение. Однако экзамены он завалил. Ожидаемого чуда не произошло, счастливых билетов не досталось, и он устроился на прежнее место на Судоверфь.

Однако примирение принесло облегчение ненадолго, а потом все вернулось опять. Любовь их день ото дня превращалась в какую-то муку. Таня понимала это, страдала, но ничего не могла поделать. Разрыв был неизбежен. Так оно и вышло.

6

Однажды, вернувшись с работы, Михаил обнаружил в почтовом ящике письмо.

«Пишу только потому, что никогда бы не смогла этого сказать, а надо. Зачем притворяться и делать вид, что ничего не произошло, когда и ты, и я прекрасно понимаем, что прежней любви уже нет. Я не виню тебя, и было бы глупо. Такая, видно, судьба. Только пойми меня правильно и, прежде чем сердиться, подумай хорошенько, стоит ли. Для нас теперь выход один — расстаться. Таня».

Сунув письмо в карман, пошел разбираться — из самолюбия, не больше. Но ни на какие его разумные доводы Таня уже не соглашалась, повторяя одно и то же: «Так будет лучше». И Михаил ушел свободный от всех своих обещаний и обязанностей.

Но ожидаемая свобода не принесла ничего, кроме новых мучений. И каких! Не прошло и недели, как он почувствовал себя одиноким и никому ненужным. Появилось сомнение. Потом сожаление, страх, что проходит мимо своего счастья. Никакие попытки возобновить отношения успеха не имели, словно Таня и впрямь навсегда вычеркнула его из своего сердца.

Все это время, весь этот год, до самого отъезда на рыбные промыслы, Михаил жил без всяких желаний и надежд, с постоянной мукой, желая разве только как-нибудь умереть, чтобы ничего уже не видеть, не чувствовать, не знать.

А потом улетел на Камчатку.

Вначале зимы он вернулся и в первый же вечер, встретив Таню на катке, был поражен даже более чем в день их знакомства. Такою красивую он, казалось, не видел ее никогда.

А потом они шли по пустынной улочке к ее дому, и он рассказывал ей о путине. И так дошли до ее дома. А затем была еще одна суббота, и еще

одна. За это время лед в их отношениях совсем растаял. И когда, наконец, он сделал Тане предложение, она с радостью согласилась.

Глава третья

1

С утра Михаил Федорович с Алешей ушли прибираться в саду, грабастать и жечь палую листву, сухую траву, мусор, готовить дрова для бани. Затем сын ушел к «знакомому рыбаку» за свежим судаком и стерлядкой, а Михаил Федорович — на рынок и в магазин за продуктами. Содержание составленного супругой списка обещало что-то немислимое.

Надя с утра, вместо школы, набивалась в помощницы, но Татьяна Васильевна знала, что проку от нее не будет, не зря же, узнав что в числе гостей будет Завернихин-младший, дочь легла спать в бигудях, поэтому вся помощь ее состояла бы, примерно, в следующем: двумя пальчиками, чтобы не испачкаться и не нарушить маникюр (после бигудей на весь дом пахло лаком), она будет, и то лишь с третьей просьбы, подавать то или другое, и каждые пять минут куда-то исчезать — и это до тех пор, пока не выведет маму из себя. Нет уж, пусть лучше идет в школу. А вот сервировать стол — милость просим. Лучше Нади никто этого делать не мог. Это было ее, как она сама выражалась, амплуа.

Знакомый Алешин рыбак был, в общем-то, отцом его невесты Маши. Но нельзя же было, в самом деле, прежде времени, посылая за рыбой, говорить: «Сходи к будущим сродникам» или «Сбегай к будущему тестю». Говорили или: «Сходи-ка к своим знакомым за судачком», или: «Сбегай-ка за стерлядочкой к Облаевым». Такая была политика.

Надя в школу все-таки не пошла. А зашла в «свечку», так звали пятиэтажный магазин, выстроенный на площади «новым русским», и купила компьютерный «караочный» диск, который приглядела еще на прошлой неделе, пустую «болванку си-ди» и направилась в ДК «Метеор». Цель ее, как она считала, была достойной непосещения школы. Именно сегодня она решила блеснуть своим мастерством. А для этого надо было переписать на «читаемый» их музыкальным центром диск десятка три фонограмм. Выглядеть это должно было так. Она попросит Алешу незаметно выставить на улицу, если это будет на улице, музыкальный центр. И когда станет темнеть, когда все уже пресытятся разговорами и будут немножко скучать за столом, она вдруг предложит: «А хотите, спою?»

И все ей удалось. Даже больше, чем хотелось. Так что домой она пришла как раз после окончания последнего урока и входила с чувством праведницы. Поэтому на мамин странный вопрос: «И как там школа?», — естественно ответила: «А что ей делается? Стоит». Тогда последовал еще более странный вопрос: «Ты была ли, спрашиваю, в школе?»

— Ма-ам! Конечно!

— А звонили...

— Кто-о?!

— Ну вот ты и попалась. Живо говори, где была?

И на Наденьку нашла грусть-печаль.

— Ну ничего в этом противном Городце скрыть нельзя! — для полноты картины возмутилась она.

— Где, спрашиваю, была?

Пришлось говорить «всю правду».

— Мам, понимаешь, я за Ларисой зашла, а у нее эта... в общем, у них кран сорвало... И, мам, представляешь? Все залило, всю квартиру! О-ой, и намучились мы! Целое море отчерпали!

— Ну да, а потом маникюр сели делать. И когда ты врать отучишься? Посмотри на себя в зеркало! Не стыдно? Невеста уже!

— Ну ладно, мам, ну, мам, ну я же нарочно. Понимаешь? Так надо. Для эффекта! А то будет неинтересно.

— Ты о чем?

Надя по-заговорщицки оглянулась, наклонилась к уху матери и стала шепотом открывать ей свою великую тайну. И достигла цели. Татьяна Васильевна, мама, покачала головой и, облегченно вздохнув, примирительно улыбнулась.

— Ладно. Живо обедать — и за дела!

— Ой, мам, как я тебя люблю! — И чмокнув мать в щеку, не забыла при этом свезти косынку набок.

Татьяна Васильевна поправила косынку, покачала головой, и на лице ее появилась почти такая же, как у дочери, милая улыбка. Проходя мимо со стопкой старых журналов, обо всем догадавшись, улыбнулся и Михаил Федорович. Один Алеша не разделял ни «этого мнения», ни «такого воспитания», и время от времени пророчил: «Вы еще с ней наплачетесь!». Но ему все равно никто не верил. Даже после того, как он окончил институт.

2

На всенощную ушли к четырем. Оставшись один, Овчинников сначала привел в надлежащий порядок баню, протер пол, помыл, сложил у топки дрова. Прежняя банная печь была каменной и ее, обычно, затапливали с обеда, а то и с утра, но недавно Михаил Федорович сменил печь на железную, финскую, экономную, с сухим паром, которую можно было топить даже во время мытья, а в парилку идти уже через час, так быстро нагревалось, но и остывало буквально через час. И что, спрашивается, это была за баня? Что в ней русского, особенного? И Михаил Федорович всерьез подумывал опять вернуться к старине.

Посидел немного в предбаннике за столом, за которым много раз сидел со своим неугомонным другом Олегом. Самовар, давно не чищенный, давно не используемый, с чуть позеленевшей вертушкой крана, стоял на столе, можно сказать, для одного интерьера. А сколько прежде возле него происходило душевных бесед! Да, было время...

Михаил Федорович вышел в сад. Холодный свет солнца золотил остатки еще не опавшей листвы. Было по-осеннему тепло, тихо и печально.

Овчинников прошелся между яблонь, которые сам сажал, сам прививал, сам формировал крону. Поднял падалицу антоновки, протер, укусил. Яблоко было сочное, кисло-сладкое — обычный вкус антоновки.

Уже вернулись со службы жена, дети, уже стало темнеть, а Завернихиных все не было. Михаил Федорович отыскал сотовый телефон, набрал номер.

«В Гороховецкий монастырь на всенощную заезжали... — сообщил Олег Андреевич. — Не достояли до конца. Уж эти долгие монастырские

службы! Значит так, фиксируй. Минут пять назад с московской трассы свернули на Балахну, когда будем, соображай».

— Примерно через час будут, — сообщил Овчинников домашним.

И тотчас все завертелось. Алеша ушел затапливать баню. Татьяна Васильевна стала накрывать на стол. Надя сначала убежала в свою комнату, но тут же вернулась, села за фортепьяно, но и его тотчас оставила, вбежала в гостиную, кинулась расставлять посуду.

— Ты чего носишься, как угорелая? — спросила ее мать.

— И никакая я не угорелая... Так! Эта скатерть не пойдет, — командным голосом заявила она. — Mam, давай другую, ту, с такими вплетенышами на углах, помнишь?

— Ищи и стели сама. Я не понимаю, о чем ты говоришь.

И она присела на диван.

Надя быстро нашла нужную скатерть, убрала расставленную посуду, заменила скатерть. Стол действительно стал выглядеть интереснее. Когда была вновь расставлена посуда, фрукты, вино, салаты, получилось что-то вроде изящного натюрморта.

— Пап, как? — спросила дочь заглянувшего на минуту отца.

— Классно! — ответил он Надиным «паразитом».

— Тоже мне... — хмыкнула она. — Еще скажи — «прикольно».

— А сама почему все время эти глупости говоришь?

— Мне, пап, вообще-то, по статусу положено, а тебе, вообще-то, стыдно.

— Слышь, мать?

— Слышу, отец, — надавив на слово «отец», тотчас отпарировала супруга.

— Па-аня-атна... — заключила Надя и, стиснув от внутреннего смеха губы, ушла на кухню. Там она прыснула в ладошку.

— Отец, — опять нарочно подчеркнула Татьяна Васильевна. — А ты что без дела слоняешься?

— Прости, мать, сейчас чем-нибудь займусь.

— Займись, отец.

— Хм... — появившись с кувшином вишневого компота, хмыкнула Надя и, чтобы не рассмеяться, глядя на родительскую забаву, состроила важную мину.

— Дочь, помоги матери, — удаляясь, сам не зная, куда и зачем, сказал ей отец.

Татьяна Васильевна улыбнулась, покачала головой и вздохнула.

— Mam, а ты сильно папу любишь?

— Сильно, — чтобы только отвязаться, ответила Татьяна Васильевна.

— Странно. А так говоришь...

— Как?

— А вроде как: «если б не любила бы, так убила бы».

— Чего-чего?

И Татьяна Васильевна весело рассмеялась. Залилась вместе с нею и Надя. Присев рядом на диван, обвила шею матери руками. Михаил Федорович, разумеется, тотчас вырос на пороге.

— В чем дело?

— Не скажем! — ответила, не переставая смеяться, супруга.

— А все-таки?

- Пап, ну тебе же сказали — се-кре-эт!
- Ладно. У меня тоже, между прочим, есть секрет.
- Какой? — спросили почти одновременно мать и дочь.
- Не скажу.

И вышел из комнаты.

— Нет у него никакого секрета, — заключила Надя и спросила: — Мам, а любовь — это когда ни есть, ни спать не хочется, да? Ты когда в папу влюбилась, не спала?

— Почему не спала? Спала.

— Ну-у, мам!..

— Ну, не спала... один раз. Нет, два раза.

— Фу, тоже мне, любовь!

— А ты как понимаешь любовь?

— Я? — тотчас округлила глазки Надя. — Хм, я... Я, мам, наверное, с ума бы сошла! Я бы ду-умала, ду-умала, ду-умала... Все ночи бы напролет, мам, о нем думала! А потом... — Надя набрала полную грудь воздуха, глаза ее засияли восторгом. — А потом!.. Потом!.. Ну, я не знаю, что потом... Потом бы, наверное, мы поженились. Да! Мы бы поженились! У меня была бы такая фата, мам, знаешь, из венка, короткая. И такие белые перчатки по локоть. Он бы меня нес на руках. Мам, а в церковь можно нести на руках?

— Наверное, нет.

— Тогда на руках потом, когда к дому подъедем. Ах! — вздохнула она. — У Алеши скоро свадьба, а у меня еще не знаю когда!

— Нашла о чем горевать. Знаешь пословицу? За год до смерти замуж выйдешь и то наживешься.

— Уж не хочешь ли ты сказать, дорогая моя мама, что ты измучилась с папой? — тоном учительницы проговорила дочь.

— Ладно, давай посмотрим, чего не хватает, — сказала Татьяна Васильевна и, осмотрев стол, подытожила: — Вроде все.

3

А вскоре и Завернихины подъехали. Надя тут же ушла в свою комнату. «Выйти — не выйти», — считая квадратики на покрывале дивана, все никак не могла решить она. И тут ее позвала мама.

— Надя, ты где?

Она тут же выскочила в просторную прихожую, мельком, сразу на всех глянув, сказала: «Здрасте!» — и унеслась на кухню.

— Ну что? — спросил Овчинников. — Перекусите? Или сразу в баню?

— Я в баню, — сказал Завернихин-младший. — Ни разу в деревенской бане не был.

— И я, — поддержал отец.

— Леночка, вы? — спросил Овчинников.

— Я пас, — ответила она, несколько театрально обнажив ровные зубки.

— А завтра все вместе едем в Николо-Погост, — огорошив мужа, вдруг объявила Татьяна Васильевна. — Я и с батюшкой уже договорилась.

— И что там, в Николо-Погосте? — поинтересовался Олег.

— Торжество! — мило улыбнувшись, сообщила Татьяна Васильевна. — Мы с Мишей, наконец, решили обвенчаться, вот!

4

За столом посидели недолго. Гости не столько от вина, сколько с дороги, а особенно после бани, заметно осовели.

Старших Завернихиных разместили в гостиной. Андрея определили к Алеше на диван. Сам Алеша принес из кладовки, разобрал и застелил для себя раскладушку. Андрей, сидя на диване, полусонно наблюдал за ним.

Алеша поправил огонек лампадки, глянув на гостя, сказал:

— Да ты, я смотрю, уже спишь. Ложись. Я помолюсь и тоже лягу.

— И папа всегда молится на ночь. А это обязательно надо?

— А ты, как думал? Вдруг ночью умрешь?

— И что?

— И все.

— Не понимаю.

Алеша внимательно посмотрел на него, спросил:

— В Дивеево зачем едешь?

Широко зевнув, Андрей ответил:

— Я слышал, кто хотя бы раз в жизни побывает в Дивееве, пройдетя по Канавке, тот... как это... ну-у, я не знаю... чего-то ему там, на небе, зачтется.

— А ты знаешь, что раз в сутки Дивеево посещает Божия Матерь?

— Нет. И что? Ее видят?

— Может, кто и видит. Но особенное состояние бывает у всех, кто в это время там находится. Особенное, говорят, состояние испытывают те, кто прибыл в первый раз.

— Состояние — это как? Это что-то такое медиумическое, да?

— Нет. Этого не объяснишь. Съездишь, узнаешь. Если, конечно, сподобишься.

Андрей опять зевнул и, почти засыпая, попросил:

— А ты помолись за... а-а-а... — зевнул, — меня... нас... чтобы Господь сподобил.

Помолившись, Алеша уложил заснувшего в сидячем положении Андрея, и сам лег. И вскоре тоже уснул.

И все в доме давно уже спали. Одна только Надя все никак не могла заснуть. Бегом прочитав вечерние молитвы, она разделась и легла в постель. Сначала она лежала на спине и, глядя в темный потолок, все никак не могла решить мучивший ее вопрос — настала любовь или еще нет? Нигде у нее не жгло, аппетит не пропал. Разве что спать не хотелось, так это и раньше бывало.

Она села на диване, поджала под себя ноги. В комнате были видны все предметы.

— «Соня! Ах, Соня, смотри какая прелесть! Разве можно спать в такую ночь?»

Надя задумалась. Послышался отдаленный лай собаки. Надя очнулась, огляделась и, глубоко вздохнув, опять забралась под одеяло. И вовсе не оттого, что влюбилась, она думала, а просто — думала и все! И не спалось ей вовсе не от этого, а просто — не спалось и все!

Повернувшись набок, Надя закрыла глаза, попробовала молиться.

«Го-осподи, Иису-усе, Христе-э, Сы-ыне, Бо-ожий, помии-илуй мя-а, гре-эшную».

Так протяжно, не спешно, со вниманием, учил молиться батюшка, к которому они завтра поедут на службу. И она, как умела, молилась. Правда, не так часто и не так много, как надо бы. Такая, выходит, она великая грешница. Нет, в ад ей, конечно, не хочется. Ад — это ведь так страшно! Правда, пока теоретически.

И она опять принималась молиться... Конечно же, ей хотелось в рай! Правда, пока тоже теоретически. И не сейчас, а потом, позже, когда тут все кончится и будет совсем не интересно... Ах! И отчего это она, такая грешница, никогда не испытывает сокрушения о своих грехах?..

И она опять принималась молиться. И молитва постепенно умирала ее помыслы. Что-то хорошее, тихое, легкое все наполняло и наполняло ее еще по-детски светлую душу. И Надя не заметила, как уснула.

Глава четвертая

1

Несмотря на разрушенную ограду, на обнесенную полусгнившими лесами колокольню, покоцанную лихолетьем, архитектурный ансамбль старинного села Николо-Погост вызывал почтение. Ничего более солидного, более монументального во всей округе не было. Служба шла в зимнем храме в честь Владимирской иконы Божьей Матери. В летнем, Преображенском, еще не служили. Снаружи храм был отреставрирован государством еще в начале девяностых, но внутри — полная разруха. Колокольня, с единственным, оставленным на случай пожара колоколом, в отличие от некоторых нетерпеливых прихожан, смиренно ждала своего звездного часа. Осуществить реставрацию всего комплекса приходу было не по силам. Но даже то, что было сделано, вызывало уважение. Михаила Федоровича особенно поразили заново написанные фрески трапезной. «В дионисиевом стиле, — заметил мимоходом Олег Андреевич. — И обрати внимание — какое богатство сюжетов! Страшный Суд. Символический змей. И даже круги ада. Такого теперь почти нигде не увидишь. Не пишут. Очевидно, не хотят верить, что и это тоже — увы — будет».

Литургия, причастие (батюшка предложил, а он не отказался), венчание — все прошло для Овчинникова как во сне. И всю обратную дорогу он был под впечатлением свершившегося в его размеренной жизни события. Татьяна Васильевна сидела рядом и время от времени, с любовью поглядывая на мужа, гладила ему руку. Такой нежности, такого тепла, такой сердечной близости к жене Овчинников, казалось, не испытывал никогда. Что произошло с его внутренним миром, он не понимал, но чувствовал себя совершенно другим человеком. И все вокруг казалось ему пронизанным этим тонким чувством лиризма, радости и света.

Олег, поглядывая на друга через зеркало заднего вида, улыбался.

И Лена причастилась. Как это случилось, она и сама не могла понять, потому как подошла к батюшке во время исповеди только за тем, чтобы поделиться своею тревогой за сына, с просьбой помолиться о нем. А, вступив в беседу, даже и не заметила, как сначала стала отвечать, казалось бы, на

не идущие к делу вопросы, и дошло до того, что плакала с полным сознанием собственной вины. В столь короткое время вся жизнь ее предстала перед ней запутанным сплетением грехов, которые она и за грехи-то никогда не считала. И выходило, вся причина нынешнего неустройства заключалась в ней самой. И когда она приняла это, душа ее умякла, и сами собой потекли слезы, а после причастия несказанный мир озарил сердце.

Андрей тоже исповедовался и причастился, хотя тоже не собирался этого делать, и подошел к исповеди лишь потому, что мать, отойдя от аналая в слезах, сказала ему: «Иди. Батюшка тебя зовет». — «Зачем?» — «Не знаю». — «Про меня чего-нибудь наговорила?» — «Мне своего хватило. Иди. Видишь, ждет?» И Андрей, заранее готовый к отповеди, подошел с гордо поднятой головой. Но вопрос батюшки ошеломил. «Хочешь соединиться со Христом?» — «А это как?» — «Примерно, как в детстве, когда приходит обещанная радость. Бывало у тебя такое?» — «Да, когда-то давно». — «И вокруг было солнечно, прибрано, уютно. Верно? И сам ты чистенький, в светлой рубашке, в легких тапочках на босу ногу. Так?» — «Да, очень похоже...» — оживился Андрей. «Стало быть, надо в первую очередь что? Сходить в баню, верно? И тем приготовить душу к встрече дорогого Гостя». И так непринужденно началась исповедь.

Олег тоже исповедовался, но причащаться не стал. Сказал: «Простите. Не готов», — но скорее — от упрямства. Понимал же, что никогда и не будет готов, ибо хорошо знал слова Златоуста: «Господи, яко несмы достоин, ниже доволен, да под кров внидеши в дом души моя, зане вся пуста и падшаяся есть». И все равно — не стал: Завернихин...

А вот Таня, Надя, Алеша, причастились. И как было отказаться, когда тебя спрашивают: «А вы не желаете соединиться со Христом?»

— Всякий раз испытываю неловкость, — сказал на прощание батюшка, — когда, наперед зная, что причастников нет, говорю, как в пустоту: «Примите ядите...» и «Пийте от нея вси...» И стыдно бывает причащаться одному! Даже если никто не хочет. Но когда есть желающие — и ты из соображений кажущегося тебе их недостойства не допускаешь... Это все равно что в голодный год принести домой буханку хлеба, посадить детей за стол — и на их глазах оттого, что они накануне в бане не помылись или плохо себя вели, самому съесть все.

Стол накрыли в зале. Когда все приготовления были закончены, прочитали «Отче наш» и стали усаживаться. Олег Андреевич принялся разливать по фужерам вино.

— Вы позволите? — взяв в руки свой фужер, сказал Олег Андреевич. — Дорогие Миша и Таня! Позвольте поздравить вас с законным браком! Горько!.. Ну, вы чего сидите? Не слышали?

— Да ладно тебе... — отмахнулся Овчинников.

— Вот те раз! В церкви при всех целовались, не стеснялись, а в узком кругу друзей — не хотят!

— Во-первых, не при всех, а только при вас и при батюшке с матушкой. А во-вторых, пожалуйста, не смейте.

— Кого? Дети, вам смешно?

— Не-эт! — в один голос весело ответила молодежь.

— Слышали? Вперед! Горь-ко! Горь-ко!..

— Горь-ко! Горь-ка! — подхватила молодежь.

— Ну что, будем? — спросил Овчинников жену.
Она неопределенно пожала плечами.
— Тогда поднимайся.
Они встали и поцеловались.

2

После обеда собрались прогуляться по городу. День был чудный. И так же, как и вчера, и позавчера, падала с деревьев листва. Под каждой липой скопились целые вороха.

Вышли к набережной, повернули налево и пошли навстречу памятнику Александру Невскому.

Когда перед глазами открылся речной простор и подернутые дымкой заволжские дали, Олег Андреевич сказал:

— Говорят, в древности Волгу называли Ра, хотя ни в одной летописи об этом не упомянуто. У арабов, к примеру, Волга — Итиль, Река рек. Иные считают, что название финского происхождения и означает «светлая», «священная», но мне лично ближе иконно русское значение этого слова — «влага», «волглый»... Волглый туман над Непрядвой — это же так знакомо! У мордвы Волга — Ра, у мари — Юл, у татар — Идел, у чувашей — Атал. В прежние времена, знаете, как говаривали? Кто на Волге не жила, тот страху не видал. Иные, что у берега, дома даже якорями крепили. Бывало, так разбухнет в половодье река, того и гляди унесет. Рассказывают, что в былые времена, в половодье Волга поднимала над Никольским озером, что верстах в пяти отсюда вверх по течению стояло, льдину длиной верст в шесть, Чка называлась. Идет эта Чка вдоль затона и все на своем пути крушит — суда, баржи, кузни, склады — страшно смотреть! А Спасское озеро, говорят, в старину Ильменем называли, впадала в него река Белая, что теперь в водохранилище течет, плотиной ей путь заградили. Где-то там, правее причала — видите песчаник? — один местный изыскатель нашел личную печать Александра Невского. Теперь хранится в краеведческом музее. А не так давно один местный житель, копая огород, обнаружил что-то вроде котелка. Почесал-почесал затылок — да отнес в музей. После реставрации выяснилось, что это позолоченный княжеский шлем. И таких в России всего два. Один в Москве, второй здесь. Такой вот богатый на древние ископаемые наш Городец. Но значение его для родной истории гораздо больше, если вспомнить легенду о невидимом граде Китеже. Ибо Китеж не просто красивая легенда, а — указание на то, что, хранимая в недоступном для разрушительных начал мира месте, на дне Святого озера (в сердце каждого из нас), русская идея, должна выйти на поверхность, как брошенное в землю зерно для будущего плодоношения. В этом смысле наш городок, как и вся русская глубинка, — есть и хранитель зерна, и в тоже время почва, готовая к плодоношению.

— Русская идея, русская идея... Много об этом в последнее время говорят, — сказала Лена. — а я не понимаю, что означает.

— Как сказал один замечательный человек, русская идея — есть нечто живое, простое и творческое. Она — и смутная память детства, и задушевная песня матери, и завораживающий бабушкин сказ. Теперь, правда, предпочитают не использовать словосочетание «русская идея». Из политических со-

ображений заменяют на «нашу самобытность», «традицию», «историческую преемственность», «метакод», но суть от этого не меняется. Россия жила этой идеей во все свои вдохновенные часы, во всех своих великих людях, отобразила в произведениях культуры. Увы, наша культура — дитя исторических катастроф. Россию, не переставая, жгли. Но она, как феникс из пепла, вновь расцветала. Сегодня, и это не секрет, весь мир, несмотря на видимое благополучие, сползает к катастрофе. Поэтому умение России преодолевать беду важен для тех, кто эту беду предчувствует. Для тех, кто этой беды не предчувствует, русская идея не существует. Достоевский, например, утверждал, что, дословно: «Истинный Вечный Бог избрал убогий народ наш, за его терпение и смирение, за его невидность и неблистание, в союз с Собою, и этим народом Он покорит весь мир Своей истине». Ни больше, ни меньше! Внешне русская идея — есть потребность нашего народа в самоопределении, это поиск собственного места среди других народов, а не имперские амбиции, как думают некоторые. Русская идея внутренне — это наше мироощущение. И оно, конечно, иное, не такое, как, скажем, у французов, немцев или китайцев. Поэтому, как бы ни были велики наши исторические несчастья и крушения, мы призваны самостоятельно быть, а не ползать перед другими народами, творить из реалий родной жизни, а не заимствовать интернациональную игру в искусство, обращаться к Богу, а не подражать соседям, искать русского видения, русских содержаний и русской формы, а не побираться на мнимую бедность. Мы Западу не ученики и не учителя, вот что мы должны зарубить себе на носу. А ученики мы Богу и учителя сами себе. Перед нами своя задача. Какая? Творить русскую самобытную духовную культуру — из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе. И в этом, если хотите, смысл русской идеи. А посему, позаботимся не об оригинальности нашей (а мы почему-то именно этим так нынче обеспокоены, щеголяя музейными экспонатами и остатками старины), а о предметности, содержании нашем. И оно у нас есть. Правда, осваивать его мы ленимся. Но, когда освоим и из этой предметности начнем творить, оригинальность, я уверен, сама собой приложится. Иными словами, мы только и призваны для того, чтобы осуществить свою национальную земную культуру, проникнутую христианским духом любви, созерцания, предметности и свободы. В иной культурной среде русская душа просто не может дышать, а только задыхаться!

— Пап, да ты у нас гений!

— Премного благодарен за комплимент, Андрюша, премного благодарен. Но только это не я, а Иван Александрович Ильин. Я только интерпретировал, расцветчивал и дополнял некоторые его, действительно, гениальные мысли. Хотя и очевидно, что все сказанное, лежит на сердце каждого из нас всю жизнь, порою, даже незаметно для нас самих, чаще, как все те же смутные воспоминания детства, отрочества, юности. Но если бы вдруг захотело и имело возможность выразиться в словах, то выразилось бы именно в этих, я убежден.

3

По Церемоновой улице дошли до церкви Михаила Архангела.

— Где-то здесь, может быть, под сводами этого храма, покоятся останки сына Александра Невского, Андрея, по примеру отца принявшему перед

смертью схиму, — сказал Олег Андреевич. — К сожалению, князь этот добром в летописях ни разу не был помянут. В борьбе за великокняжеский стол водил на Русь полки татар. Такая своеобразная тактика завоевания великокняжеского величия. Некоторые, правда, теперь пытаются в этом увидеть начало курса на собирание земель русских. Однако Богу угодно было поручить это делание старшему брату Городца городка, Москве, если верить тому, что у обоих городов один основатель. Вплоть до 1332 года городком правили внуки Александра Невского — Михаил и Василий, и правнук — Андрей Васильевич. Как видите, история Городца тесно связана с именем Александра Невского. В успении Александровом мне видится завет потомкам. А если учесть, что Городец был одним из четырех претендентов на роль столицы, то мы еще ближе подойдем к пониманию сути вопроса, а может быть, даже к откровению. Чтобы сказанное не выглядело бредом сумасшедшего, начну издали. 16 августа 1239 года, через год после взятия Городца Батыем, местная Богородичная икона, положившая начало и Городцу, и монастырю, кем-то была перенесена, а может, и по воздуху перенесена, в Кострому и вскоре стала именоваться Федоровской. Сюда, в Городец, была сделана копия, но не точная, а с клеймами и с планом Федоровского монастыря на обратной стороне. Федоровская икона, как известно, покровительница рода Романовых и через нее воплощается в жизнь наша государство-образующая идея. Я уже упоминал о ней, говоря о русской идее. А то, что икона впервые явлена в нашем Городце, говорит о том, что городок наш имеет к этой идее прямое отношение. И в том еще смысле, что именно у нас эта государство-образующая идея хранилась, хранится и будет храниться до времени ее восстановления и последующего воплощения в жизнь. Что такое время настанет ни Достоевский, ни Данилевский, ни Ильин, ни многие другие даже и не сомневаются. Я, кстати, тоже. В чем же суть этой идеи? Для начала сообщу конкретные факты. Как и первый, и второй, и третий Рим (Москва), наш городок, перерезанный глубокими оврагами, покоится на семи холмах. Расположением на семи холмах Городец напоминает столицу последнего, Третьего Рима, Москву. О Третьем Риме говорено и переговорено. И, казалось бы, при чем тут наш городок, когда стоит и, вроде бы, здравствует Москва, верно? Идея Третьего Рима впервые высказана игуменом псковского Елеазаровского монастыря Филофеем. У недругов России эта идея ничего, кроме ненависти, конечно, не вызывает. Ее, как и русскую идею, нынешние, да и прежние государственные мужи даже бояться произносить вслух. Не велят те, кому они обязаны и кого боятся больше, чем, скажем, преисподней. Тогда как духовно, собирательно, Рим — есть всего лишь особая миссия православия в мире и России, как олицетворения души православия. Но какое, спрашивается, отношение это имеет к нашему Городцу и вообще — к русской глубинке?

Исторически (поясню чуть ниже) сложилось так, что при стечении некоторых обстоятельств (каких тоже в свое время Городец стал как бы запасной позицией Третьего Рима, Москвы. Теперь о том, как и почему это сложилось. Только прошу отнестись к моим словам серьезно, потому что говорю с полной ответственностью. Давайте перенесемся мысленно в эпоху раскола. Событие это радикальное в судьбе русского народа. Апостол Павел говорит, например, что надлежит между вами, православными, быть разномыслию, чтобы открылись истинные. Иными словами, для нормального духовного

развития, разномыслие не помеха, а путь к совершенству. Москва же в 1666 году в лице старообрядцев это инакомыслие изгнала и потом на протяжении нескольких столетий, практически до первой русской революции, гнала, топила, жгла, не пущала, пытаясь задушить. Большевики продолжили это дело, правда, значительно расширив. Что же, спрашивается, произошло тогда с Москвой? Отвергнув инакомыслие, она встала на путь насильственного единения. Единения во что бы то ни стало. Правде предпочли силу, духовному единству голосование, принцип давления большинства над меньшинством. И тогда Богом, если позволите так выразиться, был избран для хранения зерна русской идеи, скажем, наш Городец, как духовная запасная позиция столицы Третьего Рима, Москвы. Долгое время, как мы знаем, наш Городец считался столицей Поволжского старообрядчества. Москва старообрядцев изгнала — Городец приютил, тем самым сохранив принцип соборности — уважение к чужому мнению. В Москве, сделавшей ставку на силу, со временем возобладал дух авантюризма. В Москве надолго, если не навсегда, угасает духовное творчество. Путь, избранный Москвой, неоднократно приводил Россию к катастрофам. Но еще до последней катастрофы началось собирание духовных сокровищ в кладенец сердец особо памятливых представителей русского народа. Впоследствии особенно четко это выразила русская эмиграция. Хотя бы тот же Иван Ильин. Делалось же это для будущего плодоношения. Москва, изменив своему первоначальному назначению, постепенно и свой исторический облик искажила до неузнаваемости. Обладая экономическим ресурсом, уже всю историю советского периода она только тем и занималась, что тянула к себе все самое лучшее с окраин. И постепенно талант глубинки внес в ее среду если не сам принцип соборности, то возможность хотя бы слышать заветные чаяния окраин. На окраине, слава Богу, жива была еще почва. Правда, изрядно засоренная. Патриархальность, если хотите, нигде так не чувствуется, как здесь, в русской глубинке. В больших городах ее дано нет. Имеются в Городце и все Третьего Рима: собор Михаила Архангела внутри вала, как некое подобие Московского Кремля, и старообрядческий храм Успения Пресвятой Богородицы. Поскольку Федоровская икона является еще и покровительницей семьи, можно считать, что Городец, как большая семья, находится под особым покровом Царицы Небесной. Семейные устои теперь, конечно, везде сильно расшатаны, но здесь, в русской глубинке, в отличие от любого мегаполиса, возможностей для созидания семьи на прежних началах гораздо больше. А где, как не в нормальной, патриархальной семье, может зародиться и то заветное слово, по которому так соскучился мир? Только в такой заново отстроенной на старом фундаменте семье. Больше нигде. Не все так просто, конечно. Но когда что-либо стоящее давалось без труда? И слово это, когда оно появится, я уверен, тут сразу услышат, примут и понесут как знамя. А явился оно в Москве, его бы просто заболтали. Нынешний идол Москвы — многоглаголание. Большинство москвичей живут одною политикой. Здесь, в глубинке, это просто невозможно. Здесь политика — карикатура, а политик — клоун. Поэтому и в административном устройении Городец по-прежнему патриархален. И такова, я вам скажу, практически, вся русская глубинка. Отсюда, если хотите, выйдут и первые плоды новой русской культуры, с которой начнется наше духовное возрождение. Более того! Я убежден: будущее России — в развитии малых городов. Деревня

же почти умерла, она давно вне лона русской культуры и экономически день ото дня все более и более чахнет. Малые же города, наоборот, в последние годы один за другим начинают интенсивно развиваться. Мало того, привлекая на свою землю иностранного туриста, малые города получают возможность своеобразной проповеди того заветного слова, по которому так соскучился мир... Представляете, какая это ответственность? Почти, как во времена смуты 1612 года! Только нынешняя смута мирового масштаба... Но при этом нужно помнить главное. Возможность развития собственной культуры дается нам не для маскарада, а для созидания единственно возможной среды обитания русской души, каковой всегда была, повторяю, наша культура. Эту возможность мы просто не имеем права теперь упустить!

4

Вышли на дорогу, ведущую к валу, и пошли во всю ширину бывшей Загородной улицы. И это было совершенно безопасно и даже обыкновенно. Порою за весь, особенно воскресный, день, после окончания службы по улице не проезжало ни одной машины. Гуляй — не хочү.

У подножия вала передохнули. Затем поднялись на вал. Наверху был небольшой ветер.

— С этой стороны Батый осаждал городок, — сказал Олег Андреевич. — Взять приступом с ходу его было невозможно. Поэтому Батый применил обычную свою тактику. Он сжег Городец. Целый день на Городец, не переставая, летели огненные стрелы. Были в монгольском войске такие большие луки. Один воин, упираясь ногой в землю, держал обеими руками над головой такой лук, второй двумя руками натягивал тетиву со стрелой, на конце которой прикреплялась осмоленная пакля, третий воин, держа в руке горящий факел, поджигал. Стрелы пускали с такого расстояния, куда не доставали обычные стрелы наших ратников. Города в те времена были деревянными, постройки скученными. Кстати, и теперь постройки по скученности не много отличаются от строений тех лет. Так что огонь быстро охватил весь город, и он пылал до вечера. Издали это пожарище походило на гигантский факел. Можно представить, что происходило в самом городе. Металась обезумевшая скотина, люди гибли в пожаре, задыхались от дыма, толпы металась из стороны в сторону в поисках безопасного места. Но такого места не было: горело, буквально, все... Глупо, конечно, моделировать историю, упрекать в недальновидности павших, но, удивительное дело, понадобилось два столетия постоянных унижений, грабежей, насилий, увода в рабство, чтобы столь очевидным стал вопрос о единении... Четвертого марта, кстати, был взят Городец. Потеряв в дневном пожаре многих близких — матерей, жен, сестер и детей — ратники решили дать последний бой в открытом поле. И конечно все, как один, погибли. Есть тут недалеко, в той стороне, — показал Олег, — деревня Черепово. Предполагают, что именно там был сложен курган из отсеченных голов... Ну, что, движемся в сторону музея? Пойдемте по гребню вала. Мне это место очень нравится. Наверное, это самое тихое место города. А вон и, так называемое, Святое озеро, — показал он влево на небольшое болотце. — Теперь оно больше известно под именем Рязанова болота. Почти двести пятьдесят лет заводчики Рязановы следили за Святым озером, обихаживали, чистили его. Впоследствии на бе-

регу озера ими был построен чугунно-литейный завод. Корпуса, как видите, и теперь существуют. Завода только нет. Развалили, распродали по частям, как, впрочем, и все в России, господа перестройщики... Обратите внимание на эти корявые сосны. Говорят, их крутит от пролитой человеческой крови. А вот на этом самом месте дважды вырастала так называемая Крестовая сосна — сучья в виде креста.

5

В музее пробыли почти до самого закрытия. В комнате, справа от входа, была оборудована часовня в честь Федоровской иконы Божией Матери и благоверного князя Александра Невского. На старинных, медных подсвечниках горели лампадки и несколько свечей. Все купили в специально устроенной тут церковной лавочке по свечке, поставили на подсвечники и приложились к иконам.

Второй раз за этот день и, пожалуй, впервые в жизни, если не считать раннего детства, Михаил Федорович с полным сознанием происходящего прикладывался к иконам.

Так же и Андрей. Ничего похожего на эти древние лики, на эти «поведенные» временем подсвечники он не видел в том заново отделанном, блестящем золотом и чистотою новизны, храме, куда они стали захаживать с одним своим сокурсником, чтобы, как они считали, по долгу всякого образованного человека приобщиться к истокам русской культуры. Заходя, стояли несколько минут напротив золоченого иконостаса, ничего, разумеется, во всяком случае, он, не понимая из того, что читали и пели на клиросе. Но читали и пели хорошо, музыкально и, главное, таинственно. Таинственными казались Андрею и частые дьяконские «паки и паки», и «вонмем», и протяжное священническое, из резных Царских врат — «ми-и-ир все-э-э-эм». И, конечно, парчовые дьяконские и священнические облачения. И эти еще... как их... митры, камилавки и особенно пышущие клубами ароматного дыма кадила... Он вспомнил, как один раз протодьякон, в краской камилавке, во время каждения, за Всенощной (как пояснил друг, «на Господи воззвах»), проходя мимо них, задержал свое чинное шествие и, обильно окадив их фимиамом, сказал таинственным басом: «Дух Святый найдет на вас и сила Вышнего осенит вас», — на что друг, немного сбиваясь, тут же ответил: «Той же Дух содействует нам вся дни живота нашего». Как хорошо, как таинственно, как значительно это прозвучало! И еще припомнилось ему одно особенно запавшее в душу возгласение канонарха: «Изведи из темницы душу мою-у-у...» — и слаженный ответ клира: «Испове-е-даться и-и-имени Твоему-у-у». Да, именно тогда жизнь его стала отходить от так называемого отроческого соблазна — отсутствия всяких жизненно-важных ценностей, от того проданного сплошной чувственности дебилизма, которым они, отроки и отроковицы, кичились друг перед другом, как единственным признаком полной независимости и абсолютной свободы.

Андрей осторожно посмотрел на Надю, на которую специально не позволял себе смотреть во время прогулки, глянул в тот момент, когда она, «с непокрытой головой» приложившись к Богородичной иконе, отходила от нее, и тут же нечаянно встретился с ее задумчивым взглядом. И таким значительным, таким необыкновенным вдруг показался ему этот взгляд!

Сама же Надя в эту минуту ни о чем не думала. Она даже как будто забыла на какое-то время о существовании гостя. Что-то легкое, светлое, совершенно несовместимое с ее фантастическими ночными грезами в ту минуту коснулось ее сердца, и она с удивлением прислушивалась к себе. Нечто подобное испытывала она много раз в детстве, когда мама, думая, что она спит, наклонялась над ее детской кроваткой, убирала со лба волосы и заботливо укрывала одеялом.

6

— Пап, мам, позвоните бабушке. Она уже раза три звонила, — сказал Алеша, когда родители появились на пороге.

— Я и забыла после службы позвонить! — тут же заторопилась Таня.

— Я позвоню, не беспокойся, — предупредил Овчинников жену и пошел в гостиную.

Аппарат стоял на камине. Овчинников снял трубку, набрал номер.

— Здравствуй, Миша. Весь вечер звоню вам. Поздравляю вас с Таней. Очень вы меня сегодня порадовали. Алеша сказал, ты причастился. Поздравляю. Уж так я рада, сынок, так рада!

— И чего тогда плачешь?

— Ты доживи до моих лет, тогда узнаешь.

— Все хорошо, мам. Не плачь. Все? Не плачешь? Целую тебя.

— Таню от меня поздравь.

— Обязательно. Пока.

Чтобы не смущать соседей, концерт после ужина решили устроить в гостиной, у камина, в котором для красоты развели огонь. Для вящей таинственности задвинули шторы, выключили свет. После долгой прогулки все очень устали и теперь сидя, кто на диване, кто в креслах, несколько отстраненно смотрели на тревожное биение пламени.

Особенно всем понравилась песня о Городце. И слова были такие:

*Меж домов шкатулочек
В Городце резном,
По безлюдью улочек,
Осененных сном,
Поброжу, порыскаю
И услышу те,
Что-то сердцу близкое
Светит в темноте.*

Припев:

*Вспомни забытое,
Посмотри на нас.
Мы храним сокровище
От недобрых глаз.
Не гляди, что узкие,
Не пеняй — тихи.
Думы святорусские
Просятся в стихи.*

*Свистну птичьим посвистом,
Прожурчу рекой
И прослаблю по свету
Их святой покой.
И пускай откроется,
Как в большом ларце, —
Дух России кроется
В старом Городце!*

Так проникновенно это в Надином исполнении прозвучало, что Олег Андреевич встал и со словами признательности поцеловал Наденьке руку. Молодежь вышла в сад.

Зазвонил телефон.

— Я возьму, — предупредил Овчинников движение жены.

Звонила опять мать, Нина Ивановна. Голос ее тут же насторожил Михаила Федоровича.

— Порфирий Евграфович умер, — сообщила она, и Овчинников почти вскрикнул:

— Как? Когда?

Таня, Олег, Лена сразу насторожились.

— Некрасов умер, — зажав трубку, сообщил он им.

И все тут же встали, обступили его. Олег Андреевич нажал кнопку громкой связи. И дрожащий голос Нины Ивановны наполнил комнату настороженной скорбью.

— Сегодня, вскоре после службы. Софья Антоновна говорит, пришел, как обычно. От обеда отказался (это и раньше бывало), чаю только попил. Сказал, вздремну малость, устал. Лег, а она к соседке ушла, да засиделась. Пришла, говорит, а он все спит. Ну, спит и спит. Думаю, говорит, в ночь пошел. Да что-то тревожно стало. Уж больно, говорит, тихо спит, не шелокнется. Подошла, а он уже холодный. И даже руки на груди крестообразно сложил. В котором часу помер, Бог весть. Во вторник хоронить. Плачет. Что, говорит, я одна? Я ей говорю, почему одна, а мы на что?

Известие, конечно, рушило планы — вместе с Завернихиными собирались в Дивеево Овчинниковы. О суточном пребывании, разумеется, теперь не могло быть и речи. На день еще можно было съездить. Но во вторник с утра нужно было заниматься похоронами.

Когда вернулись дети, разговор как раз шел об этом. Вникнув в суть дела, Андрей, глянув на Надю, тоже собиравшуюся в Дивеево, предложил:

— Пап, мам, можно и потом еще раз съездить, раз такое дело.

— Я только — за, — сразу согласилась Лена.

— А меня вообще можно не спрашивать, — ответил Олег. — Я тоже хочу Порфирия Евграфовича проводить.

— А я Софье Антоновне, если что, помогу, — сказал Алеша.

На том и порешили. И стали укладываться. И Овчинников тоже сразу лег, но уснуть не мог. Порфирий Евграфович как живой все стоял перед глазами. Это был второй, не менее чем бабушка, близкий ему человек. Он был «из того рода», о ком с уважением говорят «человек». Так и говорили: «Порфирий Евграфович — человек!» Но, кроме этого, он был из той овечьей бабушкиными сказаниями жизни, о которой Овчинников не мог теперь

думать без слез. И он, не стыдясь, плакал. И все же это были слезы надежды, подогреваемой хоть и слабенькой, но все же верой, когда-то встретиться со всеми усопшими в мире ином.

Глава пятая

1

В Дивеево приехали задолго до Литургии. Насельницы монастыря, с игуменьей во главе, служили Полуношницу. Все не занятые неотложным послушанием сестры были тут. Почти не было прихожан, практически пуст погруженный в предрассветный мрак величественный Троицкий собор. И как-то особенно среди молитвенной тишины над скорбно склоненными головами сестер звучал монотонный голос чтицы.

Стараясь не нарушать благоговейное моление, они потихоньку прошли вперед и встали у витой ограды. Даже погруженный во мрак, собор вызвал у Овчинникова уважение своим величием. Он не прислушивался к чтению, все равно он ничего не понимал, но когда откуда-то сверху запели, невольно внутренне сжался.

«Се Жених грядет в полунощи./ И блажен раб, егоже обрящет бдяща./ Недостоин же паки егоже обрящет унывающа./ Блюди убо, душе моя,/ не сном отяготишися, /да не смерти предана будеши./ И царствия вне затворишися./ Но востани зовущи,/ Свят, Свят, Свят еси Боже,/ Богородицею помилуй нас».

Он потихоньку глянул на Таню, на Завернихина, на детей. Все стояли в глубокой задумчивости. И такими удивительными в эту минуту показались ему их лица, выражения их глаз!

Когда закончилась полуношница, сестры, по очереди испрашивая благословения у игуменьи, потекли в отворенные двери храма.

Олег, Таня, Надя уже бывали в Дивееве, все им тут было знакомо, тогда как Овчинников, Лена и Андрей, впервые оказавшись в четвертом уделе Царицы Небесной, переживали нечто вроде потрясения. И не только потому, что все тут было ухожено, отреставрировано, блистало богатством убранства, а скорее потому, что они впервые соприкоснулись с миром иным, приложившись к мощам преподобного Серафима, к его оставшимся, чудом уцелевшим от безбожников простым вещам — башмакам, наперсному, на толстой цепи, кресту, материнскому благословию, к ладанке...

Всю службу Лена с нескрываемым любопытством вглядывалась в лица молодых инокинь, пытаясь понять, что привело их сюда. Несчастная любовь, жизненные неудачи, физическая неполноценность, безысходность — что? Монашество, в ее понимании, было последним убежищем для больных и убогих. И вот теперь она видела миловидные, молодые лица и не могла понять, что привело этих девушек и молодых женщин сюда, ради чего, думала она, они ушли как бы от счастья к несчастью и от всего к ни чему.

Иначе думал Андрей. Он бывал уже и в Донском, и в Даниловском монастырях. Видел монахов. И ничего особенного в них не находил. Монахи и монахи. А вот монахинь видел впервые. И, как мать, смотрел на них с сожалением. Только по иной причине. Ему, он понял это, было бы очень жаль и даже больно, если бы, например, Надя вдруг взяла и ушла в монастырь. Конечно, ему, как музыканту, нравилось пение, но он не хотел, чтобы в этом хоре вдруг зазвучал прекрасный Надин голос.

А вот Овчинников почти всю службу думал о том сложном пути, который привел этих инокинь к стенам обители. И благодарил Бога за то, что это, наконец, в России стало возможно. Сколько потерянных, заблудших душ могли теперь найти себе тут последний приют! О высоте монашеского подвига он еще ничего не знал, не знал ничего и о пути совершенства. Все это было у него еще впереди.

Татьяна Васильевна, Надя, Олег, как уже несколько искушенные в духовной жизни, стараясь ни о чем не думать, всю службу молились.

Завернихин-старший причастился. Один из всех. И ходил тузом.

После обедни с Богородичным правилом пошли по Канавке, точнее, по насыпи. Устройство Канавки Овчинникову, конечно, тоже понравилось.

И весь путь, согласно преданию, проложенный по «стопочкам» Божьей Матери, они прошли молча, с молитвой на устах. Царской сосне просто поклонились.

Затем поехали на дальний источник в Цыгановку.

На источнике народу было немного.

Таня, Надя и Лена, а после них и Андрей, облились в часовенке. Овчинников за компанию поплавал в грязной, в некоторых местах затиненной луже вместе с умным другом и при этом ничего, кроме холода, не ощутил.

Назад ехали, кто с разговорами, кто молча, а кто просто спал. Овчинников сидел рядом с Олегом Андреевичем. Таня с Леной мило беседовали сзади. О чем именно, Овчинников не прислушивался. А вот Надя с Андреем, как убитые, спали всю дорогу. Овчинников несколько раз оборачивался, чтобы посмотреть на их юные лица. И всякий раз, когда он оборачивался, Таня спрашивала: «Что?» И, когда он кивком приглашал посмотреть на детей, и она, и Лена понятиливо улыбались.

— Знаешь, — не переставая говорил «вещий Олег». — Несмотря ни на что, когда бываю в Дивееве, всякий раз думаю, что ничего еще не потеряно. Я имею в виду, так называемого, лидера будущей цивилизации. То, что западная цивилизация на грани краха, у меня, например, не вызывает никакого сомнения. Все признаки угасания налицо. Хотя бы, неучтенная разница между реальной и спекулятивной экономикой. И все это сложилось благодаря Штатам. Некоторые западные финансисты даже считают, что Америка превратилась в некое гигантское казино, в этакий мыльный пузырь и держится только за счет искусственного вливания в нее денег со всего света, по предположениям, около миллиарда долларов в день. Не говорю уж о размывании национальных основ. В большинстве западных государств давно уже образовался значительный слой из выходцев совершенно другой национальной культуры, либо из арабского мира, либо из Африки. Если Достоевский в свое время утверждал, что весь Запад произошел и стоит единственно оттого, что все там глубоко на своих национальных началах стоят, и укорял Россию за отход от этих национальных начал, теперь можно наблюдать совершенно обратный процесс. Теперь вся западная цивилизация по духу абсолютно противоположна идее национальности. Практически, вся западная интеллигенция теперь считает, что никаких национальных начал не надо вовсе. И это также один из признаков краха западной цивилизации. Есть и еще три признака, я их только назову. Угасание духовного творчества — раз. Терроризм, не как проявление протеста угнетенных, а протест против сущности самих устоев западной жизни,

неприятие ее — два. И третий признак — это блоковский «пожар в крови», который направлен на совлечение с себя «образа и подобия» — секс вместо любви, наркотики вместо благодати, размывание семейных устоев и так далее. Я все к тому, что смертельный кризис западной цивилизации может разразиться уже в ближайшем будущем, тогда и встанет вопрос о наследнике. Сейчас существует несколько сильных цивилизаций со своей богатой национальной традицией — это Китай, Индия, исламский мир, Латинская Америка и, разумеется, Россия. И хотя то, что нас теперь связывает с Западом, препятствует нашему духовному оздоровлению, но с падением западной цивилизации препятствия эти сами собой отпадут, и тогда перед нами откроется такой простор, к которому мы, может быть, окажемся не готовыми. И многие так считают. И я — может, и по немощи — подолгу живя в Москве, к этому мнению часто склоняюсь. Но, когда приезжаю в Дивеево, всякий раз начинаю думать иначе. Начинаю думать, что не только ничего не потеряно, а наоборот, все на самом взлете. А?

— И я хочу в это верить, — сказал Овчинников. — И ты, наверное, догадываешься — почему.

И он, опять обернувшись, с чувством скорби, которую иногда с такой пронзительной силой испытывают родители, посмотрел на спящих детей.

2

Пожалуй, впервые в жизни во время похорон Овчинников не испытывал той тяжести безысходного чувства, которое вызывал в нем вид лежащего во гробе. И это было для него и ново, и непонятно. И в то же время он понимал, что это с ним не от бесчувствия. Было удивительно тихо на сердце. И вид покойного не удручал, как прежде. Было как-то солнечно и на улице, и в доме, где проходило отпевание, и на душе.

Софья Антоновна, супруга Некрасова, по обычаю, сидела у гроба в черном платке, но не «убивалась», как это обычно бывает, и даже не плакала. И Овчинников догадался почему: от того «солнца», которое светило и в его душе. И практически все испытывали то же самое. Рядом с Софьей Антоновной, как показалось Овчинникову, еще больше постаревшая, молилась его мать, Нина Ивановна.

После отпевания, заполнившего светлую горницу кадильным дымом, батюшка сказал слово. Сказал, что редко в последнее время ему случается отпевать «таких замечательных людей». Чаше приносят в храм людей, которые при жизни даже и понятия не имели о покаянии, никогда не бывали в храме, ни разу не исповедовались и не причащались. «Да что там! Может, ни разу и не задумывались ни о душе своей, ни о Боге, ни о путях истины. Порфирий Евграфович был первый в моей священнической практике человек, который всю свою жизнь думал только о Боге, о вере, о путях истины. К сожалению, теперь редко встречаются люди с такими благородными, высокими запросами души. Мало того. Он всю жизнь писал книгу. Конечно, это не книга в полном смысле слова. Скорее записки. Софья Антоновна помнит, как мы горячо спорили с Порфирием Евграфовичем во время их написания. Ну ровно дети. Так ведь, Софья Антоновна? — Она кивнула, шмыгнув покрасневшим носом. — Но что это, я скажу вам, за записки! Я читал вчера их и плакал. И теперь вот на глаза слезы наворачиваются.

Что ж, и поплакать не грех. Бог даст, все еще увидимся, все встретимся. И никуда уже не нужно будет бежать, никуда не надо будет торопиться. Люди будут смотреть друг другу в глаза — и от одного этого уже испытывать счастье!.. Помню, как-то в День Победы, в Погосте, сидели мы с Порфирием Евграфовичем на лавочке в трапезной после панихиды. Был будничным день, в храме ни одного человека, ни одного фронтовика. Все ушли в совхоз на торжественный митинг, про церковь никто даже не вспомнил. Я ждал, ждал. Вышел к тетраподу. В это время, слышу, отворяется дверь, обернулся и вижу огромную такую, богатырскую фигуру в коричневом пиджаке, в хромовых сапогах. Это был Порфирий Евграфович. Кто-то его на машине привез. И вот помолились мы с Порфирием Евграфовичем вдвоем. Потом сели на лавку у «кругов ада», стали беседовать. «Друзей своих поминаю все...». Это он мне. И рассказал, как у Перемышля, в сорок первом, они держали оборону. Привезли, говорит, накануне нам новые пушки, «семидесятки», как он выразился, а снарядов не привезли. Вышли, говорит, из лесу «Тигры», без единого выстрела передавили и расчеты, и пушки и вперед пошли. Как, говорит, выжил тогда, не знаю. Мало, говорит, кто выжил. И тех, кто тогда полегли, он больше всех помнит. Срочную, говорит, вместе в сороковом начинали, сдружились уж больно. Как живые, говорит, «и поднесь» перед глазами стоят. Ну, а потом, сказал, все было. И в окружении много раз бывал, и выходил. И в госпитале с контузией лежал. В окопах, сказал, особенно на передовой, все молились. В тылу, говорит, не знаю, не служил. «А мы молились. Так друг дружке перед боем и говорили: «Ну, ребята, с Богом»... Так вот с Богом Порфирий Евграфович всю войну и прошел. Да и после войны, и всю жизнь — все с Богом. И вот представьте, как обрадуется теперь его душа, встретившись с боевыми товарищами, как отраднo ему будет им в глаза посмотреть! Разве это не счастье? Вот что значит для нас вера! Что ж, вечная тебе память, дорогой наш Порфирий Евграфович. Помолись, коли все благополучно, и ты о нас. А мы уж обещаем — помолимся».

Овчинникову, как и всем, слова батюшкины запали в душу. Жаль вот только, что на кладбище батюшка не поехал и от поминок отказался, но, как говорится, хорошего помаленьку.

Похоронили Порфирия Евграфовича Некрасова рядом с тетушкой, Евпраксией Семеновной, на городском кладбище.

Тут же неподалеку были похоронены Танины родители, с могил которых супруга с дочерью сейчас обирали палую листву. Нина Ивановна стояла рядом, но не помогала, по немощи не могла. Отец Татьяны Васильевны умер в 1997 году, а через три года мать. Овчинников хорошо помнил те скорбные дни, помнил, что после того, как Таня осиротела, к его любви примешалось чувство жалости, что-то новое внеся в его испытанное временем чувство.

Поминки правили, как положено, по местному обычаю. И это было отдельное молитвенное действие.

— И это всегда так? — удивленно спросила Лена, когда они, все как один, чтобы не обидеть хозяйку, объевшись, шли домой.

— У «верушших», как у нас выражаются, да, — ответил Овчинников.

— О-ой, теперь-то я уж точно поняла, почему говорят, наелся, как дурак на поминках, и почему батюшка отказался.

— Он так один раз и пошутил, — вставила Татьяна Васильевна. — Боюсь, говорит, аналой вырастет, тяжело будет таскать.

— Аналой? Какой аналой? — не поняла Лена.

— Живот! — ответила Татьяна Васильевна. И все засмеялись.

— Странно, вроде бы человека похоронили, — рассуждала вслух Лена. — А так радостно!

— В том-то и дело, что — «человека»! — сказал Олег.

День был чудный, ясный. Почти облетела листва. Легкие паутинки скользили по воздуху, цеплялись за ветви рябин, садились на оголенные осенью кусты акаций, сирени, росших вдоль улицы, по которой они шли. Улица была тихая, пустынная, никто почти по ней не ездил. Была она не асфальтирована, засыпана шлаком, всяким мусором, обломками кирпичей и щебня. И именно поэтому очень нравилась московским гостям.

— Какая прелесть! — не переставая, восхищалась Лена.

3

Но подошло время прощаться. Весь немудреный скарб был уложен, отодвинута пассажирская дверь, умчался, быстро простившись сразу со всеми, к своей невесте Алеша, а они все стояли у машины парами, Андрей с Надей, его отец с ее отцом, мамы отдельно, и все никак не могли расстаться.

— Можно я тебе буду писать? — спросил Андрей Надю, заслоняя от родителей спиной.

— Да, — сказала она. — Только чур уговор! Писать рукой и присылать по почте. Ведь так интересней, правда?

— Правда. Буду писать. Только почерк у меня...

— Ничего, у меня не лучше. Нет, я, конечно, буду стараться. Ах, как жаль, что сейчас нет уроков чистописания! У папы с мамой раньше были. А как бабушка пишет!

— Видел? — спросил Олег, кивнув на детей.

— Видел.

— Знаешь, если когда-нибудь «это» произойдет — я буду только рад.

И старые друзья обнялись. И мамы по-христиански расцеловались.

— Теперь ждем всех вас в гости к нам, — сказала Лена. — Что не приглашаешь? — спросила она мужа.

— К друзьям, дорогая, приезжают без приглашения, по звонку.

— Как ты? — спросил Овчинников.

— Как мы, — ответил многозначительно Олег.

И Лена, глянув на него, еще раз и уже в последний в эту их встречу, улыбнулась.

Когда Завернихины уехали, Надя убежала на репетицию в «Метеор», а они с Таней пошли прогуляться. Как знать, долго ли еще продержится такая чудная погода? Зарядят дожди, появятся лужи, почернеет земля — и все это золото-осеннее великолепие обратится в прах.

Не спеша, как позавчера после службы, шли по бывшей Купеческой, мимо здания музея, в сторону набережной. У Малого Троицкого съезда Овчинников придержал Танину руку, как бы невесомо лежавшую на его левой руке, кивнул в сторону бывшей Никольской, туда, где прежде находилась танцплощадка, и спросил:

— А помнишь, как я тогда?..

— Да-а!

— И как ты мне сказала?..

— Еще бы!

И так много для них обоих было в этих произнесенных словах!

Когда же вышли к набережной, их обдало свежим ветром.

Далеко-далеко к горизонту убегали подернутые сизой дымкой заволжские дали. По воде бежала малиновая рябь. Сонно клевали носами краны затона. Навстречу плыл большой белый пароход. А над самым горизонтом заволаживающе тлело неправдоподобно огромное солнце.

— Господи, хорошо-то как у нас! — невольно воскликнула Таня.

— Ну что ты хочешь — Россия!

ВЫШЛА КНИГА

Молитвы русских поэтов. XX—XXI. Антология / Авт. проект, сост. и биогр. статьи В. И. Калугина. — М.: Вече, 2011. — 960 с.

Антология «Молитвы русских поэтов. XX—XXI» — продолжение антологии «Молитвы русских поэтов. XI—XIX», изданной «Вече» в 2010 году по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и отмеченной национальной премией «Лучшие книги и издательства года».

В новом издании впервые представлены молитвы и молитвенные стихи более 400 поэтов всего XX и первого десятилетия XXI века — одно из самых выдающихся явлений поэзии Серебряного века, Русского зарубежья и наших дней, от Дмитрия Мережковского, Александра Блока, Ивана Бунина, Аполлона Коринфского, Аделаиды Герцык, Сергея Бехтеева, Валерия Перелешина, архиепископа Иоанна (Шаховского) до Бориса Пастернака, Николая Рубцова, Николая Тряпкина, Юрия Кузнецова, иеромонаха Романа и многих современных поэтов, для которых стихи стали молитвами.

В антологии публикуется редкий иллюстративный материал, в том числе примеры нотных изданий знаменитых молитв-романсов «Христос воскрес!» Мережковского — Рахманинова, «Благовещение в Москве» Бальмонта — Панченко, «Святый Боже» Бальмонта — Чеснокова, «Девушка пела в церковном хоре» Блока — Гнесина и нотных изданий духовных стихов Михаила Кузмина.

История и современность

Наталья ПЕТРОВА

ВЫБОРГСКИЙ ДОГОВОР

*Глава из книги**

Наталья Георгиевна Петрова — историк, преподаватель. Окончила исторический факультет МГПИ им. В. И. Ленина. Работала учителем и директором в школах Москвы, преподавала в вузе. Автор книг «Клио и ее чудесная свита», «Веков азартная игра...», «Тайны древних календарей» и др. Печаталась в журналах «Роман-журнал. XXI век», «Москва», «Сибирь», «Созвездие дружбы», «Новая книга России», «О, русская земля». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

* Скопин-Шуйский. «ЖЗЛ». М., 2010.

Уже который месяц Скопин сидел в «новгородской осаде», как сам он называл свое вынужденное затворничество в Новгороде. Кернозицкий не давал возможности покинуть город, да и как сделать это, когда защитников в городе — раз-два и обчелся? Тушинцы это прекрасно знали и усилий своих по осаде города не оставляли. Однако, как записал в своем дневнике один из поляков, «там (под Новгородом. — Н. П.) казаки простояли без всякой пользы до самого лета»¹. Только благодаря присутствию Скопина не смогли тушинцы захватить город. Если бы не он, не миновать бы Новгороду судьбы соседнего Пскова. Вот и пришлось молодому воеводе рассылать гонцов во все города, собирая войско, и ждать помощи из Швеции, неотлучно сидя в Новгороде.

В начале февраля шведы, наконец, согласились вести переговоры. Послами Скопин отправил в Выборг своего шурина, стольника и воеводу Семена Васильевича Головина, верного ему человека, и дьяка Семена Васильевича Зиновьева, по прозвищу Сыдавный. Его Скопин знал давно — в одном полку под Калугой они осаждали закрывшегося в городе Болотникова, сражались на Пахре, вместе накрепко обороняли серпуховские ворота в Москве, когда под городом стояли отряды мятежного атамана.

Дьяк, как видел Скопин, себя не щадил, порученное ему дело выполнял добросовестно, иногда с такой выдумкой, что можно было диву даваться, откуда все это в одном человеке, — на него можно было положиться. Впрочем — это Скопин тоже хорошо видел, — при случае он и своей корысти не забывал. Про

¹ *Мархоцкий*. История Московской войны. М., 2000. С. 50.

таких говорят: он и дело сделает и себя не забудет. Посольских одели в добротные шубы, лисьи шапки, на лошадях была богатая сбруя — знали: не только русские, но и swei встречают по одежке. Прихватили послы и подарки...

Переговоры вели в Круглой башне Выборгской крепости. Едва появились шведские представители: Йоран Бойе, член парламента, Арвид Вильдман — комендант Выборга, Отто Мернер — комендант Або, Тенне Бранссон — военный советник и секретарь Эрик Олафсон¹ и стороны по протоколу приветствовали друг друга, как сразу возникли недоразумения, чуть не расстроившие начавшиеся переговоры: русские послы не смогли предъявить грамот, подписанных Царем. В конце же той грамоты, которую они привезли с собой, комендант Выборга прочитал вслух подпись: «Боярин и воевода князь Михайло Васильевич Скопин».

Шведы, конечно, знали, что Скопин — родственник царя и его «ближний приятель», как указывали в грамотах того времени. В желании самого Василия Шуйского заключить договор тоже сомневаться не приходилось, — Царь утвердительно ответил на предложения короля Карла². Однако шведам было выгодно потянуть время. Они ухватились за протокол и объявили послам о приостановке переговоров. Таких пауз и заминок возникнет еще немало: Головин и Зиновьев пробудут в Выборге почти месяц.

Русские послы прекрасно понимали, почему шведы тянут время, и поэтому явились не с пустыми руками: ту наживку, на которую шведская рыбка клюет легко, послы уже приготовили в Новгороде, обсудив возможный ход событий со Скопиным. Во время следующей встречи со шведами инициативу взял в свои руки более опытный и красноречивый дьяк Зиновьев. Он нашел ход, который объяснял отсутствие на руках послов верительных грамот, подписанных Царем.

— Явились мы сюда по приказу Великого Государя Царя и Великого князя Василия Ивановича, всея Руси самодержца и по приказу царского величества боярина и воеводы князя Михайлы Васильевича Шуйского, — громким, хорошо отлаженным голосом, которым можно было и на площади перед толпой говорить, и давать команду идти на приступ, начал дьяк. — А что грамот за царскою подписью не привезли, — так все дороги нынче до Москвы небезопасны, царских гонцов не раз с грамотами поляки да казаки перехватывали. Посланы мы подтвердить прежний договор, который князь Михайло Васильевич Шуйской с Моншею Мартыновым, посланным короля, в Великом Новгороде учинили. По тому договору обещался король и государь Карл Девятый две тысячи конных и три тысячи добрых пеших людей прислать в наем, да еще сколько сможет своих людей, сверх тех наемных пяти тысяч человек, отпустить безденежно, а Царь и Великий князь Василий Иванович обещался, как ратные люди на рубеж придут, для них еду и питье, корм лошадям готовы будут. — Дьяк перевел дух и продолжил:

— А у которых вашего вельможнейшего короля и Государя конных людей идучи, лошади падут, или у кого лошадей вовсе не будет, и тем лю-

¹ Акты исторические, собранные и изданные археограф. комиссией (АИ). Т. II. 1598. 1613. СПб., 1848. № 158.

² *Видекинд Юхан*. История шведско-московской войны XVII в. М., 2000. С. 45.

дям мы лошадей дадим. И под наряд, который от рубежа свейские люди с собою везут, тоже обещаемся подводы из Новгорода, сколько сможем привезти.

— Мы читали этот новгородский документ, — выслушав дьяка, произнес сенатор Бойе. — Подтверждает ли Царь и Великий князь Василий Иванович, что он будет соблюдать договор 1595 года, подписанный в Тявзине и не претендовать более на Лифляндскую землю?

К такому вопросу, судя по всему, дьяк был вполне готов, он и бровью не повел, отчеканив:

— Подтверждает! — громко провозгласил и обвел глазами шведов, сделал паузу, будто для того, чтобы те вполне могли оценить великодушие царя Василия. Шведы зашептались. — И обещает быть заодно с братом своим королем Карлом против короля польского Жыкгимонта. И Государю нашему и всему Российскому Государству без ведома Карла короля с литовским королем и всею литовскою землею не мириться. — Дьяк внимательно посмотрел на советника: тот задумался, затем начал крутить головой, ему хотелось увидеть реакцию своих помощников. Но Зиновьев — тертый калач, он понимал: тут не должно быть паузы, и добавил то, что волновало русскую сторону: — Но и королю Карлу бы, без государева ведома и всего Российского Государства с литовским королем также не мириться. А коли нужда будет у свейского короля в людях воинских, то Государь наш даст ему ратных людей в помощь столько же, сколько король Карл Государю нашему даст.

— Ну, такие времена еще не скоро наступят, когда наш король будет у русских военную помощь просить, — произнес с ухмылкой, склонившись к уху сенатора, военный советник Бранссон. Произнес тихо, но так, чтобы дьяк, по всему видно, понимавший по-шведски, понял.

— Мы слышали, — с усмешкой обратился Бранссон к дьяку, — что у царя и великого князя Василия Ивановича казна в Москве пуста. Откуда же он собирается брать деньги для оплаты наемников?

По тому, как дьяк сверкнул глазами в сторону военного советника, — было ясно: он уловил смысл сказанного до того, как закончил переводить толмач и хотел ответить резко, — мол, не вашего свейского ума это дело, — но сдержался.

Хотя дипломатическая карьера дворцового дьяка Сыдавного только начиналась, калач он уже был тертый, при дворе Василия Шуйского кого только не повидал: и грузинских князей, приезжавших помочь против турок и персов у русского царя просить, и жадных до чужих земель и денег шляхтичей, и ногайских мурз. И как вести переговоры он хорошо знал: где нужно пообещать, где взять голосом, а где и умом.

— Платить наемным людям будет князь Михаил Васильевич Шуйской по росписи, каковую он в Новгороде сам, своею рукою написал и подписал, — ответил дьяк с достоинством и ловко вынул из рукава кафтана, развернул узкий свиток грамоты. Начал читать:

«На 2000 коней, на месяц всякому по 25 ефимков, всех 50 000 ефимков.

На 3000 человек пеших, по 12 ефимков на месяц, всех 36 000 ефимков.

На большого воеводу на графа, на месяц 5000 ефимков.

Двум воеводам, один у конных, другой у пеших, на месяц 4000 ефимков.

Ротмистрам, головам и приказным людям 5000 ефимков.

И всего, воеводам и ротмистрам, и головам, и ратным людям конным и пешим, на один месяц найму 100 000 ефимков»¹.

Закончив чтение, дьяк также ловко, привычным движением свернул свиток и обратился к шведам:

— Мы с собой привезли четыре тысячи восемьсот рублей, чтобы вы ратным людям здесь сразу раздали, в наем их приказано не считать. Как придут ратные люди в Москву, то платить им станут вдвойне.

«Щедро, — подумал военный советник, заерзав на месте. И плату у царя получают, да еще по дороге жители городов отступное платить будут, чтобы их эти головорезы не ограбили».

Будто прочитав недобрые мысли советника, дьяк Зиновьев вновь заговорил как по писанному:

— А вашим бы ратным людям, какие нашему царю и великому князю Василию Ивановичу на помощь идут, наши церкви и монастыри не разорять и не грабить, над иконами и образами не надругаться, а людей наших, которые за царя Василия стоят, не побивать и не полонить. А которые за ворами были, но добром сдадутся сами, — и тех также не побивать.

— Ну, а тех, которые добром не сдадутся? — с усмешкой спросил, словно уличенный в своих тайных помыслах, и тем раздосадованный военный советник.

— Литовских людей вольно вам побивать и в полон в свою землю забирать. А русских людей, крестьян, в набегах в плен не захватывать и не убивать. А кого из русских служилых людей в деле возьмете, — а они не добьют челом царю нашему, — тех мы выкупить можем².

— Солдатам выплатят жалованье, — помолчав, произнес Бойе, когда дьяк завершил свою речь, — а что получит шведский король за оказанную услугу русскому Государю?

Стольник Семен Головин кивком головы повелел выйти из палат сопровождавшим их воинам и вступил в переговоры:

— Царь и Великий князь Василий Иванович поручил нам передать секретно, что шведскому королю и брату его высоко рожденному князю и государю Карлу Девятому готов он передать город Корелу, которую вы зовете Кексгольмом, с уездом.

Шведы переглянулись. За пять тысяч головорезов, собранных со всей Европы, которым русские обязуются платить, Василий Шуйский готов стать союзником в борьбе с поляками, подтвердить, наконец, Тявзинский договор, отказаться от претензий на Ливонию да к тому же еще отдать Кексгольм? — О такой уступке можно было только мечтать, похоже, пришло время для исполнения заветных желаний шведской короны.

— Может быть, еще и Нотебург попросим? — шепнул на ухо Бойе военный советник Бранссон. — Видно дела у Шуйского совсем плохи, раз он пошел на доселе не виданное: добровольно, без войны раздает свои земли. Когда еще так удачно выпадет кость в игре?

Бойе покусывал губы, разглядывая русского посланника Семена Головина, одетого в теплый кафтан, покрытый зеленым шелком, украшенный

¹ Текст новгородского договора не сохранился. Роспись известна по более позднему договору 27 августа 1609 года. — АИ. № 258.

² АИ. № 158–159. Видекинд. С. 45–47.

серебряным шитьем и подпоясанный красным кушаком. «Вот потому и не верится в обещания русских, которые никогда ничего без торга не отдавали, ни яблоки, ни груши, — не то, что свои земли, — размышлял сенатор Бойе. — И не ведет ли этот молодой Скопин, который, как говорят, боек и умен, свою собственную игру вдали от царя Василия? — Не будем торопиться, — это только советнику саблей бы махать, — время и поляки работают на нас. Подождем, когда русские отдадут Кексгольм, дойдем до Москвы, изгоним их мнимого Дмитрия, а там и условия диктовать можно будет. Тогда Шуйский не то, что Нотебург, но Иван-город, Ям и Копорье отдаст».

Бранссон, склонившись, все еще ждал его ответа.

— Не правда ли, советник, костюм этого русского наряден? — Не поворачивая головы, произнес сенатор. — Пестроват, правда, для нашего глаза, но вполне в их варварском вкусе.

— А как мы можем поверить в то, что ваш Царь действительно отдает добровольно крепость с уездом? — обратился он к Головину. — И, главное, кто подтвердит это обещание? Новгородский воевода Скопин?

— После того, как наемные люди с рубежа пойдут к нам, спустя три недели мы доставим к вам грамоту подтверждающую от царского величества боярина и воеводы князя Михайлы Васильевича Шуйского за его рукою и печатью Новгородской. А спустя два месяца наши гонцы доставят вам Государя нашего царского величества крепость, за его государевою печатью, на город Корелу с уездом. Вашим же королевским воеводам с наемными людьми тогда бы нашему царю служить, к ворах не пристать, и городов, которые ныне в измене, не захватывать и нашему царю не изменять.

— Ну, а как не захотят ваши жители уезжать из Корелы, что делать будете? — с сомнением в голосе спросил выборгский комендант Арвид Вильдман.

Но Головин и к этому был готов, похоже, в Новгороде со Скопиным они предусмотрительно прошли все возможные тропки, на которые могли свернуть шведы с главной дороги переговоров. И даже о необходимой секретности переговоров не забыли, — потому и приказали выйти своим спутникам вместе с переводчиком. Если о передаче Корелы станет известно раньше времени, недовольство царем Василием Шуйским в России может только усилиться.

— Как начнут наемные люди служить нашему Государю, спустя одиннадцать недель город Корелу мы очистим и отдадим швейскому королю, чтоб владел он той землей, как было раньше, при великом Государе нашем царе и великом князе Василии Ивановиче, — перевел слова Головина шведский толмач. Дьяк Зиновьев внимательно следил за переводом.

— Город Царь отдает вместе с людьми? — переспросил военный советник.

— Кто захочет выйти из Корелы на Русь, — тех мы вывезем вместе с имуществом. А так же из церкви всякое церковное строение и образы, из крепости наряд вместе с зельем, и ядрами, и пищалями, — все, что нам принадлежит, — переводил толмач. — Ну, а кто захочет остаться жить в Кореле и уезде, — тех неволить и увозить не будем, — пусть там живут¹.

¹ АИ. № 160.

Не раз и не два встречались еще русские послы со шведами, целый месяц в Выборге прожили, уж и деньги, выданные им в Новгороде на прокорм, вышли, но все же под шведскую дудку плясать не стали. Несмотря на сверхблагоприятную для шведов ситуацию, в окончательный договор послы все же смогли включить необходимые для России пункты:

1) обязательство шведов не переходить на сторону поляков и не «засесть» в тех русских городах, которые сдадутся добровольно или которые придется взять штурмом;

2) шведское войско должно сразу же после подписания договора идти на Москву, не задерживаясь и разбивая и изгоняя по пути войско «воров» и поляков;

3) наемники должны подчиняться, кроме своих военачальников, также русскому главнокомандующему князю Скопину: «и над князем Михайлом Васильевиче, изменою или злехитрым иным умышленьем, не подыскивати и шкоты никоторыя не учинити, под смертной же казнью, а бытии у него в послушанье и в совете, поколе они в их земле будут»;

4) в наемном войске будут постоянно присутствовать русские послы Головин и Зиновьев для наблюдения за исполнением договора.

Шведы, со своей стороны, также выторговали себе ряд новых уступок:

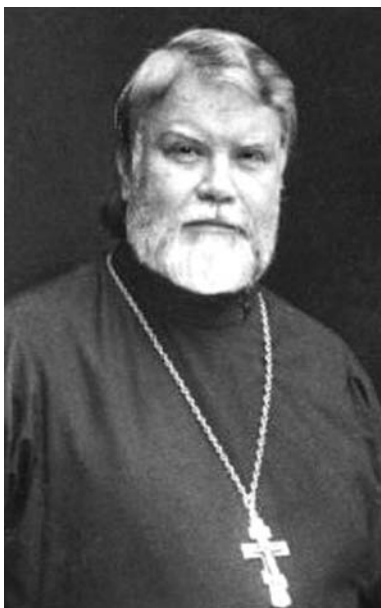
1) русские обязались в случае необходимости усилить свои войска в Лифляндии против Польши, чтобы шведы не отзывали для этой цели наемное войско из России;

2) Россия должна была весной обеспечить проход шведским войскам через Ям, Копорье и Иван-город, поскольку проход по льду Финского залива в это время года невозможен.

Не забыли шведы включить даже такое условие — обязали жителей принимать у них для оплаты корма шведские деньги: «золотые, и ефимки, и мелкие серебряные денги на покупки ходити», а русским тех денег «не поругатись, ни охулити».

Специалисты по русско-шведским отношениям того времени склонны оценивать этот договор, как безусловную «ошибку русской дипломатии при Василии Шуйском»: «Некритичный выбор союзника» в трудную минуту стоил «почти столетнего периода тяжелейшей борьбы для русского народа»¹. С этим трудно спорить, памятуя о дальнейшем развитии событий, — захвате шведами Новгорода и удержании его в течение нескольких лет, о русско-шведских столкновениях на протяжении всего XVII века, вплоть до Северной войны. Однако, думается, вовсе не договор подтолкнул шведов к захвату российских территорий, а то тяжелое положение, в котором оказалась наша страна в период Смуты.

¹ Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М., 1995.

**Священник
Ярослав ШИПОВ**

РЮШЕЧКИ

Рассказы

Священник **Ярослав Алексеевич Шипов** — родился в 1947 году. Закончил Литературный институт в Москве. Работал в журналах «Литературная учеба», «Наш современник», в издательстве «Современник». В 44 года стал священником. Поднимал приходы в Вологодской обл. О. Ярослав — автор рассказов и повестей «Путешествие на линию фронта» (1981), «Шел третий день» (1984), «Западная окраина» (1986), «Уездный чудотворец» и др. В конце 90-х состоял в редакционной коллегии журнала «Наш современник». **Живет в Москве.**

Отец ходил по Волге баржевым шкипером. Мать, как повелось у *баржевых*, работала при нем матросом. Жили они в кормовой надстройке, здесь Николушка и родился. Была зима, баржа стояла в затоне, и отец сколько мог утеплил жилье: обшил тесом и настелил пол. Согревала их небольшая железная печка, служившая заодно и кухонной плитой. Почти на всех соседних суденышках точно так же зимовали другие семьи — целая деревенька. Этим волгарям просто некуда было деваться — за войну они утратили кров.

Первые семь лет Николушка существовал при родителях, потом его определили на берег — в школу-интернат, где он сменил своего старшего брата, поступившего в мореходку. Некогда у них была и сестра — предвоенного года рождения, но во время эвакуации она заболела и умерла. Эвакуировалась семья недалеко: от родного Сталинграда километров двести пятьдесят вниз, где взрослые работали подборщиками — подбирали трупы, плывшие со Сталинградской битвы. Там, в селе, девочку и похоронили. Иногда родители навещали могилку, брали с собой и Николушку. Капитан буксира останавливал караван и ждал, пока они на лодке сплавляют в село и вернутся обратно.

Кроме обычной школы, Николушка посещал и музыкальную — уж очень отец любил музыку: сначала возил с собой патефон и меж фронтовыми песнями слушал романсы в исполнении Надежды Андреевны Обуховой, потом приобрел радиолу и множество самых разных пластинок. Чаще других крутили Чайковского: по мнению отца, сочинения выдающегося композитора особенно

гармонировали с волжскими берегами. Такой же чести удостоились некоторые произведения Глинки, Рахманинова, Бородина и Калининкова. Бывало, отец заведет пластинку, выйдет на палубу, смотрит на проплывающие берега и слушает, слушает... Потом говорит: «Годится!» Или: «Не годится!» Это уж кому как повезет. К его прискорбию в музыкальной школе были только духовые инструменты — их Николушка и осваивал.

Летом, в каникулы, он жил с родителями на барже, помогая в меру сил и умения. Шкипер, а по судовому расписанию — баржевый — опускал и поднимал якоря, отвечал за швартовку, подруливание в сложных местах: у причалов, мостов и шлюзов, вечером зажигал на мачте огни. А еще приходилось то и дело ремонтировать что-нибудь, подкрашивать, драить, смазывать — Николушка во всех этих делах и участвовал. Мать стирала, готовила еду, но при необходимости могла не хуже отца управиться с якорями или швартовкой.

Последние школьные каникулы он, как обычно, проводил в плавании: из Ярославля вниз по реке везли автомобильные шины, из Астрахани вверх — арбузы. В Астрахани — хорошо: только станет баржа под погрузку, появляются люди с черной икрой. Отец повибирает, повибирает, наконец выберет: возьмет литровую банку «наисвежайшей зернистой», поставит на стол и протягивает столовую ложку: «Держи, Коль, икру надо есть ложкой». Ну, понятное дело, помидоры еще, арбузы, фруктов всяких полно... А уж рыбы сколько! Хоть на рейде, хоть у причала — Колька прямо с борта лавливал и сазанов, и сомов, и жерехов, и окуней, и судаков, и щук... Про воблю говорить нечего — ее вялили сотнями. До чего же хорошо в Астрахани! Было... тогда... Впрочем, и сейчас еще неплохо.

Загрузили баржу арбузами и отвели на рейд — ждать второе суденышко: их должны были буксировать парой. Коля с самого утра рыбачил и успел уже много чего наловить. Тут подошел пассажирский дизель-электроход из Москвы: ожидая, когда освободится занятый кем-то причал, он тихонько подрабатывал винтом и стоял совсем рядом. Это, конечно, мешало забрасывать снасти, и Колька прервал занятие. Поворошил землю в старом ведре — посмотрел, сколько осталось червей: в Астрахани червяков нет, приходилось возить из Ярославля. Решил, что на утро хватит, а больше и не надо было — днем следовало отправляться.

От нечего делать поднялся по лесенке на крышу надстройки, где был огромный штурвал, управлявший рулем, положил руки на этот штурвал и стал бесцельно рассматривать дальний рейд, причалы, набережную... Оборотился к дизель-электроходу, который никак не хотел уходить, увидел капитана в рубке, двух матросов, укладывавших канат на нижней палубе... За окном одной из кают светлело лицо девушки... Он успел еще разглядеть это лицо, но замер и перестал дышать...

Он даже не подозревал, что мгновение, пролетевшее только что, перевернуло всю его жизнь.

Потом девушка выбежала на палубу.

— Как тебя зовут? — крикнул он.

— Маша, а тебя?

Он назвал. И тут пассажирский начал набирать ход.

— Как найти?

Девушка несколько раз прокричала номер, Коля запомнил.

Зимой они общались только по телефону и то — редко, когда Коле удавалось накопить денег. Летом, к полной неожиданности для родителей, он поехал поступать вовсе не в мореходку, а в музыкальное училище — он поехал в Москву. И поступил. Маша отдыхала с матерью где-то на юге и вернулась только к первому сентября. Тут и у него, и у нее начались занятия — а она училась в десятом классе, и поначалу встречи получались краткими, на улице. Наконец, Коля был принят в доме и представлен матери — отец давно завел другую семью и не появлялся.

Теперь все свободное время он проводил либо в гостях, либо, ожидая ее из школы, на трамвайной остановке. Обнаружилось, что у Маши есть и другие поклонники, а среди них — вполне состоявшиеся молодые люди с профессией и зарплатой, а не с жалкой стипендией.

— Ты волнуешься из-за них? — как-то спросила Маша.

Коля кивнул.

— Не волнуйся, — спокойно сказала она.

Однако он продолжал страдать. И не столько из-за поклонников, сколько из-за себя самого: с каждым днем собственный провинциализм и необразованность становились ему все очевиднее. Он понимал, что там, в Астрахани, на Волге, он был в своей стихии и, вероятно, произвел на девушку какое-то впечатление, а здесь он превратился в экзотику — деревенский трубач. Машина мама так и называла его — Трубачом. Она занималась литературным переводом с французского, была хороша собой, жаждала мужества, и среди ее гостей то и дело оказывались знаменитости.

Отчуждение нарастало, и однажды он с грустью произнес:

— Ты, кажется, меня совсем разлюбила.

— Нет, — отвечала она словно в раздумье, — я люблю тебя, — но в голосе ее слышалась недоговоренность. Лишь спустя годы он понял, что это было предчувствие несбыточности.

Следующим летом, когда Маша должна была поступать в университет, Николай со студенческим оркестром отправился на гастроли: он хотел заработать денег, чтобы приодеться и выглядеть посolidнее. И началось: перелеты, переезды, концерты, репетиции — то в гостиничном номере телефона нет, то есть, да разница во времени такова, что в Москве ночь глубокая. Да тут еще флейтистка на соседнем стуле — когда плечиком, словно невзначай, прикоснется, когда коленкой. В общем, долго не звонил он в Москву. А позвонил — никто не отвечает. И в другой раз, и в третий...

Вернулся Николай — а в квартире Машиной никого нет: свет по вечерам не зажигается. Потерялась Маша. Тут, правда, одна пианистка предложила подготовить концертную программу для гобоя и фортепиано. Полгода готовили, можно было давать концерт, однако появилась вокалистка — меццо-сопрано, из-за которой инструментальный дуэт вмиг рассорился.

Однажды вечером свет в Машиных окнах зажегся. Николай радостно подбежал к дверям, но оказалось, что там поселились чужие люди. Они сообщили только, что квартирный обмен получился сложным, многоступенчатым, и что прежняя хозяйка, кажется, вышла замуж за овдовевшего дипломата и уехала в неведомую страну.

Потом Николай окончил консерваторию, играл в хороших оркестрах, стал лауреатом конкурса.

Он был дважды женат, разводился и век свой доживал в одиночестве. Оборачиваясь в прошлое, с удивлением убеждался, что женщины не оставили в его душе никакого следа — совсем никакого. Там была только Маша. Единственная. Меж тем, они и поцеловались-то по-взрослому лишь раз. Был зимний вечер, они стояли в сквере у Машиного дома, под фонарем, снег падал тихими хлопьями... Их бросило друг к другу с такой силой, что губы — в кровь. «Как еще зубы не повыбивали», — смеялись они потом над своей неумелостью.

И ему верилось, что она непременно жива, и все-то у нее слава Богу: муж, дети, внуки... И все они здоровы и благополучны. И от этой мысли ему становилось радостно и тепло, и он улыбался. Но временами подступала боль: ах, если бы встретиться с ней, пусть хоть ненадолго — на мгновение... Ему казалось, что вся прошедшая жизнь обрела бы тогда какую-то упорядоченность, завершенность, какой-то смысл. Он ощущал себя раздерганным, расстроенным инструментом: одна струна настраивалась под одного человека, другая — под другого, третья — под третьего... А тут, глядишь, осталось бы только то, что связано с Машей, все прочие струны можно было бы выкинуть. Пусть не арфа, пусть балалайка, зато — с чистым голосом. И вместо омерзительного дребезжания он, быть может, услышал бы мелодию хоть и простую, но ласковую, красивую.

Если бы встретиться... Хоть на миг...

РЮШЕЧКИ

Мы никогда друг друга не видели. Она присылала мне письма: корявым почерком, на тетрадных страницах в клетку. Сбивчиво и суетливо пыталась пересказать историю своих духовных шатаний, падений и, смею надеяться, некоторых прозрений. Там было много всего — мне оставалось только расположить события правильной чередой.

Помнила себя Евдокия с первых послевоенных лет. Просыпаясь, видела перед собой в красном углу бабушкины иконки — бабушка, стоя на коленях, молилась. Солнечный свет заливал комнату, вкусно пахло желудевыми лепешками. Теперь, в старости, она понимала, что была в те времена так близка к Богу, как никогда впоследствии.

«Я любила тогда всех людей, особенно, конечно, родных. Любила до замирания сердца. Все любила: речку, небо, родительский дом. День начинался с бабушкиной молитвы и бабушкиной молитвой заканчивался».

А дальше женщина вспоминает, когда же это все стало уходить. Она помнит момент, как увидела на своей подружке новое платье с рюшечками. И этим рюшечкам позавидовала. А рюшечки, если кто не знает, это сборчатые полоски материи, которые пришиваются к плечикам, рукавчикам — чепуха в общем. Потом девочка позавидовала новым коричневым туфелькам другой подруги. А через зависть в нее вошли и прочие погибельные для души страсти.

Она выросла, вышла замуж. Родила трех дочерей. Работала в сельсовете. И вся остальная ее жизнь была посвящена тому, чтобы жить не хуже других. А по возможности — и лучше. Приобретались мебельные гарнитуры, ковры, холодильники, телевизоры, магнитофоны... Когда они устаревали, их

заменяли новыми. И ради этих приобретений, вспоминала Дуся, она и взятки давала, и документы подделывала, приходилось лукавить, лгать, льстить, лицемерить... А денег не доставало. Стали выращивать скот на продажу, разводили кур, уток, индеек. В этих трудах муж ее стал инвалидом. Но все у них было — не хуже. «Дом — полная чаша». Его достраивали, расширяли. Так дожила до семидесяти лет. И вдруг дом за одну ночь сгорел. Дотла.

Все село помогало его тушить. Никакого имущества спасти не удалось. Успели только выпустить из сараев всю живность. Сами на улицу выбежали — она в халате босиком, а он в тренировочных штаниках.

И вот утром супруги сидят на скамеечке напротив пожарища. Рядом с ними кот. Корова пришла и коза. А остальные — разлетелись и разбежались. И тут ветерок донес слабый запах желудевых лепешек: за огородами была дубовая роща, и, вероятно, желуди попали в огонь. Это был запах из детства...

А мимо шел батюшка в храм — готовиться к службе. Он тоже всю ночь помогал тушить пожар. Евдокия за ним увязалась, пришла босиком в церковь. Батюшка занимался своими делами, а потом спрашивает: «Тебе чего?» Она подумала-подумала и сказала: «Поблагодарить Бога». Дуся боялась, что священник решит, будто она с ума сошла. А он спокойно и понимающе кивнул: «Отслужим благодарственный молебен».

Вышла она после молебна на улицу. И стало ей легко-легко. Взрослые спешили на работу, дети — в школу. «Как же я люблю этих людей!» — осенило вдруг Евдокию. Между тем еще вчера она едва ли не со всеми была в раздорах.

Соседи пригласили попить чайку. Сидят они с мужем за столом, и вдруг заходит землячка, которая давно переселилась в город. А в селе у нее был родительский дом. И он пустовал, потому что родители умерли. Кто-то сообщил ей о пожаре по телефону, и она сразу примчалась на большом красивом автомобиле.

Говорит: «Идите, живите в этом доме! Вот ключи. А чтобы не было недоразумений, давайте я вам его сейчас продам за символическую цену! Мне он, честно, совсем без надобности». Супруги возразили: «У нас денег нисколько нет, даже символических». Но все же пошли в администрацию. А там уже приготовлена материальная помощь: «Получите и распишитесь!»

Открыли хату, и оказалось, что она очень похожа на ту, в которой Дуся провела детство. Даже иконы — словно бабушкины. И женщине стало радостно.

Тут начали приходить соседи, приносить еду, одежду. Возвращать кур, уток, индюшек. Но Евдокия сказала: «Куда улетели, там пусть и живут». Оставили козу — для молочного пропитания, а корову в тот же день и продали. Так и обустроились.

Внучки у Евдокии — взрослые девушки. Живут в городах, учатся. И вот она пишет: «Увижу по телевизору шубку какую-нибудь, думаю: “Надо, чтобы и у моей внучки такая была!” И тут же словно током: “Опять рюшечки!” Этим пожаром мне указание было дано, чтобы я поняла свою жизнь. Он для меня — специальный. Шифер ведь от пламени взрывался и разлетался, соседские дворы были усыпаны этим шифером, но ни у кого ничего не загорелось. Так что это мне — указание, мне — знак. Как же я благодарна Богу, что никто больше не пострадал! Из-за меня и моих рюшечек».

РУСАЛКИ

В тридцати километрах от малого города С. есть озеро. Лежит оно среди огромных болот, отчего и собственные его берега большею частью заболочены и непроходимы. Впрочем, с одного края к воде узкой гривой выходит сосновый бор, а с противоположной стороны тоже есть клин посуше — там клюква.

К началу двадцать первого века народ славного городка оказался в такой нищете, что, подобно древнейшим предкам, выживал за счет собирательства: спасали грибы и ягоды. Грибы шли на пропитание, а клюкву сдавали заготовителям, получая взамен денежные купюры.

И вот как-то осенью три подружки отправились на ягодный промысел. Одна была женой священника, другая — учительницей литературы, а третья — директором краеведческого музея. Сначала батюшка довез их на старом уазике до деревни, где жил знакомый лесник, а оттуда в прицепе колесного трактора компанию отволокли к месту трудового подвижничества. После чего трактор уехал.

Они ползали по болоту до темноты, а ночевать забрались в прицеп: дощатый пол его был устлан свежайшим сеном, поверх сена — матрацы, на них — спальные мешки. Легкая непромокаемая ткань крепилась к бортам специальными петельками, укрывая прицеп на случай дождя, то есть опочивальня была вполне уютной и понравилась женщинам. Они уже не один раз ездили в этом году за клюквой, однако ночевали на болоте впервые: сами придумали, чтобы не мотаться туда-сюда, не тратить на дорогу драгоценное светлое время — по темноте из этого мха не выберешься.

Отползав еще один день, подруги благополучно возвратились домой, и жизнь своей чередой продолжилась.

Недели через две к священнику прямо на улице подошел охотовед и предъявил претензию странного рода: дескать, читал он в газете батюшкину статью о процветающем в здешних краях язычестве и считает статью неправильной. Мол, причем тут умственные заблуждения, если озеро переполнено натуральнейшими русалками. Охотовед был человеком накрепко завязавшим, а кроме того — настоящим охотником, то есть в своем историческом развитии стоял на ступеньку выше примитивных собирателей ягод, и священник задумался. Дальше выяснилось, что некоторое время назад охотовед ездил на озеро — как раз туда, где сосновый бор: там берег твердый и можно даже в воду зайти. Ночевал в кустах, огня не разводил, чтобы не потревожить уток. И вдруг с озера — то вой, то хохот.

— Я, — говорит, — выстрелю: тишина, а потом по новой хохочут... И так до утра... Только на рассвете затихли. А может, я их всех порешил...

— Так ты что же: прямо в них и стрелял? — батюшка тянул время, чтобы разобраться в происходящем.

— Конечно! Жуть страшная!

— Ну, а если бы ранил — как потом на мотоцикле везти: у них ведь ног нету... Опять же группа крови у них какая?

— Какая?

— То-то и оно...

— Я без смеха — жуть, говорю! Могу поклясться на Библии!

Но тут в сознании священника затрепетали вдруг некоторые подозрения, и он пригласил охотоведа к себе домой. Когда матушка разливала чай, он поинтересовался, хорошо ли им спалось во время ночевки в болоте.

— На той стороне всю ночь кто-то бабахал — перепились, наверное.

— А вы что делали?

— Мы? — она повспоминала-повспоминала. — Болтали, наверное... может, пели...

— А что именно пели?

Надо отметить, что у матушки было музыкальное образование. Она регентовала в храме и сумела возрастить сносный хор, который почти до слез ублажил архиерея, приезжавшего на престольный праздник.

Ночной концерт начался с «Песни Сольвейг» Эдварда Грига. Пришлось дважды повторить ее на «бис». И все это под канонаду, доносившуюся с другого берега. Потом учительница пересказала подружкам сюжет «Пер Гюнта», а заодно и других пьес Ибсена, которые она некогда прочитала. Подружки были в восторге от норвежской действительности, и, кстати, когда барышня излагала драматические произведения, никто не стрелял. Жаль, что Гамсуна она не читала: хватило бы пересказывать до утра, и, глядишь, тогда не впал бы охотовед в языческое искушение и, возможно, добыл бы каких-нибудь уток. Но тут музейная директриса решила блеснуть научными знаниями — а она готовила кандидатскую по частушкам — и началось такое!.. Конечно, в рамках приличия — диссертация ведь, для печати, но они рыдали от смеха, пока силы не кончились. К этому времени охотник расстрелял все патроны.

— Вот что значит «без ума смеялся», — пожурил ночную певицу благочестивый супруг.

Когда охотовед вернулся домой и рассказал обо всем матери, старуха кивнула:

— Сколько раз говорила тебе: ходи в церковь!

— Причем тут церковь?

— Притом, что батюшки все связывают, все соединяют.

— Что связывают?

— А все! Все разрознено, разорвано, разбито... мы все разваливаем, а батюшки — соединяют, склеивают.

Он только отмахнулся:

— Городишь незнамо что!

— Когда б не пьянка, не потерял бы семью.

— А это причем?

— Притом, что женить тебя надо, а то русалки, русалки...

КИНО

Отцу Петру выпало неожиданное поприще — консультировать съемки фильма. «На канонической территории твоего прихода будет сниматься фильм, — сказал архиерей, — тематика сельская, в сценарии есть восстановление храма, так что надо соблюсти соответствие». При этом вручил еще и официальную бумагу, из которой следовало, что отец Петр должен провести на съемках десять дней «в свободное от богослужений время».

Отец Петр и свой храм ремонтирует — целыми днями на лесах, на крыше, да и детишек — четверо: два отрока, два младенца, а тут — кино еще...

И вот приехали: толпа людей, автобусы, грузовики, автокран, легковушки. И знаменитая актриса. Расположились километрах в десяти от отца Петра на высоком берегу реки и попросили отслужить молебен. Служит он «перед началом доброго дела» и видит, что никто не осеняет себя крестным знамением, а знаменитая актриса вообще покуривает в сторонке.

— Вы что же, — говорит, — драгоценные братья и сестры, сплошь — нехристи?

Двое или трое послушались, перекрестились. После молебна всякий интерес к священнику утратился: разбили тарелку — обычай такой, поднялся гвалт, и отец Петр незаметно уехал.

Недели через две пригласили осмотреть бутафорский храм, сделанный из гипсокартона.

Церковь была совершенно как настоящая, разве что увенчали ее крестами — задом наперед.

— Какая разница? — недоумевал художник картины.

— Крест, где бы ни находился, всегда смотрит как будто с востока, а нижняя перекладинка должна быть поднята на север, — пояснил батюшка.

— Иконостас шестнадцатого века, — хвалился художник, — скопирован абсолютно точно, — и в подтверждение раскрыл толстый альбом с цветными иллюстрациями.

Иконостас был оклеен бумажными иконами прекрасной печати, но боковые двери забыли, и отец Петр указал их в той же толстенной книге.

— А этих, посредине, что — недостаточно? — спросил киношник, заметно раздражаясь.

Батюшка объяснил, что через Царские врата так просто не ходят, что они имеют сущность богослужебную. Но вешать боковые двери все равно не стали: изобразили их краской и привинтили декоративные ручки. А вот кресты повернули правильной стороной.

Через неделю снимали сцену со священнослужителями. Отец Петр заставил переодеть подризники пуговичками вперед. Барышня-костюмер возразила: «Нам же удобнее застегивать сзади».

— Алтарь — единственное место, где вас, к счастью, нет, а нам удобнее застегивать пуговицы спереди, а не сзади, — объяснил батюшка. Это «вас», надо предполагать, относилось в данном случае не только к барышням-костюмерам, а имело значение всеобъемлющее.

Тут подошли его прихожанки, сподобившиеся связать свою жизнь с кинематографом: одни участвовали в массовках, другие грели чай и готовили бутерброды. Женщины, отработавшие по тридцать-сорок лет в леспромохзе, говорили, что за всю жизнь не слышали столько матерных слов, сколько за эту неделю. Отца Петра и самого коробило от разговоров киношников, но, похоже, другого языка они не знали. И знаменитая актриса тоже. Ее не смущало даже присутствие детей на площадке.

Позвонил архиерей:

— Жалуются на тебя. Просили, говорят, погоду наладить, а то дожди не дают им снимать, а ты что сказал?

— Не помню, Владыка.

— А ты сказал, что за их матерщину не то что дождь — снег пойдет, было такое?

— Может, и было, и впрямь не помню, но из-за сквернословия действительно сокрушался.

— Ну так вот: вчера, на Успение Пресвятой Богородицы, у них снег пошел.

— Вы шутите?

— Какая шутка? Серьезно!

— Но у меня ничего такого не было, — удивился батюшка.

— Так ты вчера, наверное, службу служил?

— Конечно, Успение ведь!

— Вот и я про то. А они, брат, культуру двигали. В массы. Но ты уж постарайся больше так не пророчествовать: пусть поскорее отснимут да и отправляются восвояси.

— Господи, помилуй, — опечалился отец Петр, — в августе снегопад — горемыки, несчастные люди...

«Шестой раз», «седьмой», «восьмой», — считал он посещения съемочной площадки. На десятый раз приехал, а толпы нет. Зашел в киношный храм, еще раз полюбовался бумажным иконостасом, погоревал из-за мусора, оставшегося после съемок, и вдруг увидел на подоконнике книжицу. Это было Евангелие, послужившее в каком-то эпизоде и брошенное потом за ненадобностью.

«Забыли, — вздохнул отец Петр, — до чего же несчастные, дикие люди!»

Вернувшись домой, он записал имена новых знакомцев для сугубой молитвы.

А фильм этот вышел в свой час на экраны и был отмечен наградами.

УСАДЬБА

Старый приятель попросил освятить две дачи — свою и еще чью-то: не то знакомого, не то родственника — не вспомню. Ну да это совершенно не важно — важно, что находились они километрах в двадцати одна от другой, и, переезжая с места на место, мы привернули в Захарово — имение Марии Алексеевны Ганнибал. Близилось двухсотлетие Пушкина, и знакомец мой решил посмотреть, восстанавливается ли усадьба: он был писателем с журналистским прошлым и потому очень многим интересовался.

Среди заваленной снегом поляны высился железобетонный помост — цокольный этаж, по всей видимости. На помосте находилась небольшая группа людей, которые что-то обсуждали, но очень уж невесело, вяло. Приятель мой вылез из машины и пошел к ним, а я остался: журналистского прошлого у меня не было, а священническое настоящее никак не располагало к праздному любопытству. Помнится, один старый архиерей поучал: «Не бегай за проблемами, не гоняйся: если это твоя проблема, она сама придет к тебе на порог».

Приятель перезнакомился со всеми — а это были архитекторы, выяснил, что у них возникли непреодолимые затруднения, и спрашивает:

— Вы священника не приглашали?

— Где же, — отвечают, — его найти?

А тогда, следует принять во внимание, приходов было совсем немного, и батюшки оставались большой редкостью. Тут приятель мой вернулся к машине и говорит:

— Надо бы еще освятить закладку дома.

Вот она и пришла, даже и не проблема вовсе, а задача: малая, простая, служебная — теперь решать будем. Вылезаю я из машины: в епитрахили, поручах, с требным чемоданчиком — архитекторы обомлели. Симпатичные люди такие — мужчины с бородками, дамы в шубах. Взобрался я на бетонный цоколь, поздоровался.

— Вы что, — говорят, — специально ради нас сюда и заехали?

— Да кто ж его знает, — говорю.

Смотрю, сложен первый венец — как раз то, что надо для освящения.

— Где восточная сторона? — спрашиваю.

Они указали: а там против середины бруса лежит топор. Тут настал мой черед удивляться — при освящении надо трижды ударить топором по восточному бревну:

— У вас все уже приготовлено...

Они совсем растерялись: позвали рабочих, начали выяснять, с чего вдруг топор обнаружился на таком специальном месте, но бригадир отвечал:

— Да кто ж его знает? Где работал, там и бросил, где бросил, там и лежит.

Приятель тоже был изумлен происходящим. Когда уезжали, он сказал архитекторам:

— Любит вас Господь.

— Пушкина любит, — смиренно возражали они и, обращаясь ко мне: — А вы как думаете?

А я думал, что Господь любит и Пушкина, и архитекторов, и всех нас.

С того дня непреодолимые сложности эту стройку уже не посещали, и дом Марии Алексеевны Ганнибал, в котором прошло детство гения, был восстановлен к назначенным временам.

ДЕБАРКАДЕР

Перегоняли дебаркадер — из одной протоки в другую. На нем много лет размещалась рыболовно-охотничья база, но рыбы в ближайшей округе совсем не стало и пришлось перебираться на другой банк: банками здесь называют самые большие протоки, выходящие непосредственно в Каспий.

На время события прием гостей был приостановлен — дебаркадер оставался без электричества, а значит — совсем без комфорта, однако меня это обстоятельство не смутило, и я напросился в плавание. Предполагалось, что оно будет кратким, и ночевать придется уже на новом месте. Начальником моим был назначен механик, оставшийся для присмотра за сооружением.

Подошел буксир, зацепил тросом, потом от старых деревьев отвязали канаты, удерживавшие дебаркадер у клочка земли, и началось путешествие. Был конец лета, день тихий и солнечный. Мы с механиком сидели в пластмассовых креслах на палубе, нас обдувал ветерок, и ни мошка, ни комары не мешали.

Пролетела байда — десятиметровая стальная лодья с двумя подвесными моторами по двести сил каждый. Вся в воздухе, только корма воды касается, носовые обводы узкие, как стилет.

— Бракаши, — сказал механик, — в море пошли — проверять сети.

Да я и сам знал, что эти гоночные морские лодки — транспорт исключительно браконьерский: пустое металлическое корыто, разве что стлани на дне.

Обсудили с механиком, как изменился незаконный промысел за полвека. Тогда осетровых добывали выше Астрахани — в речных протоках: брали только икру — от рыбы сразу же избавлялись. Бывало, на рассвете забросишь удочки, а мимо проплывают осетры с распоротыми животами. Браконьерами в те времена правили хронические уголовники.

Теперь все иначе: рыбу добывают в море на большой глубине, и через преграду из морских сетей пробиваются разве что единицы. Икры нет, поскольку вылавливается уже молодежь — недоросли. А командуют этим занятием государственные мужи с достославными биографиями. Случается иногда, что байды вместе с рулевыми пропадают бесследно, но недоразумения такого рода происходят, конечно же, исключительно из-за стихии, а вовсе не оттого, что чиновники не поделили акваторию Каспия.

Только закончили горестную беседу, как дебаркадер влетел на мель — мы даже с кресел попадали. Буксир дернул раз, другой — не сползаем. Что-то кричали механику, что-то кричал он сам, между тем течение стало разворачивать плавучую нашу гостиницу и развернуло так, что корма уперлась в противоположный берег — протока была перекрыта.

— Расклинило... или заклинило... не знаю даже, как правильнее сказать, — оценил ситуацию механик.

Высвободили трос, буксир причалил к нам бортом и попытался вернуть дебаркадер в прежнее положение. Течение не позволило. Решили, что толкать надобно другим бортом, перешвартовались — и вновь без всякого результата. Потом надумали размывать берег потоком воды от работающего винта. Как будто заладилась. Но стало темнеть, а заниматься в потемках столь кропотливым делом было опасно, и потому, заглушив двигатель, собрались в крохотном кубрике буксира: мы с механиком и капитан с матросом. Вскипятили чай, и капитан спрашивает меня:

— Знаете на Волге городок Плес?

— Разумеется, — говорю, — и даже бывал там.

— Место, где мы засели, на старых лодках тоже именуется Плес, в честь того городка, стало быть.

Я заметил, что между красотой знаменитого Плеса и однообразием окружавшего нас тростника мало общего.

И капитан рассказал, что до строительства плотин Волга была далеко не столь полноводной, а самым трудным для судоходства участком испокон века считался Плес: фарватер уж очень извилистый. Бурлакам приходилось пускаться вплавь со своими веревками: то вдоль одного берега барку тащат, то вдоль другого. В засушливое лето река мелела, и для того, чтобы благополучно провести барки, их приходилось разгружать до необходимого уровня. Тогда в городок стали съезжаться скупщики, приобретавшие сброшенные товары по низкой цене. Так возникло местное купеческое сословие.

С появлением пароходов преодолевать этот участок легче не стало: баржи проводились не караванами, а по одной, остальные стояли в долгой очереди.

И вот старинные речники из тех, что знали Волгу до самого верха, с некоторой, наверное, иронией прозвали это местечко. Плесом: фарватер

здесь тоже гулял от берега к берегу, отмели то появлялись, то исчезали и разные суденышки успели претерпеть множество бедствий. С купечеством, правда, вышла совершенная незадача — селиться негде: тростники и вода. Да и живописцы что-то не вдохновились.

В середине двадцатого века стали углублять дно земснарядами, проделывая рыбоходные каналы до каспийских глубин.

— Рыбы тогда было — шквал! — сказал капитан.

Я хорошо помнил стандартный сюжет киножурналов «Новости дня», которые шли перед каждым сеансом в каждом кинотеатре страны: рыбаки вытягивают невод с сотнями осетров и обязательно — белугу невообразимых размеров.

В те времена фарватер выпрямили, и прибывшее с верхов название бесследно пропало. Но потом, когда всякая полезная деятельность в стране прекратилась, подводные углубления затянулись илом, песком, и Плес явился из небытия.

Чай мы пили в гостях, а ночевать отправились на родной дебаркадер. В каютах, обращенных вверх по течению, зажгли несколько свечей, чтобы окна светились, снизу стоял буксир со всеми, положенными настоящему судну, огнями. И, значит, не заметить нас было нельзя. Конечно, байды иногда управляются электронными навигаторами и летают в кромешной тьме, словно днем, а если на пути попадется какая-нибудь моторка — рубят и не останавливаются, но буксир — не моторка, а уж дебаркадер — тем более.

Однако ночью нас никто не побеспокоил. На рассвете опять взялись размывать берег и полудню размыли: течение повернуло дебаркадер, после чего буксир снял его с мели. Но теперь то, что было кормой, стало носом, а бывший нос превратился в корму. Пришлось перетаскать кресла.

Дальнейшее плавание протекало благополучно. Правда, на одном повороте зацепили тросом упавшее дерево, но не стали останавливаться, чтобы избавиться от него, а так и поволокли: временами трос провисал, и дерево ветвями скреблось по речному дну. Сколько ж всяких сетей привезли мы к месту стоянки! Правда, рыбы в сетях не было — толькодохлые бакланы, запутавшиеся при нырянии. Зацепили и несколько мощных шнуров с огромными железными крючьями — простейшая браконьерская снасть: укладывается поперек реки, и осетры, ползающие по дну в поисках пропитания, напарываются на крючья. В старые времена называлась перетягою, а теперь, для конспирации, просто снасть.

Ткнули нас к малому клочочку земли, привязали канатами за деревья, установили на берегу генератор, включили ток — и дебаркадер стал оживать. Потом егеря повезли столичных рыболовов-любителей, мы начали спешно осваивать незнакомые уголья, но как-то впустую...

— И на этом банке рыбы не стало, — вздохнул механик, — надо было раньше переезжать, года три-четыре назад — тогда здесь неплохо ловилась. — Помолчал и снова вздохнул: — Дебаркадер наш был когда-то брандвахтой икорно-балычного комбината — что-то вроде общежития при плавучем заводе. Комбината этого давно нет, потому что делать ему совсем нечего... Детям, пожалуй, еще чего-то перепадет ... ну, внукам маленько достанется, а вот правнуки, наверное, рыбы уже не увидят.

ПРЕМИЯ

От Сретенских ворот до Хорошевского шоссе путь неблизкий — шагай да шагай через ночь. На Рождественском бульваре Сашку догоняет поливалка: он прижимается к стене дома, чтобы не окатило водой, но машина сбавляет ход, а потом и вовсе останавливается. Дотянувшись до правой двери, водитель открывает ее и, почти лежа на сиденье, спрашивает:

— Далеко?

— Далеко, — машет рукою Сашка.

— Залезай, до Пушкинской могу довести, — и, когда Сашка садится, объясняет: — Мне там разворачиваться в обратную сторону.

Машина трогается, вода бьет по асфальту и, ударяясь в бордюр, взмывает кверху. На бульварах ни машин, ни пешеходов — ночь...

— Провожал? — спрашивает водитель — человек немолодой и, похоже, приветливый.

— Провожал.

— Поцеловать-то позволила?

— Позволила, — улыбается Сашка.

— Дело хорошее, — признает водитель. — Ну а так... еще чего-нибудь перепало?

— Да нет вроде бы...

— Совсем ничего?.. Ну хоть по мелочи — приобнять там... и все такое...

— По мелочи перепало... чуть-чуть.

— Уже неплохо, — оценивает водитель и вздыхает.

На Пушкинской они расстаются. Но Сашка недолго бредет пешком: его подбирает продуктовый автофургон. За лобовым стеклом портрет Гагарина, недавно слетавшего в космос.

— Ты ходил встречать Гагарина? — спрашивает водитель.

— Ходил, — отвечает Сашка.

— Здорово было!

— Здорово! — соглашается Сашка.

Доезжают до Белорусского. Дальше — по шпалам в сторону «Беговой».

Несколько окон депо освещены, над ними вывеска «Столовая». Сашка вспоминает, что голоден и что у него сохранился рубль монеткой. Вечером он водил Аленку в кафе, заказал два бокала шампанского, два мороженных и два кофе — на все, как и предполагалось, ушло три рубля, а четвертый — резервный — остался. Он жалеет, что вспомнил про денежку поздно, ведь за рубль можно было доехать от Белорусского на такси, а теперь — далеко ушел, не возвращаться же.

В столовой почти никого нет: лишь у окна сидят двое в форме железнодорожников: старый и молодой. Сашка подходит к кассе и протягивает монету:

— Чего-нибудь...

Ему дают тарелку пельменей, компот и сорок копеек сдачи:

— Первого пока нет: щи кончились, борщ еще не сварился. Если не хватит — подойдешь, я тебе на сорок копеек пельменей добавлю.

Сашка ест и все пытается сообразить: хватит ему или не хватит, но мысли разлетаются и никак не удается сосредоточиться.

— Семеныч, — обращается кассирша к старшему, — гляди, как у парнишки глаза горят.

— Молодой, — отвечает железнодорожник, — вот и горят.

— Помощник твой тоже молодой, а не горят.

— Когда премию получаем и у него горят.

— А у этого не от премии — я разбираюсь. Ты со свидания что ли? — обращается она к Сашке.

Сашка молча кивает и поднимается — боится, что сейчас начнут спрашивать про поцелуй и все прочее.

— А это и есть самая лучшая премия, — смеется старший, — тебе, парень, куда?

— На Хорошевку.

— Можем добросить до «Беговой», но отправление, — посмотрел на часы, — минут через тридцать.

— Спасибо, я за это время дойду.

На Хорошевском шоссе ни машин, ни пешеходов — ночь... Пролетел с воем тяжелый панелевоз первого автокомбината — откуда-то издалека домой возвращается, и снова тишина.

Сашка остороженько отпирает дверь, бесшумно входит, и тут же у матери в комнате зажигается свет — она не спит. И начинается: «шляешься по ночам», «наверное, выпил», «еда в холодильнике».

— Я премию получил, — говорит Сашка.

— Какую еще премию? Где ты мог ее получить?

— У Сретенских ворот, мам, у Сретенских, — он падает на кровать и мгновенно засыпает крепким сном счастливого человека.

БОКОВОЕ ЗРЕНИЕ

Отец Александр, благочинный, служил на Георгия Победоносца за пятьдесят километров от города — там у старенького отца Сергия был храмовый праздник, попросту говоря — престол. С утра, как положено, отслужили водосвятный молебен, а по окончании литургии прошли крестным ходом вокруг собора.

Назавтра отцу Александру предстояло здесь же хоронить останки воинов, найденные поисковыми группами, и он решил заночевать в селе. Избушка отца Сергия для этого не годилась — всей мебели: стул, стол, кровать... можно еще причесть аналой в красном углу — и ничего более. А вот у его соседа Борьки дом был просторный и к приему гостей располагающий. Туда после службы и пошли.

Борька, происходивший из этого самого дома, успел немало помотаться по весям и городам, где-то завел семью, где-то — свое дело, но со временем эти полезные обретения он растерял и вернулся, чтобы теперь всякому гостю показывать кольцо, привинченное к потолку, и многозначительно изрекать: «Здесь я в зыбке качался». Со школьных времен у него была тяга к электрическим и электронным приборам, и во время своих скитаний Борька даже успел получить некоторое по этой части образование, так что легко ремонтировал односельчанам домашнюю технику, с чего и существовал.

Праздничный обед складывался по-холостяцки: напиток вопросов не вызывал, на закуску — селедка и соленые рыжики, горячее — отварная

картошка, а первого блюда и вовсе не было. После обеда прилегли отдохнуть. Ближе к вечеру пошли прогуляться. Борька жил на самом краю села, и братское кладбище находилось неподалеку от его дома. Прикинули, с какой стороны надобно будет копать, и отец Сергей сказал, что экскаватора, то есть колесного трактора с ковшом, в селе ни у кого не сохранилось и что военкому об этом сообщено.

— Знаю, — вздохнул отец Александр, — ему еще почетный караул где-то добывать — у нас в районе теперь — ни одной воинской части, ни одного солдата...

— В крайнем случае я могу из ружья стрельнуть, — сказал Борька, — троекратный салют, как положено.

Отец Сергей отмахнулся:

— Балабол...

— А что? Если армии не стало, хоть из ружья: оно у меня двенадцатого калибра — громко стреляет ...

— Страсть как громко, — подтвердил отец Сергей, — ты мне вечерами и помолиться не даешь.

— Так то ж сезон был, я на уток охотился.

— Какие утки? Тьма крошечная, а ты бабахает!

— Самое время! — Тут Борька взялся пространно и со всякими отвлеченностями описывать тактику вечерней охоты на водоплавающую дичь. Батюшки шествовали молча. Но если отец Сергей внимал рассказчику, то отец Александр, погруженный в невеселые размышления, не слушал и даже чуть поотстал. Он еще утром насторожился, заметив, что народу в храме было меньше, чем в прошлом и позапрошлом году. Благодинный знал, что дело не в батюшке, которого прихожане любили, кажется, все крепче и крепче, а в том, что люди исчезали куда-то — умирали, уезжали, наверное, и численность жителей сокращалась.

Он думал о том, что отец Сергей совсем состарился и скоро ему понадобится замена, а кого направлять в это сельцо — непонятно. Молодого священника с матушкой и детишками сюда не пришлешь — прихожане точно не прокормят... Это отец Сергей прижился — четверть века бессменно: и храм разрушенный поднял, и матушку здесь похоронил. Дочка у него далеко где-то, не появляется, а он живет один-одинешенек — ничего не требует. Отец Александр предлагал ему взять благословение у архиерея да и принять постриг, а он говорит, что место монаха в монастыре: «В монастырь меня уже не возьмут, на кой я такой старый им нужен — одна обуза. А здесь у меня жизнь мужицкая: изба, огород, дрова, стирка... Стиральной машины нет — приходится кипятить, а потом полоскать на озере... Устану, правило монашеское отложу — вот и грех. А у меня их и так без счету». Некем было заменить отца Сергея...

— Главное здесь — боковое зрение, — продолжал Борька, — оно видит в потемках и замечает всякое движение по сторонам. А это важно и для охоты, и чтобы от опасности уберечься: мало ли — вдруг сбоку медведь крадется! Вот, смотрите...

Он привел батюшек на берег озера и расставил метрах в десяти друг от друга у самой воды:

— Позицию занимаем лицом к закату — так видимость сохраняется на час дольше. За спиной, глядите, темень тьмучая, а впереди — светло.

В небо смотреть не надо — там бесконечность, и глаз не знает, на что настраиваться. Смотреть надо на воду перед собой: она такая же светлая, как небо, но на плоскости глаз легче сфокусировать. Глаза не напрягайте, смотрите расслабленно, словно в никуда. Боковое зрение засечет, если хоть какая-то точка будет перемещаться. Как только обнаружите на воде отражение летящей утки, поднимаете глаза и ружье, понятно?

— Шалопай ты, Борька, — вздохнул отец Сергей, виновато глянув на благочинного, — ну зачем ты нас сюда притащил?

Отец Александр успокаивающе махнул рукой:

— Ничего, постоим, закат красивый...

Но постоять Борька не дал: он приволок со двора большую охапку сена и сделал батюшкам два мягких кресла:

— Не так устанете и для маскировки хорошо. Теперь сидите тихо и смотрите.

Они сидели тихо и смотрели.

— У меня утки! — воскликнул отец Сергей, указывая на воду.

Борька подбежал к нему:

— Где?

— Да вот же, смотри, сколько их!

— Ну, батюшка, вы даете! Это водомерки, водяные паучки такие... Да-а... Обычное зрение у вас никуда не годится, а вот боковое — выручило: даже мелких насекомых в движении заметили.

И снова наступила тишина. Утки не летали.

— Подождать надо, — сказал Борька, — чуть-чуть стемнеет, и начнется...

Но как только чуть-чуть стемнело, невесть откуда возникла Марья Васильевна — глава местной администрации. Поздоровались. Она, оказывается, тоже проводывала братское кладбище и даже прибралась там немножко — какой-то мусор нашла:

— Областное телевидение приедет — неудобно. А что вы тут сидите?

— Мы охотимся, — объяснил Борька.

— Да ну тебя — у вас и ружей нет... Скажите-ка лучше, за кого голосовать будете?

Они смотрели на воду и не отвечали.

— А я решила уже... Между прочим, я всегда угадываю: все, за кого я голосовала, обязательно выигрывали.

— Так вот кому народ обязан своим процветанием! — воскликнул Борька: — Скажу мужикам...

— А что такого?

— Когда мы с тобой школу заканчивали, сколько жителей у нас было?

— Человек шестьсот.

— А теперь?

— Теперь — четыреста.

— А ты еще спрашиваешь, что такого... Вот завтра захороним тридцать пять бойцов, и на этом братском кладбище народу станет больше, чем в нашем селе.

Но хоронить им завтра никого не пришлось: останки воинов перевезли куда-то далеко, где удалось найти взвод солдат для почетного караула и экскаватор. Или трактор с ковшом.

ДОРОЖНЫЕ СВЯТЦЫ

На обратном пути привернули в Лавру, и нас встретили так тепло, что пришлось ночевать. Грузовик мы загнали во двор. Сходили к Преподобному, показали водителю храмы, богослужение, и он, почти не выбиравшийся из лесной глуши, был потрясен до такой степени, что совсем перестал разговаривать.

Уезжали рано, поскольку дорога предстояла долгая, и уезжали с попутчиком: нам посадили старика, который кем-то кому-то приходился, жил при каком-то южном монастыре, а теперь пустился в паломничество, желая лицезреть земли Северной Фиваиды.

— Но мы без остановок, без экскурсий, заезжать никуда не будем — к вечеру надо домой попасть.

— А ему и так хорошо, ему везде свято место.

— Куда, — спрашиваю, — старика потом девать-то?

— Не волнуйтесь: мы договоримся, кто-нибудь его у вас перехватит.

«Ну в крайнем случае, — думаю, — возьму к себе на приход — будет мне какой-никакой помощник».

Залезает он в кабину, а на ногах, смотрю, валеночки...

— Да как же, — интересуюсь, — он летом в валенках ходит — стопчутся ведь?

— А старчик, — говорят, — почти и не ходит — ноги у него сильно болят.

Ладно. Захлопнул дверь.

— Как, — спрашиваю, — зовут?

Он только улыбается. Стало быть, еще и не слышит. Кричу:

— Как вас зовут?

— Отец Симеон... Да, отец Симеон... Семен, короче.

— Так вы монах?

— Монах, монах... Пострижен давно... еще тайно, тогда нельзя было, я ведь инженером работал, это я теперь вот в подряснике...

Тут водитель впервые со вчерашнего вечера заговорил. Он сказал, что машина легкая и словно летит, а вот когда в Москву ехали с грузом досок, она была тяжелая и не летела... Доски эти, предназначенные для чьей-то дачи, выручили меня: я воспользовался оказией, чтобы захватить из Москвы книги и кое-какие вещи — все это тряслось теперь в кузове. А главное — лаврская братия снабдила меня алюминиевыми нательными крестиками: крестить приходилось до ста человек ежемесячно.

Отец Симеон тем временем начал что-то тихонечко напевать. Мы — свое, а он поет все громче, громче, и слышу я — это молебен преподобному Сергию Радонежскому. Присоединился, отслужили молебен. Без Евангелия, правда, потому что хоть и могли по памяти преподобническое прочитывать, но в кабине не встанешь, а сидя, известное дело, неблагоговейно, а потому и непозволительно...

А старик дальше: тропари Никону, Михею и прочим Радонежским святым. Пел он так почти до Переславля Залесского. Ненадолго притих, а в Переславле возобновился с другими угодниками Божиими. Пропели еще молебен святому благоверному князю Александру Невскому, который был крещен в этом славном селении. Дальше указатель: «До Ростова столько-то

километров». Стали помянуть Ростовских святых: «Святителю отче Димитрие, моли Бога о нас», «Святителю отче Арсение, моли Бога о нас»... Многих вспомнили. Поворот на Борисоглебское. Тут, понятное дело, помолились князьям-страстотерпцам и, конечно, преподобному Иринарху.

Засим — Ярославль с Ярославом Мудрым. Причем, в эту пору почитание знаменитого князя еще не было восстановлено, однако отец Симеон сообщил, что Ярослав Мудрый в синодальный период по какой-то несправедливости из месящеслова выпал, но остался в Киевском патерике и в службе Торжества Православия, а потому непременно вернется в святцы. Через несколько лет именно так все и свершилось.

Вспомнили еще нескольких Ярославских святых, а потом пошло-поехало: то знак «река Обнора» — и все Обнорские, то «река Нуром» — и Нуромские, а заодно Комельские, Спасо-Каменные, Сянжемские... На всякий дорожный указатель у отца Симеона тропари, кондаки, величания, молитвы, а иной раз и молебны. Вологду прошли в песнопениях непрестанных и полногласных и завершили славлением преподобного Димитрия Прилуцкого.

Потом был небольшой перерыв. Водитель прошептал: «Ну, вы дайте», — и более не вымолвил ни слова. Недолго мы ехали в тишине: у поворота на Тотьму начали вспоминать Тотемских святых и вспоминали, пока город не остался далеко позади. У села Маркуша спели преподобному Агапиту и, наконец, затихли. Я сказал, что следующим будет Христа ради юродивый Прокопий Устьянский, но до реки Устья мы сегодня не доберемся.

А отец Симеон хотел помолиться еще Белозерским, Кирилловским, Череповецким — целому сонму святых: «Потому что у нас, куда ни стань, везде свято место — земля такая».

Завернули в районный центр, и пока я ходил в магазин за продуктами, старый монах успел в валеночках своих дойти до почты и позвонить монастырским братьям, «чтобы обозначиться». Ночевали у меня в деревне.

Недолго, однако, радовался я своему диковинному постояльцу: утром примчался батюшка из соседней епархии, забрал отца Симеона, и отправились они далее по святой земле страдающего Отечества.

А водитель грузовика, встречая меня, всякий раз таинственно повторял:

— Все-таки мы тогда как-то странно ехали — машина летела, словно даже не касалась асфальта.

История и современность

Николай КОНЯЕВ

ЧТОБЫ ОН ВСЕГДА В СОХРАНЕНИИ ОТ ЗЛА ОСТАЛСЯ

*Тайны
Шлиссельбургской
крепости*

Николай Михайлович Коняев — родился в 1949 году в поселке Вознесенье Ленинградской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал сварщиком, грузчиком, корреспондентом, редактором. Секретарь правления Союза писателей России. Романы и повести отмечены многочисленными литературными премиями. **Живет в Санкт-Петербурге.**

*«Не прикасайтесь помазанным Моим,
и во пророках моих не лгувайте».*

Псалом 104, ст. 15

*«Я крепко боюсь, чтоб Иоанн не сверг
с престола нашей благодетельницы,
ведь этот молодой человек,
воспитанный в России монахами,
далеко, вероятно, не будет философом».*

Мари Франсуа Вольтер

Незадолго до кончины Анны Иоанновны, 12 августа 1740 года, у полунемки Анны Леопольдовны и чистокровного немца, принца брауншвейг-беве́рн-люнебургского Антона-Ульриха родился сын.

Это был долгожданный наследник престола Иоанн VI Антонович.

Анна Леопольдовна (до миропомазания Елизавета-Екатерина-Христина) принадлежала, как и ее тетка, Императрица Анна Иоанновна, к милославской ветви династии Романовых. Она была дочерью герцога Мекленбург-Шверинского Карла-Леопольда и Екатерины Иоанновны, прозванной в мекленбургских владениях «дикой герцогиней».

В 1722 году герцогиня Екатерина Иоанновна привезла трехлетнюю Анну Леопольдовну в Россию.

В России и выросла девочка.

Всесильный Бирон пытался пристроить в мужья юной Анне Леопольдовне своего сына Петра, но принцесса предпочла бироновскому отпрыску племянника австрийского Императора, брауншвейг-беве́рн-люнебургского принца Антона-Ульриха.

Казалось, что с рождением прямого правнука царя Иоанна V Алексеевича русский престол окончательно закрепляется за милославской ветвью династии Романовых.

Поэтому-то и был устроен в честь рождения Иоанна VI Антоновича грандиозный фейерверк.

Огни тех салютов — увы! — самое яркое, что увидел в своей жизни этот человек.

1.

Много на свете несчастных детей.

Но едва ли сыщется среди них несчастнее Императора Ивана Антоновича.

Ему было два месяца, когда умирающая Анна Иоанновна назначила его своим преемником на императорском престоле.

Теперь все указы издавались от имени ребенка, который из своей колыбельки удивленно таращился на взрослых дядек и тетенок, осыпавших себя его повелением всевозможными наградами.

Не по-детски печально и задумчиво смотрел десятимесячный Император и на своего, назначенного командующим русскими войсками отца, генералиссимуса Антона-Ульриха, когда тот изучал поступившее из Шлиссельбурга донесение. Инженер-капитан Николай Людвиг сообщал, что «...сия крепость, хотя и не при самые границы состоит, однако она водной путь из России и коммуникацию из Санкт-Петербурга защищает».

Изучив донесение Николая Людвиг, взял генералиссимус Антон-Ульрих перо, и заплакал крошка-Император, словно пахнуло в его колыбельку холодом шлиссельбургского каземата...

Чуть больше года было Императору Иоанну VI — когда, провозглашенная новой Императрицей, Елизавета Петровна (она тоже приходилась Иоанну Антоновичу бабкой) взяла его на руки и, поцеловав, сказала:

— Бедное дитя. Ты ни в чем не виноват, родители твои виноваты...

И она отдала этого, еще в колыбели нареченного русским Императором, ребенка сразу из колыбели — в тюрьму...

Подыскивая оправдания перевороту, совершенному Елизаветой Петровной, ангажированные Романовыми историки каждый раз намекали, дескать, русская «дщерь Петрова» забрала принадлежащую ей по праву власть у «немецкого» семейства.

Насчет русских и немцев тут надо разобраться.

Императрица Елизавета Петровна была такой же полунемкой, как ее племянница правительница Анна Леопольдовна. И власть Императрица Елизавета Петровна передала Императору Петру III, такому же на три четверти немцу, как и его племянник, Император Иван Антонович, у которого и была отобрана Елизаветой Петровной власть...

Да и насчет вины родителей Иоанна Антоновича тоже не все ясно.

Ни правительница Анна Леопольдовна, ни супруг ее, генералиссимус Антон-Ульрих, умом не блистали, но за год своего правление особых бед России они не принесли, а если сравнивать их правление с эпохой Анны Иоанновны, то можно назвать этот год даже счастливым для России.

Любопытно, что, объявив в 1941 году войну России, Швеция выставила одной из причин ее — необходимость добиться возвращения русского престола потомству Петра I.

И хотя надежда шведов, что «дщерь Петрова» отблагодарит их возвращением ряда утраченных по Ништадского миру территорий, оказалась напрасной, тем не менее начавшаяся война оказала Елизавете Петровне серьезную помощь в борьбе за власть.

23 ноября 1941 года, когда гвардейским полкам был отдан приказ о выступлении из Петербурга на войну, сторонники цесаревны распустили слухи,

что правительница Анна Леопольдовна удаляет гвардейцев из столицы, не имея никакой военной надобности, только ради того, чтобы провозгласить себя самодержавной Императрицей. Это вызвало возмущение гвардии и немало способствовало успеху затеянного Елизаветой Петровной переворота.

Между прочим, тогда же появился слух, будто видели пришедшего к гробу Императрицы Анны Иоанновны Петра I, который потребовал от покойной Государыни корону для своей дочери.

Рассказывали и про то, что еще при рождении принца Иоанна Антоновича Анна Иоанновна приказала академикам составить гороскоп новорожденного. Ученые, изучив звездное небо, выяснили, что светила предсказывают страшный жребий царственному младенцу, и гороскоп был подменен.

Анну Леопольдовну предупреждали об опасной деятельности Елизаветы Петровны, но правительница ограничилась тем, что взяла со своей тетки слово не действовать против нее.

Слово это богобоязненная Елизавета Петровна держала ровно день, пока не произвела 25 ноября 1741 года дворцовый переворот.

Любопытно и то, что, завершая эту войну, ставшая-таки русской Императрицей «дщерь Петра», не забыла о династических претензиях Швеции и настояла, чтобы на шведский престол был посажен брат ее умершего жениха — голштинский принц Адольф-Фридрих, епископ Любский.

Впрочем, это произойдет полтора года спустя, а сразу после переворота, 2 декабря 1741 года, заливаясь слезами, Елизавета Петровна снарядила своего несчастного внука в Ригу, чтобы спрятать его в замке, прежде принадлежавшем Бирону.

Елизавета Петровна приказала стереть саму память о внуке. Указы и постановления царствования Иоанна Антоновича были изъяты, а монеты с изображением малолетнего Императора подлежали переплавке. Уличенным в хранении таких монет могли отрубить руки.

Двухлетний Иоанн VI Антонович согласно императорской воле погрузился в безвестность, а навстречу славе и власти везли в Петербург четырнадцатилетнего подростка, племянника Императрицы Елизаветы Петровны, внука Императора Петра I — Карла-Петра-Ульриха, будущего русского Императора Петра III.

2.

В жалостливом уголовном романсе поется:

*Кто скитался по тюрьмам советским
Трудно, граждане, вам рассказать,
Как приходится нам малолеткам
Со слезами свой срок отмыкать...*

Тюрьмы Иоанна VI Антоновича были не советскими, да и сам он был не малолетним преступником, а русским Императором, но все остальное сходилось. Нельзя без слез думать о странствиях двухлетнего Иоанна VI Антоновича по елизаветинским тюрьмам.

Иоанн Антонович

Через год, когда открыт был заговор камер-лакея Александра Турчанинова, прапорщика Преображенского полка Петра Ивашкина и сержанта Измайловского полка Ивана Сновидова — заговорщики планировали умертвить Елизавету Петровну и вернуть на русский трон Иоанна VI Антоновича — малолетнего узника перевезли в крепость Динамюнде.

Но и здесь ненадолго задержался он. В марте 1743 года в Петербурге был открыт новый заговор генерал-поручика Степана Лопухина, жены его Натальи, их сына Ивана, графини Анны Бестужевой и бывшей фрейлины Анны Леопольдовны Софьи Лилиенфельдт.

Злодеи осмелились в своем кругу высказывать сочувствие к судьбе Иоанна VI Антоновича и его матери Анны Леопольдовны! Заговорщики, как было сказано в указе, изданном 29 августа 1743 года, хотели «привести нас в огорчение и в озлобление народу».

Статс-даме Лопухиной и графине Бестужевой обрезами — в прямом значении этого слова! — языки, и, наказав кнутом, отправили в далекую ссылку. Туда же препроводили высеченную плетьюми фрейлину Софью Лилиенфельдт.

Еще более жестоко покарали младенца Иоанна VI Антоновича и его мать Анну Леопольдовну, которые осмелились «привести в огорчение» Императрицу Елизавету Петровну, вызвав сочувствие к себе.

Их приказано было заточить в Раненбурге.

Везли их в Рязанскую губернию к новому месту заточения с предельно возможной жестокостью, так что беременная Анна Леопольдовна отморозила в пути левую руку, генералиссимус Антон-Ульрих — обе ноги, а крошка-Император Иоанн VI Антонович всю дорогу метался в жару и бредил.

Раненбург¹ возник на месте поместья, подаренного Петром I Алексею Даниловичу Меншикову, и, как и Шлиссельбург, сразу после кончины Петра I начал овладевать тюремной специальностью. Сюда поначалу решено было сослать лишенного званий и чинов самого А. Д. Меншикова, потом здесь находился князь С. Г. Долгоруков, теперь пришла очередь Иоанна VI Антоновича и его матери Анны Леопольдовны.

В Раненбурге для семьи Императора было выстроено два домика на противоположных концах городка. Построены они были второпях и ни око-

¹ Нынешний Чаплыгин.

ванные железом двери, ни толстые решетки на окнах не защищали ни от сквозняков, ни от сырости.

Анну Леопольдовну и принца Антона-Ульриха поместили в крошечной комнате, вся обстановка которой состояла из двух деревянных кроватей, стола и грубо сколоченных табуретов.

Об Иоанне VI Антоновиче, который находился на другом конце города, несчастные родители не могли добиться никаких сведений, а стражники — им объяснили, что арестанты — существа «сущеглупые» — не говорили им, что стало с ребенком, потому что и сами не слышали ни о каком малолетнем Императоре.

Капитан-поручик Вындомский приказал солдатам, охранявшим Анну Леопольдовну и принца Антона-Ульриха, не церемониться с арестантами и когда они начнут «заговариваться», вязать их и обливать холодной водой.

Так солдаты и поступили с беременной Анной Леопольдовной, когда ей вздумалось позвать начальника. Они связали беременную женщину, бросили на пол и облили ледяной водой. Принц Антон-Ульрих, которого загодя привязали к кровати, подтверждая свою «сущеглупость», рыдал и осыпал мучителей проклятиями на немецком языке, и солдатам пришлось облить ледяной водой и генералиссимуса.

А Иоанн VI Антонович жил в домике на другом краю Раненбурга и здесь ему была придумана еще более жестокая, чем родителям, пытка. С ним запрещено было говорить...

Юлиана Менгден, придворная дама Анны Леопольдовны, попыталась было шепотом разговаривать с ребенком, но солдаты отогнали ее.

3.

Все эти годы продолжалось начавшееся по распоряжению генералиссимуса Антона-Ульриха укрепление шлиссельбургской крепости.

Под бастионами, которые размывало водой, сделан был каменный фундамент, одели в камень — сложили из известняка наружные (эскарповые) подпорные стены — и сами бастионы.

Дополнительно к Головину, Государеву, Меншикову, Королевскому и Головкину бастионам построили Флажный бастион и одновременно возвели куртины — треугольные стены, соединившие бастионы в единую систему укреплений.

Шлиссельбургская бастионная крепость превратилась в результате в первоклассное фортификационное сооружение, но работы, хотя за производством их и наблюдал генерал-аншеф Абрам Ганнибал, затянулись.

Когда из Раненбурга пришло донесение о попытке освободить Иоанна VI Антоновича, Императрица Елизавета Петровна долго не могла сообразить, где ей теперь устроить тюрьму любимому внуку.

27 июня 1744 года камергеру барону Н. А. Корфу предписано было ука-
зом Императрицы отвезти Иоанна VI Антоновича в Соловецкий монастырь.

Брауншвейгское семейство везли к Архангельску, через Переяславль-Рязанский, Владимир, Ярославль и Вологду, не останавливаясь в этих городах. В указе, данном барону Корфу, было приказано довольствоваться арестантов так, «чтобы человеку можно было сыту быть, и кормить тем, что там можно сыскать без излишних прихотей».

*Портрет Императрицы
Елизаветы Петровны. Иоганн Гроот*

Еще большей суровостью отличалась инструкция относительно четырехлетнего Иоанна VI Антоновича. Его везли в Архангельск под именем Григория¹, причем приказано было везти его скрытно, никому, даже подводчикам, не показывать и держать коляску всегда закрытою.

В Архангельске Миллер должен был ночью посадить «младенца» на судно и ночью же пронести в монастырь. Там и следовало содержать его под строгим караулом, «никуда из камеры не выпускать, и быть при нем днем и ночью слуге, чтобы в двери не ушел или в окно от резвости не выскочил».

Продолжая традиции отца, Елизавета Петровна все предусмотрела вплоть до самых малейших деталей, но при этом упустила

то обстоятельство, что осенью невозможно было добраться до Соловков.

Барон Корф, не желая рисковать жизнью, сумел уверить Императрицу, что Соловки — ненадежное место, поскольку летом туда заходят шведские суда и трудно исключить возможность побега.

Считается, что в решении судьбы несчастных узников участвовал и М. В. Ломоносов, посоветовавший отправить Иоанна VI Антоновича в Холмогоры.

Спешным образом переделали под тюрьму пустующий в Холмогорах — архиерейская кафедра была перенесена в Архангельск! — архиерейский дом и разместили в нем несчастного младенца-Императора, а отдельно от него, в келье, окна которой должны были выходить на скотный двор, «двух сущеглурых, кои там будут иметь пребывание до кончины».

Это были правительница Анны Леопольдовна и ее муж генералиссимус Антон-Ульрих.

Тоскливо было узникам в Холмогорах зимой, когда ненадолго поднималось холодное солнце, еще тоскливее становилось летом, когда солнце не сходило с неба, и казалось, что не будет конца бесконечному дню заточения.

¹ Не трудно заметить тут стремление уподобить законного Государя-Императора самозванцу Григорию Отрепьеву.

Безрадостный вид — несколько деревьев, хозяйственные постройки да за высоким забором пустынная, нескончаемая даль — открывался из забранных решетками окон, но ничего другого не суждено было более увидеть ни Анне Леопольдовне, ни ее супругу, принцу Антону-Ульриху.

Сохранилось не так уж и много документов о тюремных мытарствах ребенка-Императора Иоанна VI Антоновича, причем и сохранившиеся документы позволяют лишь предположительно говорить обо всем, что касается его развития и образования.

Совершенно определенно известно, что официальные инструкции не только не предусматривали какого-либо обучения мальчика, но и воспрещали разъяснение ему его положения.

Ребенок рос и развивался физически, лишенный общения со сверстниками и возможности играть, не подозревая, кто он такой и почему с ним обращаются так жестоко и бесщадно.

Страдания ребенка были так велики, что они сводили с ума самих его тюремщиков. Поэтому, когда до Петербурга дошли слухи о странных выходках майора Мюллера, чтобы подкрепить его, решили послать ему в помощь его жену, сердобольную фрау Мюллер.

Считается, что это она и выучила Иоанна VI Антоновича читать, писать и молиться...

Когда Иоанну Антоновичу исполнилось 15 лет, фрау Мюллер нашла возможность завязать отношения с принцем Антоном-Ульрихом. Через нее генералиссимус узнал, что сын живет рядом, и стал переписываться с ним.

Долго так продолжаться не могло, и в 1756 году, когда начали допрашивать в Тайной канцелярии тобольского купца-раскольника И. Зубарева, показавшего, что прусский король Фридрих произвел его в полковники и дал поручение подготовить побег Иоанна VI Антоновича, пятнадцатилетнего Императора решено было — уже завершён был ремонт крепости! — перевести в Шлиссельбург.

В начале 1756 года сержант лейб-кампании Савин получил предписание тайно вывезти Иоанна из Холмогор и секретно доставить в Шлиссельбург, а полковнику Вындомскому, главному приставу при брауншвейгской семье, дан был указ: «Оставшихся арестантов содержать по-прежнему, и строже и с прибавкою караула, чтобы не подать вида о вывозе арестанта; в кабинет наш и по отправлении арестанта репортовать, что он под вашим караулом находится, как и прежде репортовали».

4.

В Шлиссельбурге режим секретности еще более усилился.

Кто содержится под именем «известного арестанта» и «безымянного колодника» не положено было знать даже коменданту крепости майору Бердникову.

Инструкция, данная графом А. И. Шуваловым гвардии капитану Шубину, гласила:

«Бысть у онага арестанта вам самому и Ингермандландского пехотного полка прапорщику Власьеву, а когда за нужное найдете, то быть и сержанту Луке Чекину в той казарме дозволяется, а кроме же вас и прапорщика в

ту казарму никому ни для чего не входить, чтоб арестанта видеть никто не мог, також арестанта из казармы не выпускать: когда же для убирания в казарме всякой нечистоты кто впущен будет, тогда арестанту быть за ширмами, чтоб его видеть не могли.

Где вы обретаться будете, запрещается вам и команде вашей под жесточайшим гневом Ее Императорского Величества никому не писать...

В котором месте арестант содержится и далеко ли от Петербурга или Москвы арестанту не сказывать, чтоб он не знал.

Вам и команде вашей, кто допущен будет арестанта видеть, отнюдь никому не сказывать, каков арестант, стар или молод, русский или иностранец, о чем подтвердить под смертною казнью, коли кто скажет».

В 1757 году Шубина заменил капитан Овцын, которому мы обязаны единственными, кажется, описаниями Иоанна VI Антоновича в шлиссельбургском заточении.

Май 1759 года. «Об арестанте доношу, что он здоров и, хотя в нем болезни никакой не видно, только в уме несколько помешался, что его портят шептаньем, дутьем, пусканьем изо рта огня и дыма; кто в постели лежа повернется или ногу переложит, за то сердится, рассказывает, шепчут и тем его портят; приходил раз к подпоручику, чтоб его бить, и мне говорил, чтоб его унять, и ежели не уйму, то он станет бить; когда я стану разговаривать (разубеждать), то и меня таким же еретиком называет; ежели в сенях или на галереи часовой стукнет или кашляет, за то сердится».

Июнь 1759 года. «Арестант здоров, а в поступках так же, как и прежде, не могу понять, воистину ль он в уме помешался или притворничествует. Сего месяца 10 числа осердился, что не дал ему ножниц; схватив меня за рукав, кричал, что когда он говорит о порче, чтоб смотреть на лицо его прилежно и будто я с ним говорю грубо, а подпоручику, крича, говорил: “Смеешь ли ты, свинья, со мною говорить?” Садился на окно — я опасен, чтоб, разбив стекло, не бросился вон; и когда говорю, чтоб не садился, не слушает и многие беспокойства делает. Во время обеда за столом всегда кривляет рот, головою и ложкою на меня, также и на прочих взмахивает и многие другие проказы делает. Стараюсь ему угождать, только ничем не могу, и что более угождаю, то более беспокоится. 14 числа по обыкновению своему говорил мне о порче; я сказал ему: “Пожалуй, оставь, я этой пустоты более слушать не хочу”, потом пошел от него прочь. Он, схватя меня за рукав, с великим сердцем рванул так, что тулуп изорвал. Я, боясь, чтоб он не убил, закричал на него: “Что, ты меня бить хочешь! Поэтому я тебя уйму”, на что он кричал: “Смеешь ли ты унимать? Я сам тебя уйму”. И если б я не вышел из казармы, он бы меня убил. Опасаюсь, чтоб не согрешить, ежели не донести, что он в уме не помешался, однако ж весьма сомневаюсь, потому что о прочем обо всем говорит порядочно, доказывает Евангелием, Апостолом, Минеею, Прологом, Маргаритою и прочими книгами, рассказывает, в котором месте и в житии которого святого пишет; когда я говорил ему, что напрасно сердится, чем прогневляет Бога и много себе худа сделает, на что говорит, ежели б он жил с монахами в монастыре, то б и не сердился, там еретиков нет, и часто смеется, только весьма скрытно; нынешнее время перед прежним гораздо более беспокоится».

Свидетельства чрезвычайно любопытные.

Овцын, разумеется, шаржирует вспыльчивость Иоанна VI Антоновича, его повышенную раздражительность, но даже если это и так, то тут надо говорить не о помешательстве девятнадцатилетнего юноши, без какой-либо на то вины проведеншего всю свою жизнь в тюрьмах, а о его необыкновенном смирении и терпении.

Во-вторых, вопреки распространенному мнению о неразвитости и даже некоем скудоумии Иоанна VI Антоновича, мы видим вполне разумного и достаточно начитанного молодого человека. Об этом свидетельствуют книги, на которые ссылается он, обосновывая свои мысли: Евангелие, Апостол, жития святых, поучения Святых Отцов...

Подчеркнем, что Иоанн VI Антонович был здоровым и полным сил юношей, и в питании — «Арестанту пища определена в обед по пяти и в ужин по пяти же блюд, в каждый день вина по одной, полпива по шести бутылок, квасу потребное число» — его никто не ограничивал. При этом все жизненное пространство Иоанна VI Антоновича было ограничено каменным мешком с единственным окном... Тут право же, задумаешься, насколько гуманным было столь обильное пищевое довольствие. Энергия и сила переполняли юношу и, не находя выхода, грозили разорвать его.

Надо подчеркнуть, что измученные скукой караульные офицеры не отказывали себе в удовольствии развлечься за счет загадочного арестанта, и постоянно провоцировали его на вспышки ярости.

«Прикажите кого прислать, истинно возможности нет; я и о них (офицерах) весьма сомневаюсь, что нарочно раздражают, — пишет Овцын в июле 1759 года. — Не знаю, что делать, всякий час боюсь, что кого убьет; пока репорт писал, несколько раз принужден был входить к нему для успокоения, и много раз старается о себе, кто он, сказывать, только я запрещаю ему, выхожу вон».

Замены, как известно, не последовало. Подобное поведение стражников если не поощрялось властями, то и не запрещалось, а порою и провоцировалось ими.

*Портрет правительницы
Анны Леопольдовны с младенцем
Императором Иоанном VI
Антоновичем на руках. Автор —
неизвестный художник XVIII века*

Однажды, по поручению графа А. И. Шувалова, капитан Овцын задал Иоанну VI Антоновичу вопрос: кто он?

Внимательно оглянув Овцына, Иоанн VI Антонович ответил, что он человек великий, но один подлый офицер это у него отнял и имя переменял...

— Великий человек? — переспросил Овцын.

— Да... — сказал Иоанн VI Антонович. — Я — принц.

«Я ему сказал, — пишет А. И. Шувалову капитан Овцын, — чтоб он о себе той пустоты не думал и впредь того не врал, на что, весьма осердясь, на меня закричал, для чего я смею ему так говорить и запрещать такому великому человеку. Я ему повторял, чтоб он этой пустоты, конечно, не думал и не врал и ему то приказываю повелением, на что он закричал: я и повелителя не слушаю, потом еще два раза закричал, что он принц, и пошел с великим сердцем ко мне; я, боясь, чтоб он не убил, вышел за дверь и опять, помедля, к нему вошел: он, бегая по казарме в великом сердце, шептал, что — не слышно.

Видно, что ноне гораздо более прежнего помешался; дня три как в лице, кажется, несколько почернел, и, чтоб от него не робеть, в том, высокосиательнейший граф, воздержаться не могу; один с ним остаться не могу; когда станет шалить и сделает страшную рожу, отчего я в лице изменюсь; он, то видя, более шалит».

Если читать донесения Овцына отстраненно от переживаний Иоанна VI Антоновича, картина смазывается, рисуется образ человека с разрушенной психикой, уже миновавшего черту, за которой можно и не говорить о несправедливости доставшейся ему судьбы.

Вот Овцын сообщает, что в сентябре 1759 года арестант вел себя несколько смирнее; потом опять стал браниться и драться, и не было спокойного часа; а с ноября снова стал смирен и послушен...

Все буднично, все обыкновенно и все безразлично-скучно.

Но если попытаться представить, что переживал в эти бесконечные месяцы заточения сам несчастный Иоанн VI Антонович, начинаешь задыхаться от ужаса, из которого девятнадцатилетнему юноше не было выхода даже в безумие.

Тут нужно иметь в виду, что Иоанн VI Антонович знал то, что самому Овцыну было неведомо.

Однажды в разговоре с Иоанном VI Антоновичем он повысил голос.

— Как ты смеешь на меня кричать?! — сказал в ответ Иоанн VI Антонович. — Я здешней Империи принц и Государь ваш.

Памятуя указание А. И. Шувалова, капитан Овцын объявил арестанту, что «если он пустоты своей врать не отстанет, также и с офицерами драться, то все платье от него отберут и пища ему не такая будет.

— Кто так велел сказать?

— Тот, кто всем нам командир, — отвечал Овцын.

— Все это вранье, — сказал Иоанн VI Антонович. — Я никого не слушаю, разве сама Императрица мне прикажет.

Овцын расценил это, как очередное свидетельство слабоумия «безымянного колодника». Любопытно, что об издевательствах, чинимых над юношей-Императором, он пишет в своих донесениях совершенно открыто.

В апреле 1760 года Овцын доносил, например, что «арестант здоров и временем беспокоен, а до того всегда его доводят офицеры, всегда его дразнят». В 1761 году он сообщал, что придумали средство лечить «арестанта» от беспокойства, лишая его чаю, а также не давая «чулок крепких», в результате чего арестант присмирел совершенно.

Были и более радикальные способы «лечения» арестанта.

Однажды Иоанн VI Антонович снова начал «качать права», выкрикивая, что он «здешней Империи принц и Государь ваш».

Капитан Овцын долго слушал его, а потом с размаху ударил Императора кулаком в висок, отчего тот упал и потерял сознание.

5.

Так пришло 26 декабря 1761 года, когда умерла столь жалостливая к Иоанну VI Антоновичу — «Бедное дитя. Ты ни в чем не виноват, родители твои виноваты»... — бабушка, Императрица Елизавета Петровна.

Миновали два десятилетия правления этой «дщери Петровой».

Кончились с ними два десятилетия первого тюремного срока Императора Иоанна VI Антоновича.

Наши историки, дабы оправдать незаконный захват трона «дщерью Петровой» и возвращение трона в Петровскую (нарышкинскую) ветвь династии Романовых, объявили и самого царя Ивана V Алексеевича, и все его потомство, вплоть до несчастного Иоанна VI Антоновича, умственно неполноценным, «суцеглупыми».

«Царь Иоанн был от природы скорбен головой, косноязычен, страдал цингой, плохо видел и уже на восемнадцатом году от рождения, расслабленный, обремененный немощью духа и тела, служил предметом сожаления и даже насмешек бояр, его окружавших...

Из трех дочерей покойного каждая унаследовала многие черты слабого ума своего родителя...

Природа в соблюдении своих законов всегда неумолимая, не сделала исключения для дочери герцогини Мекленбургской при наделе или, вернее, при обделе Анны Леопольдовны умственными способностями»...

А с каким сладострастием описывали эти историки уродство детей, рожденных Анной Леопольдовной в холмогорских снегах?

«Принцесса Екатерина (1741) — сложения больного, почти чахоточного, при том несколько глуха, говорит немо и невнятно; одержима всегда болезненными припадками... страдала цингой; в 38 лет была без зубов. Нрава робкого, уклонного, стыдливого.

Принцесса Елизавета¹ (1743), на 10-м году возраста упала с каменной лестницы, расшибла голову; подвержена частым головным болям и припадкам. В 1777 году страдала помешательством, но после оправилась.

Принц Петр (1745) имеет спереди и сзади горб; кривобок, косолап, прост, робок, застенчив, молчалив; приемы его приличны только малым детям. Нрава слишком веселого: смеется и хохочет, когда совсем нет ничего

¹ Это тот самый ребенок, которого родила Анна Леопольдовна, когда ее беременную обливали ледяной водой в Раненбурге.

смешного. Страдает геморроидальными припадками; до обмороку боится вида крови.

Принц Алексей (1746)— совершенное подобие брата в физическом и нравственном отношении...»

Рубль 1741 г. Иоанн Антонович

Говорилось, что достаточно взглянуть на силуэты этих несчастных, чтобы по профилям, по неправильной форме их голов догадаться о врожденном слабоумии.

В результате у впечатлительного читателя не оставалось сомнения, что вот эти воистину чахлые, ядовитые плоды засохшей «милославской» ветви...

И тут, объективности ради, сравнить бы потомков царя Ивана V Алексеевича с Петром III, являвшимся прямым внуком Петра I, но традиционная история подобных сопоставлений избегала...

И не случайно...

Внук Петра I, несмотря на хлопоты наставников, так и не научился толком говорить по-русски, так и не смог уразуметь разницу в религиозных обрядах лютеранства и Православия.

Так на всю жизнь и остался он без Бога, без Родины...

В бедную голову Петра III так и не вместились осознание просторов России и, став взрослым, он, предвосхищая Михаила Сергеевича Горбачева, всегда считал титул Русского Императора менее важным, нежели чин генерала прусской службы.

Как справедливо заметил психиатр П. И. Ковалевский, «в его лице маленькому человеку выпало исполнять должность великого человека»...

Достаточно выразительный портрет Петра III оставила его супруга Екатерина II:

«Утром, днем и очень поздно ночью Великий Князь с редкой настойчивостью дрессировал свору собак, которую сильными ударами бича и криком, как кричат охотники, заставлял гоняться из одного конца своих двух комнат (потому что у него больше не было) в другой; тех же собак, которые уставали или отставали, очень строго наказывал, это заставляло их визжать еще больше; когда наконец он уставал от этого упражнения, несносного для ушей и покоя соседей, он брал скрипку и пилил на ней очень скверно и с чрезвычайной силой, гуляя по своим комнатам, после чего снова принимался за воспитание своей своры и за наказывание собак, что мне поистине казалось жестоким.

Слыша раз, как страшно и очень долго визжала какая-то несчастная собака, я открыла дверь спальни, в которой сидела и которая была смежной с той комнатой, где происходила эта сцена, и увидела, что Великий Князь держит в воздухе за ошейник одну из своих собак, а бывший у него мальчишка, родом калмык, держит ту же собаку, приподняв за хвост.

Это был бедный маленький Шарло английской породы, и Великий Князь бил эту несчастную собачонку толстой ручкой своего кнута; я вступилась за бедное животное, но это только удвоило удары; не будучи в состоянии выносить это зрелище, которое показалось мне жестоким, я удалилась со слезами на глазах к себе в комнату».

А однажды Екатерина увидела в комнате мужа болтающуюся в петле крысу.

— Что это значит, Ваше Высочество? — спросила она.

Великий Князь без тени улыбки объяснил, что крыса совершила уголовное преступление, наказуемое по законам военного времени (Россия и Пруссия вели тогда войну) жесточайшей казнью. Преступница проникла ночью в картонную крепость, перелезла через стену и сгрызла двух слепленных из крахмала часовых, что несли вахту на бастиионе. К счастью, верная собака поймала ее. Военно-полевой суд приговорил преступницу к повешению, и теперь три дня она будет висеть «на глазах публики для внушения примера».

Было тогда Петру Федоровичу уже двадцать пять лет...

Этот человек и должен был определить дальнейшую судьбу «безымянного узника» Иоанна VI Антоновича.

6.

Бывший Император Иоанн VI Антонович, которому исполнился тогда всего один год, вполне мог встретиться в декабре 1741 года, по дороге в Ригу, со своим дядей, четырнадцатилетним Карлом-Петром-Ульрихом, которого везли в Россию, чтобы сделать его Императором Петром III.

Но встретились они только в 1762 году, когда после кончины Елизаветы Петровны Иоанна VI Антоновича тайно привезли из Шлиссельбурга в Санкт-Петербург.

Встрече этой предшествовало письмо, полученное Петром III от прусского короля Фридриха II.

Узнав о намерении Петра III отправиться за границу для ведения войны с Данией за голштинские владения, Фридрих II не на шутку встревожился.

«Признаюсь, мне бы очень хотелось, чтоб Ваше Величество уже короновались, потому что эта церемония произведет сильное впечатление на народ, привыкший видеть коронование своих государей, — писал он внуку Петра I. — Я вам скажу откровенно, что не доверяю русским.

Всякий другой народ благословлял бы небо, имея Государя с такими выдающимися и удивительными качествами, какие у Вашего Величества, но эти русские, — чувствуют ли они свое счастье (Выделено нами — Н. К.), и проклятая продажность какого-нибудь одного ничтожного человека разве не может побудить его к составлению заговора или к поднятию восстания в пользу этих принцев брауншвейгских?

Припомните, Ваше Императорское Величество, что случилось в первое отсутствие Императора Петра I, как его родная сестра составила против него заговор!

Предположите, что какой-нибудь негодяй с беспокойною головой начнет в ваше отсутствие интриговать для возведения на престол этого Ивана, составит заговор с помощью иностранных денег, чтобы вывести Ивана из темницы, подговорить войско и других негодяев, которые и присоединятся к нему — не должны ли вы будете тогда покинуть войну против датчан, хотя бы все шло с отличным успехом, и поспешно возвратиться, чтоб тушить пожар собственного дома.

Эта мысль привела меня в трепет, когда пришла мне в голову, и совесть мучила бы меня всю жизнь, если б я не сообщил эту мысль Вашему Императорскому Величеству; я здесь в глубине Германии; я вовсе не знаю вашего двора: ни тех, к которыми Ваше Величество может иметь полное доверие, ни тех, кого можете подозревать, поэтому вашему высокому разуму принадлежит различить, кто предан и кто нет; я думаю одно, что если Вашему Величеству угодно принять начальство над армиею, то **безопасность требует, чтобы вы прежде короновались и потом, чтоб вы вывели в своей свите за границу всех подозрительных людей.** Таким образом, вы будете обеспечены...»

Историки утверждают, что Иоанн VI Антонович показался Петру III почти совсем безумным, и, успокоившись, он приказал отправить племянника назад в тюрьму.

«Что касается Ивана, — писал он, успокаивая Фридриха II, — то я держу его под крепкою стражею, и если б русские хотели сделать зло, то могли бы уже давно его сделать, видя, что я не принимаю никаких предосторожностей. Могу вас уверить, что, когда умеешь обходиться с ними, то можно быть покойным на их счет»...

Любопытны тут и опасения Фридриха II насчет Иоанна VI Антоновича, и уверения Петра III, что, **если б русские хотели сделать зло, то могли бы уже давно его сделать...**

Еще любопытнее сама эта встреча двух родственников, дяди и племянника, встреча двух русских Императоров, бывшего и настоящего, являющихся при этом по крови на три четверти немцами...

Но это с одной стороны, а с другой...

«Маленький человек», которому «выпало исполнять должность великого человека, и узник, без малейшей вины проведенный в тюрьме два десятилетия.

Жестокий тиран и несчастный, затравленный жестокими стражниками юноша...

Человек, не умеющий понять отличие Православия от лютеранства, и «безымянный колодник», неведомо как и где постигший главные книги Русского Православия.

Увы, вопреки даже тому, что оба они принадлежали к числу русских Императоров и оба были на три четверти немцами, Петр III не разглядел в Иоанне VI Антоновиче личности, достойной сочувствия.

Инструкция, данная графом А.И. Шуваловым новому главному приставу Иоанна VI Антоновича князю Чурмантееву, предписывала: «Если арес-

тант станет чинить какие непорядки или вам противности или же что станет говорить непристойное, то сажать тогда на цепь, доколе он усмирится, а буде и того не послушает, то бить по вашему рассмотрению палкою или плетью».

Отдавая свое жестокое распоряжение, Петр III, разумеется, не догадывался, что и ему, всесильному русскому Императору, как и несчастному, жестоко избиваемому в каземате шлиссельбургской крепости Иоанну VI Антоновичу, самому предстоит примерить на себя судьбу бесправного узника.

После переворота, произведенного Екатериной II, 34-летнего Императора Петра III заключат в Ропше, и 6 июля 1762 года он будет убит.

Из донесения, посланного Алексеем Орловым, явствовало, что Петр III за столом заспорил с одним из собеседников; Орлов и другие бросились их разнимать, но сделали это так неловко, что хилый узник оказался мертвым.

«Не успели мы разнять, а его уже и не стало... — писал пьяный Орлов в донесении, — сами не помним, что делали».

Шевалье Рюльер, в служебные обязанности которого входил сбор сведений о Екатерине II и произведенном перевороте, нарисовал более обстоятельную картину преступления.

«Один из графов Орловых (ибо с первого дня им дано было сие достоинство), тот самый солдат, известный по находящемуся на лице знаку, который утаил билет княгини Дашковой, и некто по имени Теплов, достигший из нижних чинов по особенному дару губить своих соперников, пришли вместе к несчастному Государю и объявили при входе, что они намерены с ним обедать. По обыкновению русскому перед обедом подали рюмки с водкою,

Петр III инкогнито посещает в Шлиссельбургской крепости Иоанна Антоновича. Ф. Буров

и представленная Императору была с ядом. Потому ли, что и спешили доставить свою новость, или ужас злодеяния понуждал их торопиться, через минуту они налили ему другую. Уже пламя распространялось по его жилам, злодейство, изображенное на их лицах, возбудило в нем подозрение — он отказался от другой; они употребили насилие, а он против них оборону. В сей ужасной борьбе, чтобы заглушить его крики, которые начинали раздаваться далеко, они бросились на него, схватили его за горло и повергли на землю; но как он защищался всеми силами, какие придает последнее отчаяние, а они избегали всячески, чтобы не нанести ему раны, опасаясь за сие наказания, то и призвали к себе на помощь двух офицеров, которым поручено было его караулить и которые в сие время стояли у дверей вне тюрьмы. Это был младший князь Барятинский и некто Потемкин, 17-ти лет от роду. Они показали такое рвение в заговоре, что, несмотря на их первую молодость, им вверили сию стражу. Они прибежали, и трое из сих убийц, обвязав и стянувши салфеткою шею сего несчастного Императора (между тем как Орлов обеими коленями давил ему грудь и запер дыхание), таким образом его задушили, и он испустил дух в руках их.

Нельзя достоверно сказать, какое участие принимала Императрица в сем приключении; но известно то, что в сей самый день, когда сие случилось, Государыня садилась за стол с отменною веселостью.

Вдруг является тот самый Орлов — растрепанный, в поте и пыли, в изорванном платье, с беспокойным лицом, исполненным ужаса и торопливости. Войдя в комнату, сверкающие и быстрые глаза его искали Императрицу. Не говоря ни слова, она встала, пошла в кабинет, куда и он последовал; через несколько минут она позвала к себе графа Панина, который был уже наименован ее министром. Она известила его, что Государь умер, и советовалась с ним, каким образом публиковать о его смерти народу. Панин советовал пропустить одну ночь и на другое утро объявить сию новость, как будто сие случилось ночью. Приняв сей совет, Императрица возвратилась с тем же лицом и продолжала обедать с тою же веселостью.

Наутро, когда узнали, что Петр III умер от геморроидальной колики, она показала, орошенная слезами, и возвестила печаль своим указом».

Только когда Петра III уже выставили перед похоронами в Александро-Невской Лавре, заметили, что его лицо черно. Тогда и распространился в народе слух, будто хоронят не Императора, а дворцового арапа...

7.

Положение, в котором оказалась Екатерина II после переворота, было непростым. Как и Екатерина I, она не имела ни капли романовской крови, но если Екатерина I унаследовала престол после смерти мужа Петра I, то Екатерина II захватила престол, убив своего мужа.

«Мое положение таково, что я должна принимать во внимание многие обстоятельства, — писала она Станиславу Понятовскому, — последний солдат гвардии считает себя виновником моего воцарения, и при всем том заметно общее брожение... Если я уступлю, меня будут обожать; если нет, то не знаю, что случится».

Тут Екатерина нисколько не сгущала краски.

Известно, что когда Екатерина II объявила в сенате о намерении выйти замуж за Григория Орлова, воспитатель наследника престола Н. И. Панин сказал, что Императрица вольна в своих решениях, но госпожа Орлова никогда не была нашей Императрицей.

Вскоре после коронации был раскрыт заговор поручика Гурьева и Петра Хрущева, которые собирались возвести на престол Иоанна VI Антоновича. Главные заговорщики были приговорены к смертной казни, другие офицеры — к каторжным работам.

Очевидно, что после произведенного Екатериной II переворота судьба Императора Иоанна VI Антоновича не могла оставаться прежней.

Известно, что возвращенный из ссылки А. П. Бестужев разрабатывал даже план брачного союза Екатерины II с Иоанном VI Антоновичем.

Насколько верны эти свидетельства, судить трудно, но можно не сомневаться, что если бы только этого потребовали обстоятельства, Екатерина II вполне могла бы выйти замуж за шлиссельбургского узника. Чтобы удержаться на русском троне, Императрица готова была заплатить любую цену.

И совершенно точно известно, что Императрица Екатерина II виделась с Иоанном VI Антоновичем и, как сама признала позже в манифесте, нашла его в полном уме.

Повторим, что обстоятельства вполне могли повернуться в любую сторону и не обязательно перемена в положении Иоанна VI Антоновича должна была стать несчастливой.

Не обязательно...

Другое дело, что Екатерина II была сильной и самобытной личностью.

«Поручик Василий Мирович у тела Иоанна Антоновича 5 июля 1764 года в Шлиссельбургской крепости» (1884). Иван Творожников (1848–1919)

И в переломный в своей биографии момент она не замкнулась на дворцово-династических интригах, а решила воздействовать на общество, изменяя в нужном для себя направлении и общественные настроения, и само общественное устройство страны.

Решительно пошла она на убийство своего супруга, законного русского Императора Петра III.

Теперь наступила очередь второго законного русского Императора...

В инструкции, данной после встречи Императрицы со шлиссельбургским узником, все было сказано ясно и четко:

«Ежели паче чаяния случится, чтоб кто с командою или один, хотя бы то был и комендант или иной какой офицер, без именного за собственноручным Императорского Величества подписанием повеления или без письменного от меня приказа и захотел арестанта у вас взять, то оного никому не отдавать и почитать то за подлог или неприятельскую руку. Буде же так оная сильна будет рука, что опасись не можно, то арестанта умертвить, а живого никому его в руки не отдавать».

Безусловно, Екатерина II обладала незаурядными актерскими и режиссерскими способностями.

Все, что необходимо было совершить, совершалось, но совершалось это как бы без ее участия.

Вот и поразительное по жестокости убийство Императора Иоанна VI Антоновича, которое должно было произойти — нельзя, нельзя было оставлять в живых человека, который имеет неизмеримо больше прав на русский престол, чем она! — произошло, но произошло как бы без всякого участия самой Императрицы.

8.

Сюжет, который вошел в русскую историю под названием «попытка Мировича», предельно прост.

Стоявший в гарнизоне крепости подпоручик Смоленского пехотного полка Василий Яковлевич Мирович, человек «честолюбивый и на всех обиженный»¹, в ночь с 4 на 5 июля 1764 года скомандовал своим солдатам «в ружье» и двинулся к казарме, где содержался Иоанн VI Антонович.

Мирович арестовал коменданта крепости Бередникова и потребовал выдачи Иоанна VI Антоновича.

Тот отказался, и Мирович навел на двери каземата пушку.

Согласно имеющейся у них инструкции караульный офицер поручик Чекин штыком заколол Императора Иоанна VI Антоновича.

Кровь безвинного 24-летнего страдальца, кажется, впервые обагрила древние камни Шлиссельбурга.

Когда Мирович во главе своих солдат ворвался в камеру узника, он понял, что проиграл: на полу лежал мертвый Иоанн VI Антонович.

Солдаты хотели заколоть караульных офицеров штыками, но Мирович не допустил этого.

¹ Он происходил из знатного украинского рода, имения которого в свое время были конфискованы за содействие гетману Мазепе в 1709 году.

— Теперь помощи нам нет никакой! — сказал он. — Теперь они правы, а мы виноваты.

Следствие над Мировичем было проведено быстро и, кажется, впервые в деле, связанном с попыткой дворцового переворота, обошлись без пыток.

Никаких сообщников В. Я. Мировича следствие не установило, да и не пыталось установить.

Сам Василий Яковлевич показал, что действовал он на свой страх и риск и имел лишь одного товарища: поручика пехотного полка Аполлона Ушакова.

В середине мая 1764 года они отслужили с Ушаковым панихиду в Казанском соборе по самим себе, и через две недели Аполон Ушаков утонул, а Мирович решил исполнить свой замысел в одиночку, и тоже вот готов взойти на эшафот.

Все эти показания, учитывая режим секретности, которым было окружено заточение Иоанна VI Антоновича, выглядят чрезвычайно неубедительно.

Есть косвенные свидетельства, что Мирович был связан с братьями Орловыми и таким образом его «попытка» приобретает характер спланированной самой Императрицей и ее ближайшим окружением провокации.

Следствие отрабатывать такую версию не стало.

Вообще весь ход его был определен заранее.

«Но не могли однако же избежать зла и коварства в роде человеческого чудовища, каковой ныне в Шлиссельбурге с отчаянием живота своего в ужасном своем действии явился, — говорилось в манифесте об умерщвлении принца Иоанна Антоновича, выпущенном 17 августа 1764 года. — Некто Подпоручик Смоленского пехотного полку Малороссиянец Василий Мирович, перьвого изменника с Мазепою Мировича внук, по крови своей, как видно Отечеству вероломный, провождая свою жизнь в мотовстве и распутстве, и тем лишась всех способов к достижению чести и счастья, напоследок отступил от Закона Божьего и присяги своей, Нам принесенной, и не зная, как только по слуху единому о имени Принца Иоанна, а тем меньше о душевных его качествах и телесном сложении, зделал себе предмет, через какое бы то ни было в народе кровопролитное смятение, щастие для себя возвысить».

Говорят, что Петр Иванович Панин прямо спросил у Мировича:

— Для чего ты принял такой злодейский умысел?

— Для того, чтобы быть тем, чем ты стал! — ответил Мирович.

Всех подчиненных поручика забили палками, прогнав сквозь тысячный строй, а Василию Мировичу был оглашен отдельный приговор, в котором отмечалось, что злодей:

«1. Хотел и старался низвести с престола Императрицу, лишить прав наследника ея, возвести Иоанна, причем хотел уничтожить всех противящихся его намерениям.

2. Поводами к сему было то, что не имел свободного доступа во дворец, не получил отписных его предка имений, наконец, хотел себе составить счастье.

3. Обще с поручиком Великолуцкого пехотного полка Аполоном Ушаковым давал в церквах разные обеты, призывая Бога и Богородицу себе на помощь.

4. Сочинил и написал от имени Императрицы указ. Своей же рукой писал и другие возмутительные сочинения, наполнив их неизречимыми непристойностями против Императрицы.

5. Разными хитростями вовлек и опутал других несмысленных и простых людей в свои сети, иных лестью, других обманом, иных насильством, страшая смертью, и с сими людьми сделал нападение. Из ружей стрелял. Пушку наводил. Коменданта Бередникова, уязвя, арестовал.

6. Был причиною приневольной смерти принца Иоанна, в чем сам признался.

По сему приговариваем отсечь Мировичу голову, оставить тело на позорище народу до вечера, а потом сжечь оное купно с эшафотом».

В ночь на 15 сентября 1764 года на Обжорном (Сытном) рынке Санкт-Петербурга воздвигли эшафот, на который возвели честолюбивого поручика.

Вечером этот эшафот вместе с обезглавленным телом Василия Мировича был сожжен.

9.

Мы говорили, что Алексей Орлов, убивая в Ропше Императора Петра III, руководствовался только полупамятками и не догадывался даже, что убивает последнего Романова из Петровской («нарышкинской») ветви династии.

Поручик Чекин, убивая в Шлиссельбургской крепости Иоанна VI Антоновича, руководствовался совершенно ясной и определенной инструкцией Екатерины II, и старался вообще не думать, кто этот арестант, которого он убивает. Разумеется, он не осознавал, что убивая Императора Иоанна VI Антоновича, он убивает последнего Романова из Иоанновской («милославской») ветви династии...

Он так и не узнал — «не прикасайтесь помазанным Моим!» — что совершил он в русской истории.

Это знала только сама Екатерина II.

Любопытно, что она сама озаботилась созданием для истории своего алиби в этом преступлении.

Среди бумаг Императрицы нашлась писанная к Н. И. Панину, но почему-то неотправленная записка, «относящаяся», как пишет А. Брикнер, «кажется, к Иоанну».

«Мое мнение есть, чтоб... из рук не выпускать, дабы всегда в охране от зла остался, только постричь ныне и переменить жилище в не весьма близкий и в не весьма отдаленный монастырь, особливо в такой, где богомолья нет, и тут содержать под таким присмотром, как и ныне; еще справиться, можно нет ли посреди муромских лесов, в Коле или в Новгородской епархии таких мест»¹.

¹ Брикнер А. История Екатерины Второй. В 2-х т. Т.1. М.: Современник. Товарищество Русских Художников. 1991. С. 176.

Никакого алиби записка эта не обеспечила, но есть в ней поразительные слова: «дабы всегда в охранении от зла остался», необыкновенно глубоко рисующие впечатление, которое произвел на Екатерину II при личной встрече Иоанн VI Антонович.

Впечатление это разительно рознится с тем, что сказано в манифесте об умерщвлении принца Иоанна Антоновича:

«...По природному Нашему человеколюбию, чтоб сему судьбою Божию низложенному человеку сделать жребий облегченный в стесненной его от младенчества жизни. Мы тогда же положили сего принца видеть, дабы, узнав его душевные свойства и жизнь его по природным его качествам и по воспитанию, которое он до того времени имел, определить спокойную.

Но с чувствительностью Нашею увидели в нем кроме весьма ему тягостного и другим почти невразумительного косноязычества лишение разума и смысла человеческого. Все бывшие тогда с нами видели, сколько Наше сердце страдало жалостию человечеству. Все напоследок и то увидели, что Нам не оставалось сему несчастно-рожденному, а несчастнейше еще возросшему, иной учинить помощи, как оставить его в том же жилище, в котором Мы его нашли затворенного, и дать всяческое человеческое возможное удовольствие; что и делом самим немедленно учинить повелели, хотя при том чувства его лучшего в том состоянии противу прежнего уж и не требовали, — ибо он не знал ни людей, ни розсудка не имел доброе отличить от худого, так как и не мог при том чтением книг жизнь свою пробавлять, а за едино блаженство себе почитал довольствоваться мыслями теми, в которые лишение смысла человеческого его приводило».

Вообще-то, утверждение, будто Иоанн VI Антонович «розсудка не имел доброе отличить от худого, так как и не мог при том чтением книг жизнь свою пробавлять», прямо противоречит донесениям самих тюремщиков, но в манифесте, написанном, как считается, Н. И. Паниным, есть и другие, еще более не согласующиеся с подлинностью подробности.

Например, когда Мирович «пушку с потребным снарядом» взял с бастiona и сопротивляться стало невозможно, капитан Власьев и поручик Чекин действовали, оказывается, не по инструкции, предписывающей убийство Императора, а по собственному разумению.

«Увидя перед собою совсем силу непреодоленную и неизбежно-предтекущее погубление (ежели бы сей вверенный был освобожден) многого невинного народа от последующего через то в обществе мятежа, приняли между собою крайнейшую резолюцию, — пресечь оное пресечением жизни одного к несчастию рожденного».

Можно привести и другие нелепости, декларируемые манифестом, но, собственно говоря, избежать этих накладок и подчисток в манифесте, обьявляющем во всенародное известие версию убийства в Империи ее, пусть и «незаконно во младенчестве определенного ко Всероссийскому Престолу» Императора, было просто невозможно.

Поэтому-то и остается неопровергнутым впечатление о встрече со шлисельбургским узником, записанное самой Екатериной II.

Ее можно упрекать и в чрезмерном властолюбии, и в развратности, и во множестве других грехов, но при этом несомненно она была наделена

бесценным даром понимания людей, с которыми ей приходилось встречаться.

Вот и увидев прошедшего всю свою жизнь в заключении Иоанна VI Антоновича — он был на одиннадцать лет моложе Екатерины II — она увидела не диковатого, нездорового вида молодого мужчину, прошедшего всю свою жизнь в заключении, а человека, взглянув на которого хотелось, чтобы он «всегда в охранении от зла остался».

Желание это было непонятно и самой Екатерине II, но оно появилось, оно оказалось даже закреплено на бумаге...

Еще одно свидетельство, рисующее духовное состояние Иоанна VI Антоновича перед его мученической кончиной, находим мы в донесениях тюремщиков.

В ответ на увещевания Власьева и Чекина, склонявших его к принятию монашества, Иоанн VI Антонович ответил: «Я в монашеский чин желаю, только страшусь Святого Духа, притом же я безплотный».

Св. блаженная Ксения Петербургская

Ксения, прежде чем стало известно в Петербурге, что в Шлиссельбурге убили Иоанна VI Антоновича.

Никто не знает, где похоронили Иоанна VI Антоновича¹.

По приказу Екатерины погребение было совершено в строжайшей тайне...

Тюремщикам Иоанна VI Антоновича, как и историкам, слова эти показались свидетельством слабоумия «шлиссельбургского узника». Мы же, зная, что они сказаны накануне его мученической кончины, склонны считать их святым пророчеством.

А тогда в июле 1764 года, кажется, только один человек и понимал, что случилось.

Ах, как плакала, как страдала блаженная Ксения Петербургская, в те дни.

— Что ты плачешь, Андрей Федорович? — жалея Ксению, спрашивали тогда прохожие. — Не обидел ли тебя кто?

— Кровь, кровь, кровь... — отвечала Ксения. — Там реки налились кровью, там каналы кровавые, там кровь, кровь...

И еще три недели плакала

¹ Недавно во время строительных работ в Холмогорах был открыт скелет, который по мнению местных краеведов является скелетом Иоанна VI Антоновича.

Одни считают, что Императора увезли хоронить в Тихвинский Богородицкий монастырь, другие полагают, что его погребли в Шлиссельбурге, и на месте могилы воздвигли собор пророка Иоанна Предтечи.

Последняя версия, на наш взгляд, наиболее вероятна.

Наверное, действительно, погребение Императора находится под фундаментом Иоанновского собора¹.

Заходишь под разверстые прямо в небо купола собора пророка Иоанна Предтечи, встаешь рядом с бронзовыми фигурами солдат, защищавших крепость в годы Великой Отечественной войны, и как-то легко и спокойно начинаешь думать о невероятно жестокой судьбе Императора, всю свою жизнь проведшего в заточении, и при этом до последних дней оставшегося таким, что даже его убийце хотелось, чтобы он «всегда в охране от зла остался».

Его убили 4 июля 1764 года...

Это по Юлианскому календарю, по которому жила тогда Россия.

В пересчете на Григорианский календарь, который введут у нас только в 1918 году, получается 17 июля.

В этот день 17 июля 1918 года убьют в Екатеринбурге всю Царскую Семью...

¹ Маркиз де Кюстин в своих воспоминаниях о посещении Шлиссельбургской крепости пишет, что ему ее показал комендант крепости, за церковью, под розовым кустом.

Юрий ПАВЛОВ

ЗВЕЗДА НАД РУСЬЮ

Отрывок из поэмы

Юрий Сергеевич Павлов — родился в 1950 г. в городе Владимире. По окончании пединститута работал учителем русского языка и литературы в сельской школе. Затем — в аппарате райкома ВЛКСМ и на партийной работе. Закончил Горьковскую высшую партийную школу и Российскую академию государственной службы при Президенте РФ. Более двадцати лет работает в органах исполнительной власти области. Член Союза писателей России с 1995 г. Автор пяти поэтических книг. Печатался в областных газетах Владимирской и Нижегородской областей, в коллективных сборниках, в альманахах. **Живет во Владимире.**

Поэма Юрия Павлова «Звезда над Русью» является масштабным жизнеописанием многотрудного пути защитника земли Русской — святого благоверного Великого Князя Александра Ярославича Невского. Главный герой произведения предстает перед нами в трех ипостасях: талантливого полководца, тонкого дипломата и мудрого государственного деятеля Древней Руси, заложившего своей осторожной политикой взаимоотношений с Западом и Востоком основы централизованного Российского Государства, протянув через века руку Дмитрию Донскому, Ивану III и другим позднейшим правителям России.

* * *

Россия — Русь! Ты — роща голая
С душой, остуженной до дна,
Когда-то — шумная, веселая,
Теперь безмолвна и грустна...

За что же, Русь, тебе невзгоды,
Судьба — глухая западня?
Все тяжелее год от года
И все больней день ото дня...

Когда порыв ветров неистов,
Гнет до земли, сбивает с ног,
Летим мы, сорванные листья,
Вдоль обезлюдевших дорог.

Ты в унижительном поклоне
Не преклонила головы,
Нас меньше в год по миллиону —
Сколь намело кругом листья!

За что же с яростью и злостью
Тебе ломают, Русь, крыла?
Кому ты стала в горле костью?
Кому дорогу перешла?!

Лежишь, отхаркиваясь кровью,
Мать, потерявшая детей,
Я — сын скорбящий, в изголовье
Страдальной Родины моей...

Твержу беззвучные молитвы,
Виски ей глажу и чело,
Опять ты стала полем битвы,
Щитом, в который бьется Зло.

Так кто ж вцепился мертвой хваткой?
О, Русь, его узнаешь ты:
Все те же хищные повадки,
Все те же гнусные черты.

Как прежде, он коварен, страшен!
Слетелось снова воронье!
И натиск вновь на веру нашу,
На добродетели ее.

Все тот же враг, все то ж тщеславье,
И в схватке Света и Теней —
Расчет — удар по Православию,
По стержню нации моей...

С добром на Русь? — Какие бредни!
Змея к нам с Запада вползла...
Россия, ты кордон последний
Для обезумевшего Зла!

И все слышнее конский топот,
И все темнее воронье,
Не раз спасавшая Европу,
Вновь, Русь, страдаешь от нее...

С востока зло — с кривою саблей.
Чем мне помочь в твоей судьбе?
Я кровь свою отдам до капли,
Но это надо ли тебе?!

Ведь я всего лишь тонкий колос,
В твои влюбленный, Русь, поля,
Не оглушителен мой голос,
Тиха мелодия моя...

И я не летчик, что машину
Бросает дерзостно в пике,
Не меч с копьем неустрашимо —
Перо сжимаю я в руке...

Когда душе от гнева тесно,
Тогда звучать моей трубе,
Из слов простых слагаю песни,
Да вот до песен ли тебе?!

Ты в схватке выступишь, я знаю,
Пройдя сквозь боль и злой навет,
Спасет тебя Победы знамя,
Ее величественный свет!

Уж подросли Победы внуки,
И так же Родине верны:
Вот брови хмурит новый **Жуков**,
Склоняясь над картою страны.

Он помнит, как разя французов,
Сбивая с них былую спесь,
Победным маршем шел **Кутузов**,
Заставил их конину есть!

Как укрощая дерзкий нрав
И охлаждая вражий пыл,
С полками суздальцев **Суворов**
Брал неприступный Измаил!

И словно бурное течение
Кишит народ — и там, и тут:
На польских панов ополчение
Пожарский с Мининым ведут!

За Костромою, в глухомани,
Гостям непрощеным «хлеб-соль»
Давно припас **Иван Сусанин** —
За всю твою, Россия, боль...

Как чутко поле Куликово!
Там, у Непрядвы, у реки
Застыл в засаде полк **Донского**,
И замер взмах его руки...

И **Сергий Радонежский** в битве
Благословляет ратный труд,
Его два инока с молитвой
На смерть за родину идут!

О, Русь, покуда ты ослабла,
Но, верь, наступит твой черед,
Вновь миру явится **Ослябя**
И слезы он твои утрет!

И, взор надежды подымая,
Воззри, где плавится рассвет, —
На челубеев и мамаев
Летит стрелю **Пересвет!**

И вот уж, — как со дна колодца,
Когда в глуби блеснет вода, —

Из тьмы веков — лик полководца!
И вспыхнет **Невского** звезда!

И загремит над полем брани
Могучий голос, как труба!
Русь изначальная воспрянет —
Его и доля, и судьба!

ВЫШЛА КНИГА

Валентина Ерофеева-Тверская. Ожидание чуда. Стихи для семейного чтения. Екатеринбург: Издательство «АсПУр», 2010. 74 с.

За книгу стихов «Ожидание чуда» омская поэтесса Валентина Ерофеева-Тверская была удостоена Всероссийской литературной премии имени П. П. Ершова. Книга, которая помогла Валентине Ерофеевой-Тверской заслужить всероссийское литературное признание, является сборником, в который вошли стихи для детей и о детях. Талантливые омские художники Владимир и Дарья Чупилко сделали множество невероятных красочных и добрых иллюстраций к изданию.

Борис ОРЛОВ

«ЛИШЬ НА НЕБЕ — ВОЛЯ И ПРОСТОР»

Борис Александрович Орлов — родился в деревне Живетьево, Брейтовского района, Ярославской области. Окончил Ленинградское высшее военно-морское инженерное училище имени Ф. Э. Дзержинского, Московский литературный институт им. М. Горького. Служил на Северном флоте на атомной подводной лодке (1977–1983). Работал в газетах. Капитан 1-го ранга. Автор 15 книг стихов. Главный редактор газеты «Литературный Петербург», член Санкт-Петербургского Союза журналистов. Награжден медалями. Секретарь Союза писателей России, председатель правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. Лауреат литературных премий «Золотой кортик» (1994), им. К. М. Симонova (1998), им. В. С. Пикуля (1999), Большой литературной премии России (2011). **Живет в Кронштадте.**

* * *

Полетели в небо стаи выюг,
Но мороз по ним стреляет влёт.
Воду утки унесли на юг,
На реке оставив мутный лёд.

Стало больше безымянных рек,
Меньше торных тропок и дорог.
В Красной книге — сельский человек,
А хозяин в мертвых селах — волк.

Беспробудно избы в селах спят.
В печках — стужа. Двери на засов.
В половодье утки прилетят,
Не услышав детских голосов.

Но не вспомнит имени река
Собственного — не вернется речь.
Мы, оставив торные века,
В смутном — не смогли себя сберечь.

* * *

Разбита русская дорога.
То колея, то волчий след.
Мой путь — вперед. Я верю в Бога,
А там где вера, страха нет.

То дождь, то снег идет из тучи...
С молитвой легче путь земной.
Я не один. Смотрите лучше:
Дружина предков за спиной.

* * *

Скорее бы добраться до ночлега,
Пока в деревне люди не уснут.
Скрипит моя разбитая телега,
И щелкает лохматый длинный кнут.

Живем на горе, а не на потеху,
Как двести лет назад...

И грязь, и жуть.
Бежит лошадка там, где не проехать
Машинам — позабытый русский путь.

Смеркается. Но шаг лошадки пегой
Короток. Впереди слышна гроза.
Скрипят деревья. И скрипит телега.
И жизнь течет, как двести лет назад.

* * *

И холод рек, и пустота полей.
Гуляю выбрит и тепло одет.
И клинописью поздних журавлей
Зашифровала осень свой сюжет.

Промок церковный сад и палисад.
Убавилось на паперти калек.
Сакральный след естественных утрат
Оплакал дождь, а вскоре спрячет снег.

* * *

Листопад сорвал с деревьев маски,
Истинные лица показав.
Осень дверь захлопнула с опаской,
Выписав земле мороз, как штраф.

Вьюги и метели любят танцы,
Белизну во сне и наяву.

Но зимой деревья — африканцы:
Черноту не спрятать под листву.

Я и сам гуляю черно-белый,
Зимний, словно роща — продувной,
А мое стареющее тело
И в мороз останется со мной.

* * *

Печь топлю. А под окошком ветер
Яблоню сгибает, словно трость.
Я случайный гость на этом свете,
Но забыл, что я всего лишь гость.

Не один такой. Наш мир не прочен.
Хрупко и здоровье, и семья.
В сердце — холодок бессонной ночи.
Трость. Пижама. Жесткая скамья.

Взгляд растерян, разговор отчаян.
И смешон тот врач, что учит жить.

Он распределяет, как хозяин,
То, что смертным не принадлежит.

Копим деньги. Тайно строим планы.
Ищем славу там, где ждет позор.
Все нелепо и немного странно...
Лишь на небе — воля и простор.

А когда меня задует вечер,
Словно догоревшую свечу,
Обретая призрачную вечность,
Сизым дымом в небо улечу.

* * *

Над трубою золотится вечер,
Филин опустился на конек.
Из-за леса освещает вечность
Звездочки туманный огонек.

Что оставим? Бренные останки.
Долог и запутан путь земной.
Что это — комета или ангел —
Озарили небо надо мной?

* * *

Космос — вечная Божья свобода, —
Мне сказал астроном-богослов.
Во Вселенной он ищет не воду,
А мелодии тонких миров.

В небе песни ночного простора
Заплетаются в звездный венок.
Мирозданье — оркестр, пред которым
С дирижерскою палочкой — Бог!

* * *

Ждем, что Спаситель придет,
Будет радеть о народе.
Плачет Россия. Народ
В землю, как слезы, уходит.

В плен не сдавались живьем,
Крестик на теле носили.
Мы себя сами спасем,
Если намолим Россию.

* * *

Сумрак. В дымке тонут лица.
Жизнь тяжелая, как труд.
Не с кем тайной поделиться —
Продадут и предадут.

Все и выпито, и спето.
Грустно. Где былая прыть?!
Разговариваю с ветром —
Не с кем больше говорить!

* * *

Это не элита, а шпана:
Смотрят косо, рожи корчат криво.
Мы — разоруженная страна,
Мы — страна на вынос и на вывоз.

Им плевать на совесть и молву,
Вставшим под враждебные знамена.

Грабят, как сожженную Москву
Грабили войска Наполеона.

Но придется в страхе отступить
По смоленской вымершей дороге.
Будут звать детей, отца и мать,
Но не вспомнят о распятом Боге.

БИТВА

I.
Казалось, всё... Нет больше сил.
Спустился с неба ангел.
«Здесь русские?» — меня спросил
И встал на правом фланге.

И по земле, и по воде
Лежит путь к русской славе.
Я знаю: никогда в беде
Спаситель не оставит.

II.
Плачет иволга. Мышь пищит.
Меч лежит на груди крестом.
Не кладите меня на щит.
Встану сам со щитом.

Озарились и храм, и скит.
Сила духа — небесный свет.
Битва кончена. Враг разбит.
Торжествует Новый Завет.

* * *

Павшим в бою

Как тень, отбрасываем плоть,
Но души берегли.
Эвакуирует Господь
На небеса с земли.

В траве кузнечики звенят.
И жизнь, и смерть — к лицу.
В лучах небесного огня
Легко лететь к Творцу.

ИМЕНЕМ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО...

Один из первых образцов раннего классицизма дом генерал-полицейстера Н. И. Чичерина на набережной Мойки в Санкт-Петербурге как только ни перестраивался...

Особенно красивый вид фасад здания получил, когда дом достался богатейшему купцу Степану Петровичу Елисееву, крупному меценату и коллекционеру. В этом доме часто бывал Пушкин, жили Грибоедов и Кюхельбекер, а уже во времена Елисеева на проходивших здесь литературных вечерах читал свои новые произведения Достоевский.

После революции по замыслу Горького дом Елисеевых превратился в Дом искусств. Здесь работали Чуковский, Гумилев, Зощенко, Петров-Водкин. Здесь выступали Горький, Блок, Ахматова, Сологуб, Маяковский, Герберт Уэллс. Александр Грин написал в Доме искусств «Алые паруса». А 3 августа 1921 года здесь был арестован выдающийся поэт Николай Степанович Гумилев.

Потом в бывшем доме Елисеевых открылся кинотеатр «Светлая лента», в котором пианистом-тапером подрабатывал Шостакович, уволенный за то, что своей музыкой мешал людям наслаждаться «важнейшим из искусств». В 1931 году «Светлую ленту» переименовали в «Баррикаду». Даже в блокадное время в «Баррикаде» показывали кино.

Разгромили дом в лихие девяностые... Кинотеатр прекратил свое существование, здание пришло в ветхость. Его приобрела группа компаний «Талион», занимающаяся реконструкцией и реставрацией исторических зданий в центре Санкт-Петербурга, которую возглавляет предприниматель и меценат Александр Ебралидзе. На основе бывшего дома Елисеевых он построил гостиницу «Елисеев Палас Отель», позднее переименованную в «Талион Империл Отель».

В 2004 году сей видный меценат и руководство Союза писателей России создают историко-литературную премию, которой было присвоено имя святого благоверного князя Александра Невского. Помимо учредителей — генерального директора санкт-петербургского акционерного общества «Талион» Александра Иосифовича Ебралидзе и председателя Союза писателей России Валерия Николаевича Ганичева — в комиссию по присуждению премии вошел академик, долгие годы возглавлявший Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Николай Николаевич Скатов.

Лауреаты первых трех премий получают солидное денежное вознаграждение, а также золотую, серебряную и бронзовую фигуры Александра Невского. Лауреаты поощрительных премий получают денежное вознаграждение и грамоты.

Первая церемония вручения премии состоялась 12 сентября 2005 года в день памяти святого благоверного князя Александра Невского в стенах восстановленного Елисеевского дома.

Итак, высшей награды в 2005 году удостоилась книга доктора исторических наук Сергея Перевезенцева «Царь Иван IV Грозный», своеобразная энциклопедия эпохи этого великого Государя, во многом оболганного потомками, которые следом за иностранными лжеисториками стали повторять бесчисленные мифы о кровожадности первого русского царя. Второе место получила книга профессора Олега Михайлова «Генерал Ермилов». Третье — монография Сергея Куличкина о герою обороны Порт-Артура генерале Кондратенко («Душа и слава Порт-Артура»).

Помимо трех главных премий были присуждены две специальные в номинациях: «За труды и Отечество» — Анастасия Ширинская с книгой «Бизерта. Последняя стоянка» о русских моряках в изгнании и «Героическая Великая Отечественная» — Алексей Тимофеев с книгой «Покрышкин» в серии «ЖЗЛ». Семь соискателей получили поощрительные премии: Николай Борисов «Сергий Радонежский», Николай Долгополов «Гении внешней разведки», Алексей Карпов «Великий Князь Александр Невский», Николай Коняев «Священномученик Вениамин митрополит Петроградский», Сергей Семанов «Александр Второй», Николай Черкашин «Адмирал Колчак: диктатор поневоле», Валерий Шамшуринов «Жребий Кузьмы Минина».

В следующие годы члены комиссии проводили выездные заседания в разных городах России и Украины — в Нижнем Новгороде, Арзамасе, Харькове, Твери, Орле, Севастополе, Липецке, Курске, и всюду читающие русские люди выражали радость по поводу того, что наконец-то обретают признание те, кто возвращает им прошлое нашей Родины.

В 2006 году золотого Александра Невского получил Герой Советского Союза Владимир Васильевич Карпов за книгу о Сталине «Генералиссимус», второй премии удостоился Юрий Михайлович Лоциц с книгой «Дмитрий Донской», третьей премией наградили Алексея Шишова за книгу «Суворов. Генералиссимус Великой Империи. Новое прочтение биографии».

Специальных и поощрительных премий удостоились следующие авторы и книги: Александр Поляков «Огненный авва» о старце Саввосе (Сиверсе), Владимир Ильяшевич и Марат Гайнуллин «Прибалтийцы на российской дипломатической службе», Дмитрий Каралис «В поисках утраченных предков», Владислав Бахревский «Савва Мамонтов», Ирина Семенова

«Ксения Петербургская», Сергей Цветков «Александр I. 1777—1825». Все эти книги отличаются высоким профессионализмом, но особенно хотелось бы выделить три — книгу Ивана Дронова «Сильный, Державный: Жизнь и царствование Александра III», посвященную Императору Александру III, который заслуживает, чтобы наравне с Иваном III, Петром I и Екатериной II потомки именовали его Великим; повесть Валерия Исаева «Огонь плящий» о выдающемся русском исследователе, мореплавателе и промышленнике Григории Шелихове, в которой автор приводит важные документы, красноречиво свидетельствующие о том, что японцы никогда раньше не считали Курильские острова принадлежащими Японии; а также совершенно потрясающую книгу Виктора Геманова «Триумф и трагедия подводника Александра Маринеско», за которую автор помимо премии получил специальный подарок от главкома ВМФ России — именной кортик!

Уже с первых лет существования премии стало ясно, что это не просто награда — создается целый институт изучения современной отечественной исторической литературы.

И действительно, за семь лет комиссией был очерчен круг имен авторов, заслуживающих того, чтобы их книги имелись во всех русских библиотеках.

Все мы помним, как в 80-е годы в журнале «Москва» стали печататься наиболее значительные отрывки из карамзинской «Истории государства Российского», которую запрещали в СССР. Публикатором был выдающийся историк Анатолий Филиппович Смирнов, к сожалению, ныне покойный. В 2007 году вышла его фундаментальная книга о Карамзине («Николай Михайлович Карамзин»), по сей день являющаяся лучшим из всего, что написано о великом русском писателе и историке. И в том же 2007-м книга Смирнова была удостоена высшей награды — премии «Александр Невский». В том году комиссия сочла возможным присудить сразу две первых премии, и другим лучшим среди соискателей стал известный российский дипломат Петр Стегний, чрезвычайный и полномочный посол России в Израиле. Его книга «Время сиять, или сущая служительница Фива» о Екатерине II показывает великую Государыню во всех проявлениях ее деятельной природы и написана с огромной любовью к русской истории.

Второе место в 2007-м завоевал Евгений Анисимов с книгой об Императрице Анне Иоанновне («Анна Иоановна»), третье — Александр Корольков с фундаментальной монографией о философе Константине Леонтьеве («Пророчество Константина Леонтьева»). Специальной премии «Духовные подвижники» удостоилась книга священника Василия Марущака о святителе Луке (Войно-Ясенецком) («Святитель-хирург. Житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого)»). Другая специальная премия «Соотечественники» за книгу «Царского рода» досталась Ольге Николаевне Куликовской-Романовой, вдове Тихона Николаевича Куликовского-Романова, внука Императора Александра III, возглавляющей благотворительный фонд «Программа помощи России». Поощрительных премий были удостоены книги Александра Боханова о Государе Николае II («Последний Царь»), Ольги Елисейевой о Потемкине («Потемкин»), Михаила Филина о Пушкине («Александр Сергеевич Пушкин»), Константина Скворцова о Константине Великом («Сим победиши»), Александра Родионова «Князь-раб» о тех, кто осваивал Сибирь, и Любови Русевой «России верные сыны».

Вот уже более шести лет Литературным институтом имени Горького руководит замечательный писатель-историк Борис Николаевич Тарасов, автор книг о Паскале, Чаадаеве, Хомякове, Тютчеве. Одним из лучших исследований жизни и деяний Императора Николая I стала книга Б. Тарасова «Николай Первый. Рыцарь самодержавия», и в 2008 году именно эта монография оказалась победительницей конкурса «Александр Невский».

Вторую премию получила книга «Жизнь и деяния видных российских юристов. Взлеты и падения», написанная заместителем генерального прокурора России Александром Григорьевичем Звягинцевым.

Многие годы своей жизни посвятил изучению шолоховского «Тихого Дона» член-корреспондент Российской академии наук Феликс Феодосьевич Кузнецов. В своей книге «Тихий Дон: судьба и правда великого романа» он рассказал об истории поиска черновых рукописей первых двух книг «Тихого Дона», приобретенных академией с помощью президента России В. В. Путина. Кузнецов впервые научно исследовал рукопись как неоспоримое свидетельство принадлежности романа «Тихий Дон» Шолохову, и в 2008 году получил бронзовую фигуру Александра Невского.

Ректор Арзамасского педагогического университета Евгений Титков удостоился специальной премии в номинации «Духовные подвижники» за книгу о Патриархе Московском и всея Руси Сергии (Страгородском) («Патриарх Сергий (Страгородский): подвиг служения Церкви и Родине»). В номинации «Соотечественники» была отмечена повесть Валентины Фроловой «Ветры Босфора» о герое русского военного флота Александре Казарском, памятник которому стоит в Севастополе. Другие поощрительные призы получили книги директора Всероссийского музея А. С. Пушкина Сергея Некрасова «Лицейская лира», Льва Анисова «Шишкин», Александра Казина «Великая Россия», Юрия Когина «Багратион. Бог рати он», Юрия Лигуна «Илья Муромец и Сила Небесная».

Но особенно хотелось бы здесь выделить две книги.

В год 80-летия Валентина Савича Пикуля нельзя было обойти вниманием замечательную книгу «Валентин Пикуль. Из первых уст» его вдовы Антонины Ильиничны, многие годы верой и правдой служившей своему супругу. Она была ему и женой, и секретарем, и незаменимой помощницей.

Слово «раш» в словаре Даля толкуется как «барабанный бой: приказ строиться в колонну». Русский курд Кавад Багирович Раш всю свою жизнь соответствует такому толкованию: его книги это нескончаемый бой за честь доблестного русского офицерства. В 2008 году поощрительной премии конкурса была удостоена его книга «Время офицеров», выпущенная в свет Российским фондом культуры.

В 2009 году премия «Александр Невский» распахнулась шире. Комиссия приняла решение проводить одновременно два конкурса — литературно-исторический и конкурс музейных работников. Отныне на помосте стали выставляться две золотые, две серебряные и две бронзовые фигуры святого благоверного Князя.

Музейные работники — скромные, беззаветно преданные своему делу, никем не замечаемые героини тыла отечественной культуры. Работающие за нищенскую зарплату, они безропотно принимают свою судьбу, рады только тому, что могут заниматься любимым делом...

Впервые их самоотверженный труд стал объектом внимания, музейные работники стали получать солидную общероссийскую премию.

В 2009 году золотого Александра Невского получил музей Шукшина в селе Сростки Алтайского края, серебряного — музей-квартира святого Иоанна Кронштадтского, бронзового — музей Гоголя в Москве.

Первой премией в историко-литературном конкурсе 2009 года был удостоен сборник исторических очерков «Подвижники России», написанный директором Института российской истории РАН Андреем Николаевичем Сахаровым в соавторстве с Владиславом Назаровым и Александром Бохановым. Серебряного Александра Невского в юбилейный гоголевский год получил за книгу «Николай Гоголь: опыт духовной биографии» председатель Гоголевской комиссии при Научном совете РАН Владимир Алексеевич Воропаев. Бронза досталась председателю Белгородской областной Думы Анатолию Яковлевичу Зеликову за сборник рассказов о людях и истории родного края «По воле памяти своей...»

По-прежнему интересным был список лауреатов поощрительных премий. Александр Бондаренко, автор выдающегося собрания томов «Полки Русской армии», непревзойденный специалист по отечественной военной истории XIX века, выступил в качестве автора серии «Жизнь замечательных людей» с великолепной книгой о Милорадовиче. В этой же серии премией «Александр Невский» были отмечены книги Азы Алибековны Тахо-Годи «Лосев» и Константина Ковалева-Случевского за трилогию «Звенигородская Русь»: «Савва Сторожевский», «Юрий Звенигородский», «Звенигород и звенигородская Русь». Другими лауреатами поощрительных премий стали Галина Аксенова за книгу о художнике, архитекторе и историке Федоре Солнцева («Русский стиль. Гений Федора Солнцева»), а также писатели Юрий Сбитнев («Великий князь» в 2 тт.) и Александр Горелов («Свод русского фольклора. Былины» в 5 тт.).

Второй десяток лет Российский государственный архив возглавляет доктор исторических наук Александр Ростиславович Соколов. В 2010 году за книгу «Романовы. На благо России» он удостоился главного приза премии «Александр Невский».

Имя лауреата второй премии известно не только в России, но и во всем мире — Илья Сергеевич Глазунов. Как художник он прославлен, а вот как писатель-историк известен малому кругу людей. Премией 2010 года была отмечена его книга «Россия распятая» в 2 тт.

Юрий Леонидович Шевченко — доктор медицинских наук, профессор, академик РАМН, академик и вице-президент РАЕН, академик Российской военно-медицинской академии имени Кирова, заслуженный деятель науки и заслуженный врач России, генерал-полковник медицинской службы. С 1999 по 2004 год он занимал пост министра здравоохранения Российской Федерации. С 2004 года и поныне он — Главный хирург России. А в 2009 году Юрий Леонидович принял священнический сан. Отец Георгий Шевченко за свою книгу «Приветствует вас Святитель Лука, врач возлюбленный!» был удостоен третьей премии «Александр Невский» за 2010 год.

Жуков, Конев, Малиновский — великие полководцы XX века! В 2010 году поощрительные премии «Александр Невский» получили их дочери — Наталья Конева и Наталья Малиновская за книгу «Имена Победы. Пол-

ководцы и военачальники Великой Отечественной войны, 1941–1945», а Мария Жукова за книгу «Маршал Жуков — мой отец».

Других поощрительных премий были удостоены Георгий Ансимов за книгу о своем отце священнике Павле Ансимове, новомученике Российском («Уроки отца протоиерея Павла Ансимова, новомученика Российского»); Лариса Черкашина за книгу «Тысячелетнее древо А. С. Пушкина: корни и крона», написанную ей в соавторстве с отцом Андреем Черкашиным, ныне покойным, Александр Ужанов за книгу «Михаил Калашников» и Алевтина Кузичева за книгу «Чеховы. Биография семьи».

Музейную премию того года получили работники Хабаровского краевого музея, Государственного историко-архитектурного музея-заповедника «Кизи», Российской государственной библиотеки, музея-заповедника Грибоедова в Хмельте, Гомельского дворцово-паркового ансамбля, Саратовского музея боевой славы и Государственного музея-заповедника «Павловск».

И вот наступил седьмой год вручения премии «Александр Невский». Год, отмеченный сразу двумя юбилеями Достоевского — зимой мы отметили 130 лет со дня смерти Федора Михайловича, осенью отмечаем 190-летие со дня рождения великого писателя. И немудрено, что золотого Александра Невского в этом году суждено было держать в руках авторам самой заметной книги о Достоевском. Ими стали Владимир Николаевич Захаров, Виктор Федорович Молчанов и Борис Николаевич Тихомиров, выпустившие двухтомник «Евангелие Достоевского». В первом томе с помощью уникальных методик, разработанных в научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки, факсимильно воспроизведен личный экземпляр Евангелия Достоевского, содержащий многочисленные отчеркивания карандашом, пометы чернилами, загибы страниц, сделанные Достоевским. Во втором томе отмеченные Достоевским места из Нового Завета рассматриваются сквозь призму отражения их в творчестве писателя. По этому двухтомнику прекрасно видно, какое огромное значение имел Новый Завет для всего творчества великого писателя.

Игумен Дамаскин (Орловский) вот уже 20 лет занимается изучением материалов, касающихся духовенства и мирян Русской Православной Церкви, пострадавших в советский период. С 1996 года он — член Синодальной комиссии по канонизации святых Русской Православной Церкви. Игумен Дамаскин — автор семи книг «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия», составитель полного свода житий новомучеников и исповедников Российских XX века, который продолжает выходить. Давно пора было удостоить этого настоящего подвижника большой наградой. Ему достался серебряный Александр Невский за книгу «Епископ Гермоген (Долганев)».

2011-й — год 50-летия первого полета человека в космос, и бронзовой наградой была отмечена вышедшая в серии «ЖЗЛ» книга Льва Данилкина «Юрий Гагарин».

Специальные премии в номинациях «Духовные подвижники», «Ратоборцы», «Творцы», «Земляки», «Соотечественники» и «Наследие» были присуждены Виктору Калугину за двухтомник «Молитвы русских поэтов», Владимиру Шигину за книгу «Герои забытых побед», Станиславу и Сергею Куняевым за монографию «Есенин», выдержавшую уже шесть переизданий в серии «ЖЗЛ», Марины Колотило за книгу «Толстовский дом: люди и судьбы», Га-

лине Корневой и Татьяне Чебоксаровой за монографию «Россия и Европа. Династические связи. Вторая половина XIX—начало XX в.» и Борису Розенфельду за книгу «Шляпин на Кавказе».

В музейном конкурсе победителями 2011 года стали Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, волгоградский музей истории русской письменности имени О. Н. Трубачева, Алтайский национальный музей имени А. В. Анохина, удмуртский музей «Сарапульская старина», владивостокский Дом музеев Дальневосточного технического университета, казанский музей Боратынского, Всероссийский историко-этнографический музей в городе Торжке, казахстанский мемориальный музей Шолохова в селе Дарыньском, а также музей истории Московского государственного университета.

Политики делают народы врагами, поэты призваны мирить. После трагических событий 2008 года отношения между Россией и Грузией, мягко говоря, стали не очень дружескими. Грузин по происхождению, Александр Ебралидзе считает себя патриотом двух народов — грузинского и русского, которые дружили в прошлом и будут непременно дружны в будущем. Он является президентом Всемирного конгресса народов Грузии. Сразу после войны в Южной Осетии Александр Иосифович объявил о том, что параллельно с конкурсом «Александр Невский» он учреждает конкурс имени великого государственного и культурного деятеля Давида Строителя.

В 2011 году этой премией были награждены следующие авторы и книги: Манана Читишвили — поэтические сборники «Все-таки она звалась Грузией» и «Сто стихотворений», Александр Курдадзе «Гимн вину и лозе», Нугзар Антелава «Абхазские мифы, ритуалы, символы», Анзор Тотадзе — «Население Грузии на рубеже второго и третьего тысячелетий» и «История и будущее совместного проживания грузинского и осетинского народов». Премия первой степени присуждена также художнику Резо (Емельяну) Адамия. Среди награжденных Важа Шубитидзе, Шота Зоидзе, Сосо Сигуа, Евгений Блиадзе, Борис Дарчия, Алеко Асланишвили, Леван Долидзе, Григол Липартелиани, Теймураз Коридзе, Лиана Бараташвили и Нуна Дзамукашвили.

Премии «Александр Невский» и «Давид Строитель» становятся заметным явлением современной культурной жизни. О них уже много пишут в газетах и журналах, пока еще почти не упоминают в телевизионных новостях, но все впереди. Ежегодно и в России, и в Грузии издается много книг, заслуживающих пристального внимания как специалистов, так и всех, кто неравнодушен к родной истории.

Пусть же и впредь сквозь века протягивают руки для дружеского рукопожатия Давид Строитель и Александр Невский!

Александр Сегень

Георгий ФУРСЕЙ СОБОРНОСТЬ КАК ОСНОВА НАШЕЙ САМО- ИДЕНТИФИКАЦИИ

Георгий Николаевич Фурсей — Член Совета Собора православной интеллигенции, доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик, вице-президент РАЕН, лауреат Гос. премии СССР, автор открытия явления взрывной электронной эмиссии, один из создателей международной Лиги защиты культуры. Автор 7 монографий и более 200 научных статей. На основе сделанного им открытия разработаны и созданы портативные рентгеновские аппараты нового поколения для решения задач в областях антитеррористической деятельности, медицины и дефектоскопии. Ветеран Великой Отечественной войны, награжден знаком «Житель блокадного Ленинграда». **Живет в Санкт-Петербурге.**

Сейчас человечество переживает серьезный системный кризис. Идеи, которые, казалось бы, обещали людям достойное и стабильное существование: частный капитал, экономика, основанная на частной собственности и в некоторой мере ограниченная социальной заботой и, с другой стороны — идеи социалистические и коммунистические, базирующиеся на общей, а на самом деле — псевдогосударственной собственности — различные модификации социал-большевизма, практически себя дискредитировали и привели к тупиковому состоянию. Конечно же, в целом возросло богатство общества, особенно в наиболее развитых странах Европы и Америки. Неизмеримо увеличилась энерговооруженность человечества, накопились и продолжают накапливаться экспоненциально знания об окружающем мире, физиологической и биологической структуре человеческого тела. Фантастически, даже по отношению к ближайшему прошлому, развилась информационная сфера, человечество вышло в космос. Все это — несомненные цивилизационные успехи. Но, как это ни грустно констатировать, устойчивость жизни, устойчивость человечества при этом не только не возросла, но, скорее, значительно уменьшилась, поскольку появились новые вызовы, грозящие техногенными, экологическими катастрофами, локальными и глобальными военными конфликтами, угрожающими полным разрушением жизни на Земле и гибелью планеты. **Во всем не-**

уемном стремлении общества к благосостоянию и накопительству материальных ценностей в значительной мере утрачено понимание и ответственность за нравственное здоровье как отдельной личности, так и общества в целом. Предельный эгоцентризм, алчность, всевозможные излишества в наиболее богатой части общества распространяются, пропагандируются и искушают всех и каждого. Все более опасные тенденции проявляются в отравляющем воздействии средств массовой информации. С полным основанием можно утверждать, что очень серьезно нарушена «экология информационного пространства».

Либерализм, провозгласивший свободу без ответственности, и соответственно, без нравственного ограничения, практически пропагандирует вседозволенность. И поэтому, вновь и вновь люди, ответственные за жизнь, бьют тревогу и ищут пути и средства выхода из этого «наркотического состояния». И эти пути неоднократно указывались и раскрывались выдающимися представителями человечества. Они содержатся практически во всех мировых религиях. Если сформулировать это очень кратко, то можно сказать, что для того, чтобы следовать по пути восхождения абсолютно необходимо развиваться и двигаться в рамках *фундаментальных нравственных законов*. Эти законы так же непреложны, как и фундаментальные объективные законы материального мира (законы сохранения, симметрии и т.п.).

Эти законы практически открыты, проявлены выдающимися мыслителями и в великих религиях, и проблема, по сути, состоит в том, что человечество должно быстро и безоговорочно осознать необходимость их безусловного соблюдения.

«Только то, что нравственно, полезно обществу!»

Перефразируя этот тезис по отношению к экономике, которую совершенно ошибочно поставили во главу угла в современном мире, выдающийся экономист нашего времени Николай Шмелев заметил:

«Все, что безнравственно — неэкономично!», поскольку любые безнравственные накопления благ в конечном счете приводят к разрушению человека и общества.

Особенно гипертрофированы эти проблемы в России, где социальные различия между богатыми и бедными, властью и народом, достигли фантастического масштаба. И поэтому именно в России, как в мощном вселенском котле, варятся сейчас идеи, позволяющие найти путь выхода из создавшейся критической ситуации. И вновь, на новом витке, мы возвращаемся к опыту забытого прошлого.

Поэтому сейчас, как никогда, чрезвычайно важно понять, как можно добиться успехов на пути восхождения, преодолевая эгоцентризм, понять, как можно осознанно добиться высокого уровня расположения друг к другу, творческого сотрудничества, радости созидания и способности к подвигу преодоления.

Необходимо понять, что нужно сделать для этого и вспомнить забытые примеры удачных решений в прошлом.

16-го мая этого года прошла межрегиональная конференция движения «Народный Собор», на которой ставились основные задачи движения и вырабатывались пути преодоления социальных, экономических, экологических вызовов, которые стоят сейчас перед Россией. Возникновение такого движения, как «Народный Собор» для России в целом является чрезвычайно актуальным, и появление этого движения внушает надежду, что все наше общество получает возможность выразить свои устремления и предложить конструктивные идеи для выхода из кризисной ситуации — найти путь Спасения.

Для этого совершенно необходимо *создание прямых каналов взаимодействия с властью*, и, в первую очередь, — *с Президентом страны*. Эта идея в последние дни неоднократно подчеркивалась и самим Президентом. Для того, чтобы это могло быть реализовано, требуется прямое взаимодействие общественных организаций, мыслителей, ученых, писателей, выдающихся учителей с Президентом и властью, минуя чиновные преграды и волокиту. Таких каналов не должно быть очень много, но они должны быть действенными. И задача «Народного Собора» — создать их. Это могут быть великие личности современности, герои, совершившие выдающиеся подвиги, и им подобные. Мне кажется, что было бы очень здорово возродить в России некий институт высших духовных авторитетов — **Институт Старчества**. Необходимо иметь *трибуну в СМИ* для выражения своих идей великими гражданами нашей страны.

Одна из главных проблем — это осознание и утверждение человеческого достоинства замечательных людей, населяющих нашу страну. Возможно сейчас, как никогда, нам необходимо объединение, *сложение наших интеллектуальных и нравственных усилий на пути возрождения*. Именно то, что подразумевает под собой великий объединяющий тезис — **Соборность**. Необходимо побудить чувство нравственной ответственности за настоящее и будущее.

Нам совершенно необходимо вернуться к великим общечеловеческим ценностям — духовности, единению всех наших сил, фундаментальным нравственным принципам, заложенным в христианстве, Православии, как главной составляющей христианства в России. Возможно, именно сейчас, нам необходимо *обратиться к нашему глубинному религиозному чувству*, к нашей душе и нравственным началам внутри нас. Нам необходимо объединить все наши общественные силы, все недостаточно востребованные возможности нашей интеллигенции, ученых, людей искусства, учителей, педагогов высшей школы, выдающихся просветителей нашей страны.

Важнейшей и принципиальнейшей задачей, стоящей перед общественными движениями, перед нашими СМИ и перед всеми институтами управления страны — является необходимость **изменить парадигму наживы на парадигму соборности и духовности**.

Важнейшей силой, которая может осуществить эту грандиозную задачу в нашей стране, является **Православие**, фундаментально со-

держашее в себе принцип соборности, собрание вокруг себя всех здоровых сил. Для того, чтобы это получилось, необходимо, чтобы в этом собирательном процессе присутствовала исключительная деликатность и уважение ко всем.

Говоря о Православии и христианстве, я имею в виду основополагающий принцип *Общинности и Любви*. Православие, с его близостью к истокам христианства и его чистотой принципа духовности, лишённого **искушения наживы** и твердо порицающего искажения (грех), извращения, убийства человеческого плода, служение наживе ради самой наживы (ростовщичество), может служить основой для единения всех вокруг нравственных основ.

В то же время Православие должно ежечасно показывать свою привлекательность, свою чистоту, свою действенность и реализовывать себя в **Подвиге**. Православные, как это часто бывает, не должны ни в коей мере провозглашать свою **«избранность»** — нам необходимо *служить всем, и тем самым привлекать всех к тем высоким целям, которые провозглашаются Православием.*

ВЫШЛА КНИГА

Политика против истории. Дело партизана Кононова / сост. В. Е. Романов. — М.: Вече, 2011. — 464 с. — (Актуальная история).

В 1998 году против Василия Кононова (1923—2011) — участника антифашистского движения Сопrotивления, гражданина Латвии — было возбуждено уголовное дело по обвинению в совершении им военных преступлений. Два года спустя 77-летний ветеран решением латвийского суда был приговорен к шести годам заключения в тюрьме закрытого типа. Впервые за военные преступления был осужден не нацистский пособник, а партизан, воевавший с оккупантами. Как бы чудовищно это ни звучало, был создан прецедент, который может использоваться для уголовного преследования любого из участников движения Сопrotивления, воевавших во Франции или Бельгии, Польше или Италии в составе сил антигитлеровской коалиции.

**Екатерина
СКОРОБОГАЧЕВА**

«РАСКУЛАЧИВАНИЕ». ИЛЬЯ ГЛАЗУНОВ

*Художник
о трагедии России*

Екатерина Александровна Скоробогачева. Кандидат искусствоведения, гл. специалист ГУК «Московская государственная картинная галерея Народного художника СССР Ильи Глазунова», и. о. директора музея Российской Академии живописи, ваяния и зодчества. Родилась в г. Самаре. Окончила Самарское художественное училище, живописно-педагогическое отделение. В 2002 г. — Российскую Академию живописи, ваяния и зодчества (Москва), факультет искусствоведения, в 2006 г. защитила диссертацию в Европейской Академии информатизации (Брюссель). Преподает в Российской Академии живописи, ваяния и зодчества. **Живет в Москве.**

«Посмотрите, как Отечество наше расхищается и разоряется чужими, какому поруганию предаются святые иконы и церкви, как проливается кровь неповинных, вопиющая к Богу. Вспомните, на кого вы поднимаете оружие: не на Бога ли, сотворившего вас? не на своих ли братьев? Не свое ли Отечество разоряете?» Врезающиеся в память слова священномученика Патриарха Ермогена, написанные в начале XVII века, находят зримое выражение и в великой смуте начала XX века, которая отражена в монументальной картине Ильи Сергеевича Глазунова «Раскулачивание». Грандиозное полотно всемирно известного художника, ныне представленное в его московской галерее на Волхонке, стало центром экспозиции новых картин Ильи Сергеевича на его юбилейной выставке в Москве, в выставочном зале «Манеж» в июне 2010 года, а в ноябре 2011 года в «Манеже» Петербурга. В течение трех недель каждую из выставок посетило около 60 тысяч человек. Уже более полувека не утихает интерес к творчеству Ильи Глазунова. Так было, начиная с первой персональной выставки студента Художественного института имени Репина, которая состоялась в Москве в 1957 году и принесла ему признание.

«Раскулачивание» звучит словно набатный колокол о всех и о каждом, о нашей России, едва не погубленной в ушедшем столетии. Согласно лаконичным словам самого автора «Раскулачивание — это трагедия России, гибель крестьянства, часть геноцида русского народа». Его высказывание подтверждает каждая деталь картины, в которой художник выражает великую скорбь нашей страны, показывает, как в годы раскулачивания разрушали храмы, оскверняли иконы, сжигали дома, как убивали, ссылали, грабили людей. Их лишали

всего в хаосе ледящих душу событий: в огне пожаров, в застенках тюрем и лагерей, в массовых казнях и переселениях, обрывались последние нити, связывавшие обездоленных с прежней жизнью, семьей, родной землей, Отечеством.

Суть событий раскрывает и щемящий пейзаж — образ угасающей природы, на фоне которой разворачивается действие. Гнетущее осеннее небо с рваными тучами, первый снег, оставивший на полях изломы белых линий, свинцовая вода реки, потемневшие в непогоду стены изб, трепещущие под порывами ветра золотые березы у светлых стен православной церкви, подобные символу самой России. Потрескавшаяся кора старых деревьев напоминает рубцы былых ран: трагических событий нашей истории, испытания смутного времени начала XVII века. Но в XX столетии Россию вновь объяла смута, несравненно более продолжительная и жестокая. Храм еще стоит по-прежнему на русской земле, еще не сорваны его кресты и колокола, еще целы его небесного цвета главы с золотыми звездами. Если будут уничтожены православные храмы — будет уничтожена и Россия. К такому же безутешному лику русской земли обращены слова молитвы Оптиных Старцев, в которой Россия, лишившаяся своего Царя и веры, названа обезглавленной.

Насколько же верны слова молитвы, как и исключительно емкие образы в полотне «Раскулачивание». Поражает грандиозный масштаб замысла и виртуозность его исполнения. Размер картины составляет 4 на 8 метров, она весит более тонны, в экспозицию ее поднимают 30 человек. Столь монументальный формат был необходим художнику для отображения всей глубины великой трагедии. Композиция предельно насыщена, и именно в таком монументальном формате достигается особенно острое звучание.

Илья Глазунов работал над этим произведением около пяти лет, но замысел складывался у художника едва ли не в течение всей жизни. В картине отражены впечатления довоенного детства, когда в летние месяцы вместе с родителями он жил в сказочно прекрасной Луге близ его родного Петербурга. Но насколько контрастны другие воспоминания детских лет. Как страшны для него были образы первых месяцев войны: бомбежки в поселке Вырица, когда враг был уже на подступах к северной столице, голод и непередаваемое горе ленинградской блокады, о которых через много лет Илья Сергеевич напишет: «Те дни постоянным, непроходящим кошмаром стоят в моей памяти...». В решении картины «Раскулачивание» не могли не сказаться воспоминания художника и о времени эвакуации. В 1941 году одиннадцатилетний Илья Глазунов был спасен: по Дороге Жизни его эвакуировали из блокадного Ленинграда в деревню Гребло под Новгородом Великим. Навсегда запомнилось, как вдали, у самого горизонта, среди заснеженной новгородской равнины, он увидел несколько деревенских домов, словно высыпанных из ладони Господа. В Гребло он жил в доме солдатской вдовы Марфы Скородумовой, был пастухом, работал в поле, с крестьянами молотил зерно. На всю жизнь художник сохранил благодарную память о деревенских людях. Благодаря им оживала, укреплялась его детская душа, измученная ужасами войны, блокады, потерей родителей и близких, погибших от голода. Неброская и чарующая красота северной природы также помогала справиться с горем. «Я как в храм входил в сень весеннего леса», — напишет Илья Сергеевич годы спустя.

Раскулачивание. Илья Глазунов, 2010

После возвращения в родной город, в годы учебы в институте имени И. Е. Репина, бывшей Императорской академии художеств, образы русской деревни были еще более глубоко поняты, пережиты художником. Он много путешествовал по России, уезжая в старинные селения, глухие деревни Поволжья, Севера, Сибири, общался с крестьянами, рисовал и писал их. Из рассказов очевидцев событий, из драм и трагедий их жизней, через народные предания, притчи и песни узнавал жизнь, так зарождались замыслы его будущих знаменитых произведений.

Получив заслуженное мировое признание, Илья Глазунов продолжал ездить по всей России. Ежегодно его выставки проходили и проходят в городах страны. Художник знает, что и как сказать в своих картинах зрителям. Его произведения, отражающие саму жизнь, непредвзятые и объективные суждения о нашей истории и современности, являют вневременной лик России.

Полотно «Раскулачивание» вобрало в себя богатство впечатлений его столь насыщенной событиями жизни, глубину его исторических, религиозно-философских заключений, в то же время близких и понятных каждому. На глазах зрителя крестьянская Русь, сберегавшая заветы Православия, уходит в небытие, подобно легендарному граду Китежу, уничтожается жестоко, неизбежно и безвозвратно. Ее калечат с издевкой, с нечеловеческой злобой, с немыслимым цинизмом расчета, навечно стирают с лица земли. Трагедия свершается на глазах зрителя, каждый словно становится ее свидетелем. Вновь над русским простором будто звучат суровые слова лаврентьевской летописи XIV века: «Братия наша перебита и отцы наши, а другие в плену, а теперь вот на нас идут».

В композицию картины «Раскулачивание» Илья Сергеевич включил более ста тридцати фигур. Он пишет их с натуры, опираясь на архивные документы, старые фотографии, достигая предельной убедительности характеристик, но, вместе с тем, создавая исторические и философские обобщения. Каждый образ раскрывает историю жизни человека, русского крестьянства, всей России. Не только в решении персонажей, но и деталей, будь то древняя икона или фантастическая красота узорного платка, отражены страницы нашей истории, правда жизни народа. Известны многие факты, как в советские годы крестьяне пытались сберечь предметы старины: прята-

ли народные костюмы, старинные книги, прялки на чердаках и в подвалах, иконами выстилали внутренние стенки сундуков — скрывали намоленные образы «подальше от глаз антихристовых».

На дальнем плане по вязкому бездорожью поздней осени тысячи крестьян насильственно сгоняют к эшелонам. Они будут депортированы: высланы на Север, в Сибирь, на Урал, в Среднюю Азию. Многие из них никогда не вернутся в родное селение, не увидят близких. Можно вспомнить исторические факты тех страшных лет. На рубеже XIX—XX веков наша страна была великой монархической Державой, кормила хлебом едва ли не половину мира, успешно развивалась экономика, процветало национальное искусство. Согласно социологическим исследованиям ученого Д. И. Менделеева население России к 1950 году должно было составить 280 миллионов человек, к 2000 году — 590 миллионов. Однако апокалипсические события XX века в два с лишним раза сократили численность народа.

Известны данные раскулачивания, непревзойденные в своей жестокости. Когда только стихала смута революции, переставало полыхать над русскими просторами зарево братоубийственной Гражданской войны, началось уничтожение крестьянства. В начале XX века деревенские жители составляли 85 процентов населения. Их искоренение было близко уничтожению России. Раскулачивание стало одним из важнейших звеньев в цепи красного террора. С 1918 до середины 1930-х годов было погублено свыше 2 миллионов крестьян, около 1 миллиона хозяйств, более 6 миллионов людей сослано, из них 1 миллион 800 тысяч в течение двух лет: в 1930—1931 годах.

Для всех нас события, отраженные в «Раскулачивании», не могут быть только отдаленной историей, поскольку это и образ России сегодня: это утраты народа, неотъемлемые от жизни каждого. В трагических, абсурдных событиях XX века миллионы людей были лишены не только исторической памяти и благосостояния, но и человеческого достоинства.

Персонажей картины «Раскулачивание» невозможно воспринимать равнодушно. В каждом из них словно явлен лик Руси Православной, изломанных раскулачиванием человеческих жизней. На переднем плане полотна предстает убитый старик, припавший к Казанской иконе Богородицы. Рядом с ним молодая девушка, смиренно склонившаяся в молении, пожилые женщины, на глазах которых рушится многовековой уклад крестьянской жизни.

У стен Православного храма, близ старых изб, свершается страшная бойня. Приверженцы красного террора насильственно угоняют людей, грабят, убивают их, поджигают дома. Крестьянские ребята, забравшись на березу, притаившись в ее ветвях, смотрят на происходящее, как беззащитные маленькие птицы. Так в один день и миг обрывалось их детство и увиденное скорбной полосой навсегда оставалось в памяти. Кто-то из этих детей выживет, сохранит страшные подробности времени. Они сохранены и в истории семьи художника, как в истории тысяч и тысяч семей России, в сердцах тех, кто и сегодня в галерее Ильи Глазунова и на его выставках проводит часы перед монументальным полотном, будто узнавая в его персонажах своих близких.

В картине, написанной столь трепетно, мощно, все овеяно горем тех страшных дней. Здесь иконы разрубают топорами и сжигают на кострах. Такие детали правдивы: сам художник не раз становился очевидцем подобного поругания святынь. Илья Сергеевич спасал иконы от уничтожения, находил их в заброшенных монастырях, церквях, в обезлюдевших деревнях, сам реставрировал.

В своем творчестве, исключительном по диапазону идей, тем, образов, Илья Глазунов говорит о сложнейших, особенно противоречивых событиях истории Руси и России. Обращение к теме раскулачивания закономерно и потому, что напоминает об истории его семьи. По линии отца, социолога, историка и экономиста Сергея Федоровича Глазунова, их род — крестьянский: происходит из села Новопетровского Московской губернии.

Образы грандиозного полотна глубоко пережиты художником, словно он сам был очевидцем событий, вобрал в свою душу горе каждого, стон самой русской земли. Как щемяще, трогательно написана худенькая девочка-подросток, которая пытается вывести корову из беспощадной бойни. Действительно, раскулачиванию, разорению подвергали не только зажиточных крестьян, но середняков, бедноту. У них отбирали все: зерно, хлеб, коров, обрекая семью и, в первую очередь, детей на голодную смерть. Образы таких людей, твердо вззирающих на совершающееся, показаны в картине. Их лица подобны иконописным ликам, звучанию евангельских слов: «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лука 17: 21).

Такова история бесчисленных крестьянских семей. Не прошло еще и ста лет со времен тех скорбных событий, и врезаются они, как кровоточащие раны, в нашу историю, в память миллионов людей, как семейные предания, с болью, но и с гордостью за своих предков и свой народ, передаются в поколениях. Потеряв близких, лишившись домов и хозяйств в пожарах, крестьяне нередко ютились в уже заброшенных храмах в родном селении или окрестных деревнях, уходили пешком за десятки верст, уводя с собой последнюю козу или корову, спасая не столько себя, сколько семью. В народе о таких беженцах с грустью говорили: «Судьба им — в крапиву уйти». Жгучей зеленью крапивы зарастают и ныне, как столетия назад, наши поля, обугленные остовы домов, некогда богатые селения. Есть в народе и другое горькое выражение: «Все бывшем поросло». Но та же крапива первой появляется на пепелище, возвещает о возвращении к жизни. Во все времена не страшились в русском народе «уходить в крапиву», не боялись лишений и невзгод, умея с неслышимой стойкостью преодолевать их, рассчитывая лишь на свои силы и помощь Господа. И потому, наверное, из крестьянской среды вышло столько самородков, достойных сынов России. Среди них — святой Иоанн Кронштадтский, ученый М. В. Ломоносов, художники: О. А. Кипренский, В. И. Суриков, братья Васнецовы, А. П. Рябушкин, скульптор Ф. И. Шубин, великий певец России Ф. И. Шаляпин.

Четко, с особенной резкостью, Илья Сергеевич характеризует вершителей злодеяний. Это не люди — нелюди, их лица — отвратительные маски, мимика — гримасы, улыбки — оскалы, взгляды люты и пусты. На отталкивающих личинах читаются злоба, жестокость — отражение сатанинской черноты их душ. Им неведомы светлые человеческие чувства, незнакомы сознание долга и вера, им ненавистно само понятие — Святая Русь. Они пришли, чтобы уничтожить ее, чтобы не осталось и памяти о ней, чтобы светлый лик ее, духовная красота и сила осквернены были навечно. Старинная пословица гласит: «Были бы кости: собаки найдутся». Как стаей диких разъяренных собак раздиралась на части русская земля в скорбном смятении событий XX века. Тогда в храмы врывались разношерстные банды, чтобы осквернить святыни в алтари приносили свиней, крыс, мышей, приводили блудниц, заимствуя опыт французской буржуазной революции 1789—1794 годов.

И сегодня невозможно без содрогания и безмерной скорби обращаться к жутким фактам тех дней, когда тысячи людей умирали от голода, когда производились массовые расстрелы невинных крестьян, нестерпимым пыткам подвергали духовенство. Об этом художник говорит в картинах, продолжает свои рассуждения в книге «Россия распятая». Рассказывая о зверских расправах, свершавшихся над представителями Русской Православной Церкви, Илья Глазунов цитирует Ф. Винберга и пишет, что «кровью сердца пропитаны эти строки о начале небывалого в истории красного террора»: «Число мучеников определить мало-мальски точно нельзя... Киевский Митрополит Владимир из своих покоев в Киево-Печерской Лавре был выведен на крепостные валы и там расстрелян. Архиепископ Пермский Андроник погребен заживо; перед смертью ему выкололи глаза, вырезали щеки и, окровавленного, водили на показ по улицам...»¹. Один из священнослужителей, вероятно, настоятель местного храма, показан в картине. Он возвышается над толпой, и, кажется, своим взглядом и жестом пытается остановить смуту. Несложно предположить и его трагическую участь.

Вдали полыхает деревня. Этот образ не менее важен, ибо звучит напоминанием о губительных пожарах, оставлявших на месте процветающих селений только черную выжженную землю и пепел, кружащий в воздухе на несколько верст округи. Беспощаден огонь, бесчеловечны каратели, с адским пламенем жестокости уничтожавшие все и всех вокруг. Так на Россию обрушились события апокалипсического XX века, так приблизилось царство зверя, о котором писали Отцы Церкви, а в первом соборном послании святого апостола Иоанна Богослова говорится: «...Придет антихрист, и теперь появилось много антихристов... Они вышли от нас, но не были наши: ибо если бы они были наши, то остались бы с нами, но они вышли, и чрез то открылось, что не все наши... Кто лжец, если не тот, кто отвергает, что Иисус есть Христос? Это — антихрист, отвергающий Отца и Сына (1 Иоан 2:18, 19, 22).

По учению Отцов Церкви антихрист — сын дьявола, который явится в мир в образе Христа и будет править именем Его, будет вершить злодеяния. Образ антихриста многозначен. Как часто в нашей истории и жизни тонка грань между добром и злом, и зло может явиться в мир под видом добра, лицемерно утверждая ложные ценности, под прикрытием пафосных рассуждений творить беззакония.

От множества деталей патетического полотна взгляд зрителей возвращается к облику приверженцев красного террора, что вновь заставляет задуматься: что происходило и происходит с Россией, с людьми, как и почему человек превращается в зверя. Насколько тонко, с множеством градаций, Илья Глазунов характеризует карателей. Среди них показаны и сомневающиеся люди. Они не понимают, кому служат, к чему причастны. Немые вопросы остаются без ответа: «Зачем свершаются злодеяния? Кому нужно осквернение святынь? Во имя чего убивают детей, женщин, стариков?»

Таковы мучительные раздумья людей обманутых и самих себя обманывающих. Такова трагедия человека, лишённого чувства собственного достоинства, исторических и духовных корней, живущего не по совести. По словам Ильи Глазунова, «Совесть — отражение бытия Божьего в душе человека». И если не останется этих основ, то погибнет человек, уподобится

¹ Глазунов И. С. Россия распятая. Том I. М.: Олимп, 2004. С. 263.

срубленному дереву, о чем писал святой Иоанн Креститель: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное... Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (Матфей 3: 2–10).

Художник с глубоким пониманием и мудростью раскрывает образы этих заблудших сынов XX века. Его живописные характеристики в картине можно воспринять как продолжение заключений Федора Достоевского, высказанных устами монаха — старца Зосимы: «Не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уже подобие Божеской любви и есть верх любви на земле...». Закономерно, что Илью Глазунова нередко называют «Достоевским в живописи»: их миропонимание во многом близко, и точность заключений писателя проникновенно подтверждена в творчестве художника. Так и в картине «Раскулачивание» свершается вечная борьба добра и зла, света и тьмы, Бога и сатаны в людских душах, в нашей истории, о чем писал еще в XIX веке Ф. М. Достоевский, о чем ныне пламенно говорит в своем творчестве Илья Сергеевич Глазунов, не теряя веры в возрождение человека.

Предельно контрастно решены многие образы полотна «Раскулачивание». В драгоценном окладе иконы показан не древний намоленный лик, но подобие страшной звериной маски, отталкивающая личина одного из вершителей смуты. Как страшно расколота икона, Богородица отделена от младенца: расколота сама русская земля жестокостью и абсурдом революционных событий и Гражданской войны. Порой еще более нестерпимой трагедией, оставшейся в поколениях, и бесконечным людским горем звучат не общеизвестные исторические сведения и сухие статистические данные, но несколько скупоброненных, выстраданных слов жителей из разоренных селений. Илья Сергеевич вспоминает свои встречи с ними во время поездок, называет трюмы пароходов и переполненные вагоны поездов «своими университетами», благодаря которым узнавал подлинную Россию.

В середине 1950-х годов во время одной из таких поездок он заговорил с пожилой крестьянкой и спросил, нет ли у нее старинных прялок. На что старушка с ужасом отвечала: «Неужели теперь и прялки отбирать будут?» Навсегда в его памяти осталась также встреча в старинном волжском городе Плесе с человеком лет семидесяти, жизнь которого была сломлена советским режимом. От хозяйки дома художник узнал, что всю семью этого человека посадили: в их роду было много священников, а остался он один, конвой забрал его прямо из церкви. После долгих лет лагерей он вернулся в дом своей дальней родственницы, месяцами молча сидел на сундуке в углу, однажды только сказав: «Зовут меня Червячок. Я червь земной и тленный, но выживший в геенне огненной... Если смогу, буду за вас молиться»¹. Как многое может рассказать картина «Раскулачивание». Здесь все выражает плач земли русской, но мы видим и ни с чем несравнимый прекрасный образ Отечества.

Поясняя выбор сюжетов картин, в книге «Россия распятая», в разделе «От Февраля до Октября: двоевластия не было», Илья Сергеевич замечает: «Я бы не написал многих своих исторических картин, если бы на протяжении всей жизни не стремился изучить не только трагическую историю своего народа-великомученика, но и постичь глубинные, порой тщательно скрываемые

¹ Глазунов И. С. Россия распятая. Том II. М.: Олимп, 2004. С. 140.

от нас подлинные причины движения мировой истории... Осмысленные мной исторические события и составляют яростную духовную ткань всего моего творчества художника и мировоззрения гражданина... Слишком мучительно давались мне эти исторические разыскания, и потому без них мое мировоззрение и мои картины не будут до конца поняты моими зрителями и читателями»¹. Такова духовная ткань и картины «Раскулачивание», в которой художественным языком виртуозно передан характер событий: в напряженном ритме композиции, остром рисунке, насыщенных контрастных цветовых сочетаниях. Так раскрыт смысл эпохи, и словно слышатся патетические скорбные аккорды симфонической музыки или реквиема, выражающих трагедию начала XX столетия, напоминающую о себе и в наши дни.

Каковы результаты, последствия раскулачивания? Об этом можно судить сегодня, когда фактически крестьянства уже нет в России, в деревнях царит запустение: последние нищие старики, заколоченные дома, заросшие, некогда богатые поля... Такие образы тонко раскрыты во многих полотнах Ильи Глазунова, словно являющих итоги раскулачивания: «Русская земля», «Коммунисты прошли», «На колхозном складе», «За гуманитарной помощью», «Закат».

В наши дни нет, наверное, в России ни одной семьи, которую не затронули бы события начала XX века — сложнейшего, переломного исторического периода. Тогда страна оказалась на краю бездны. Великая Держава с древней и славной историей стала обезличенной, ибо была лишена своих исторических корней, исконной Православной веры. И потому у картины Ильи Глазунова «Раскулачивание» от зрителей так часто можно услышать: «Эта правда о нашей истории! Это крестный путь России в XX веке!», «Такова история и моей семьи, вижу словно портрет прадеда среди крестьян», «Так происходило под Вологодой, в рязанских деревнях, в Поволжье...».

По глубокому убеждению художника духовный идеал русского человека — это Сын Божий, земному пути Спасителя подобна история Руси и России. Вспоминаются слова Нагорной проповеди Христа: «Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое; и тогда соблазнятся многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут и прельстят многих; и, по причине умножения беззакония, во многих охладее любовь; претерпевший же до конца спасется» (Матфей 24: 9–13).

Скорбно звучание полотна, но одно из главных мест в нем занимает ранящий душу образ пожилой крестьянки в черном. Она изображена в позе Богородицы Оранты — Нерушимой стены, Заступницы за нашу землю. Руки женщины воздеты к небу, к храму. Ее образ, столь сильно решенный художником, сопоставим с женскими образами полотен В. И. Сурикова, М. В. Нестерова. Будто читает она с надрывом и глубокой скорбью молитву Пресвятой Деве Марии, просит Царицу Небесную о помощи и утешении: «Приими, Пресвятая Богородице, молитвы матерей, о чадах своих слезы проливающих, жен, о мужех своих рыдающих, чад сирых и убогих, заблуждшими оставленных, и всех нас...». Несмотря на всю безмерность людского горя, несмотря на врезающиеся в память свидетельства скорой гибели крестьянской Руси, образ храма господствует в картине, утверждая,

¹ Глазунов И. С. Россия распятая. Том I. М.: Олимп, 2004. С. 184–185.

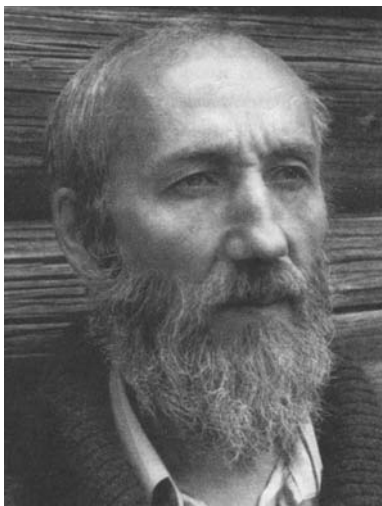
что устои Православия по-прежнему неотделимы от национального мировоззрения сегодня, как и столетия назад. Так слова Священного Писания: «О вы, напоминающие о Господе, — не умолкайте» (Ис. 62: 6) находят зримое воплощение в картине «Раскулачивание».

Насколько сегодня необходимы подобные напоминания. В наши дни по-прежнему скорбны русские деревни. Тучи черного воронья, кружащие над заброшенными полями, заколоченные дома, полуразрушенные храмы без крестов и глав... Не отголоски ли событий эпохи раскулачивания мы слышим сегодня в информационных передачах, видим вокруг? Обездоленные старики и ветераны войн просят подаяние, беспризорные дети и подростки поработаны алкоголем, наркотиками. И не чудо ли свершается на наших глазах, когда из нищеты и разрухи, от поруганных святынь, искаженной истории, забытых нравственных ориентиров все же поднимается Россия, когда все также в народе чтут величественные образы наших святынь.

Композиция полотна строится от храма и к нему возвращается, напоминая, что Россия во все времена берегла библейские заповеди, нашедшие выражение в самой жизни народа. И потому должна воскреснуть русская земля ныне, как воскресала всегда. На дальнем плане полотна к горизонту средь полей уходят дороги, там и избы, полыхающие в огне пожаров, там и свет солнца, пробивающийся тонкой, едва заметной полоской сквозь нависшие тучи. И картина звучит торжественно, подтверждая всем живописным строем основные идеи философии и мировоззрения Ильи Глазунова, раскрытые им и в столь точно избранном эпиграфе к его книге «Россия распятая» — словах Евангелия от Иоанна: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Иоанн 1:5).

Бесспорно, что монументальная композиция «Раскулачивание» занимает одно из центральных мест в творчестве художника, что масштаб картины исключителен, значение сопоставимо с его выдающимися полотнами: «Вечная Россия», «Мистерия XX века», «Разгром храма в Пасхальную ночь». В истории мировой живописи можно назвать немного исторических полотен, сравнимых с «Раскулачиванием». В картине переплелись тысячи впечатлений, событий жизни автора, его семьи, многовековой истории Отечества. Подобно корням, питающим дерево, они наполнили его образы исключительной силой, глубиной, достоверностью звучания. Будто из самой русской земли поднялись эти образы, из горечи потерь и величия побед нашего народа, из протяжности, неизъяснимой задушевности русских песен, стародавних, веками хранимых традиций. И возникла картина, подобная могучей глыбе, воплощение титанического труда художника, всей его жизни, его дум, скорбей и радостей, боли и гордости за нашу Русь и великой надежды на ее светлое воскресение. Каждый персонаж и деталь «Раскулачивания» — это сама Россия: многоликая, разнородная, с бесконечностью ее бед и светом негасимой веры, со взлетами и падениями ее истории, с богатством и скудостью ее земель, с бездной ее испытаний и высотой возрождения.

Вневременные идеи, столь необходимые сегодня, отражены во всем творчестве и деятельности Ильи Глазунова, неизменно посвященных служению России. Так свершается гражданский подвиг художника, ибо его искусство, отражающее вечную борьбу света и тьмы и торжество светлых начал, помогает выстоять в смуте событий, создает одухотворенный образ русского народа, великой Православной Руси.

Сергей ЩЕРБАКОВ ВОДЫ ПРОЗРАЧНЫЕ

*Толкование на повесть
Василия Белова
«Привычное дело»*

Сергей Антонович Щербаков — родился в 1951 г. в забайкальском селе Мухоршибирь. Строил Вилуйскую ГЭС. Закончил факультет журналистики МГУ. В 1991 году окрещен православным священником Димитрием Дудко. В этом же году принят в члены СП России. Написал и издал книги: «Царапина», «Путные рассказы», «Цветы благоухающие», «Про зырянскую лайку», «Ближние», «Борисоглебская осень» и др. В 2008 г. награжден дипломом и премией лауреата XIV Международного литературного конкурса имени Андрея Платонова «Умное сердце», дипломом лауреата литературной премии имени Е. И. Носова. **Живет и работает в Москве и в ярославской деревеньке Старово-Смолино, что в трех верстах от Борисоглебского монастыря.**

«— Парме-ен? Это где у меня Пармен-то? А вот он, Парменко. Замерз? Замерз, парень, замерз? Дурачок ты, Парменко. Молчит у меня Парменко. Вот, ну-ко мы домой поедем. Хошь домой-то? Пармен ты, Пармен...»

Так начинается повесть Василия Белова «Привычное дело». С разговора изрядно выпившего Ивана Африкановича со своей лошадью Парменом. Оправдывается он: «А я, Пармеша, маленько выпил, выпил, друг мой, ты уж меня не осуди... А что, разве русскому человеку и выпить нельзя? Нет, ты скажи, можно выпить русскому человеку? Особенно ежели он сперва весь до кишков на ветру промерз, после проголодался до самых костей?.. Все мы, Парменушко, под селпом ходим, ты уж меня не ругай».

Ивану Африкановичу перед лошадью совестно!

Чтобы Пармену не так было обидно, что он один мерз на улице, Иван Африканович пересказывает, что происходило в селпо. Как Мишка Петров на спор целую бутылку водки с хлебом из блюда выхлебал. Потом все же не сдюжил, «выскочил из-за стола да на улицу». «Ну да ты тут у крылечка стоял, ты его видел, мазурика», — спохватывается Иван Африканович.

И двинулись они к себе в деревню. По дороге Иван Африканович поясняет Пармену, почему Мишка Петров не поехал с ними домой, а пошел в клуб к девкам, потому что у них в деревне «весь первый сорт по замужьям разобрали, остался один второй да третий». Потом он спрашивает Пармена, не попадет ли ему от бабы, и сам же отвечает, что попадет. Потому что «тоже надо скидку делать, бабе-то... Ведь у ее робетешек-то сколько?.. Ведь их восемь... Али девять? Нет, Пармен, вроде во-

семь... А с этим... которой в брюхе-то... Девять?» Иван Африканович пробует сосчитать по именам, кто за кем родился. Окончательно запутывается и машет рукой: «А, шут с ним, все вырастут!»

От детей он снова возвращается к жене. Нахваливает Пармену Катери-ну и ненароком немножко собой гордится: «Только у меня баба не такая, она и отряховку даст кому хошь. А мне ни-ни с пьяным. Пьяного она меня пальцем не тронет, потому что знает Ивана Африкановича, век прожили». Это он о том, что глупые бабы лезут к пьяному мужу с разборкой, а пьяный что понимает? — вот и получают отряховку. А у него баба умная, и он ее тоже пальцем не тронул.

Неожиданно Иван Африканович обрывает свой добродушный разговор с Парменом. С пьяных глаз ему показалось, что Пармен не на ту дорогу свернул. Он обругал его дураком, отхлестал вожжами и «восстановил на верную путь». И вернулись они в ту же деревню, где сельпо! И уже Иван Африканович виновато: «Ну, теперь мы с тобой домой поедem. Вот-вот, заворачивай-ка, батюшко! Ведь я тебе еще каким помню-то?»

Уже и батюшко, а не дурак... Опять перед лошадьeю совестно!

В полях их догнал подгоняемый морозцем Мишка Петров, которого шибко грамотные девки с центральной усадьбы не приняли в кавалеры. С расстройства и в отместку Иван Африканович с Мишкой выпили еще бутылку. И сразу «вдруг и скрипящая завертка, и шаги мерина — все приобрело смысл и заявило о себе...». Иван Африканович, которому стало обидно за Мишку, решил оженить его на сосновской Нюшке, своей троюродной сестре. Не откладывая дела в долгий ящик, тут же поехали к Нюшке в Сосновку свататься. Нюшка вытолкала пьяных сватов, решив, что над ней (один глаз у нее с бельмом) хотят посмеяться. Пришлось незадачливым сватам ночевать в бане, потому что «Иван Африканович забыл привязать мерина, и он давно уже топал домой, топал один, под белой луной по тихой дороге, и завертка одиноко скрипела в ночных полях».

Одиноко скрипящая завертка на санях! Далась она автору! Пять раз он ее поминает в одной главе! Она издает главный и даже единственный громкий звук в ночи. Дома «мерцали лунными окошками». Нет огня в окнах — спят деревни. Едва уловим смысл в скрипении завертки. Переключается она с бричкой из «Тихого Дона», оборвавшей «железный рассказ на полуслове», когда ехали сватать Наталью за Григория Мелехова... Не разобрал пьяный Иван Африканович, что завертка и шаги мерина напевали ему: «Все добрые люди спят давно. Мы одни в полях. Только мы тишину ночи нарушаем. Скорее домой, домой, домой...» Ему приблизился другой смысл в скрипении завертки: «Айда в Сосновку, сватать Нюшку». Пьяный ведь самый умный на свете, а кто считает себя слишком умным — все равно что пьяный...

И когда Пармен один топал домой по ночной дороге, то мы уже слышим, как завертка печально скрипит: «Эх, Иван Африканович, Иван Африканович, забыл ты дорогу домой. А вот Пармеша не забыл, умнее тебя оказался. Зря ты его дураком честил и вожжами охаживал...» А мне «умная завертка» напела старую истину: «За какие грехи осудим ближнего, в те впадем сами, и иначе не бывает». Пармен-то Ивану Африкановичу один из самых ближних. Он ведь и матку его, Пуговку, помнит, и самого Пармена еще жеребенком: «бывало, бежишь по мосту весь праздничной, дак копыт-

ка-ти у тебя так и брякают, так и брякают, и никакой заботушки у тебя тогда не было...».

Истины христианские незыблемы! Они действуют в жизни человеческой — помнишь их или нет. Они все равно действуют!

Конечно, Иван Африканович, дитя безбожной советской власти (никогда он Бога не вспоминает и даже печалится, что Евстоля, теща, стала молиться — видит он в этом плохой знак), но и он помнит кое-что главное. Когда Мишка Петров предлагает выпить в санях, в поле, прямо из горлышка, то он не сразу соглашается: «Вроде бы из горлышка-то... неудобно перед народом». Это ночью в пустом поле! Где, какой народ?! Кажется, опять он что-то не то по пьянке несет. Нет, здесь другое. Как ясно станет в дальнейшем, да и теперь уже ясно — перед нами очень хороший человек. Ему даже перед лошадью совестно, а перед людьми тем более!.. Таких при советской власти было немало, кто жил всегда так, будто его люди видят. При людях-то стыдно плохие дела творить. Это отголосок христианства, из глубины веков идущий! В Житиях святых читаем, как один пустынный вернул к Богу страшную блудницу. Притворился, что желает согрешить с ней. Когда она ввела его в темную комнату, святой не согласился, мол, веди меня туда, где Бог не увидит. И блудница сообразила: Бог-то все видит, Он Всевидающий. Тогда святой повел ее дальше: «Как же ты тогда на глазах Бога не боишься так страшно грешить?» Блудница в страхе раскаялась. От Бога нигде не спрячешься, и отвечать за темные комнаты когда-нибудь придется перед Тем, Кто все видит...

Отголосок христианства у Ивана Африкановича сохранился: «Перед народом неудобно».

* * *

Поутру, кое-как добравшись домой, Иван Африканович узнает, что Катерину увезли рожать. Кинулся вослед жене: «Бес с ним, с мерином и с товаром, разберутся!» Он ожидал двое суток, не евши, глаз не сомкнувши, и сморило его. «Иван Африканович спал на поленьях: постеснялся даже подложить под голову старый больничный тулуп». Подложив под голову камень или полено, спали святые и становились терпеливыми, безобидными, а таким Сам Бог пособляет. Один христианин никогда ни на кого не обижался и оживил молитвой умершего любимого тестя. Сотворил чудо, потому что никогда ни на кого не обижался! Иван Африканович, конечно, не святой и таких чудес творить не может, но он скромн от рождения, да еще хорошо помнит, что, когда жену увозили рожать, он гулеванил с Мишкой Петровым. Прорываясь к жене сквозь буран, он думает: «А какое ты дураково поле, Иван Африканович! Напился вчера, ночевал в бане... Некому бить, некому хлестать». Потому он не спит на тулупе, как барин. Его некому бить, хлестать...

Иван Африканович прежде всего о других думает, вообще о всякой твари. «У гуменной стены на снегу Иван Африканович увидел неподвижного воробья... «Жив ли ты, парень? — вслух произнес Иван Африканович. — Вроде замерз начисто». Он взял воробья на теплую ладонь и дыхнул. Воробей сонливо мигнул. «Жив прохиндей. Только замерз...» Иван Африканович положил воробья под фуфайку и надел рукавицы. «Сиди,

енвалид. Отогревайся в даровом тепле, а там видно будет... Жись. Везде жись. Под перьями жись, под фуфайкой жись»».

Соломон премудрый изрек: «Слова уст человеческих — глубокие воды». Да, трудно их вычерпать! Вроде бы уж чего проще сказал Иван Африканович: «Везде жись. Под перьями жись, под фуфайкой жись». А на самом деле великую истину любви, достойную уст Соломоновых, он изрек. Что все имеют одинаковое право на жизнь: и кто «под перьями», и кто «под фуфайкой». И скоты, и люди. И кладет воробья под фуфайку к своему сердцу горячему, утверждая: все имеют одинаковое право на любовь. Если же кто «под перьями» погибает, того мы, кто «под фуфайкой» (люди), к сердцу своему приложим. Равными себе сделаем. В любви все равны. Кто «под перьями», тоже окажутся «под фуфайкой»...

Слова уст человеческих — глубокие воды!..

* * *

«Он с детства был раноставом... “Лежать, ухо давить? — так думал Иван Африканович. — Еще належусь. Там лежать времечка хватит, никто уж не разбудит...”» И затемно испилил штабель дров. «Когда обозначилась заря, взял топор, сумку рыбную и пошел к реке, к озеру... Снег на солнце сверкал и белел все яростнее, и эта ярость звенела в поющем под ногами насте». Ай да Белов! Какая точность поразительная! Какая красота! Снег на солнце белеет все яростнее. Яростнее! И наст, когда долго идешь по нему, начинает звенеть, петь яростно.

«Ноги сами несли его, и он перестал ощущать сам себя, слился со снегом и солнцем, с голубым, безнадежно далеким небом, со всеми запахами и звуками предвечной весны. Все было студено, солнечно, широко. Деревни вдали тихо дымили трубами, пели петухи, урчали тетерева, мерцали белые скованные морозцем снега. Иван Африканович шел и шел по певучему насту, и время остановилось для него. Он ничего не думал, точь-в-точь как тот, кто лежал в люльке (его сын) и улыбался, для которого еще не существовало разницы между явью и сном. И для обоих сейчас не было ни конца, ни начала».

«И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь, и не будете как дети; не войдете в Царство небесное... И так кто умалится, как это дитя: тот и больше в Царстве небесном».

Ивану Африкановичу и обращаться не нужно. Правда, от небесного Царства советская власть его отделила. Отсюда его беззащитность, богооставленность... Но на земле Иван Африканович «как дите», и потому больше всех! Василий Белов не просто запомнил детское ощущение жизни, как запомнил Лев Толстой, с пеленок, но сохранил его в себе. Иначе не смог бы понять, что полуторагодовалому Вовке и четырехлетней Марусе тоже хочется в люльку... И мне, читавшему эти строки, тоже захотелось в люльку... А какое сокровище четырехлетняя Маруся! «Маруся все время молчала, и никто не знал, что она думает. Она родилась как раз в то время, когда нынешняя корова Рогуля была еще телочкой и молока не было, и от этого Маруся росла тихо и все чего-то думала, думала, но никто не знал, что она думала». Как это глубоко увидено! В большой крестьянской семье бывают такие задумчивые дети, выросшие без молока. И конечно, мамы и бабушки таких задумчивых и тихих часто по темени гладят. По темени!

Жалеют, что они без молока выросли. Зато и не забывают приглубить их почаще. Додать любви! Они — дети, выросшие на любви, а не на молоке... Преподобный Сергей Радонежский, печальник за землю Русскую, во младенчестве отказывался брать материнскую грудь по средам и пятницам — в постные дни. Постился уже в колыбели!

Из таких задумчивых и тихих «постников», как Маруся, праведники вырастали, без которых не стоит село... Как она, четырехлетняя малютка, встретила у бревен мать, вернувшуюся из больницы! Не кинулась, как другие, а стояла за бревнами, словно сомневаясь, что она имеет право на такое счастье — кинуться к матери на шею. «И вдруг Катерина почуяла, как у нее чего-то тоскливо и больно сжалось в груди, оглянулась сама не своя, кинулась к тому концу бревен:

— Марусенька, милая...

Девочка, не двигаясь, стояла за бревнами и глядела на мать голубыми немигающими глазами. И столько детской тоски по ласке, столько одиночества было в этих глазенках, что Катерина сама заплакала, бросилась к ней, прижала девочку к себе».

Катерина! Великая русская мать! Сердцем почувствовала, что Маруся стоит за бревнами. «Она знала, что он (младенец) теперь слышит ее по шагам». «Она, чувствуя, как он (младенец) успокаивается при ее приближении, тоже чуть успокоилась». «Она соском чувствовала, как мальчонка изредка улыбается в темноте».

Почему-то сразу приходит на ум Анна Каренина, променявшая своего ребенка на любовника. Она чувствовала, как у нее в темноте блестят глаза. Чехов восхищался этим местом в романе, дескать, у него нет такого поразительного художественного видения, как у Льва Толстого. Но Анна чувствовала себя, а Катерина сердцем, соском чувствует своих детей! Чувствует не себя, а других — потому что они для нее не «другие». Для нее нет «других». «Телятишки, как ребятишки, тыкались мокрыми рылами в ее ладони». И телятишки — ребятишки для нее. Способность чувствовать, принимать «другого», как себя, есть высший дар — Божественный!

Для Анны есть она, чувствующая в темноте блеск своих глаз, и есть другие. В этом ее гибель. Отделилась она от людей, от Бога и погибла. Весь Запад пошел по этому пространному, самоубийственному пути. И западное искусство тоже. Отделились от Бога, друг от друга... А это, как гениально показал Лев Толстой в «Анне Карениной», путь к смерти...

Жизненный круг аввы Дорофея. В центре его Бог. Люди, стремящиеся к центру, становятся все ближе к Богу и ближе друг к другу. А западный мир, искусство его, все бежит от центра, от Бога в противоположную сторону. И потому они не только от Бога, но и друг от друга отдаляются...

Катерина и к мужу относится как к своему ребенку, думает: «Девять вот, десятый сам Иван Африканович, сам иной раз как дитя малое, чего говорить». Любит Катерина своего Ивана Африкановича!

С первых шагов семейной жизни Катерина поступает как мудрая женщина. Пьяного Ивана Африкановича она не задевает. Утром, конечно, скажет что следует, но утром Иван Африканович и сам все понимает — «о чем завертка скрипит». Катерина мудрая, терпеливая женщина. В русской национальной традиции умный и терпеливый — почти синонимы. Возьмем хотя бы случай с петухом. «Евстоля, теща Иванова, попро-

сила зятя отрубить петуху голову. А муж молодой заоглядывался, растерялся, только теща даже и не думала, что у нее такой зять, пошла ловить петуха... В глазах у фронтовика стояла жалость, и Катерина видела, как он растерянно глядел то на топор с еловой чуркой, то на трепыхавшего под полкой петуха. Ой, Ваня ты, Ваня, всю войну прошел, а петуха заколоть боишься! Катерина тогда сама взяла топор и ловко нарушила петуха. Пока безголовая птица подскакивала на повети, Катерина мертвой петушиной головой вымазала ладони Ивана Африкановича: «Уж чего-то и не верится, что ты в Берлин захаживал, и за что только людям орденов навывадали?» Спустя минуту довольная теща ловко ощипывала петуха, а Иван Африканович деловито мылся у рукомойника. Намыливал руки, и медали звякали на гимнастерке, а Катерина, еле удерживая смех, стояла и ждала с полотенцем на плече, и на том полотенце тоже был красный петух, и теперь когда она стирала или катала это полотенце, то всегда вспоминала медовый месяц, и того петуха, и то время, когда они с мужем обнимались днем за шкафом и самовар шумел у шестка, а мать Евстоля ходила недовольная».

Для меня эта страничка — одна из лучших страниц о любви в мировой литературе! Мой отец, прошедший две войны, тоже не мог заколоть кабана, и мать нанимала мужиков. Отец виновато суетился — подавал полотенца, тазы. И все как-то делал неловко, невпопад. И мать сердито говорила ему, чтобы он не мешался. Ей было стыдно за него перед чужими людьми. Зато забойщиков она потчевала с великим уважением. Мне было больно и жалко отца, уходившего в комнату и стоявшего у окна. Родители разошлись, и через несколько лет отец смертельно заболел. Мать забрала его у чужих людей, ухаживала за ним, как за ребенком, обещала, когда он выздоровеет — они будут жить совсем по-другому. Но было поздно. До самой смерти своей мама терзала себя за глупость, за упрямый характер. И наставляла невесток относиться к нам с братом бережно, терпеливо, с уважением. На всех без исключения поздравительных открытках моей жене мама непременно желала ей счастья «рядышком с Сережей». Рядышком...

Катерина пожалела мужа, покрыла своей любовью его неумение заколоть петуха. Спасла от насмешек тещи! Любовь свою берегла. Заложила ей твердое основание таким, казалось бы, незначительным житейским поступком!..

Еще одна из лучших страниц о любви. «Звезды синели в холодном небе. Катерина на ходу шлепнула рукавицей своего мужика и не остановилась, побежала к скотному двору. Пилит. Раньше ее поднялся, фонарь зажег да и пилит. Она ухмыльнулась, вспоминая, как вчера ночью по привычке хотел он ее пообнимать, а она отодвинулась, и он обиделся, начал искать курево, и ей было так радостно, что он обижался. С этой вчерашней радостью и прибежала она на двор».

«Ромео и Джульетта», «Шербургские зонтики», «Мужчина и женщина». Влюбленность, страсть! Жизнь еще не начиналась... Катерина спит не больше пяти часов, обихаживает девятерых детей, двенадцать коров, да еще телятишек. И после всей этой запредельной круговерти, встав, когда еще звезды синели, она не забыла ласково шлепнуть мужа рукавицей и с нежностью подумала: «Пилит. Раньше меня поднялся»...

Сколько же у Катерины самоотверженной нежности к Ивану Африкановичу! Другая бы жена, узнав, что муж по пьянке лишился трехмесячного заработка, такую бы ему головомойку устроила! А наша душа Катерина: «Ты, Иванушко, чего? Расстроился, вижу, наплюнь, ладно... и не думай ничего». Как она его ласково, словно в русской сказке, Иванушкой называет. А сколько нежности в этом «наплюнь»! А у нее по лавкам даже не семеро, а девятеро! Перед этим Катерининым «наплюнь» блекнут все «миллионы алых роз».

И понятно, что не один раз в трудную минуту Катерина ласково, как в русской сказке, величала мужа Иванушкой и произносила свое нежнейшее «наплюнь». И представляется, как Иван Африканович на охоте пожалел красотку лису (ведь воробья с петухом пожалел), а потом стал корить себя, мол, за шубку-то лисью можно было справить обнову Катерине, деткам. А Катерина ему свое нежное: «Наплюнь, Иванушко, не расстраивайся. И у лисы детки есть...» Сразу у него на душе светло и весело. И оба счастливы. А это поважнее любой обновы.

Жить бы им и радоваться с их вчерашней, и позавчерашней, и завтрашней радостью, но... Страной управлял «кукурузник» Хрущев. Много он бед принес русскому народу. Грозил, что вскоре покажет по телевизору последнего попа, рушил храмы, сживал со свету священников да монахов. Правда, не посмел вслух сказать, что вскоре покажет по телевизору последнего крестьянина, но и тут за дело взялся рьяно...

Под этот хрущевский каток попали и наши Иван Африканович с Катериной. В их семье, где столько ртов, корова Рогуля была кормилица из кормилиц. А сено косить для частных коров запрещали. Приходилось косить тайком, в лесу, с таким страхом, что «ворона на ветке лапами переменится — оглядываешься». Так и это сено экспроприировали. Жить как-то надо было, и пришлось Ивану Африкановичу поехать на заработки на север с баламутом Митькой. Еле живой он с этих «северов» вернулся. Катерина в его отсутствие надорвалась на покосе и умерла. Корову Рогулю кормить было нечем — пришлось зарубить на мясо; детей пораздать по людям да интернатам... Нет, не дали порадоваться Ивану Африкановичу с Катериной...

* * *

О великих произведениях лучше всего приговаривать вслед за писателями: «Ай да Пушкин! Ай да Шолохов! Ай да Белов!» Что еще сказать? «Мороз и солнце! День чудесный!» Или: «Первый снег, как и всегда почти бывает, растаял». Так по-осеннему запеваются глава «Ветрено, так ветрено». Просто точно сказано всем известное? Нет, не просто. Точность всегда далеко идет.

Сначала Евстоля рассказывает Степановне, как умирала Катерина: «Ой, матушка, Степановна, подошла я это ко кровати-то, села у изголовья, а она за руку меня ловит да воздухом-то ухлебывается. “Мамушка, — говорит, — разбуди ребят-то, ведь я умираю...” Я-то, милая, сижу плачу, не знаю, что делать, а она только после и сказала, уж без памяти, видно, сказала: “Иван, ветрено, — говорит, — ой, Иван, ветрено как!” — да тут и вытянулась, чую, затихла вся...»

Так ветрено, что упал снег на землю белым саваном! Смертным саваном упал!

Потом Степановна слушала, в чем положили Катерину в гроб, и как Иван Африканович «вина-то ни капли в рот не взял, как неумной сделался», и как Евстоля, боясь, что он над собой что-нибудь сделает, догнала его на лугу, а потом «ввечеру, гляжу, лопату взял да и пошел в загородку картошку копать... — даст Бог, направится, отойдет». Как это просто и мудро — пошел картошку копать, значит, направится. Прошло страшное, когда жить «непошто».

Спросив, почем сдали корову (жизнь-то продолжается!), Степановна начала шептать Евстоле «в обрамленное сединой ухо», что Нюшка сможет заменить оставшимся дома Катерининым ребятишкам родную мать, «да и коровам прежнюю обряжуху».

И первый снег растаял! Саван растаял! Растаял снег на сердце от шепота Степановны! Жизнь продолжается! И понимаешь, что снег еще ляжет и зим-то с метелями и морозами еще много впереди у Ивана Африкановича с Нюшкой. Много еще «снегов» их впереди ожидает...

Предпоследняя глава, как и вся повесть, называется «Привычное дело». Почему? В главе ключ, подсказывающий, что есть «привычное дело» для наших крестьян.

Однажды утром Иван Африканович услышал, как молится Евстоля: «Возоплю в скорби моей к Господу Богу моему, и услышит меня. Из чрева ада воплъ мой, услышит голос мой. Ввергнет меня в глубины сердца морского, и все реки обнимут меня. Все высоты Твои и волны Твои на меня падут...» Ночью Ивану Африкановичу много раз приходила на память старая лодка, и он «решил сходить в лес, к заприимеченной еще в прошлом году осине для новой лодки... Надо идти». К Черной речке он пошел и... заблудился. Плутал, плутал, выбился из сил, а тут и ночь пришла. Решил: «Надо собраться с мыслями, отдохнуть. Ночевать под елкой, отдышаться, а там, завтра будет видно». Срубил смоляную сушину... перерубил на чурки. «Костер загорелся, и темнота сразу сдавила Ивана Африкановича, лес похмурил и сделался жутким». От этой поразительной психологической точности ожило во мне юношеское еще: когда разведешь ночью костер в лесу, сразу жмешься ближе к огню и хочется, чтобы он горел со всех сторон. Сразу страшную темноту спиной ощущаешь. И понимаешь, какой же ты маленький по сравнению с ней, с этой темнотой лесной...

Попытался Иван Африканович, но «не мог уснуть, лишь сознание изредка затягивало сонной пеленой, на полминуты он забывал иногда, где он и что это шумит вокруг... Ивану Африкановичу в полузабытии чудилось, что это катится на него широкий, безбрежный водяной вал, выламывающий подряд многие деревья и смывающий все на своей дороге... и топит все на свете темный потоп, и хочется крикнуть, остановить, и сейчас он поглотит весь мир... этот страшный потоп, опять раз за разом топил и топил его, но никак не мог утопить совсем».

И приходят на ум страшные слова Евстолиной молитвы в начале главы: «Ввергнет меня в глубины сердца морского, и все реки обнимут меня. Все высоты Твои и волны Твои на меня падут». Волны падут! И ясно, что ввергнул Ивана Африкановича «во глубину сердца лесного» и чуть он не «утонул» в нем.

Еще в начале повести Иван Африканович, торопясь к рожающей Катерине, прорываясь сквозь снежный буран, «как утопающий, крутил голо-

вой, искал удобного положения, чтобы вдохнуть воздух». Как утопающий! И чуть не утонул Иван Африканович «во глубине сердца лесного», а Катерина утонула в жизненном «море» ...

Да ведь и не сами тонут они, наши крестьяне русские, а топят-топят их уже много веков подряд. Татаро-монголы, ляхи, французы, немцы, несть им числа. Потом «свои» Ленины, Сталины да Хрущевы. И господа дворяне, почти все Бога забывшие, столько кровушки выпили!.. Топят наших крестьян русских и никак утопить не могут. В крови топят, в работе непомерной, в неволе, в вине топят («вся земля вином захлебнулась»).

Теперь-то никто уже не скрывает, что жизнь русских крестьян в XX веке — это и есть жизнь во чреве адовом, во глубине «сердца морского».

Так что ключ, думаю, найден. Для русских крестьян привычное дело, что топят-топят их все силы земные и адские, а они все пробиваются наверх, как тот родничок, у которого любили сидеть Иван Африканович с Катериной. «Жив, значит, родничок, не умер. Попробуй-ка завали его. Хоть гору земли нагребь, все равно, видно, наверх пробьется...»

* * *

«Вода была так прозрачна, что казалось, что ее нет вовсе, этой воды». Писатель не о родничке, о таланте своем сказал. Настолько он у него прозрачный, что его тоже будто бы вовсе нету, таланта этого... Кажется, что и без художника понятно, что у родничка этого Иван Африканович с Катериной останавливались только после очередных родов, с новорожденным. Потому что у них орава детей и хозяйство, и никак им из деревни своей не оторваться. Зато после родов они непременно посидят возле своего родничка, попьют сладкой водички. Правда, есть в повести «подсказка» — когда Степановна приглашала Евстолию в гости, то «она и сама знала, что Евстолия не придет, некуда ей было идти от такой оравы внучат». Так и Ивану Африкановичу с Катериной некуда идти от такой оравы детей.

Один только раз напился воды из родника Иван Африканович без Катерины. И горька же она оказалась, эта вода, без Катерины — здесь он узнал о ее смерти. У родника они встречали новую жизнь, и здесь же Иван Африканович встретил смерть...

Вообще, у Белова все происходит будто бы без него, без его воли. Так он мимоходом обронил, что Иван Африканович обменял Библию на гармонь. «Буду, Катюха, тебя веселить...» Вроде бы хотел писатель подчеркнуть этим великую силу любви Ивана Африкановича к Катерине, что ради нее он не пожалел то, что «берегли Дрыновы (предки его)... пуще коровы, пуще лошади, так и лежала на полнице после деда». Самое дорогое в доме променял на гармонь, хотел жену любимую веселить. Но даже играть не научился. За безрассудство всегда расплачиваются. И расплатился Иван Африканович жестоко. Глядя из сегодняшнего дня, мы понимаем, как точно, глубоко сказано о судьбе русского народа в XX веке! Обменял русский народ отцовскую веру православную на гармонь! Повеселиться хотел! Так повеселился, что русского народа почти не осталось. Да и те уже не совсем русские. Таких светлых душ, как Иван Африканович да Катерина, нынче днем с огнем не сыщешь. Далеки они от нас, как сказки русские!

* * *

«Белого, чуть подсиненного неба не было, какое же небо, никакого нет неба. Есть только бескрайняя глубина, нет ей конца-краю, лучше не думать...» Для Белова верх совершенства, красоты — когда их будто нету. Будто нету воды в роднике, нету неба, нету даже теней... И самого писателя в повести как будто нету. Настолько он прозрачен, как вода родниковая, легок, как вологодский воздух морозный, глубок, как небо русское... Кружева вологодские писателя Василия Белова! Сплетены они из воды родниковой, из воздуха морозного, из неба бездонного! Из великой любви к народу русскому! Из тончайших «узорчиков» жизни: «В солнечной, будто пыльной мгле, по деревне ехал на кобыле бригадир». Для того чтоб увидеть эту «солнечную, будто пыльную мглу», надо встать рано утром — днем ее не бывает. Надо встать рано, но это еще не значит, что ты увидишь. Для этого надо быть Василием Ивановичем Беловым! В детстве своем деревенском я нередко вставал рано, и она не раз была у меня перед глазами, эта «солнечная, будто пыльная мгла», но увидал я ее, прочитав «Привычное дело». Но, конечно, кто рано встает, тому Бог дает. И глаз хороший, и ухо, и сердце. Недаром язык деревенских людей такой точный, меткий, сочный. Они рано встают!

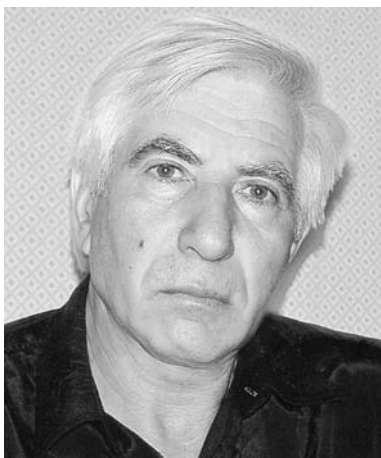
Весной Белов видит: «Леса вокруг словно подвинулись ближе к деревне». Изумительно точно. Зимой, укрытые снегом, скованные морозом, леса от деревни отодвигаются... Летом же лес совсем близко к деревне подступает. Даже в саму деревню заходит — травкой, цветочками, листочками... Зимой лес дальше, как дальше все неживое, спящее. Даже родной человек, когда спит, дальше от нас становится. Хочется разбудить его, чтобы он не отдалялся, не уходил... Весной лес оживает, пробуждается, потому он ближе к нам становится...

Писатель слышит, что вечером коровы уже не трубят, «а лишь тихонько и устало мычат в ноздри». Чтобы такое услышать, надо быть нежным к корове, надо за ней поухаживать... «Каждый раз Рогуля как будто бы удивлялась этой траве, косматому солнцу, теплу, и удивление до половины лета хранилось в сизой глубине недоуменных коровьих глаз». Корова у Белова — существо неземное! «Для нее не было большой разницы между страданием и лаской, и то и другое она воспринимала только лишь внешне, и ничто не могло нарушить ее равнодушия к окружающему». Корова у него как святая! Это для святых уже почти нет разницы между страданьем и лаской — за все они славят Бога...

* * *

Вершит повесть Василий Иванович печально и по-русски светло: «Горько, по-древнему пахло дымом костров...» Горько, по-древнему... Все вьется над русскими полями дымная горечь костров!..

Василий ЗАБЕЛЛО

**«ПРИДИТЕ
КО МНЕ ВСЕ
ТРУЖДАЮЩИЕ
И ОБРЕМЕНЕННЫИ...»**

Василий Константинович Забелло — родился в 1947 году в деревне Утулик Слюдянского района Иркутской области, на берегу Байкала. В 1966–1969 годах служил на флоте, имеет более 40 лет рабочего стажа. Автор шести книг стихов и книги прозы. Член Союза писателей России с 1993 года, награжден премией «Святителя Иннокентия Иркутского». В настоящее время является председателем Иркутского отделения Союза писателей России. **Живет в Иркутске.**

На нашей улице в старой рублевой «в лапу» избе, что стояла недалеко от Байкала, поселился художник. Селяне по простоте своей, кто из любопытства, кто по житейским нуждам, заходили к нему — обычное деревенское общение, когда двери в любое время открыты для всех живущих в деревне. Посмотреть на жизнь нового человека, тем более известного художника, всегда интересно, но я как-то особого желания в этом не испытывал и пробегал со своими собаками мимо его избы-мастерской. Каждый вечер я выгуливал лаек, заодно купался в Байкале. И так на протяжении трех или четырех лет, точно не помню. Но вот однажды, сам не зная почему, я затормозил напротив избы художника, привязал собак к палисаднику и постучал в калитку. Валерий, так звали художника, приветливо улыбнулся и пригласил войти. Осевшая от старости изба с низкими подоконниками светилась чистыми выскобленными половицами, дохнула творческим теплом и уютом. Стены горницы были сплошь в картинах — портретная и пейзажная живопись со всех сторон окружала меня. И я сразу же с азартом стал рассматривать полотна, все больше и больше восторгаясь творением.

Среди колоритных сочных полотен, отдающих блеском свежих масляных красок, как-то не сразу выказались иконы — антиквар. В кои-то веки они были написаны неизвестными самодельными богомазами дореволюционной Сибири, возможно за туюсок меда, крынку сметаны, за полпуда крупчатки, словом, в обмен на товар первой жизненной необходимости. Между кричащих живописных холстов по-

темневшие от времени образа выглядели более чем скромно. Но какая-то магнетическая сила заставляла вглядываться в знакомые лики святых снова и снова, которые, конечно же, были исполнены без каких-либо канонических правил, и чувство восторга постепенно сменилось чувством жалости и потери чего-то главного в нашей жизни. Рука невольно опустилась на грудь в крестном знамении. Особой художественной ценности иконы не представляли, они наверняка пережили те избы, и даже те деревни, в которых когда-то занимали красные углы, где кроткими огоньками теплились лампадки и свечи, и где в разное время на коленях молились под ними труженики тайги и поля, выпрашивая у Господа Бога праведной доли и светлого пути. Теперь же они присутствовали в мастерской у художника, как исторический факт лубочного иконописания.

Сам не зная почему, я спросил Валерия:

— Это что? Дань моде или житейская необходимость?

— Скорее моде, — немного призадумавшись, ответил художник. — Ездил по заброшенным деревням, и вот подобрался.

— Валерий, как я понимаю, ты человек неверующий?

— Да, и даже, к сожалению, некрещеный. Все откладываю и откладываю. Раньше под запретом было, теперь недосуг.

— Слушай, может, подаришь одну из икон?

И тут я поймал себя на мысли, что нельзя просить — грех. Иконами благословляют, но, как говорится, — слово не воробей... Вырвалось само собой.

Валерий на мою неожиданную просьбу смутился и помрачнел лицом, было видно, что в его планы подобные подарки не входили. Между нами произошла неловкая пауза, некоторое время и он, и я находились в растерянности. Я уже намерился как-нибудь отработать назад, перевести в шутку, как вдруг Валерий заулыбался и с противоположной стороны из-под потолочной матицы достал икону и подал мне.

— На вот, возьми, вместе с домом досталась. Я про нее чуть не забыл.

Это была икона форматом меньше тетрадного листа — штамповка по жести, каких в царской России штамповали тысячами. Икона называлась «Господь Вседержитель». Снизу на ободке значилась надпись: «Выполнена в августе 14-го дня 1889 года». От сырости и времени золотистый слой краски местами поела ржа, образуя оспины по краям и на нимбе, — въедливыми точками окропила Лик Спасителя. Но эти оспины и точки ничуть не портили образ, напротив — порождали чувство вины и сострадания. В руке Христос держал раскрытую книгу с надписью: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные...»

Я принял икону, поцеловал, поблагодарил хозяина, и мы расстались. И все-таки на душе было как-то неуютно. На завтра к вечеру я бежал с собаками на Байкал, и моим глазам открылась ужасная до оцепенения картина: мать честная! на месте избы-мастерской гряда пепла да еще не успевшие дотлеть дымящиеся головешки.

Прошло много времени, и как-то при встрече Валерий обмолвился: «Лучше бы отдал тогда тебе иконы». Он умер, так и не найдя время покреститься. Теперь только в день памяти святого мученика Уара (1 ноября), заступника всех некрещеных, можно помолиться за упокой души художника.

ФАРТ

Рассказ

Окутанная блескучей изморозью, на горбовину гольца выкатилась луна и осветила крестьянское подворье. Охотник накормил собаку, затолкал в конуру охапку сена и, еще раз глянув на луну, пошел в дом. Ожидалась перемена погоды, нужно было хорошенько отдохнуть. Неделю кряду он с собакой «ломал» кедровые гривы междуречья, но все безрезультатно: свежего соболиного следа так и не встретил. Азарт иссякал. Очередная вчерашняя неудача вызвала приступ отчаянной злости: «Все... ша! В гробу бы видеть такую охоту! Что я, прокаженный, что ли?» — Охотник в сердцах сбросил понягу, хрипло выругался и дуплетом разрядил ружье. Гремучий заряд отшиб ветку, и звук, угасая, забился в распадках. На выстрел прибежала собака, охотник даже не сказал, рыкнул: «Домой!» Закат виновато посмотрел на хозяина, дескать, прости, не нашел, ткнулся холодным влажным носом в руку и покатился вниз к дому.

Но то было вчера, а сегодня охотник весь день промаялся, не находя себе места. Оставалось несколько дней отпуска, не попытать ли удачу еще раз? «Вот так всегда — оттаешь малость, отойдешь и опять тянет бежать в тайгу, как будто она без тебя засохнет. Эх, порошу бы!»

И пороша выпала, как по заказу. Тронулись затемно, и уже с рассветом охотник был в знакомом распадке. Подошва горы, поросшая молодым березняком и осинником, была сплошь исписана набродами заячьих жировок. Одуревший от свежей пороши, Закат хватал нервными ноздрями горячие запахи следов, то и дело вырывал поводок. Заката поминутно приходилось осаживать. На охоте зайцы — это беда, изматывают собаку, что потом никакими силами не заставишь ее работать, будет плестись сзади. Нужно было скорее подняться на хребет.

Галанская грива, куда направлялся охотник, для соболиного промысла не очень подходяща: высокая, крутая, со множеством широких россыпей. По выражению промысловиков, с собакой там охотиться «не нога». Но что делать, если в более удобных и доступных местах соболей, с приходом на Байкал стройки, ощутимо подобрали. Охотник, за редким исключением, промышлял обуденком — одним днем, всякий раз разматывая круг в двадцать пять, тридцать километров. Участка он не имел и потому считался браконьером. Однако добытчик не соглашался с поставленным на него презрительным тавром, поскольку считал себя потомственным таежником известной фамилии.

После войны его отец освоил довольно большой отмер и всегда перевыполнял план. В ту пору соболями расплачивались за американские паровозы, и отец был не последним человеком в этом деле, о чем не без гордости при случае любил прихвастнуть. Пока сын служил в армии, отец остарел, держать одному тайгу стало не по силам. Отмер передали другому, со стороны.

Со службы охотник вернулся, а вот участка вернуть не смог, к этому времени сменились и охотовед, и директор промхоза. Старые промысловики, зная, как без этой заразы — охоты — тяжело прожить, по дружбе разрешали соболевать на своих участках, но чтоб промышлял, не мешая им.

За отпуск охотник добывал четырех, редко пять соболей, сбывал втихаря по договоренности. Как говорится, отрывали с руками да еще напе-

ред заказывали, так что, по выражению самого охотника, штаны было чем поддержать. «А как иначе? — рассуждал он, — на одну зарплату прожить тяжело, да когда с тебя вдобавок алименты дерут. И с другой стороны посмотреть: сдай в промхоз, получишь шиш — завсегда промысловики обижаются, и всякий старается пять или шесть шкурок тайно пустить на сторону, да которые получше. Посчитай, сколько женщин по городу в баргузинских соболях разгуливают? Да оно и правда, чем наши женщины хуже заграничных? Не все же “мадамам” в русских мехах щеголять».

Одно только угнетало охотника: скудеет тайга, и не потому, что браконьеров развелось много, как раз немного, по сравнению с главным браконьером — комбинатом — слону дробина. Это его промышленная мга, которая годами висит над тайгой, бьет по ягодникам, по птицам, по кедровникам. Не раз и не два, задыхаясь, пробивался охотник через эту сизо-лимонную мгу, не раз и не два видел, как, вытягиваясь на камнях и колодинах, пропадали мыши, как осыпался побуревший кедровник. «Да какой же я после этого браконьер? — рассуждал охотник. — Тайга-то уже и тайгой не пахнет, чахнет, тускнеет таежная зелень, от меня, что ли?»

Перед подъемом березняк рос гуще, ружье пришлось перебросить за спину и круче забрать на хребет. Галанская грива замыкала в себе несколько хребтов и возвышалась над Байкалом более чем на тысячу метров. До недавнего времени тайга в изобилии хранила разную живность: на ягодниках кормились выводки глухарей и рябчиков; в кедровниках, едва орех наливался молочком, шустрые бурундуки принимались стричь шишки; по осени на урожай набегали чернохвостые белки-кедровки, рыжехвостые белки-еловки — вечные кочевницы, в благоприятные годы они успевали приносить по три помета; на старых гарях в малиннике паслись медведи, нагоняя страх на случайно набредших ягодников; в сырых болотистых распадках ягнились косули, а во время золотой опади в этих же распадках сильные и грозные быки изюбри держали гаремы в пять, а то и в шесть маток, и некоторых из них охотник знал по виду, по голосу. В мелколесье, кроме зайцев, обитали колонки, горностаи, охотящиеся на рыжеватых полевках и куцехвостых сеноставок — пищух, и еще много другой живности в изобилии водилось в тайге до недавнего времени, и каждый вид занимал и осваивал только свое жизненное пространство. Славилась некогда Галанская грива и соболями, любили они обживаться в густых темных кедрачах, в россыпях, скрадывали рябчиков, зазевавшихся пищух, не пробегали и мимо рясной черемухи, рябины — лакомились вдоволь. За последние годы в тайге всего поубавилось. Охота зачастую превращалась в пустую трату времени. Вот и отец нынче сказал: «На охоту теперь надеяться нечего, занялся бы каким другим делом». Но как займешься другим делом, когда с малолетства сидит в тебе эта «зараза», каждый раз от тоски изойдешь, ожидаячи первого снега.

На хребте охотник спустил с поводка собаку и рукой показал направление. Обрадованный кобель стрелой полетел вперед, но через десяток-другой прыжков остановился возле пня, обнюхался, задрал ногу, отметил свое грозное присутствие, разгребая снег, пробуксовал на месте, оглянулся на хозяина и, услышав знакомое «ищи!», челноком пошел вверх.

Кобель был окрасом лисый, среднего роста, грудаст, кольцо хвоста держал на левом боку. Сухие жилистые лапы до половины белые. Умные с раскосинкой глаза смотрят живо и весело. Маленькие острые уши

чутко стригут на покато́й легкой голове. Чего же там говорить, кобель принадлежал к доброй породе карело-финских лаек, и только рано посевший и несколько удлиненный нос с широким сквозным разрезом между норок напоминает о редкой примеси восточносибирской крови. Хорошие соболевы́е собаки встречаются нечасто и высоко ценятся среди промысловиков. Охотнику долгое время на собаку не везло. Были когда-то у них соболятницы, да породу упустили, а возобновить оказалось делом далеко не простым. Разных потом заводили: и с чужих рук брали, и в питомнике, но все они не удовлетворяли охотника: то чутье слабое, то медведя боится, то хитрая и пакостливая, то ленивая, то обидчивая, и только про Заката, когда тот первоосенком облаял три десятка белок и загнал четырех соболей, отец сказал: «Этот кобель сто сот стоит, такой дается раз в жизни, береги!» И сын берег любимца пуще своего глаза. А достался он ему случайно. У проезжего чалдона в вагоне ощенилась сука, принесла одного-единственного щенка. Сразу же начались неприятности, того и гляди кого-нибудь укусит. Волей-неволей пришлось избавляться от приплода. На счастье, рядом оказался охотник, разговорились, чалдон предложил ему щенка: «Возьми, паря, грех такого выбрасывать, выкормишь, добром поминать будешь».

Рос кобелек резвым и понятливым, с его появлением двор сразу ожил. Правда, не обходилось и без проказ. Как-то охотник колот дрова, слышит, куры, что впервые были выпущены на весеннее солнышко, испуганно закричали и захлопали крыльями. Оказалось, Закатик гоняет по ограде, поймал курицу за крыло и возит, та, растрепанная, по-сумасшедшему кричит и силится вырваться. Охотник схватил прут и тут же отстегал щенка, приговаривая: «Нельзя, шельмец, нельзя!» После этого куры ходили возле вытянувшегося на солнышке Закатика, но тот только глазами косил, наблюдая за ними, а со временем и вовсе перестал замечать их.

Холодное зимнее солнце нехотя наполняло таежный день светом. Закат рыскал по кедрачу, забирая все выше. На взлобке он взял беличий след и через несколько минут подал голос. Охотник сразу определил: лает на белку. Не так-то просто было высмотреть в густохвойном кудрявом кедре затаившегося зверька. Белка, изобразив хвостом хвойную кисть, выстелилась на ветке. «Вон где ты, голубушка, — обрадовался охотник, — ишь как замаскировалась». Он зарядил стволы испытанной «тулки» беличьим зарядом и, прицелившись, ударил по темному пятну головки. Белка, кувыркаясь по веткам, упала в снег. Закат, затаенно следивший со стороны, в два прыжка очутился подле и придавил еще дрыгавшегося зверька лапой. «Нельзя!» — услышал он строгий голос хозяина и отошел. Охотник поднял затихшую белку, отрезал передние лапки и отдал собаке. «Начало есть, спасибо Хозяину¹, пошлет ранний след, до обеда распутаем, — потрепал кобеля за ухом, прижался щекой к морде, — соболюшку ищи, соболюшку!» Закат знал, что от него требуется, ответно лизнул в щеку и через мгновение скрылся из виду.

...Далеко внизу, откуда нередко доносился удушливый запах дыма, россыпью сверкали угольки, они появились несколько лет назад, и соболь,

¹ В любых таежных делах охотники уповают на Хозяина: у него просят удачи, приглашают к чаю, спрашивают разрешения ночевать в зимовье и т. д. Хозяин — это совесть охотника, неписанный закон. Обычай этот соблюдается и в наши дни.

выходя на жировку, подолгу смотрел на них. Сегодня ночью он побежит навстречу этим тлеющим уголькам, вернется к оставленному урочищу, в свое родное гайно, где впервые увидел свет и впервые услышал заботливое урчание матери-соболихи. О, какая душистая и сладкая черемуха вызревает по ключам старого обиталища! И соболь протянет к ней цепочку следов и наладомится вдоволь. Он безошибочно по известным только ему одному приметам отыщет родное гайно и заново обживет его, а если оно окажется занятым, он прогонит поселенца. Там, в узловатых корнях старого кедра, в одну из теплых майских ночей началась его соболия жизнь.

В помете их было трое: две маточки и он. Еще слепышом, расталкивая сестер, он первым отыскивал под мягким брюшком матери самые полные и сладкие соски. На два дня раньше, чем у сестер, у него прорезались глаза, и он первым стал выходить наружу и знакомиться с тайгой. Однажды они заигрались с пойманной мышью, и одну из сестер скараулила сова. Она с лету схватила ее и унесла. Соболиха-мать долго разыскивала детеныша, но кроме капелек крови и клочков шерстки ничего не нашла. С тех пор она оставляла соболят только спящими, ловила поблизости мышей и птичек. Иногда соболят донимали блохи, перешедшие от матери, и тогда на солнцепечном косогоре они отыскивали духмяную богородскую травку и катались по ней, выгоняя блох. Но настоящее беспокойство и угнетение испытывали соболята от клещей. Насосавшись за несколько дней крови, клещи тугими горошинами осыпались в траву, оставляя после себя болючие язвы-присоски. К концу лета соболята повзрослели, они уже достаточно далеко уходили от гайна, питались черникой, скрадывали птичек, гонялись за белками.

К осени у каждого определился свой круг обитания и свое гайно, где, насытившись и набегавшись, соболя отдыхали по два, а то и по три дня, выходили только по нужде в облюбованное место. Большой удачей считается у охотника найти такую уборную зверька, капкан ставится без маскировки, и соболь, спячиваясь, попадает в него. Таким же образом в свою первую зиму оказался в капкане и он, спасло лишь то, что дужки сомкнулись неплотно, между ними застряла веточка. Забился соболь в капкане, но лапу выдержнул, изувечив подушечку. С тех пор на снегу оставалась характерная для его следа черточка. Ту зиму соболь пережил тяжело, в основном кормился рябиной, подбирал оброненную синицами недоклеванную ягоду. И всюду его преследовал запах железа.

Следующие три года он обитал в гольцах, жировал на стланиковой шишке, ловил кедровок и белых куропаток.

В четвертый год его к родному гайну вернул неурожай в гольцах. Тогда он впервые неожиданно попал под собаку. Первоосенок был хоть и прыткий, но неопытный: в азарте проскакивал на зигзагах, возвращался, распутывал след заново, отставал, соболь даже осмелел, обернувшись, злобно урчал, чем немало дразнил преследователя, и все не мог понять, почему не отвязывается. Наконец соболь описал по склону круг, сбил преследователя со следа и ушел в россыпь. Когда собака разнюхала его, он из-под камней свирепо заурчал на нее и раскаленно сверкнул глазками. Потом послышалась еще чья-то поступь, в проходе с треском зачатила береста, и по лабиринтам россыпи потянул дым. Соболь забился глубже и затаился. Дым его не доставал. Но зверек долго дрожал, охваченный смертельным страхом. Так в его жизнь вошла еще одна привычка осторожности.

Хребет становился круче. Охотник замедлил шаг. Собачий след оставался то с правой, то с левой стороны, — челночный поиск позволял кобелю больше охватывать и прослушивать тайгу. Вот здесь кобель резко во всю силу ударил в южный косогор. «Наверное, учуял рябчиков», — заключил охотник, но на всякий случай решил проверить. И действительно, минут через пять след как по шнуру привел его к ночевкам таяжных курочек. По отпечаткам читалось: рябчики, заслышав собаку, вовремя вылезли из-под снега и «брызнули» в разные стороны. Кобель заметался, не зная, которого из них преследовать. «Вот дурень, силы попусту тратит, ведь знает, что бесполезно»... Впрочем, было видно, Закат скоро успокоился и потянул прежним направлением. Продравшись следом через сплетения густого ельника, промысловик вышел на старый оползень — открытый небольшой участок, поросший редкими рябинами. В тело помаленьку начинала вселяться усталость. Охотник снял понягу, расправил подзатекшие сутулые плечи и сел на валежину перевести дух.

Прошло более часа, как Закат, облаяв белку, оставил хозяина. Колок за колком он прослушивал тайгу, надеясь уловить знакомый запах. Ему помнился первый соболь, которого он загнал скорее из любопытства и по чистой случайности и который впился в нос мертвой хваткой, когда кобель полез за ним в корни. Визжа и плача, Закат с трудом стряхнул соболя, вмиг закусил и затряс до смерти. После этого случая соболей он разыскивал и гонял с особым упоением. Закат набежал на соболий след и уловил слабый прерывистый запах, он, взвизгнув, возликовал и легким наметом пошел за соболем.

След принадлежал очень крупному самцу и размером был не меньше собачьего, отличался лишь тем, что слабее продавливал снег и был другой формы. Ровные спаренные лунки извилистой цепью пересекали хребет. Характерной для следа была черточка, видимо, соболь, поджимая в прыжке задние ноги, чертил коготком. «Чертежник! Неужто, старый знакомый, — вырвалось у охотника, — поди, года три не показывался и, на тебе, нарисовался, — охотник внимательно рассматривал след, — точно, тот самый, однако, часов пять, как проскочил». Вмятины, что оставляли соболийные подушечки, были присыпаны снежной крупкой. Охотник не сомневался: Закат наверняка распутывает след, иначе бы давно показался. Вскоре охотник вышел к месту, откуда кобель начал раскрутку.

Сначала след круто спустил вниз, потом поднял вверх, косогором привел к завалу, из которого пришлось долго выбираться, перелезая через полосу свежего валежника, из валежника след потянул к замшелой россыпи, здесь соболь надолго задержался, кружил, вынюхивал пищу. Нелегко было Закату распутать жировку, для среднего чутья такие переплетения пятичасовой давности не по силам. Слышать разницу между строчками-пробегами в три-пять минут способна только тренированная талантливая собака. Было видно, что Закат метался из стороны в сторону между каменных глыб, выходя на более свежую строчку. После этой жировки он часа на три приблизился к соболу. Охотник обогнул россыпь и срезал на выходные борозды собачьего рыска. Вторую жировку Закат распутал быстрее, он описал полукруг и потянул последним ответвлением соболиной цепочки. На этот раз соболь задержался в рябиннике, кормился горьковато-сладкими плодами и заодно подкараулил свиристеля. Развеянные по снегу серые перышки и бусинки крови красноречиво рассказали охотнику о соболином пире. После

второй жировки Закат уже надежно держал след «на носу». Стойкий запах отпечатков дразнил и возбуждал лайку. Кобель заметно прибавил прыти, чуя след на расстоянии, срезал углы и зигзаги, с каждым прыжком уверенно приближался к соболу.

Охотник торопился, он давно распахнул ворот, изредка на ходу омывал снегом лицо. След соболя уже настолько был горяч, что, казалось, парил. Несколько раз охотнику чудился лай, он останавливался, расправлял затекшие плечи, задерживал дыхание, вслушивался.

Соболь оказался опытный. Когда услышал, что к нему кто-то приближается, он повернул голову на шум и несколько раз раздраженно и отрывисто фыркнул. Что-то донельзя знакомое и смертельно опасное вдруг почудилось в этом шуме. Соболь сорвался с места и мячиком полетел вниз. На некоторое время шум отдалился, но после поворота опять приблизился. Более километра соболь отчаянно гнал во всю прыть, на какую был способен, сразу он проскользил ельником вверх и, замыкая кольцо, выскочил на свой прежний след. Теперь соболь видел борозды своего преследователя, от них резко и неприятно пахло. Преследователь неотвязно прослушивался сзади, хотя несколько поотстал. Некоторое время соболь повторял свои следы, но после пружинной взлетел на ель и замелькал верхом, планируя с дерева на дерево с помощью растопыренных лапок.

На кольце Закат осекся, закрутился. Парной соболиный запах сомкнулся и сбивал с толку. Кобель метнулся во внешнюю от кольца сторону и затаил дыхание. Черные кончики ушей напряглись и стали еще острее. Из глуби кедрового колка донеслось дробное цоканье соболиных коготков о мерзлую кору. Закат ринулся в кедровник, с этого момента он держал соболя слухом, то и дело взлетая свечой над снежным покровом.

Заслышав преследователя снова, соболь прыгнул и зачертил к северному склону, надеясь по глубокому снегу уйти от собаки.

Охотник перевел дух. Солнце показывало за полдень. «Вот тебе и ранний след — до обеда. Куда же ты теперь отправишь свои стопы? — по привычке охотник мысленно разговаривал с соболем. — Только, молю тебя, не в россыпь». Он пригляделся к следу: «Ага, и черточка глубже, и мах короче, пристал... кобель-то полтора маха твоих кроет». Из-под вершины Галанской долетел слабый лай Заката. В груди будто сердце оборвалось. Много раз охотник слышал этот раскатистый угрюмый лай, а привыкнуть не мог, вроде и ожидал, а все равно застигал врасплох. Охотник вслушался: «Похоже, загнал на дерево, однако далековато...»

Кедр доживал шестую и, как оказалось, последнюю сотню лет, был огромен и дряхл. Таких одновозрастных стариков-великанов с треснутой у основания заболонью и трухлявой сердцевинкой, но все-таки способных еще питать крону и давать плоды, было немного. Они стояли усталыми исполинами, лет двести назад пережившие страшную быль ветровала, который сокрушил более слабое поколение кедров, обратив его в беспорядочно нагроможденные кучи-завалы. «Если соболь пойдет в завалы, — невольно подумал охотник, — собаке не взять». Кедр, который облаивал Закат, отличался от своих братьев тем, что был без макушки, — след ветровала. Ее на тридцатиметровой высоте продолжила боковая ветвь, она развилась в самостоятельный ствол и напоминала мощную, воздетую в небеса руку. Местами ствол был испещрен дуплами, дятлы потрудились на славу, извлекая из него разных насекомых.

«Да... такого исполина и втроем не обхватишь». Закат, круто задрав морду, заливался лаем, показывая, что соболь где-то в дупле под верхом. Увидев хозяина, он перестал лаять и только изредка стал повизгивать и поскуливать. «Ай, Закат! Ай, молодец! Соболешку загнал матерого». В ответ на похвалу кобель завилял хвостом и еще сильнее заскулил. Охотник скинул понягу, достал топор и со всего маху ударил обухом по стволу. Удар глухо погас, не дойдя и до середины. «Не пробить... ну что ж, придется выживать дымком». Охотник запалил в корнях смолевые завитушки, бросил на них сухого гнилья и, держа наготове двустволку, встал повыше. Скоро дым проник в дупло, тонкими струйками зачадил из щелей и отверстий, но, как и звук, дым едва просачивался до половины ствола. Требовался огонь мощнее.

Охотник обошел вокруг кедра, соболь не подавал никаких признаков. Под взмокшие лопатки стал пробираться холод. «Как бы не простыть с поту», — подумал охотник и развел огонь пожарче. Закат сидел на прежнем месте строго и напряженно, редким поскуливанием выдавал беспокойство. «Смотри, не прозевай», — охотник погрел спину, поставил на огонь полный котелок снега. «Да, брат, завел нас соболешко, но ничего, Хозяин даст, возьмем. На вот... поддержи силенки», — кинул вареную, добытую в прошлой охоте белку. Поймав ее на лету, Закат жадно стал есть, не забывая, однако, следить за кедром. Подкрепившись нехитрой пищей и снеговым чаем, охотник еще раз внимательно со всех сторон осмотрел дерево: соболя не было.

Пришлось прорубить заболонь и запалить трухлявую сердцевину. Сухое гнилье зашипело, задымил, и скоро пламя охватило все надкорневище. Подождав немного, добытчик еще раз обошел вокруг кедра и стал поодаль. Дым густыми клубами выкручивался из проруба, тянул из щелей, дупел. С шумом осыпалось подбеденное огнем гнилье, на время заглушало пламя, отчего дым становился плотнее. Соболь не показывался. Начинало закрадываться сомнение: здесь ли он? Не ушел ли по залому верхом? Охотник посмотрел на Заката, но тот по-прежнему выслушивал таежные звуки, сидел, не шевелясь, как изваяние. «Закат! Где соболь?» Кобель повернул к хозяину седоватую морду и, косясь на дерево, отрывисто и угрюмо взлаял. «Нет, собака врать не будет, здесь он». Дым заволакивал ствол и только под макушкой, подхваченный верховиком, рассеивался. Огонь набирал силу. А тем временем подвечерье заполняло тайгу первой низовой тенью. На хребте, пронзительно всхлипывая, одиноко заплакала желна. Настроение было скверным, начинали коченеть ноги. Охотник, переминаясь с ноги на ногу, все чаще останавливал взгляд на срезе макушки. Если соболь в дупле, дым рано или поздно выживет его. Одно было подозрительным: долго не появлялся соболь — или слишком упорный, или задохся в дупле. Подождав еще, охотник утвердился в последней версии, он попробовал было закидать снегом пламя, которое уже облизывало наружную стенку проруба, но огонь с шипением расплавлял снег, исходил дымом и занимался с прежней силой. Окончательно отчаявшись, охотник стал сердито упаковывать понягу. Нервозность хозяина тут же передалась собаке. Закат подскочил, ткнулся в руку и опять, только более настойчиво взлаял. «Неужто вылез...» — догадался добытчик и, как подстегнутый, отлетел с ружьем.

Среди веток, что свисали над срезом, померещилась голова соболя. Охотник вскинул ружье и выстрелил наудачу. Соболь дернулся и повис на срезе. Добытчик откинул ружье и, не осознавая, что делает, полез на кедр. Тонкие

отмершие сучки предательски обламывались, охотник безнадежно скатывался, но пытался снова и снова, пока не резануло сознание: «Шест!»

Моментально была срублена пихтушка и приставлена к дереву. Преодолевая боль в окоченевших пальцах, добытчик подтянулся по шесту и, вконец запыхавшийся, зажал под мышкой основание первого надежного сучка. Было слышно, как внутри кедра, выжигая дупло, шумит огонь, он опять набрал силу и с каждой новой осыпью стрелял из проруба метелками искр. Отдышавшись и отогрев пальцы, добытчик полез выше. Дым все плотнее окутывал кедр, разъедал глаза, забивал горечью рот, и только колебания воздуха, на время отклоняющие его, давали возможность осматриваться и взбираться выше. Под верхом стало легче. Толстые живые ветки надежно держали охотника. Ощущение зыбкой высоты, которое парализующим страхом сковывало движения, отдалилось и облегчило подъем. Добытчик поднимался с ветки на ветку, пока не наступил на витой изгиб макушки. Мертвый соболек висел на подмышках, он чудом не свалился назад в дупло. Из простреленной обвислой головы, окрашивая на сучьях снег, капала кровь. Только и бросилось в глаза охотнику, что соболек невероятно большой и ворсистый. Из дупла упругой струйкой потянул просочившийся дымок. Добытчик торопливо затолкал соболя под рубаху за спину и стал спускаться. Стараясь держаться противоположной от проруба стороны, он быстро достиг середины. Дальше пришлось спускаться вслепую, наощупь. Тысячу раз пожалел добытчик, что не подшил резиной ичиги, кожаные подошвы обмылились, скользили на сучках. Спасаясь от дыма, охотник прятал в распахнутый ворот лицо, попеременно грел коченеющие от снега пальцы и, перебарывая страх, который опять вселился в него, продолжал спускаться. «Да... в такую оказию попал впервые. Только бы не сорваться», — единственное желание владело им. И надо же! — охотник уже нащупал спасительный шест, как под рукой обломился сучок. Ичиг скользнул, шест полетел в сторону, а за ним, поджимая ноги, полетел добытчик. Тяжелый потрясающий удар в спину на мгновение выбил из памяти.

Охотник прослушал себя: «Внутренности, кажется, на месте», — он попробовал подняться, но отбитое тело и ноги плохо слушались, надо было отлежаться. «Ну, молодец, молодец! — охотник ласково погладил скулившего кобеля, — давай-ка посмотрим, кого нам Хозяин послал». Кряхтя, добытчик вывернул из-под спины соболя и удивился. Это была редкая особь, настоящий баргузинский кряж — высокая головка. Шелковистый с проседью ворс отдавал черным сголуба отливом. Охотник дунул в мех, ворс распался воронкой. «Подпушь тоже темная — сквозной! — повернул животом, — желтого галстука на шее нет, везде одинаков... да-да, такого полуметрового красавца добывать не приходилось, вот отец удивится. Удача, Закат! Удача! На, помни малость». Кобель, злобно урча, потряс соболя, перекинул через голову и стал по нему кататься. Охотник знал: шкуру собака не испортит.

...Отойдя хребтом километра полтора, охотник оглянулся. На вершине Галанской гривы, разрывая в клочья тяжелые сумерки, полыхала гигантская свеча. И сразу же в сердце вонзилась какая-то знобящая и неотвратимая укоризна — рад бы глаза отвести, а не в силах. «Прости меня, Хозяин, прости меня, тайга!» — взмолился охотник...

Андрей ПЕТУХОВ

«ОТЧИЗНА, ОСТАНЬСЯ ВЕЛИКОЙ НАВЕКИ!»

Андрей Юрьевич Петухов — родился в 1964 году в г. Череповце Вологодской обл. Окончил географический факультет ЛГУ. Во время учебы участвовал в трех морских экспедициях. Получив диплом океанолога, устроился научным сотрудником на океанографическое исследовательское судно «Иван Крузенштерн» и в течение последующих лет участвовал в экспедициях, в том числе в исследованиях на месте гибели атомохода «Комсомолец». Автор четырех поэтических сборников и четырех книг прозы. Член Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

ПОСОЛЬСТВО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Длинны, слащавы речи басурмана.
Бубни, толмач, да не сломай язык!
Хитры глаза хмелеющего хана.
Тяжел великокняжеский ярлык.

Князь Александр, надежа и защита,
Тебе верны чудские берега!
Ты свят и светел и готов открыто
В бою неравном одолеть врага.

Неужто вновь встает угроза полчищ?
Ордынский новоявленный «чингиз»
Пришлет дары, пообещает помощь,
А поднесут отравленный кумыс!..

БРАТ

Мой брат герой,
отмеченный медалью.
Он в двадцать лет
прошел Афганистан.
Огнем крещенный
и черненный гарью,
Из боя вывел он горящий танк.

Кровавая бинт в палатке медсанбата,
О русском небе над березняком
Он написал мне из Джелалабада
Мальчишеским нескладным языком.

Прошли года. Все выплаканы слезы.
Мне не узнать тебя,
мой старший брат...
Сжимает сердце строчка про березы,
Когда ты говоришь: «Джелалабад...»

* * *

Говорят: «Заживем словно в сказке,
Подчиняясь заморской указке.
Нас полюбит заезжий Кашей,
Нахлебавшись одних с нами щей».

Нет! Когда бы все было,
как в сказке,
Я бы знал о счастливой развязке. —
Что спасенье в иголке,
иголка в яйце...
Что Кашея Иван одолеет в конце.

* * *

Рассеялись чаек дозоры...
Смертельную боль затаив,
Залив охраняют линкоры
И прочно вмерзают в залив.

Сменились военные флаги...
В стране обновился режим...
Исполненный старой отваги
Наш флот на посту недвижим.

СКОРОСТЬ

Свищет ветер колючий и хлесткий,
Бьет в стекло лобовое в упор.
Впереди на пустом перекрестке —
Путь свободен! — сверкнул светофор.

Он сигналом зеленого света
Увлекает меня за собой.

Этот путь, неразлучный с кюветом,
С человеческой сходен судьбой.

Став наглей бездуховного быта,
Беспощадней морщин и седин,
Скорость жизни явилась открыто
Мне навстречу — один на один.

ОСОБЫЙ МАТЕРИК

Коряжистые ямы
Для щучьего жилья...
Немолкнущие ямбы
В душе — не для вранья!

По щучьему веленью
Явились предо мной
Счастливые селенья
Земли моей родной.

Светлеет луг табунный,
И кланяется рожь.

Жестокие вещуньи
Кукуют в кронах рощ.

И верю, и не верю
В былые чудеса,
Где домовой за дверью,
Ходячие леса.

Божественно красива,
Под вещей птичий крик
Живет в душе Россия —
Особый материк!

* * *

Река и речь текут по-русски...

Б. Орлов

Скудеет природа. Я чистую речку
Легко перейду, где была глубина.
Грубее язык. За испорченной речью
И души мельчают. В том наша вина.

Ветшает Держава. Идем наудачу,
Но всюду борьба, недород, недостаток.
Что все это значит?

Что я в этом значу?

Что будет? Что делать?

И кто виноват?

Россия!

Небесных ли, храмовых сводов
Твоя благодать нашу силу творит...
Пока не расторгнуты узы народов.
Пока не рассеяны земли твои.

Отчизна, останься великой навеки!
Суметь бы тебя от распада сберечь,
Покуда текут твои чистые реки,
Звучит не смолкая исконная речь!

* * *

*...нагрянули они,
иных времен татары и монголы.*

Н. Рубцов

Живу, проклиная Колумба.
Зачем он открыл эту землю!?
Вверяться опасно и глупо
Ее приворотному зелью.

Она через телеэкраны
Сулит дорогие соблазны.

Вгляжусь — за улыбкой обманной —
Личины ее безобразны.

Америка! — идол торговцев,
Тебе поклонилось полсвета ...
Похлеще татар, крестоносцев
Вторжение это.

РОДИНА

Любви сближающая сила
Влечет меня в родную глушь.
Жива Небесная Россия.
Как много в ней прозревших душ!

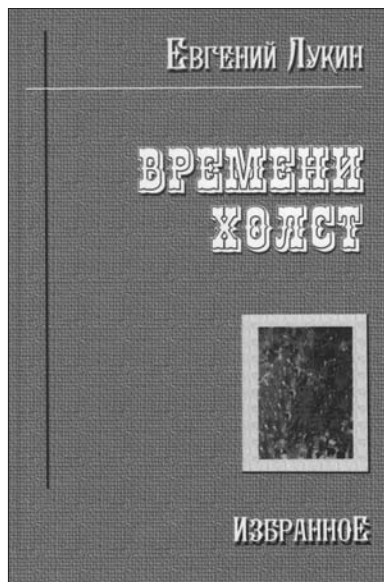
В краю, не знающем корысти,
Придет и мой черед прозреть.
Я жить хочу светло и чисто,
Легко и просто встретить смерть.

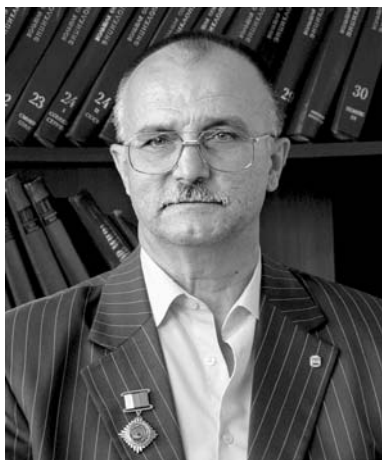
ВЫШЛА КНИГА

Лукин Е. В. Времени холст: Избранное/Е. В. Лукин; предисл. Л. М. Мосоловой — СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2010. — 704 с.

Евгений Лукин вошел в литературу как переводчик древнерусских песен — «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской земли», «Задонщина». Академики Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев высоко оценили эти переложения, назвав их «лучшими на сегодняшний день в русской литературе». В дальнейшем почти каждое произведение писателя вызывало живой отклик читателей и одобрение коллег. Роман «По небу полуночи ангел летел» отмечен премией имени Н. В. Гоголя, а повесть «Танки на Москву» о первой чеченской войне признана лучшей публикацией журнала «Нева» за 2009 год.

В книгу Евгения Лукина «Времени холст» вошли лучшие образцы его поэзии, прозы, эссеистики, а также переводы. Изданная к юбилею автора, она включила в себя биографические материалы, статьи и рецензии о творчестве этого петербургского писателя.

Виталий ШЕВЦОВ

ЛЮБИМАЯ КНИГА

Рассказ

Виталий Евгеньевич Шевцов — родился в Риге в 1952 г. Учился и работал в Белоруссии. Проходил службу в ВДВ и ВМФ. В настоящее время работает в военном представительстве МО РФ. Лауреат литературных премий: «Справедливый мир» (Москва), «За гуманизм и милосердие в литературе»; лауреат I Международного литературного фестиваля «Славянские традиции — 2009» (Крым); лауреат много международных литературных конкурсов в том числе конкурса, посвященного 65-летию Победы «...И память сердца говорит» (Австрия, 2010 год). Член Союза писателей России. С 2008 года председатель Правления Калининградского регионального отделения Союза писателей России. Секретарь правления Союза писателей России. Живет в Калининграде.

Первой книжкой, которую я прочитал самостоятельно, была книга Корнея Чуковского «Мойдодыр». Но сначала мне пришлось целый месяц учить с мамой азбуку. Помню свой неописуемый детский восторг, когда из уже знакомых мне букв алфавита — А, Б, З, У, Р — я сам, без маминой помощи, составил слово: АРБУЗ. Потом было много других замечательных и важных для меня слов: МАМА, ПАПА, ВЕЛОСИПЕД, МОРОЖЕНОЕ... Но именно со слова АРБУЗ и началось для меня мое путешествие в удивительную страну под названием ЛИТЕРАТУРА. Тогда, в шесть лет я сделал для себя важное открытие: я — уже взрослый, а не маленький мальчик, потому что, как мама и папа, умею теперь читать и писать.

Книгу «Мойдодыр» мне подарил папа. Она мне сразу понравилась. В ней было много ярких, смешных картинок, и я был готов тут же приступить к ее чтению. Но папа сказал, что книгу мы будем читать вечером, всей семьей.

«Почему? — чуть не заплакал я. — Ведь это моя книжка».

«Читать книгу будешь ты сам, — успокоила меня мама, — а мы с папой будем тебя слушать».

Привычка к семейному чтению, привитая с детства родителями, научила меня любить книгу и в то же время дорожить своей семьей.

«Мойдодыра» я читал вместе со своими детьми, потом с внуком — и всегда вспоминал слова моей мамы: «Сынок! Книгу надо читать с чувством, с толком, с расстановкой. Вдумываясь в каждое прочитанное слово».

Не сомневаюсь, что у каждого человека есть своя самая любимая книга. И с ней обязательно связаны

какие-то дорогие и незабываемые воспоминания. Историю об одной такой книге, услышанную в детстве, мне бы и хотелось сейчас рассказать.

Мой отец был офицером и служил в ракетных войсках. Переезды к новому месту службы отца происходили у нас с завидной регулярностью, раз в два года. Поэтому мама шутливо называла нас военными путешественниками поневоле. Лично мне такие путешествия-переезды были по душе. Новая школа, новые друзья...

Городской поселок Слобудка в Белоруссии. Военный городок. Вокруг лес. Летом — грибы, ягоды. Зимой — лыжи, санки. Там такие горки и трамплины на старом стрельбище! Семьями ходили туда кататься. А еще озеро. Небольшое. В самом центре военного городка. Рыбалка отменная. Летом и осенью зеркальные карпы, карасики, плотва ловились прямо на пустой крючок. Зимой — каток. Днем в хоккей играли, а вечером под музыку военного духового оркестра катались на коньках.

Наша школа-восьмилетка располагалась в старинном одноэтажном деревянном здании, построенном в виде большой буквы П. Как потом я узнал, это был дом какого-то польского помещика, который жил в этой местности давным-давно. Таких деревянных школ уже нет. Это точно. Сейчас школы строят из стекла и бетона. Окна и двери из пластика. Полы, если не паркетные, то уж точно — ламинат. Ну, на худой конец, линолеум. Наверное, так и надо. Время сейчас другое. Только мне очень школьную парту жалко. И что бы там ни говорили в Министерстве просвещения об удобстве современной мебели для школьника — с отсутствием парт не соглашусь никогда. В той школьной парте все было продумано до мелочей. Место для учебников и ручки, наклон для удобства правописания, крышка откидная, сиденье удобное, для двоих, отполированное за годы учебы не одним поколением школяров, а еще спинка — это чтобы сколиоза не было. За такой партой сидеть «развалившись» было просто невозможно. А сейчас... Заходил я к внуку в школу. Сидят ребята за столами на стульях. Не то в школе они, не то в кафе. Портфели, ранцы на полу стоят. Раздуты от учебников, как сумки хозяйственные. Тут же, рядом — мешки, пакеты со сменной обувью... Чего не хватает? Спальных мешков (шутка). Не так смешно, как грустно.

А наша школа... Я ее часто вспоминаю. У нас во всех классах, учебных коридорах, учительской и даже в школьном буфете — можете себе представить? — на окнах были самые настоящие деревянные резные ставни! Те, кто учился во вторую смену, после уроков убирали за собой класс и запирали ставни на ночь изнутри на засов. А еще в моей школе не было парового отопления, и поэтому в каждом классе стояла печка. До потолка — такая высокая. А потолки у нас в классах в высоту были метра три, это точно. Потому что дом старинный. Раньше так строили. Так вот, печки были облицованы кафелем, и все разные. Все — разного цвета. В нашем классе печка была белая. Ну, просто белоснежная. В соседнем с нами — фиолетовая. Даже черная была. А вот в учительской стоял самый настоящий камин. Отопительный сезон в школе начинался с первого октября и заканчивался в середине мая. Топились печки только дровами. И занимался этим ответственным делом школьный дворник, он же по совместительству истопник. Фигура, я вам скажу, загадочная. Судите сами. Независимо от поры года ходил он в одной и той же одежде: старая черная телогрейка, военные офицерские брюки-галифе, валенки, подшитые снизу резиной от старой автомо-

бильной камеры, а на голове солдатская шапка-ушанка. «Зима, лето попугай! Зима, лето попугай!» — дразнила его малышня из начальных классов. Но ни я, ни мои друзья ни разу не заметили, чтобы печник, так мы его между собой называли, обиделся на малышей. Он даже улыбался иногда в ответ на их дразнилки. Я сам это не раз видел.

У нас в классе была масса предположений насчет печника. Кто он такой? Почему работает в школе? В конце концов, сошлись на том, что он фронтовик, у которого вся семья погибла во время войны. Правда, была одна очень интересная версия: печник — кладоискатель. Ее предложил мой друг Андрюха Рогожников, с которым мы сидели за одной партой. Но от этой версии, как и от многих других, пришлось отказаться. Мы случайно узнали от технички тети Кати, что печник живет и работает в школе уже десять лет! За это время любой клад найти можно.

Как это часто бывает, все тайное становится явным совершенно случайно, и как бы само собой. Однажды в пятницу, на перемене после четвертого урока, к нам в класс зашла наша классная руководительница Фаина Ивановна и объявила, что урока литературы не будет, потому что заболела учительница. Мы все, конечно, обрадовались. Литература была пятым уроком по расписанию, а это значило, что можно будет раньше уйти домой. Но Фаина Ивановна улыбнулась и сказала:

— Вместо литературы у вас сегодня будет урок внеклассного чтения, который проведет наша заведующая школьной библиотекой Кира Ивановна.

— А что мы будем делать на этом уроке? Ведь мы к нему не готовились! — стал возмущаться Андрей и, толкнув меня локтем в бок, зашептал: — Ну, че ты молчишь? Поддерживай. Лучше на каток пойдем. В хоккей поиграем.

— На этом уроке вы, ребята, поговорите о своих любимых книгах, а Кира Ивановна познакомит вас с новыми книгами, которые недавно поступили в нашу библиотеку, — не обращая внимания на Андрея, закончила свое объявление Фаина Ивановна.

— Ну, все! — вздохнул расстроенный Андрей. — Теперь наша «Энциклопедия» всю душу из нас за сорок пять минут вытащит своими рассказами. «Ах, Наташа Ростова!.. Ах, Чацкий!.. Карету мне, карету! Не опоздать бы мне к обеду!..»

— Рогожников! Прекрати кривляться.

— А я и не кривляюсь, Фаина Ивановна, — как ни в чем не бывало пожал плечами Андрей. — Я классиков цитирую. Че, нельзя что ли?

Читать художественную литературу Андрей не любил, а если что и читал, то только журналы: по авиамоделированию, «Техника — молодежи», «Науку и жизнь». Забегая вперед, скажу, что после окончания школы он поступил в летное училище и, как и мечтал, стал военным летчиком. Совсем недавно, в Интернете на страничке «Одноклассников», я узнал, что мой школьный друг и сосед по парте — военный летчик первого класса Андрей Михайлович Рогожников — погиб в Афганистане.

А в тот день его «цитирование классиков» в очередной раз вызвало в классе хохот. Ну, умел он хохмить, за это его все и любили.

На огромной, почти на всю стену, географической карте мира, которая висела в нашем классе прямо напротив печки, Афганистан виделся нам в то время одним из многих маленьких государств, о местоположении которых

мы знали только благодаря школьной программе. Ровно через двенадцать лет слово «Афганистан» в нашей стране будут знать и стар, и млад... А пока за окном был октябрь 1967 года, и ровно через пять минут должен был начаться тот самый памятный для меня урок внеклассного чтения.

— Жаль, не удалось классную уговорить, а так бы пошли на каток, в хоккей играть, — мечтательно произнес Андрей. — Тоже мне друг называется. Трудно было поддержать, что ли?

Я не успел ему ничего сказать в ответ, потому что одновременно со звонком на урок в класс вошла Кира Ивановна. С первого дня, как я записался в школьную библиотеку, у меня с Кирой Ивановной сложились доверительные читательские отношения. Что это такое? А вот что: это, когда можно не боясь высказывать свое личное мнение о прочитанной книге, даже если оно не совпадает с мнением «старших товарищей». Например, лично я не люблю Анну Каренину, а Печорин, я вам скажу, еще тот герой того времени.

Так вот, Кира Ивановна меня понимала, слушала и даже спорила как с равным. Невысокого роста, седенькая старушка, с удивительно добрыми, по-детски голубыми глазами. Настоящая хранительница книжницы, как говорил некогда Владимир Даль. «Читатель, мой мальчик, не имеет возраста. Перед книгой мы все равны», — часто любила повторять Кира Ивановна. А «Энциклопедией» ее за глаза прозвали ребята в школе за то, что она могла ответить на любой вопрос.

Урок внеклассного чтения уже подходил к концу, и если бы не Кира Ивановна, то мы бы все точно перессорились между собой, стараясь доказать друг другу, чья книга лучше. Андрей, просидевший весь урок надутым на меня за то, что я не поддержал его перед классной, и тот не выдержал и стал всем советовать — обязательно прочесть книгу о Валерии Чкалове. Мы так увлеченно спорили, что даже не обратили внимания на то, что в класс зашел печник. Если честно признаться, то мы все к нему просто давно привыкли. Ну, ходит человек по классам во время уроков, следит за тем, чтобы нам тепло и уютно было учиться. Значит, так надо. Работа у него такая. «Тут ведь дело вот в чем, — популярно объяснил мне Андрей, когда я с удивлением в первый раз увидел появившегося во время урока в классе печника, — когда дрова в печке полностью перегорят, необходимо вовремя выюшку в дымоходе закрыть. А не то все тепло в трубу вылетит. Понял?

— Понял. А что такое выюшка? — чувствуя, что краснею, спросил я.

— Ну, ты и темнота городская! — удивленно произнес Андрей. — И чему вас только в городе учат! Выюшка — это такая чугунная заслонка в дымоходе, которую закрывают, чтобы тепло в печке оставалось. Теперь понял?

— Теперь понял, — окончательно покраснев, ответил я. Ну откуда мне было знать все эти печные премудрости. В тех школах, где я раньше учился, было паровое отопление.

— Ребята! Вы меня, признаюсь, удивили своими рассказами о ваших любимых книжках. У нас еще есть время до конца урока, — Кира Ивановна посмотрела на часы, — и я вот что думаю: вам наверняка будет интересно узнать, а какая книга была самой любимой в детстве у нашего Виктора Ивановича?

В классе все стали удивленно переглядываться, не понимая, о каком это Викторе Ивановиче говорит нам Кира Ивановна.

— Прошу вас, Виктор Иванович. Мы вас слушаем.

И только тогда нам всем, как говорится, дошло до ума, к кому Кира Ивановна обращается по имени и отчеству. К печнику!!!

В классе наступила такая тишина, какая бывает только на контрольной по математике. Никто из нас не ожидал такого поворота событий к концу урока, и теперь все наше внимание было сосредоточено на человеке, стоявшем у печки. По его лицу было видно, что он сильно волнуется. Оно и понятно, вопрос Киры Ивановны застал его врасплох. Наконец он решился. Сняв с головы шапку-ушанку и откашлявшись в кулак, Виктор Иванович тихо произнес:

— Моей любимой книгой в детстве, ребята, была книга «О вкусной и здоровой пище». Потому что...

Хохотал весь класс, и я в том числе. А Андрей — так тот от смеха аж под парту сполз.

— Ой, мамочки! Пирожки вы мои, котлетки любимые. Как же я вас люблю читать да перечитывать, — раздавались из-под парты, веселя весь класс, его причитания.

Все вдруг стали вспоминать разные смешные случаи из своей жизни, которые касались темы еды, и спешили рассказать их друг другу. Вот уж правду говорят: искра в стогу сена. Безудержное веселье захлестнуло класс. На какое-то время мы просто забыли, что находимся на уроке. Забыли о Кире Ивановне, о Викторе Ивановиче...

С материнской нежностью, полными слез глазами смотрела на нас стоявшая у доски Кира Ивановна. Губы ее беззвучно шевелились, и мне вдруг показалось, что я понимаю, о чем она хочет нам сказать: «Война! Война! Война!»

А Виктор Иванович, прижавшись небритой щекой к белоснежному кафелю печки, просто улыбался, глядя на нас. Улыбался-то он улыбался, а в глазах были тоже слезы...

Не раз еще потом, в моей взрослой жизни, встречались мне такие люди, как Виктор Иванович. С улыбкой на лице и со слезами на глазах. Сегодня даже песня об этих людях есть, и называется она «День Победы». Хорошая песня о хороших людях. А что мы знаем об этих хороших людях? Так, общие факты из биографии... Родился, учился, работал, воевал... Живут они, кстати, рядом с нами, а не где-то там за тридевять земель. А мы не то что фамилий, имен и отчеств их, к своему стыду, часто не знаем. Они для нас все на одно лицо — ветераны. Нам бы у них, пока не поздно, научиться жизнь любить. Главное, не опоздать! День сегодняшний дороже «вечной памяти» по праздникам...

Прозвенел звонок, но никто из нас, как это бывало обычно после окончания уроков, не сорвался со своего места и не бросился наперегонки в школьный гардероб. Глядя на нас, можно было подумать, что мы вдруг все как один вспомнили главное школьное правило: «Звонок — для учителя, а не для учеников».

Нет, конечно. Чего уж тут говорить, мы уже не первоклассники, которым палец покажи — и будут смеяться. Не сразу, но поняли, что у нашего печника Виктора Ивановича какая-то жизненная история с этой книгой о вкусной и здоровой пище случилась. А мы, не дослушав ее до конца, своим «весельем без повода» обидели человека.

И тут на помощь нам пришла Кира Ивановна.

— Ребята! На этом наш урок закончен. — Тут она сделала небольшую паузу. — Но я вижу по вашим глазам, что вам хотелось бы дослушать до конца историю о любимой книге Виктора Ивановича. Ведь так?

— Так! Да! Хотим! — тут же с благодарностью за ее поддержку отозвался весь класс.

Кира Ивановна подошла к печке, где все еще стоял Виктор Иванович, и, взяв его за руку, направилась с ним к доске.

— Может быть, как-нибудь в другой раз, Кира Ивановна. Ребятам до той поры, — пытался он возражать. — Да и стоит ли им об этом рассказывать?

— Стоит, Виктор Иванович, поверьте мне, об этом им стоит рассказать.

«Об этом...» Какое это удивительное русское слово. В нем, пожалуй, скрыта та самая правда нашей жизни, узнав которую, мы взрослеем не по годам и становимся мудрее.

— Моей любимой книгой в детстве была книга «О вкусной и здоровой пище». Эта книга, ребята... — Виктор Иванович неожиданно закашлялся.

— Может быть, воды? — заботливо предложила Кира Ивановна.

— Нет-нет, — прижав руку к груди и преодолевая кашель, прошептал он. — Сейчас все пройдет. Это после ранения бывает так иногда.

«Ранен, ранен. Он был ранен», — зашептались в классе.

— Еще хоть слово кто скажет, будет иметь дело со мной, — строго сказал Андрей и в подтверждение серьезности своих намерений погрозил всем кулаком.

— ...Эта книга спасла мне жизнь, и не один раз, — справился с приступом кашля Виктор Иванович. И стал рассказывать.

— В том году я заканчивал четвертый класс. До начала каникул оставалась одна неделя, и я очень обрадовался, когда мама сказала, что мы уезжаем с ней к бабушке в Ленинград на все лето. Помню, я тогда спросил у нее: «А почему папа не едет с нами в Ленинград?» — «У него на заставе начинаются срочные военные маневры», — ответила мама и заплакала. Но я не обратил внимания на ее слезы, скорее побежал на улицу, чтобы сообщить своим друзьям о поездке в Ленинград и о том, что по этой причине в школу я завтра не пойду... На вокзале мама с папой о чем-то говорили, и мама опять плакала. Мне же было не до их прощаний. В это время я думал о том, как бы уговорить маму занять мне верхнюю полку в вагоне. Ведь с верхней полки так здорово, лежа на животе, смотреть в окно.

— Мне было одиннадцать лет, — тяжело вздохнув, произнес Виктор Иванович, — всего одиннадцать лет, ребята...

Прошлое вдруг так ярко проступило в чертах его лица, что всем в классе без слов стало понятно, о чем он хотел нам сказать. Оглядев притихший класс, Виктор Иванович виновато улыбнулся:

— Что-то я тут не на шутку разговорился. Вам, наверное, это не интересно.

— Рассказывайте, рассказывайте! — зашумел весь класс. — Нам интересно!

Впервые взрослый мужчина разговаривал с нами на равных, доверяя нам, детям, самое дорогое, что было у него, свою семейную историю, которую он все эти годы бережно хранил в своем сердце.

— ...Через неделю началась война. Из Ленинграда мы с мамой и бабушкой никуда не эвакуировались. Почему, не знаю. А потом... потом была блокада. Осенью умерла бабушка. Наступила зима. Было очень холодно. За печку-буржуйку мама отдала свои золотые сережки, обручальное кольцо и бабушкин перстень. Дров у нас не было, и потому свою печку мы топили мебелью, а потом паркетом. Когда паркет закончился, мы с мамой стали жечь книги из дедушкиной библиотеки. У дедушки была большая библиотека, ее нам хватило почти на всю зиму. Тогда-то мне и попала в руки та самая книга — «О вкусной и здоровой пище». Я не помню ее автора. Такая толстая, старинная книга с картинками. Много-много разных картинок, на которых была нарисована еда: колбаса, масло, рыба, пироги, торты, разные фрукты... А самое главное, там был нарисован хлеб, такой настоящий, черный и белый... хлеб. Но больше всего я любил картинку, где был большой жареный гусь с яблоками.

Мама работала в военном госпитале санитаркой и приходила поздно, но я всегда ее дожидался. Она приносила хлеб, а иногда даже суп в банке. Мы садились у нашей печки-буржуйки и устраивали «пир на весь мир» — так любила говорить мама.

«Сегодня едим жареного гуся», — объявлял я.

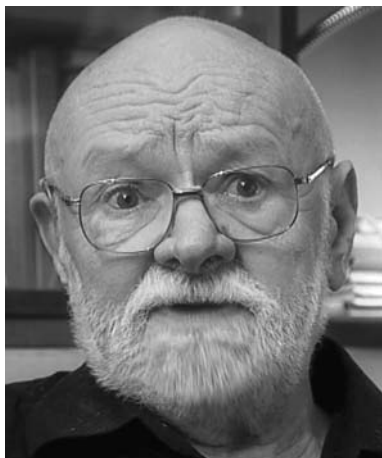
«Как, опять гуся, — улыбалась мама. — Ну что же, гуся так гуся. Только, чур, мне шейку и крылышки, а тебе все остальное, сынок...

Мы отламывали хлеб маленькими кусочками, клали их себе в рот, смотрели на картинку с жареным гусем и запивали наш ужин крутым кипятком. Так было теплее.

Под Новый год мама ушла за водой на Неву. Я прождал ее два дня, но она так и не вернулась. И тогда я принял решение идти на поиски. Одевшись потеплее, я запахал свою любимую книгу за пазуху и отправился искать маму. Но как только я вышел на улицу, начался артиллерийский обстрел... Очнулся я уже в госпитале. Потом доктор сказал мне, что осколок от снаряда угодил в мою книгу, и потому не попал в мое сердце. Так что мне повезло, а вот книге нет. По Дороге Жизни через Ладожское озеро меня вместе с такими же мальчишками и девочками вывезли из блокадного Ленинграда. Вот и вся история о моей любимой книге...

...Вечером на катке собрался весь наш класс. Мы тогда приняли решение взять над Виктором Ивановичем шефство, но только так, чтобы он об этом не догадался и не обиделся на нас. Девочки взяли на себя контроль за чистотой на школьном дворе, ну а мы, мальчишки, решили по очереди помогать Виктору Ивановичу колоть дрова и выносить золу из печек на школьный огород. Ленка Мирошник, дочка нашей «ботанички», вспомнила, что у них дома есть точно такая же книга: «О вкусной и здоровой пище» — и предложила подарить ее Виктору Ивановичу на память. Все у нас получилось, как мы и задумали. Правда, Виктор Иванович наше шефство раскусил сразу, но виду не подал. Мы просто по-настоящему подружились с ним, а дружба — это большое дело.

Прошло детство. Многие события моей школьной жизни стерлись из памяти, но никогда не забуду тот урок внеклассного чтения в нашем седьмом «Б» классе. Именно тогда мы поняли, что книга может быть настоящим другом и товарищем на всю жизнь. И еще: главное в жизни — не опоздать дарить людям добро.

Иван ВИСКОЧИЛ ЗАГАДОЧНОЕ СУЩЕСТВО

Рассказы

*Перевод с чешского
А. В. Драгомирова*

Иван Вискочил — родился в 1929 году в Праге. Актер, писатель, драматург, режиссер, основоположник чешского авторского театра и также психолог — все это его профессии. Он окончил пражскую драматическую консерваторию, затем философский факультет по специальности психология и в конце 50-х годов основал в Праге новый тип литературного театра, в котором авторы-исполнители читали свои тексты и пели свои песни. Самыми успешными стали рассказы самого Вискочила. В последнее время работал преподавателем альтернативной драматургии в драматической консерватории. В России как писатель известен по публикациям в журналах «Аврора», «Нева» и др.

ТРАМВАЙНЫЕ СТРАСТИ

Во второй вагон трамвая № 20 вошли женщина с ребенком, мужчина с раскладушкой, девушка с улыбкой, с озабоченными лицами две дамы, мальчишка со свертком под мышкой и господин с желтым портфелем. Господин с желтым портфелем предъявил карточку, сел и развернул газету. Дамы купили по одному билету, женщина с ребенком купила два билета, на себя и на ребенка, мужчина с раскладушкой заплатил за двоих: за себя и за раскладушку, девушка с улыбкой пробила один талон. Так, кто еще? Ага, мальчишка со свертком. Он-то что? Карточку он не предъявил, билет не купил и талон не пробил. Он стоял на площадке трамвая за раскладушкой и смотрел в окно. Кондуктор не заметил его. Зато заметили те, кто заплатил, предъявил и пробил. Заметили, потому что купили, предъявили и прокомпостировали. Образцовые пассажиры. Они смотрели друг на друга и убеждались, что совесть есть у всех, кроме некоторых, разумеется.

Вагон тронулся. Одна дама говорила другой, что ее соседка человек вообще-то неплохой, но класть чеснок в клубнику — это уж простите... Господин с желтым портфелем шелестел газетой. Ребенок с наслаждением вытягивал изо рта жевательную резинку.

— Да прекратишь ты или нет! — мать шлепнула чадо по руке. Резинка стрельнула и прилипла к желтому портфелю господина с газетой, но тот ничего не заметил. Он почитывал газетку и время от времени поглядывал на мальчишку, стоявшего за раскладушкой. Он присматривал за ним. Так, для порядка, и для себя и для других. Девушка с улыбкой глазела по сторонам. А что ей еще

делать? Мужчина с раскладушкой смотрел в пространство. Ему, видимо, было неловко, что мальчишка прячется за его раскладушкой, хотя, не исключено, что он испытывал чувство гордости: не будь его раскладушки, кондуктор заметил бы «зайчишку» и тогда...

На остановке вошли новые пассажиры. Господин с желтым портфелем, девушка с улыбкой, женщина с ребенком и мужчина с раскладушкой многозначительными взглядами предупредили вошедших: «Осторожно! Будьте внимательны!» и, поймав ответный взгляд, они осмотрительно, чтобы не привлечь внимание кондуктора и не вспугнуть мальчишку, показывали глазами за раскладушку. Новые пассажиры, догадавшись, что мальчишка на крючке, поспешно предъявили карточки и купили, кто два, а кто и три билета.

Кондуктор в полный голос объявлял остановки и настойчиво предлагал купить талоны и карточки.

На следующей остановке вошел мужчина в полупальто и предъявил удостоверение контролера: «Проверка билетов!» «Что ж, хорошо, давно пора, мы ждали вас, — говорили глаза пассажиров.

Господин с желтым портфелем, глядя не мигая на контролера, нервно показал карточку, мол, что скажете, товарищ контролер? Контролер ничего не сказал и пошел дальше. Он занят делом. Глаза пассажиров выразительно говорили: «У нас все в порядке, будьте уверены, но скоро вы узнаете, кто есть кто. Сами убедитесь, а мы раньше времени не станем вмешиваться».

С королевским величием контролер переходил от одного пассажира к другому. Его не волновало наличие билетов. Зато волновало пассажиров! В душе они уже потирали руки: «Не сомневайтесь, за нами не станет, когда все откроется. Непременно сейчас все откроется. Он там. Там, за раскладушкой!» Но пассажиры держали себя в руках и не смотрели на раскладушку. Рано. Товарищ контролер сам должен убедиться.

Напряжение нарастало. Господин с желтым портфелем, закрывавший собой раскладушку, чуть-чуть отодвинулся. Образовался просвет, через который вполне мог бы просочиться солидный мужчина. Контролер был мужчина солидный. Путь к жертве был открыт. Контролер закончил проверку билетов, заметил просвет и машинально шагнул туда. Пассажиры затаили дыхание. Наконец-то! Сейчас совершится! Но не тут-то было. В вагон влетела полненькая дамочка и встала на пути контролера, преграждая подход к раскладушке. Глаза сияют: успела!

Она достала три талона.

— Ну про-хо-ди-те! — прошипел господин с желтым портфелем. Контролер, взглянув на талоны, одобрительно кивнул и, пропустив дамочку, шагнул на площадку. Пассажиры замерли, некоторые даже закрыли глаза. Контролер мельком посмотрел на раскладушку, повернулся и направился к кондуктору.

— Как!? — взвился господин с желтым портфелем, хватая контролера за рукав. Взгляды пассажиров метнулись к раскладушке. Там никого не было.

— Где пацан? — загремел господин с желтым портфелем. Он отбросил портфель, оттолкнул контролера и схватил за грудки мужчину с раскладушкой, потерявшего дар речи.

Пассажиры повскакивали с мест. Один заглядывал под сидения, другие — непонятно почему — выворачивали свои карманы. Господин без порт-

феля судорожно ощупывал раскладушку. Контролер с интересом наблюдал за происходящим.

— Веселенькая у вас публика, — бросил он кондуктору. Тот согласился. — Ну, до свидания! — кивнул он ему и пошел на выход.

Девушка с улыбкой, чуть не плача, преградила ему дорогу.

— Подождите! Подождите, немного! — жалобно выдавила она. — Здесь он, здесь! Его сейчас найдут!

— Кого? — удивился контролер, пытаясь обойти девушку с улыбкой. — Кого найдут?

Пассажиры смутились и притихли. Девушка с улыбкой отступила в сторону и пропустила контролера.

— Найдут...

— Арбуз, — неожиданно подал голос мужчина с раскладушкой. — Тут у одного господина арбуз закатился. Ищем.

— Угу, арбуз, — мрачно буркнул господин с желтым портфелем.

— А-а, — протянул, усмехаясь, контролер и вышел. Он не любил арбузы.

Тем все и кончилось.

Трамвай ехал дальше. Пассажиры стыдливо отворачивались друг от друга. Ребенок расхныкался. Кто-то вошел, кто-то вышел, а те, кто остался, в задумчивости комкали билетки и время от времени перекладывали карточки из одного кармана в другой.

А ведь все шло так хорошо, но...

Проверка билетов не удалась.

ЗАГАДОЧНОЕ СУЩЕСТВО

«Улыбайся, балбес, улыбайся! Все время улыбайся! Учись располагать к себе людей! Научись, и не будет у тебя врагов, и в трудную для тебя минуту жизни никто не встанет и не скажет «нет» только потому, что ты обошел его почтительной улыбкой и он не забыл обиды. Запомни, друзья приобретаются улыбкой!» — сердито говаривал отец, а он знал, что говорит. Где бы сейчас был этот балбес, если бы не отцовские наставления? Кем бы он был сегодня, если бы тогда отец привлек его к себе и вместо подзатыльника одарил бы его доброй улыбкой? Кто мог знать, что слово этого *балбеса* однажды станет решающим, что именно он все вспомнит и скажет «нет»? — Никто! Никто не мог знать! Никто, никогда, ничего не может знать наперед! А отец знал! Уже тогда знал! И мать тоже знала. А сын тем более должен знать; это его будущее. Знать, чтобы не нажать себе врага, который в назначенный срок скажет решительное «нет», знать, чтобы превзойти отца. Кем бы мы были сегодня, если бы...

— Ты только посмотри на него! Он не улыбается! — возмущалась измученная житейскими заботами мать, указывая на сына, который от испуга пытался вновь обрести улыбку.

— Как не улыбается?! Сколько раз можно повторять? Ну-ка, улыбнись сейчас же, паршивец! Ни шагу без улыбки! Все время улыбайся, балбес ты этакий! — кричал издерганный жизнью отец, выколачивая из сына улыбку, потому как знал, что отрок должен иметь приятную внешность и с улыбкой принимать любое замечание, нарекание, наказание, не обнаруживая при

этом ни упрямства, ни возмущения, ни хандры. С детства его твердо приучали к этому и он, улыбаясь, не раз лил слезы из-за пресловутой улыбки.

— Улыбался? — сурово спрашивал отец по возвращении сына из школы.

— Как вел себя? Прилично? — наседала мать на свое миловидное чадо.

— Да, все нормально, — не переставая улыбаться, отвечал отрок.

— Не врешь? — допытывались родители, изучая физиономию сына.

— Нет, — с приятной улыбкой заверял их сын.

Сын все понимал. Правда, иногда он жаловался, с приятной улыбкой, разумеется, что одноклассники издеваются над ним: дразнят, бьют, прячут его учебники и карандаши.

— Чепуха! — говорил отец. — Они хулиганы и лоботрясы. Именно поэтому ты должен улыбаться, чтобы быть на голову выше их. Они проверяют тебя, а ты делай вид, что все в порядке. Трудно сказать, кто из этих шалопутов будет кто. Представь, что ты, например, стал учителем, а этот лодырь Вацлавачек школьным инспектором района. Сегодня ты ему что-нибудь ляпнешь и разозлишь его. Он затаит обиду и, пожалуйста, твоя жизнь пошла наперекосяк. Не хочешь же ты всю жизнь проходить в младших преподавателях!? Или, скажем...

Нет. Конечно же, ему не хотелось всю жизнь быть рядовым учителем. И он привык видеть в своих одноклассниках — в этих хулиганах и лоботрясах — будущих инспекторов, директоров, их заместителей, генералов, министров — лиц сильных, влиятельных и мстительных, которые уже сегодня определяют его судьбу. Он уверил себя в том, что так и будет, поэтому мило улыбался всем подряд. Вацлавачку он улыбался еще издали и всегда почтительно здоровался с ним, а «инспектор», шпана неблагодарная, как-то раз скинул с его головы кепку, и она упала прямо в лужу. Испачканную кепчонку сын поднял с улыбкой, которую Вацлавачек просто обязан был запомнить на будущее, когда встанет вопрос о вакансии старшего преподавателя.

Сын не стал преподавателем, ни младшим ни старшим, потому что не стал им вообще, хотя голова у него была неплохая. Отец, приложив все силы, определил сына в департамент, где сам тянул лямку.

— Ничего. Главное, что он улыбается. Это уже хорошо: жить будет легче. Придет время, и он поднимется по службе на ступеньку выше, — ворчал иногда отец, и то были прекрасные мгновения, когда родители словно бы улыбались. Но даже в эти редкие минуты они не могли избавиться от мучительного вопроса: как бы сложилась их жизнь, если бы... Потом они вспоминали, что сын уже на ногах, и всем сердцем, не таясь, предавались скорбным думам, а перед мысленным взором улыбающегося сына возникала картина похорон, не иначе как по первому разряду, потому что он уважал своих родителей.

По служебной лестнице он поднялся на самый верх, под крышу, где самостоятельно сортировал и расставлял папки с поблекшими документами, не переставая при этом улыбаться; ведь не исключено, что кто-то мог заметить его или он мог кого-то не заметить.

После смерти родителей он с улыбкой лишился квартиры и теперь снимал угол. Хозяйка любезничала с ним и потихоньку обкрадывала, а он улыбался, потому что у хозяйки была дочь. Кто знает, на кого она положит

глаз, да и сама хозяйка, кто ее знает? Молочница обманывала — улыбался; она разведенная и у нее сынок подрастает. У пекаря две дочки. У мясника детей нет, но он мясник. У каждого есть свой козырь или мог быть, и неизвестно, как все обернется.

Поскольку выше того места, где он сидел, было некуда, его продвинули вниз, но и там он не переставал улыбаться, напоминая своей застенчивой улыбкой всем, что он есть, а чтобы о нем все-таки не забыли наверху, он начал выдумывать, составлять и рассылать по кабинетам всевозможные прошения. Его прошения отклоняли, не давали им хода, его самого отовсюду выпроваживали, но другого результата он и не ждал. Он только хотел, чтобы все видели и знали: несмотря ни на что, он улыбается, он вполне прилично выглядит, и, может быть, однажды кто-нибудь вспомнит...

Вспомнил Вацлавачек, референт Вацлавачек, с которым он столкнулся на пути прохождения своего очередного прошения. Вацлавачек вспомнил, встал и сказал.

— Дамы и господа, обратите внимание! Это мой одноклассник и самый большой в мире идиот! Ха-ха-ха-ха!

Дамы и господа замерли от столь неожиданного пассажа и, затаив дыхание, ждали, что будет делать улыбчивый сын. А он стоял и улыбался. И тогда дамы захихикали, господа загоготали, а референт Вацлавачек расплылся в довольной улыбке. Словом, все было прекрасно, если бы не виновник смеха, вид которого был ужасен, потому что он вдруг понял, что Вацлавачек вовсе не «районный школьный инспектор», на которого он все эти годы возлагал большие надежды.

Что ж теперь? Оставаться всю жизнь никем? Совсем никем? Надежда подняться до старшего преподавателя, затейливо вложенная в память о «школьном инспекторе» Вацлавачке, рухнула по вине референта Вацлавачка.

От случившегося наш герой долго не мог прийти в себя. Что плохого он сделал Вацлавачку? Может быть, референт мстит ему за то, что не стал инспектором? Но ведь он только думал об этом.

Прошла неделя мучительных переживаний, как вдруг он получил указание явиться для обсуждения своего прошения. Вот только какого? Их было так много, что он терялся в догадках. Он даже не мог вспомнить о чем он просил, потому что просьбы сами по себе ничего не значили; главным было — напомнить о своем существовании.

В кабинете начальника отдела собрался почти весь состав подотдела. За спинами сотрудников мелькал Вацлавачек.

— Мы решили удовлетворить ваше прошение, — обратился начальник отдела к улыбающемуся сыну.

Если бы в данный момент наш герой способен был думать, то наверняка бы решил, что улыбка наконец-то возымела свое действие. И ошибся бы! Для начальника отдела он, с его улыбкой и приятной наружностью, был никто, но начальнику доложили, как безобразно обошелся с ним референт Вацлавачек. Референт Вацлавачек был ему противен, но еще большую неприязнь начальник отдела испытывал к начальнику Вацлавачка, который благоволил референту. Начальник отдела узрел возможность расправиться с неугодным одним махом, но сделать это он мог только удовлетворив просьбу нашего героя, потому что над начальником Вацлавачка, которого ненавидел начальник отдела, простирали свою длань заместитель начальника

Департамента, который в свою очередь терпеть не мог начальника отдела и тоже ждал случая съесть неугодного...

— Ваше ходатайство удовлетворено! — повторил начальник отдела.

— Какое? — испуганно спросил сын.

Вопрос застал начальника врасплох. Он начал нервно перебирать бумаги, и тут начальник Вацлавачка угодливо подсунул ему нужную папку.

— Ваше ходатайство в отношении места главного балетмейстера! — пробежав глазами документ, сказал начальник отдела и добавил. — Какое еще? — Всё!

— Я не умею танцевать, — с трудом произнес сын, надеясь в душе, что все, как всегда, пронесет мимо и образуетса само собой.

— Это не имеет значения, — проворно вмешался начальник Вацлавачка. — Балет, ритмика, художественные и популярные танцы не входят в компетенцию нашего департамента. Мы удовлетворили вашу просьбу о назначении вас на должность заведующего фермой по разведению золотистых хомячков, в силу...

— Золотистых хомячков? — ничего не понимая, тихо произнес сын.

— Да. Вот документ! — вернул себе инициативу начальник отдела, ощущая еще больший прилив ненависти к начальнику подотдела.

— Балетмейстер! Заведующий фермой! Золотистые хомячки! — изумленно воскликнул сын, и тут же почувствовал как внутри у него что-то оборвалось и с урчанием начало подступать к горлу, вызывая удушье.

Это был смех. Неведомый ему смех; тому, кто должен был постоянно улыбаться, было не до смеха. Допустить такое прежде было невозможно, потому что отец, вечная ему память, сказал бы, что такой смех равносителен грехопадению. — Улыбка, *балбес*, только улыбка! Всегда и везде! И никакого смеха! Понял?

В груди у нашего героя что-то хрипело, скулило, клокотало и рвалось наружу. Его рот непроизвольно открылся, и из него вывалился темный шарик. Шарик отскочил от пола, ударился в потолок и заметался по кабинету от стены к стене, ударяясь о мебель, натыкаясь на людей, которые шарахались от него и от неожиданности падали.

Поднялась невообразимая суматоха: дамы визжали, прячась за спины мужчин, мужчины, стараясь уклониться от удара, одновременно пытались поймать это странное существо, которое, разбив графин на столе начальника, юркнуло под шкаф. Толкая друг друга, одни бросились к шкафу и, шаря по полу руками, старались выудить оттуда загадочное существо; другие, обступив нашего героя, продолжавшего стоять с открытым ртом, начали обнимать его, ощупывая попутно.

— Вот это да! Здорово! Класс! Откуда? Где взял? Мне, мне и мне! У меня ребенок! Всего один, для ребенка! — кричали все наперебой.

— Это мое, мое! Бездельники! — послышался из-под груди тел, образовавшейся около шкафа, голос начальника отдела.

Под этот шум сын незаметно покинул кабинет и тихо направился к выходу. Уже на выходе его догнал Вацлавачек.

— Феноменально! Потрясающе! — захлебывался от восторга Вацлавачек, тряся руку сына. — Послушай друг, прости, я не хотел! Ты же знаешь меня, все-таки в одном классе учились! Давай мир! А, друг?!

— А кепка?

- Какая кепка? — не понял Вацлавачек.
- Мне сразу нужно было дать тебе по физиономии.
- Ты о чем, друг? — не мог взять в толк Вацлавачек.

Сын стоял и думал, что еще не поздно врезать этому обороту.

— Дать сейчас, что ли? — осматривая референта, произнес сын. — Нет. Пожалуй, нет. Это нужно было сделать тогда, не раздумывая. Что скажешь, Вацлавачек?

— Ей богу, не понимаю, о чем ты, — смущенно оправдывался референт. — Ну послушай, друг, у тебя есть еще такая штука? Ребенку, понимаешь? Пожалуйста, если есть... Девочка, у меня. Ювета ее зовут. Пожалуйста, друг! А ты заходи к нам, когда...

Сын видел перед собой растрепанного, запыхавшегося человека. Внутри у него опять что-то оборвалось, подкатило к горлу и разжало рот. Из рта выкатился шарик, много светлее прежнего, и запрыгал по коридору в глубь здания. Вацлавачек кинулся за ним вдогонку. Вскидывая руки, подпрыгивая, он набрасывался на него, стараясь поймать, спотыкался, падал...

Держа в руках приказ о назначении, сын вышел на улицу. Он дошел до угла, остановился и начал читать документ, а когда дочитал, расхохотался в полный голос. И опять у него изо рта выпал шарик, совсем светлый, и покатился по тротуару вперед. Сын шел за ним следом, не думая ни о каких золотых хомячках, и смеялся в душе чистым безмятежным смехом.

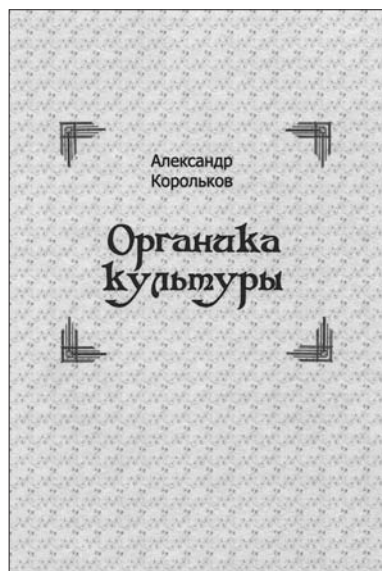
КВШАА КНИГА

Александр Аркадьевич Корольков. Органика культуры [Текст] / А. А. Корольков; сост. и ред. раздела «Отклики. Впечатления. Диалоги» д-р философ. наук В. А. Возчиков, член Союза журналистов России Ю. В. Бакулина. Бийск: ИД «Бия», 2011. — 332 с.

Новая книга академика Российской академии образования А. А. Королькова обращена к задачам целостного видения культуры, к ее духовному ядру. Истоки органики культуры таятся, с точки зрения автора, в просвещении, в его исторически корневом смысле.

Стилистика работы, сочетающая напряженность размышлений, публицистичность и яркую образность, привлекает внимание не только профессиональных философов, но всех, кому небезразличны судьбы национальных культур в современном мире и особенно русской культуры, русскости в культуре.

Органическим компонентом книги стали интервью, выступления автора, а также отклики на его творчество, собранные специально для этого издания: такая необычная композиция позволяет познакомиться с оценками творчества А. А. Королькова зарубежными и отечественными учеными, писателями, интеллигенцией.

**Наталья
КОЖЕВНИКОВА**

«ПОСРЕДИ РЕКИ И СВЕТА...»

Наталья Юрьевна Кожевникова — член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Главный редактор Оренбургского регионального литературно-художественного альманаха «Гостиный Двор». Автор книг «Лики любви», «Домовитая ласточка», «Другое время» и др., а также публикаций в центральных и региональных изданиях России. Лауреат всероссийских и международных премий. **Живет в Оренбурге.**

Нет луны, но тихо светят
В небо белые сирени,
И река остановилась
Подремать в полночный час.
Я пришла сюда откуда?
Где была моя обитель?
В светлом царстве-государстве
За серебряной рекой?
Кто любил меня бесечно
В том, другом тысячелетье,
Распуская косы-кудри
Осмелевшею рукой?
Из чего стихи сложились
В миг, когда вспорхнули птицы?
Из пунцовых горьких ягод,
Слез, метелей и дождей?
Из вселенской синей воли,
Из разбуженного солнца,
Из земной горячей страсти?
Но отныне знаю я:
Кто ответит — станет мною.
А не мною, так сestroю —
Посреди реки и света,
Вздоха, воздуха, земли.

К ГЕРБУ

Мой гордый русич!
Византии
Не снилась русская заря
В снегах, где славили витии
Печаль Великого Царя.
Тебе ли, ратнику, стыдиться
Щита червленого с копьём?
Столетия в поле пыль клубится
И пахнет прахом и огнем.
Крикливый шут и царедворец
Напрасно в страхе лжет и льстит.
Святой Георгий-змееборец
В небесной мантии летит.
И конь серебряный дивится
Дракону возле трех дорог,
И вечность с ним святому биться,
И надпись светит — «С нами Бог!»

* * *

Моя память, как малый ребенок, капризна —
По ночам тяжела, горяча и нема...
За околицей ветер взывает: «Отчизна!»
И во мгле проступают на миг имена
Обезглавленных храмов и башен тюремных,
Адских станций с урановой плотью внутри...
Одинокая! Ради живущих и бранных
Потерпи и соленые слезы утри.
У погоста снега завизжат в буераке.
Я ли долго сидела там, мать скороня?
А душа ее тихо стояла во мраке,
Трепеща и, как прежде, жалела меня.
Или бабочки в окна впорхнут удивленно
И закружат вокруг, осыпая пальцу.
И я вспомню, как ты прикасался влюбленно
К моему, под луной голубому, лицу.
Моя память, ты — узник, желающий воли.
Беспощадна — как цепкие когти волчат
На дороге, упавшей в зеленое поле,
Где по-русски отчаянно птицы кричат.

* * *

Как нетленна любовь, так и вечен народ —
В безоглядной дали и в тюремном бараке.
Вот и холм посредине села от невзгод
Уцелел и поет, и сияет во мраке.
А над ним, не спеша, без незначащих слов
Поднимается церковь из золота сосен.
Упираясь свечами своих куполов
В осиянное небо, в пресветлую осень.
И на дымчатых ветках висят до поры,
И о будущем грезят иголки и листья.
И задорно, победно стучат топоры,
Лик Христа проступает под беличьей кистью.
Как велик и доступен пленительный зов!
И ничтожен в безумии бывший гонитель.
Коли вечен народ и нетленна любовь —
Обустроена будет и Божья обитель.

* * *

Деревянная лестница в сад,
Словно трап в золотое кипенье
Солнца, влаги, листвы, где как град —
Соловьиное майское пенье.
Где холодный смородинный дух

В жарком сумраке зелени тает.
И неслышно лицо обвивает
Одуванчиков розовый пух.
Где дрожит и волнуется воздух,
Синим маревом в небо маня,
Где сама я — лишь отсвет и отзвук
Древней музыки, света, огня...

* * *

Пока с тобой я говорю на языке стихов
и трав,
Все одиночество мое с дождем
уходит.
И полон сад немислимых по осени
мелодий,
Цветет черемуха, плечом ко мне припав!

Мне нежности не занимать,
как звездам в вышине, пока
Ты помнишь обо мне в ночи,
пока не скован
Морозом воздух, ветром первый лист
не сорван,
И медленно течет прозрачная река.

Но что с того? Одной не выдержать
ни тяжесть облаков,
Ни стужу будущей зимы, ни стонов
сада...
Но если жизнь — за все — дается
Богом, как награда,
Я буду говорить на языке стихов...

* * *

Не стану, не стану сегодня стыдиться
Внезапных, как дождь, всепрощающих слез.
Растаять, как дым, как туман раствориться
В молчании млечных по пояс берез.
В озоне, где зноем с утра опалимы,
Молчат соловьи и скворчат вертела,
Где медленно плавает пух тополиный,
И женщины белые носят тела.
Где жимолость прячет развалины рая,
И тени теней изначально длинны,
Где жизнь моя длится, вершится, сгорая...
И вновь воскресает — как цвет купины.

Северное сияние

Владимир БАРАНОВ

ЛУЧ СВЕТА В ПОЛЯРНОЙ НОЧИ

Владимир Васильевич Баранов — кандидат физ.-мат. наук, полярник, родился в 1944 г. По окончании физико-механического факультета Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина распределен в Арктический и антарктический НИИ для исследования физики обледенения. В 1974–2011 гг. полярник Арктики и Антарктики. Руководил научной экспедицией ААНИИ на архипелаге Северная Земля. В 1986 г. основал научно-исследовательскую станцию «ПРИМА». Работал исп. директором «Ассоциации полярных исследователей», зам. ген. директора ЗАО «ИНТААРИ». В Антарктиде от фирмы «АЛСИ» работал по обеспечению логистической поддержки международных научных экспедиций. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Невероятная история, о которой я вам хочу рассказать, произошла в далекой Арктике на архипелаге Северная Земля. Этот удивительный арктический архипелаг был открыт сравнительно недавно — в начале XX века, когда в 1913 году русская гидрографическая экспедиция под руководством гидрографа-геодезиста Б. А. Вилькицкого в ходе освоения Северного морского пути на ледоколе «Вайгач» обнаружила ранее неизвестную землю к северу от евроазиатского континента. На самой северной точке ее был поднят флаг России, и эта земля была названа «Землей Императора Николая Второго». На карту мира тогда легла только линия восточного побережья.

Позже, в 1930–1932 годы, воистину героическая полярная экспедиция на собачьих упряжках под руководством выдающегося исследователя Арктики Георгия Алексеевича Ушакова произвела подробное исследование всех островов и сумела нанести на карту мира около 37 тысяч кв. км площади архипелага, который получил тогда и свое новое название — «Северная Земля». В состав экспедиции также входили: известный геолог Севера Урванцев Николай Николаевич, тогда еще совсем молодой восемнадцатилетний ленинградский радиолюбитель Ходовой Василий Васильевич и опытный северный промысловик из Шенкурского уезда Архангельской области Журавлев Сергей Прокопьевич. Они были участниками последнего крупного географического открытия в мире.

Архипелаг «Северная Земля» состоит из множества островов, самые большие из них:

«Большевик» — 11 312 кв. км,
«Комсомолец» — 9006 кв. км,
«Пионер» — 1522 кв. км,
«Октябрьской Революции» — 13 708 кв. км.

Общая площадь архипелага составляет 37 600 кв. км, в том числе 18 300 кв. км занимают ледники. Максимальная высота над уровнем моря — 965 м. Архипелаг расположен к северу от полуострова Таймыр и отделен от материка проливом Вилькицкого. На этот архипелаг в апреле 1983 года дирекция ордена Ленина Арктического и антарктического научно-исследовательского института (ДАНИИ) направила меня командовать научной экспедицией под рабочим названием А-162/д. Наша база располагалась на мысе Ватутина острова Октябрьской Революции. В 40 км к северу от нашей базы, на ледниковом *куполе Вавилова* (высотой 680 м) располагался тогда гляциологический научный полигон, где круглогодично работала еще одна научная экспедиция ДАНИИ: А-162.

Поскольку обе экспедиции принадлежали ДАНИИ, но составляли разные формы финансирования (А-162 — бюджетная, а наша — хозрасчетная), то и их отношения друг к другу были как бы независимыми: неформально — братскими (по характеру), но формально обособленными — по материально-техническому обеспечению (каждая «сама по себе»). Несмотря на эти «гос. формальности», все мы понимали, что жить-то в этих суровых условиях Арктики нужно было только в большой дружбе и взаимной выручке по любым вопросам.

Уже в начале первых морозных дней, которые практически ежедневно сопровождались сильной пургой, стало понятно, что основными техническими средствами наших взаимоотношений на зимовке будут радиосвязь и транспорт. И, если радиосвязь была налажена достаточно хорошо, то с транспортом было проблематично. Мы имели только один старый, но действующий ПТ (гусеничный транспортный тягач) с прицепом и небольшой хозяйственный трактор ДТ-75. У «куполян» же (на нашу зависть) — три гусеничных вездехода: новый ГТТ, мощный АТТ (артиллерийский транспортный тягач) и ГАЗ-71.

Все лето и часть осени мы совместно провели в ремонте этой нашей техники, надеясь, что к зимовке у нас будет «надежный» транспорт. Однако уже первые походы по морскому льду на остров Средний (60 км) показали, что неполадки в машинах — явление постоянное и непредсказуемое. Сильные морозы, жестокие пурги, рваный рельеф местности (каньоны рек, ледники, крутые подъемы, глубокие сугробы, морские торосы и т. п.) являлись серьезными препятствиями не только для техники, но и для водителей.

В этих условиях крайне необходимо было уделить особое внимание маркировке наших полярных дорог. Обычная маркировка полярных трасс выполнялась из пустых топливных бочек и требовала ежегодного обновления, так как летом вытаявшие из-под снега бочки сильными ветрами легко разбрасывались по полярной пустыне и делали маркировку дороги рваной. Было особенно важным собрать эти раскиданные ветрами бочки, так как именно они чаще всего дезинформировали водителей в условиях полярной ночи и сильной пурги. На земле бочки обычно устанавливали через каждые 50 метров, загружая их верх камнями. Опытные же водители перед полярной ночью на трассе оставляют и полные бочки с топливом на непредвиденные случаи. Главная же наша трасса от Ватутина до Среднего проходила по морскому льду и могла быть промаркирована только после ледостава и при достижении льдом толщины не менее 70 см. Маркировку этой трассы

мы тоже выполняли бочками, но уже на дистанциях от 100 м и более. Все же 60 км!

И вот наступила *та самая* полноценная полярная ночь со всеми сопутствующими ей погодными условиями. В один из таких январских рабочих дней и произошла эта памятная история.

9 января 1984 года бортом грузопассажирского самолета АН-26 № 26045 по маршруту Ленинград—Воркута—Диксон—Хатанга—Средний мы прибыли на родную теперь для меня Северную Землю и, переночевав на полярной станции на о. Голомянном, ранним морозным (–35 °С) утром (кругом полярная ночь) тут же помчались на двух ГТТ и одном ГАЗ-71 с экспедиционным грузом на свои станции.

Удивительно, но всю трассу от Среднего до Ватутина машины, пожалуй, впервые, прошли на «одном дыхании» без задержек и приключений. Долгожданные встречи с друзьями и коллегами, приветствия, небольшой отдых перед походом на Купол... Но тут стихия устроила нам свою «веселую» встречу: внезапно задул сильный северный ветер, который шквальными вихрями поднял с тундры снег, да так, что было «не видно ни зги». С полярной станции на о. Голомянном передали штормовое предупреждение, а с Купола — сообщение о выходе в это же время к нам вездехода АТТ с водителем Девятовым Валерой и поваром Титковым Юрой.

С этих сообщений, пожалуй, все и началось. На радиосвязи в 10.00 «Купол» запросил нас о приходе машины. Но машина к нам не пришла. Не пришла она ни в 12.00, ни в 14.00 и даже ни в 18.00. С каждым часом это вызывало все большую тревогу, ведь «за бортом» ветер разыгрался до 25–28 м/с с порывами до 33 м/с. Метель была настолько сильной, что свет от ламп освещения на станции был не виден уже за 20 м. Такой ветер пригибал человека к земле, а снег так жестоко бил в лицо, что идти против ветра было почти невозможно.

И вот в такую ужасную непогоду надо было идти на помощь нашим заблудившимся товарищам. Если судить о времени нахождения полярников в пути, то топлива у них еще должно было хватить, но ненадолго, и если в их машине не заглох движок, то они еще сохраняли шанс не замерзнуть. Если же бросили машину и пошли пешком — это конец, равносильный самоубийству, так как долго в таких условиях не прошагаешь. Значит, нам надо идти «в никуда» и найти-таки эту заблудившуюся машину с людьми. Отмечу, что ни о каких поисково-спасательных работах вертолета в таких условиях полярной ночи и разговора не могло бы быть.

Другого решения, как только организовать свою поисково-спасательную работу, просто не было, а посему нужно было безотлагательно ее организовать. Отдал команду подготовить сразу две машины: ПТ и ГАЗ-71. Заправить «под завязку» топливом, загрузить две бочки с соляжкой и одну с бензином, взять запас машинного масла, газовый баллон с горелкой, продуктов на 3 дня, врача — Володю Ганджу с необходимым медобеспечением и трех механиков-водителей: Даньярова Сашу на ГАЗ-71 и двоих братьев Николаевых — Славу и Юру за ПТ. Условились с моим замом-радиом Макеевым Толей о характере связи, маршруте нашего движения и по другим вопросам поисково-спасательной работы.

О чем в то время можно было сказать своим товарищам по такому боевому походу, когда за машиной тут же заметало след, и даже нормально

выйти с территории станции на трассу было сложным делом. Где эта дорога? А предстояло смотреть не только вперед, но и назад, так как за нашим ГАЗ-71 шла вторая машина ПТ.

С трудом, но вышли-таки на трассу и пошли. Через каждые 50–100 метров приходилось выходить из машины и искать старые следы вездеходов на дороге. Скорость передвижения составляла лишь 4–5 км/час. Унты тяжелели с каждым выходом из машины. Они, напрочь забитые снегом, в теплой машине слегка оттаивали, а потом вновь на ветру набирали снег и обледеневали. Уже не снежная, а ледяная корка быстро нарастала на них. Только на «выпуклых» местах дороги, где ветер хорошо сдувал снег с земли, достаточно хорошо просматривалась трасса, и мы могли двигаться по ней чуть быстрее. Мы внимательно всматривались в обочины, когда из темноты вдруг появлялось нечто похожее на небольшой продолговатый сугробчик. Все ведь могло случиться с людьми в таких жутких условиях.

Так потихоньку мы добрались до «Дачи Мордвинова» в каньоне реки Подъемной и стали искать возможные свежие следы «купольского» АТТ. Не найдя даже признаков их, двинулись дальше к Тракторной сопке. На очередной радиосвязи с базой известий об АТТ не поступало. Так, пройдя около 30 км, мы вплотную подошли к Тракторной сопке. Уткнувшись в ее крутой склон, решили на нее забраться, чтобы осмотреться и заправить свои машины топливом. Тракторная сопка — это высокое открытое место морены перед самым выходом на ледяной купол. На этой сопке стоковые ветра практически всегда сдували весь снег с ее поверхности. Из-за этого небольшая по размерам площадка сопки была идеальным местом для складирования топлива, запчастей и прочего тяжелого и габаритного хозяйственного имущества купольской экспедиции. От нее дорога на купол Вавилова шла уже по льду.

С трудом забравшись на Тракторную сопку, мы встали возле пены с топливными бочками, которую АТТ должен был доставить к нам на Ватутино в этот рейс. Видимо, АТТ так и не дошел до Тракторной сопки и, скорее всего, где-то поблизости: или плутает, или стоит. Лишь бы не заглох.

А на самой сопке ветер был просто свирепым, гораздо сильнее, чем внизу: дуло под 40–50 м/с и не меньше. Обычно в таких условиях лучшим индикатором скорости ветра служит твое собственное дыхание и характер передвижения по земле: если ты идешь «ложась» на ветер и не падаешь, — это 25–30 м/с. Если же ветер сильнее тебя и заставляет «сгибаться пополам», тяжело идти и дышать, часто останавливаться для передышки, — это 35–40 м/с. А вот когда ты уже «стелешься» по земле против ветра и через каждые 2–3 метра останавливаешься отдышаться, то это, действительно, все 40–50 м/с. С такими ветрами часто приходится встречаться в Арктике и Антарктиде. Но вот такого жесткого «дульника», как здесь, мне вообще не приходилось до этого встречать.

Когда же я запустил в очередной раз сигнальную ракету для водителя ПТ, находящегося внизу сопки, то был сильно удивлен этой реальной силой ветра. Посланная мною вверх ракета силою ветра по очень низкой траектории ушла вдаль по ветру. Надо же, стреляя вверх, а ракета летит к горизонту и дальше вниз по склону сопки. Невероятно.

С большим трудом на сопку заползло «дымящееся» ПТ, буквально карабкаясь по каменистому склону в клубах пара. Это антифриз вылился на

движок при сильном наклоне машины. Когда же машина подошла, мы начали ее заправку топливом ручным насосом. Долили и антифриз в движок ПТ.

После заправки мы все-таки решили пойти по льду на купол, так как это всего 11 км и, может, именно на этом пути мы и сможем найти наш искомый АТТ. Все могло произойти и на этом тяжелом пути: вдруг, к примеру, он в водный каньон «нырнул» и застрял? Эти глубокие и широкие водные каньоны образуются обычно летом при активном таянии ледника, когда тысячи маленьких ручейков местами стекают в одно русло, которое затем расширяется и углубляется. А когда осенью его заносит снегом и сглаживает с поверхностью льда, то его легко и не заметить. А АТТ — очень тяжелая машина, и завалиться в такую траншею, продавив снег, она может запросто.

Покурив за подветренной стороной газона, мы было уже собрались ехать, но я попробовал еще раз запустить ракету. А нелишне было выпустить и пять ракет на случай, что если их кто-либо увидит. Перед запуском я сказал своим «бойцам», чтобы они оценили силу ветра, и выстрелил прямо вверх, но ракета опять стремительно ушла за горизонт. Тут-то и случилось *то самое чудо*, которое и предопределило суть всей этой истории...

Вот о чем живым языком говорит запись (без коррекции) в моем дневнике на странице 103, сделанная сразу после этого похода.

«Наблюдая за движением ракеты, я хотел оценить расстояние, на которое ее унесет ветер. Но так как она летела в снежном вихре, то на исходе полета ее свет местами пропадал. И вдруг я ощутил, что вдали она все еще продолжает светиться. При этом свет то появится, то исчезнет. Да и на ракету этот свет как-то перестал походить. Похоже, это был свет фар искомого АТТ. Я тут же подозвал ребят и показал направление, в котором временами мигал свет. Они со мной согласились, кажется, это действительно свет фар, а не звезды или планеты, так как был далеко внизу ниже уровня горизонта. Еще и еще раз, посмотрев в сторону света, мы точно определились, что это наш АТТ. Расстояние до него, как мы прикинули, составляло 3—5 км. Тут же я сообщил на Купол об увиденном и о своем решении дойти до машины. Но как? Кругом сопки, обрывы, зона морен...

Достал лист чистой бумаги. Поставил точку, где стою. Поставил точку, где свет. Взял масштаб примерного расстояния. Нарисовал стрелку направления ветра (она теперь для нас будет как стрелка компаса). Прикинул и нарисовал примерный путь движения с учетом еще летом мною запомненного рельефа местности. Дал команду ГТТ идти за нами след в след, так как теперь будем идти по бездорожью, и выходить из машины уже не придется так часто. Отметил по спидометру исходный километраж и мы пошли вниз по Тракторной сопке перпендикулярно увиденному свету. Пройдя первые 500 метров и спустившись с сопки, стали поворачивать «на свет», который не всегда был виден, но, поднявшись на очередной холм, мы все же его наблюдали. Так, медленно, но уверенно продвигаясь и отмечая каждый поворот на листе бумаги, мы приближались к цели.

Уже внизу очередной сопки, на предполагаемом подходе к АТТ мы столкнулись с крутым ее склоном, который необходимо было преодолеть. Дал команду ГТТ стоять на склоне с зажженными фарами по

ветру в предполагаемом направлении к АТТ и ждать. А сами на ГАЗ-71 с Сашей Данъяровым стали делать попытку “залезть” на вершину этого крутого склона. Единственным ориентиром служило направление ветра, который гнал снег длинными “нитками”. Шли нормально, но впереди попался очень крутой склон, который ГАЗ-71 не смог взять (наклон около 60 градусов). Выйти из машины и поискать более пологий склон (из машины ничего не видно) не представилось возможным из-за того, что дверь было не открыть (давление ветра было выше человеческих сил), так как у вершины склона, как у козырька, скорость ветра была особенно сильной и даже, выйдя из машины, не было никакой гарантии, что тебя ветром не унесет, даже если бы ты лег на землю. А на вершине сопки снега не было совсем, только чистые камни, обдуваемые ветром, где ни одна снежинка не могла задержаться. Путь нашли в 100 метрах и взобрались на вершину. С вершины вновь увидели огни. Пошли на огонь и дошли до долгожданного АТТ. Благо двигатель молотил. Но переживание жуткое, — как там? Открываю дверцу; пахнуло теплом, на сиденьях спали двое. Разбудил. Только через несколько секунд удивленные ребята сообразили, что еще не на том свете (потом они рассказывали, что приготовились к худшему и ждали того часа, когда кончится топливо). Оказалось, что по дороге, из-за сильной метели, они сбились с трассы. Все попытки найти след или идти обратно по следу были безуспешными (а как же вернемся мы!?). В результате они отклонились от трассы на 3,5 км. И что самое страшное — путь их движения шел бы еще дальше от трассы. Но полярники поняли, что дальше идти бессмысленно, и остановились. Ветер сзади так поддавал, что, несмотря на работу движка, они начали коченеть и тогда они развернули машину против ветра, укрыли с окнами брезентом и стали ждать своей безнадёжной участи быть замерзшими и заметенными снегом. Конечно, никаких огней, ракет и т. п. они увидеть никогда бы не смогли. И мы огней своего оставленного ГТТ также не видели. Вот и все.

Не мешкая, я дал им команду следовать за нами. Сами же, сохраняя ориентацию по ветру, мы пошли к своему ГТТ. Шли очень медленно, на самой возможной малой скорости, боясь крутых обрывов. Рисковать было нельзя, так как при любой случайности (например, случайной остановке машины), даже увидев огни, невозможно было бы идти против ветра, лишь ползти по снегу, да и то в низинах. А сил на передвижение при таких ветрах тратится чрезвычайно много. Однако дошли, и теперь уже тремя машинами стали возвращаться на Ватутино (до Купола было 8 км, а до станции — 32 км), хотя никакой гарантии дать было нельзя. Но даже если бы и сбились с пути с 3-мя машинами, было бы все же легче, чем с одной. Тем более, что у нас был баллон с газом и провизии на 3-е суток. Так метр за метром и шли. Все это “путешествие” заняло 11 часов. Для спасенных — 24 часа. Пришли на станцию страшно уставшие, но чрезвычайно довольные благополучным исходом».

Эти записи из дневника, сделанные 13 января сразу после поисково-спасательного похода, я хотел бы еще дополнить некоторыми памятными для меня моментами, не внесенными в дневник.

Во-первых, сам выход в такую погоду был шоком для всех членов экспедиции. В такую погоду обычно на станции действует самое жесткое штор-

мовое предупреждение: самостоятельный выход людей из домов категорически запрещен: только с разрешения начальника станции и только группой не менее 3-х человек. При этом «разрешение на выход», номер дома, время выхода, состав группы и маршрут движения сообщаются по телефону дежурному по станции, который все это фиксирует в вахтенном журнале.

Поэтому, четко объяснив личному составу необходимость такой рискованной работы, я выбрал наиболее опытных своих механиков при условии, естественно, их добровольного согласия на участие. Когда же экипажи машин были сформированы, только доктору пришлось дать распоряжение быть готовым участвовать, да хотя он и сам понимал, что в таких условиях помощь медицины просто необходима. Весь состав экспедиции понимал, что мы идем в «никуда», но еще больше все понимали, что «там» ждут помощи наши товарищи, возможно, в совершенно безнадежной ситуации. И в этой ситуации никакие приказы просто неуместны.

Однако только тогда, когда мы сели в машины и отошли всего на 100 м от станции, стало «до жути» понятно, куда и как мы идем: сплошное снежное месиво сильнейшей пурги окутывало нашу машину завихрением спереди так, что фары машины этот снежный вихрь просто не пробивали. Это все дополняло полное отсутствие маркировки самой трассы (она начиналась где-то за 500 метров от базы). Сзади нашей машины никакого видимого присутствия станции и только расплывчатый в снежном вихре свет фары-искателя ПТ.

Во-вторых, когда каждый раз меня спрашивают, как это так мне удается в таких условиях находить и спасать людей, отвечаю однозначно: следует не только обозначать дело, а непременно его выполнять. Для этого надо не лениться, а работать: всякий раз при визуальной потере следа выходить из машины (беречь водителя!) и искать хоть мало-мальски заметный след, сколько бы на это не потребовалось времени и сил. Сама жизнь в Арктике не единожды доказывала, что неопытные и даже бывалые водители не имеют права рассчитывать, что легко проскочат невидимый участок дороги и быстро выйдут на трассу. Часто водители ленятся выходить из машины и, что еще хуже, начинают рыскать и, окончательно запутавшись в ориентации, теряют даже свой след. «Хорошая» пурга быстро зализывает его снегом, особенно в низинах.

Вот и я, уже имея не одну практику хождения в «никуда», мог рассчитывать только на надежность машин и водителей, и свою неустанную работу по поиску трассы. Не счесть, сколько раз за эти 11 часов пути приходилось выходить из машины, но, думаю, не меньше сотни, то есть каждый раз, когда след пропадал. И другого, успешного пути поиска и спасения просто нет!

Ведь в те годы у нас не было ни СР5 и даже ни элементарного гирокомпаса. Замечу, что более жесткие условия поисково-спасательных работ были все же на море, на морском льду с его предательскими трещинами, торосовыми капканами и другими помехами, когда под тобой не твердая земля, а глубокая морская вода.

И еще: в дневнике я не записал, что при попытке открыть дверь против ветра есть большой риск ее вмиг потерять, да еще и сломать свою руку. Зная это, мы все-таки умудрились за этот поход выломать обе дверцы нашего ГАЗ-71, и нам приходилось потом забираться внутрь машины только через верхние люки. Так что обратный путь мы прошли «как в танке».

Но и это еще не все. Физическая усталость моего водителя — Александра Даныярова была таковой, что на обратном пути глаза его непроизвольно стали закрываться, и он молил меня дать хоть немного поспать, поскольку «глаза не смотрели». Попробовали вставлять ему в глаза спички, как это мы практиковали в армии на занудных лекциях после обеда. Но это оказалось бесполезным. Тогда я попросил Александра закрыть глаза и управлять рычагами по моей громкой команде: «влево» или «вправо». И это оказалось действенным — после 3–5 минут такого вождения водитель уже открывал глаза и гораздо дольше управлял машиной. Таким способом чередования видимого и слепого вождения мы дошли до самой станции.

Вот такие приключения...

Теперь, уже по прошествии стольких лет, больше всего не перестаю удивляться невероятной силе случая, когда в абсолютно безнадежной ситуации появился в исключительно нужном месте и в нужное время тот самый спасительный *луч Света в полярной ночи*, который позволил найти и сохранить жизнь молодым полярникам на суровой, но прекрасной Северной Земле.

ВЫШЛА КНИГА

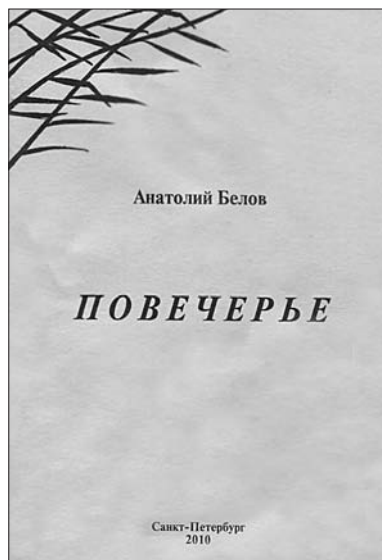
Анатолий Белов. Повечерье, СПб., серия «Поэты России», 2010.

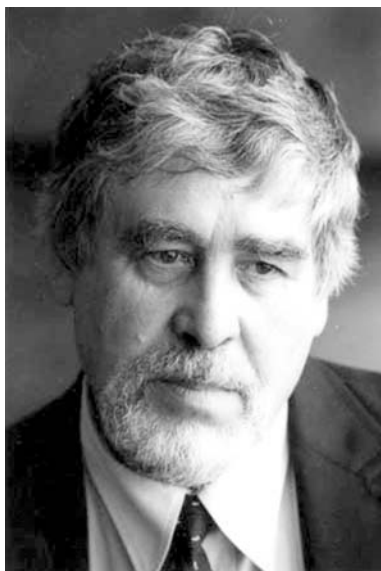
Свое первое стихотворение ныне семидесятилетний поэт Анатолий Белов опубликовал в феврале 1967 года в газете «Скороходовский рабочий», и с тех пор его творчество получило постепенное развитие и широкую известность в литературных кругах как города на Неве, так и России.

И вот — новая, совсем небольшая по размеру книга, в которой автор разместил, кроме написанного недавно и то, что по разным причинам залежалось в ящиках письменного стола.

Эти стихи написаны во временном странстве двух веков, на территории двух разных по названию государств под сбивчивый ритм одного равнодушного к жизни общей и своей сердца.

И в этой новой книге Анатолий Белов по-прежнему верен корневой связи с деревенской жизнью, с русской природой, с народным говором и продолжает нелицеприятный разговор на острые темы сегодняшнего бытия.

Владимир СКИФ

«ОН БЫЛ РОССИЙСКОЙ ТОЧКОЙ БОЛЕВОЙ...»

Владимир Скиф (Владимир Петрович Смирнов) — родился в 1945 году на станции Куйтун Иркутской области. Работал в школе учителем. Служил на Тихоокеанском флоте в морской авиации. После армии работал на авиазаводе. Учился на отделении журналистики ИГУ. Член Союза писателей России. Живет в Иркутске.

СКАКУН

Мчал скакун по тернистой дороге,
Звезды неба из скал высекал.
Синей тьмой покрывались отроги,
И в долину закат протекал.

Мчал скакун сумасшедший, как ветер,
В его взоре клубилась тоска,
Звал скакун из далеких столетий,
Из небесных полей — седока.

Но молчали селенья в долине,
В небесах леденела луна...
И сошлись на последней вершине
Свет заката и путь скакуна.

ПОДКОВА

И залетела в небеса подкова,
И оказалась у Господних врат...
— Ну, что ж, на счастье! —

Бог промолвил слово, —
Пусть на земле блаженствует мой брат.

Господь на землю положил подкову
Среди деревьев и суровых скал.
Как молния, сверкнуло Божье Слово,
И заискрился, зашумел Байкал.

НА ОТКРЫТИИ ПАМЯТНИКА ПОГИБШИМ В СИБИРИ ЯПОНЦАМ

Берег моря раскалило солнце.
Было жарко. Цепенел Байкал.
Памятник расстрелянным японцам
Открывали у байкальских скал.

День в истоме будто с ног валился,
В прошлое спешили корабли.
Скульптор ждал японцев и молился.
Наконец, японцев подвезли.

Ах, бывшее, ты, неужто, было,
Где страна валилась на страну?!
Даже время нынче подзабыло
Ту японско-русскую войну.

Вышли из автобуса японцы,
Встали скобкой у печальных плит
И склонили головы, а солнце
Жгло огнем гранитный монолит.

Скульптору японка пожилая
Говорила, стоя средь живых:
— Умереть я не могла, не зная
Где в земле остался мой жених?

От бывшего никуда не деться,
Долго превращалась я в скалу...

У меня из сердца, наконец-то,
Вынули вы острую иглу.

По Байкалу, будто волны, звонко
Расходились — памяти круги.
К постаменту — старая японка
Положила русские жарки.

НА ВСТРЕЧЕ С ВЛАСТЬЮ

Александр Муравьеву

На встрече с властью,
где народ мой скорбный
Стоял униженный, полуживой,
Один художник горестно исторгнул:
«Мы — инвалиды Третьей мировой!»

Властители гремели в упоенье
Своей гордыней, властью над толпой,
Не слыша, как нашептывали тени:
«Мы — инвалиды Третьей мировой».

Зал мертвым был,
он, молча, власти слушал,

Он был российской точкой болевой,
Где, кажется, кричали сами души:
«Мы — инвалиды Третьей мировой!»

Как улыбалась Городская Дума!
Как губернатор в «Форд» садился свой!
Он, отъезжая, про народ подумал:
«Вы — инвалиды Третьей мировой...»

Зал опустел. Струилась кровь заката.
А рядом время плакало вдовой,
И в небе длань простерлась,
как расплата,
За инвалидов Третьей мировой.

МАРТОВСКОЕ СОЛНЦЕ

Мартовское солнце льдинки прожигало,
По дороге талой я бежал домой...
...Мама черной ниткой галстук обшивала,
Пионерский галстук — черною каймой.

Радио жужжало, будто некий зуммер,
Радио сказало: — Ты пришел домой.
Знай, беспечный мальчик,
это Сталин умер,
Вот тебе твой галстук
с траурной каймой...

КУМАЧ

Геннадию Чулкину

Пал человек с изодранным плечом
На дно земли или в земной провал,
Но оказалось — это был подвал,
Заваленный забытым кумачом.

И человек во времени — пропал,
Он бинтовал плечо свое, крича,
А после долго — без просыпу — спал
На круглых, красных волнах кумача,

Во сне ему привиделась война,
Заныла болью в раненом плече.
А в это время лопнула страна,
И проступила кровь на кумаче.

В углу зажглась премудрая свеча,
И подвернулась острая игла,
Сел человек в подвале у стола,
И стал знамена шить из кумача.

Он шил почти во тьме, но темноты,
Как не было: был свет свечи таков.

Его кормили мыши и кроты,
И нить свивала пара пауков.

А время длилось. Изошла свеча.
И притупилась острая игла.
И кончились запасы кумача.
И подкосились ножки у стола.

Знамена вынес человек на свет,
А на земле ему сказали: — Сэр!
Вы опоздали, здесь России нет,
Тем более страны — СССР...

ТАЛЛИН И СТАЛИН

Таким бы дерзким не был Таллин,
Когда б ему, сказав: «К ноге!»,
Свое внушение сделал Сталин
На крепком русском языке.

Солдатской бронзы этот Таллин
Не стал бы трогать никогда,

Когда б сказал товарищ Сталин:
— Подать Эстонию сюда!

Наверняка сказал бы грозно:
— Побаловались и шабаш!
Победа наша, наша бронза,
И Таллин тоже будет наш.

ПУТНИК

Кровавое небо стояло над русской землею,
Останки сгоревшей Отчизны дымились под ним.
Объятый печалью, посыпанный черной золою,
Брел путник усталый, Господнею верой храним.

В зияющих безднах кричали последние птицы.
Как мертвой водой, пустотой наполнялась страна.
И не было лиц — мимо жизни летящие лица
Горели огнем, их сжигал на лету сатана.

Кричащие камни, молчащие рыбы и гады
Цеплялись за землю, но в бездну кренилась земля.
И к путнику руки и души тянулись из ада,
Царапая небо, безумно крича и скуля.

Брел путник уставший, творящий благие молитвы,
Крестом осенив убиенных и небо, и твердь.
Затих апокалипсис, сникли последние битвы,
Застыла тоска, и навек убаюкалась смерть.

А путник — в щепоть — собирал распростертые души,
Шептал: возродитесь! Целительно, долго шептал.
И тот, кто хотел, тот Господнего путника слушал,
И душу спасая, Россию и плоть обретал.

Владимир ВАРАВА

НЕПРИЯТИЕ СМЕРТИ — ОСНОВА НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: ОПЫТ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Владимир Владимирович Варава — преподаватель философии и культурологии. Работает на философском факультете Воронежского Государственного университета и в Воронежской духовной семинарии, член редколлегии журнала «Подъем», доктор философских наук. **Живет в Воронеже.**

Постановка и разрешение *определенных* философских вопросов требует *особого* склада мышления и духовного настроя всего народа. Есть такие вопросы в философии, чья глубина и трагичность столь велика, что никакой философ-одиночка, даже определенная школа и направление в философии не способны их разрешить. Только совокупный опыт народа своим трагическим бытием в истории рождает те философские воззрения и умозрения, которые остаются в вечности.

Несмотря на духовный универсализм философии, которая стремится проникнуть в те пласты бытия, в которых «несть ни эллина, ни иудея», все же философия всегда имеет национальные приоритеты, корнящиеся в особом складе «народной метафизики». И подобно тому, как национальный язык раскраивает мироздание лингвистическим узором, лишь одному ему существу, создавая, тем самым, «языковую картину мира» народа, так и философский логос нации создает свою «философскую картину мира», со своими особенностями, предпочтениями, своеобразием.

По сравнению с философией английской, французской, немецкой, даже древнегреческой и древнеримской, русская философия имеет существенные отличия, которые не всегда очевидны и понять которые рационально часто не представляется возможно. Есть в самом сочетании «русская философия» особая притягательность, я бы даже сказал, загадочное очарование, которое выбивает ее из академического русла научной философии и делает интереснейшим и своеобразнейшим явлением духа. постижение смысла русской философии является одним из способов национального самопознания.

«Анафемские мысли» (по очень меткому выражению Чехова) есть нечто существенное для русского философского умозрения. Духовный вектор отечественного любомудрия направлен изначально на вопросы, реально мучающие человека, как страдающего и понимающего существа. «Россия не есть страна беспечного оптимизма; тяготение к скорбным глубинам присуще ей по природе», — говорит русский философ Владимир Ильин в статье с весьма характерным названием «Иночество как основа русской культуры»¹. И в этих словах сконцентрирован целостный духовный опыт русской философии, всегда вполне определенно отдававшей приоритеты именно «скорбным глубинам».

Особенностью отечественного любомудрия является то, что в основании различных интеллектуалистических построений лежит нравственный опыт. Нравственность оказывается первичной при конструировании бытийной картины мира. Эту особенность вполне можно назвать типологической чертой русской философии. Так многие авторитетные исследователи отечественной мысли называли именно эту черту в качестве основополагающей (В. В. Зеньковский, Н. О. Лосский, Н. П. Полторацкий, Н. Зернов, В. Н. Ильин, И. А. Ильин, Б. П. Вышеславцев, А. Мацейна, А. Гулыга и др.).

Исследование нравственной философии XIX–XX веков в России показывает, что наиболее сущностные характеристики нравственности раскрываются в ее взаимосвязи с человеческой смертностью. Эта связь является основанием наиболее важных (бытийных) характеристик человека, ибо универсальной человеческой реакцией на смерть и смертность является *непрятие смерти*. Это непрятие вызывается не столько страхом смерти, страхом исчезновения, страхом перед Ничто, сколько является показателем фундаментальных нравственных свойств сознания, определяющих его подлинно человеческую основу.

Страх смерти, и выросший на его основе гедонистический культ современной цивилизации — то, что лежит вне поля зрения русской нравственной философии. Страх смерти и способы его преодоления — забота современной психологии, которая не обременена никакими нравственными вопрошаниями, и стремится обеспечить человеку комфортное и беспроblemное существование, в мире, лишенном боли, страданий и тоски, как раз всего того, что и способствует нравственному росту человека.

Изучение способов восприятия смерти в русской философии, думается, будет способствовать более адекватному постижению своеобразия отечественной мыслительной традиции, так и раскрытию универсальных основ нравственного сознания личности.

* * *

Трагическое осознание своей смертности подвигает человека к нравственному напряжению ума и воли, к поиску смысла и оправдания жизни, а в итоге — к преодолению ее смертного несовершенства. Бытие смертного трагично по определению. «Трагизм, — говорит Семен Франк в своей книге «Свет во тьме», — лежащий самом факте смерти, — смерти наших близких

¹ Ильин В. Н. Иночество как основа русской культуры // Ильин В. Н. Эссе о русской культуре. СПб., 1997. С. 41.

и нашей собственной, является вечно присущим человеческой жизни как таковой»¹. Он не зависит ни от социальных, ни от исторических условий жизни; он в сердцевине самого бытия, в центре его антиномического истока. Игнорирование смертности всегда приводит к безнравственному способу существования, в котором *радикальный гедонизм* становится единственной высшей целью.

Смерть накладывает свой отпечаток на всю жизнь. Трагичен не только конец, но и течение жизни. «Дух есть жизнь, — говорит Владимир Ильин, — когда отнимается дух — тогда отлетает и жизнь (душа). Наступает великое скорбное таинство смерти. Но и в жизни заключена отрава великой скорби». Вот эта «отравка великой скорби» ставит под сомнение биологическую целесообразность существования и низвергает гедонистическую беспечность. «Утоляя жажду жизни, — продолжает Ильин, — мы выпиваем питье, отравленное смертной тоской. После грехопадения смерть и жизнь — обе изливаются из одного и того же великого, неизреченного, таинственного источника»².

Кирилло-мефодиевская традиция задает философскую матрицу древней Руси на основе текстов преимущественно нравственно-дидактического характера. Отечественное любомудрие вступило в совершенно новую парадигму Бытия, в которой многие вопросы, волновавшие эллинских мудрецов, просто теряли смысл. В центр философствования попадает сам человек, таким образом, каким он никогда до этого не являлся — в сотериологическом аспекте.

Определяющим в этом смысле явился текст византийского богослова Иоанна Дамаскина «Диалектика» (XIII в.), где даны такие принципиальные определения философии, которые существенным образом повлияли на характер отечественного любомудрия. Помимо того, что философия понималась как «искусство из искусств и наука из наук», в котором делался аспект на «мирской» компонент гносеологического характера, главным все же в понимании философии является следующее: «Философия есть помышление о смерти...»³.

Иоанн Дамаскин возвращает философии ее исконное назначение, через помышление о смерти — любовь к мудрости, а значит бытийные размышления о смысле и назначении человеческой жизни. Нравственность резко антропологизирует философскую проблематику, переводя ее из внешне-гносеологического ряда во внутренний строй человеческой совести, где ему приходится сталкиваться с «вечными» и «проклятыми» вопросами. Именно такая тональность и стала преобладающей в отечественном любомудрии.

«Христианский панэтизм» (М. Н. Громов) в реальной жизни проявлялся таким образом, что проблема смерти трансформировалась в проблему благой смерти и праведной жизни. В древнерусской культуре отсутствовал тот страх смерти, который инициировал гиперрефлексию по поводу человеческой конечности, свойственной позднейшим эпохам. Достойная и правильная жизнь имела высшее аксиологическое значение. Это наглядно отражает Киево-Печер-

¹ Франк С. Л. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. М., 1998. С. 58.

² Ильин В. Н. Эссе о русской культуре. СПб., 1997. С. 77.

³ Иоанн Дамаскин. Диалектика, или Философские главы. М., 1999. С. 41.

ский патерик. Яркая картина нравственного понимания смерти дана в «Чтении о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба». Такую смерть можно назвать нравственной, ибо она демонстрирует подвиг смирения и отрешения от земного, выражение абсолютной преданности человека Богу.

Неприятие смерти на уровне народного православного сознания выразилось в «мистике смерти», которая покоится на учении святых отцов о Вечной Жизни. Мистика смерти определяет собой нравственное поведение людей в повседневной жизни: «смерть была важным и торжественным делом жизни». Важность смерти означала христианскую готовность умереть в любую минуту. Причем, это не бездумная и бессмысленная потеря жизни, в основе которой, как полагали римские язычники, видя христианскую жертвенность, лежит непонимание ценности жизни, а как раз наоборот, очень глубокое понимание истинной ценности жизни. Для человека бездуховного — смерть конец и соответственно эсхатологический ужас, переходящий в психологический невроз, для человека духовного — смерть, хотя и глубоко трагическое, но исполненное великого смысла событие. Для христианина смерть как раз не отбирает смысл у жизни, а придает ей вечный и бесконечный смысл, ценность и значимость, так как духовное неприятие и преодоление смерти и соответствует вечному замыслу о человеке.

Необходимо чувствовать и понимать глубокое отличие между христианской жертвенностью и стоическим равнодушием перед лицом смерти. Часто, очень часто путают христианство и стоицизм именно в этических вопросах. Действительно, стоики выработали уникальную, исполненную глубокого достоинства и благородства этику, которая позволяет остаться человеку самим собой и не потерять своего нравственного образа в самых драматических изломах судьбы. Однако, стоицизм — это последний крик отчаяния, крик высокий и благородный, но именно крик отчаяния, так как впереди бездна, черная дыра ужаса и тлена, ожидающая человека. И смирение стоика — это последнее смирение перед ужасом, в то время как смирение христианина — это смирение-прозрение, смирение принятия на себя тяжкого креста страданий и тоски, которые имеют Смысл, так как вера свидетельствует, что все в мире исполнено Божией Благодатью.

В XIX — начале XX веков проблема смерти занимала большое место в интеллектуально-духовном пространстве отечественной культуры. Она находила разностороннее осмысление в текстах различных жанров: это и художественная литература, и поэзия, и академическая философия, и богословские труды, и вольное философствование. Причем, если в западно-европейской философии и культуре тема смерти в это время стала носить патологический (некрофильский) оттенок, связанный с эстетизацией смерти, любованием уродливого образа тлена, то в русской традиции смерть воспринимается как духовно-нравственная проблема.

Создается отечественный контекст самобитной рефлексии на тему смерти: смерть как утрата нравственного сознания у Петра Чаадаева; представления о смерти как о нравственном беззаконии Владимира Соловьева; философия общего дела Николая Федорова; метафизика поля Василия Розанова; нравственный антиномизм смерти у Николая Бердяева; софиология смерти о. Сергия Булгакова; аритмологическая трагедийность мироздания о. Павла Флоренского и Семена Франка; недолжность хищнического миропорядка у Евгения Трубецкого; нравственная абсолютность идеи бессмертия души

Сергея Трубецкого; абсолютная неестественность и непостижимость смерти у Льва Шестова, трагическая эстетика смерти Льва Карсавина и т. д.

Этот ряд, естественно, можно продолжать, практически все наивысшие достижения национального духа в России связаны с особым отношением к смерти, отношением в котором чувствуется высокий нравственный накал и глубокое философское раздумье. Стремление выяснить природу смерти (ее происхождение, бытийный характер, смысл) с целью ее преодоления вызывают к жизни «метафизику всеединства», которая является не столько логической конструкцией, сколько нравственным заданием для личности по воссозданию распадающегося сущего.

Отличительной чертой отечественной философии является рассмотрение смерти не в естественно-научных терминах, а как бытийную драму, свидетельствующую о бытийных и антропологических деформациях сущего. Поэтому смерть по-преимуществу воспринимается в нравственном ключе.

Непрятия смерти как высшего вселенского зла достигает в учении Николая Федоровича Федорова особой силы. Нравственный абсолютизм его учения в том, что преодоление смерти и воскрешение умерших должны затронуть всех без исключения людей. Это и составляет реальную нравственно-онтологическую основу «общего дела», которое является соборной, социальной и космологической, реализацией высшего смысла земного бытия человека. В первом выпуске журнала «Вселенское дело» (1914), посвященном памяти Н. Ф. Федорова, во вступлении выражено кредо «общего дела»: «Смертные всех стран, племен, народов, всех занятий, званий, состояний, всех верований, мнений, убеждений — соединяйтесь!»¹.

Владимир Соловьев, во многом вдохновленный идеями Федорова, смог тонко почувствовать бездну нравственной неправды смерти. «Оправдание добра» как фундаментальная задача жизни сводится по сути к одному — к ниспровержению «последнего врага» с пьедестала «законности» и «нормальности». Смертный, смирившийся со своей смертностью как с «естественным законом природы» — знак невысокого нравственного уровня. Смертный, ужаснувшийся своей смертности как «нравственному беззаконию», способен на духовный рост, который тем выше, чем сильнее воля к неприятию и преодолению смерти.

Известные слова огромной уверенности В. Соловьева, сказанные им в «Смысле любви» о *небезусловности смерти*² открывают широкие перспективы для нравственной рефлексии над смертью. Антидетерминизм этих слов выражает сущность и русского и христианского мироощущения равным образом.

Нравственный протест против смерти, идущий из самых корневых основ человека, может считаться показателем подлинного *человеческого в человеке*. В статье «Идея сверхчеловека» Соловьев характеризует смерть как «*нестерпимое противоречие*»³, с которым человек не может примириться вообще ни применительно к себе, ни применительно к другим.

¹ Вселенское дело. Памяти Николая Николаевича Федорова. Выпуск 1. Одесса. 1914. С. VIII.

² Соловьев В. С. Смысл любви // Соловьев В. В. Соч.: в 2. т. М., Мысль, 1988. Т. 2. С. 527.

³ Соловьев В. С. Идея сверхчеловека // Соловьев В. С. Соч.: в 2. т. М., Мысль, 1988. Т. 2. С. 632.

Соловьев тонко подмечает, что чувствуется в выражении «смертный» «какой-то тоскливый упрек себе». «Смертный» очевидно не полная и окончательная характеристика человека, но лишь *падшее состояние*, которое требует преодоления и доведения самого себя до идеального образа.

Русская литература наиболее чутко отозвалась на трагическую ситуацию человека как смертного существа. В книге «На весах Иова» в главе «Откровения смерти» Шестов показывает, *что значит смерть* для Достоевского, Гоголя и Толстого. То, что им *открылось* в смерти и есть ключ к тайне их творчества. Все нравственные вопросы жизни Гоголя, Достоевского, Толстого были ими поставлены только в свете особого осознания смерти. Шестов как бы усиливает смертоносную оптику наших писателей, тем самым раскрывает вполне определенный национальный тип философской культуры, который отличает пристальнейший нравственный интерес к смерти глубочайшая личная вовлеченность в проблематику.

Вневременная суть трагичности человеческого бытия, которая бесконечно вынесена за рамки социальных и культурных измерений — то, что показал миру Андрей Платонов. Платонов улавливает трагедийную интонацию отечественного любомудрия, которое в виду глубочайшей вовлеченности в тоску человеческого сердца, давно и по праву именуется «духовной философией». Духовная философия в отличие от рациональной занята не изучением смертного бытия, а спасением от него. Избавление от «ига смерти» — кардинальная тема русской мысли, и поэтому Платонов, прежде всего, русский философ, традиционно прибегнувший не к схоластике, а к художественному воплощению своих духовных переживаний.

После Платонова становится понятным, что нравственная основа человеческого духа взывает не столько к познанию, сколько к преображению наличного бытия. «Мертвые прожили зря и хотят воскреснуть» — слова из «Чевенгура», подтверждающие единство духовно-метафизических установок Федорова и Платонова, которое можно выразить так: *Бытие требует не столько познания, сколько спасения*. Смерть задевает писателя столь глубоко и больно, что у него, как, по словам Валентина Распутина «изначального зрителя русской души», рождается голос общей боли, именно общей, соборной, вселенской, а не частной, индивидуальной, присущей западному страху перед смертью.

И Платонов, и Федоров, и Достоевский, и многие другие великие творцы дают понять, что восприятие смерти как *недолжного состояния*, как состояния высшего зла не случайно, и не основано на мелком страхе эгоизма собственного уничтожения. Оно подтверждается нравственным неприятием этого состояния и его неокончателности. Что-то ведь кроется за универсальным нежеланием умирать и универсальным (поистине всечеловеческим) не смирением со смертью. Не может быть мотивом только лишь животный страх за свое наличное состояние. Человек, способный на невероятную жертвенность и героизм, на высочайшее бескорыстие и нравственное совершенство проявляет единодушие, идущее сквозь эпохи и культуры, единодушие стойкого отрицания смерти. Никакого естественного закона, только ужас и абсурд — вот «инварианты духа», характеризующие человека как существо абсолютно надприродное.

Говоря о нравственной структуре сознания, необходимо прежде всего учитывать те фундаментальные особенности, которыми обусловлен и поз-

навательный, и моральный взгляд человека на мир. С точки зрения нравственной философии, вопреки Канту, сфера практическая не автономна, а сущностно сопряжена со сферой теоретической. Нравственное сознание содержит возможные ответы на вопрос — *почему человек именно таков, какой он есть?*

Согласно Владимиру Эрну — смертный не может быть свободным: «Свобода и смерть несоединимы абсолютно, потому что смерть есть величайшее из всех возможных видов рабства»¹. Неприятие смерти, таким образом, обусловлено необходимостью освобождения человека от рабства смерти, от ее все обесмысливающего ига.

Сергей Трубецкой в работе «Вера в бессмертие» спрашивает: «Нет ли высшего разумного основания за тем внутренним протестом всего существа нашего, какой поднимает в нас смерть?»². Неприятие смерти проявляется в вере в бессмертие, а вера в бессмертие — духовная жизнь личности. Для откровения о личностном бессмертии человека, для откровения о его духовности и идеальной ценности необходим «нравственный опыт», говорит Трубецкой. В конечном счете, он приходит к формулировке тесной связи *нравственности и неприятия смерти*. «Тот, кто увидел «образ Божий» в человеческой личности, не верит ее уничтожению, не верит смерти и самую физическую смертью человека приводится к признанию бессмертия его духовной личности. Когда умирает открывшаяся нам, понятая, любимая, чтимая нами личность, смерть ее ощущается нами, как невыносимое противоречие и неправда, и перед нами ставится вопрос, чему верить больше — материальному факту тления, видимого уничтожения, исчезновения, или же свидетельству нашего нравственного сознания, для которого личность остается нетленной в своей воспринятой, испытанной, пережитой нами духовности»³.

В качестве яркого образца динамичной, глубокой рефлексии над смертью в традициях святоотеческой патристики и отечественного любомудрия можно привести философско-богословскую мысль о. Георгия Флоровского, показывающую всю глубину христианского неприятия смерти: «В христианском опыте впервые смерть открывается во всей глубине своего трагизма, как жуткая метафизическая катастрофа, как таинственная неудача человеческой судьбы ... Человеческая смерть не есть только некий «естественный» предел или удел всего преходящего и временного. Напротив, смерть человека вполне противна естеству»⁴. Абсолютная онтологическая неестественность смерти является достаточным нравственным основанием неприятия смерти.

В трудах Флоровского «Тварь и тварность», «О смерти крестной», «Воскресение жизни», «О Воскресении мертвых» содержатся мысли, предвещающие фундаментальные идеи М. Хайдеггера и Вл. Янкелевича. «Почему смерть «вершина этой жизни» и одновременно «космическая катастрофа», «в чем «загадочность и таинственность смерти», «каковы корни страха

¹ Эрн В. Ф. Социализм и проблема свободы // Новая жизнь. 1907. № 2. С. 85–86.

² Трубецкой С. Н. Вера в бессмертие // Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. Т. II. М., 1908. С. 350.

³ Там же. С. 416.

⁴ Прот. Георгий Флоровский. Догмат и история. М., 1998. С. 417.

смерти», «почему «умирает только человек», «в чем различие вечности и бесконечности», «в чем действительный трагизм смерти» — эти и другие вопросы промышляются в столь интенсивном ритме, что формируют полноценную эвристическую базу для современных исследований нравственного значения смерти.

«Софиология смерти» о. Сергея Булгакова со всей убедительностью подтверждает эту основную духовно-нравственную установку русской мысли на неприятие смерти. «Смерти противоположно бессмертие, — говорит Булгаков с первых страниц текста, — оно ей предшествует и ею предполагается как предусловие. Если смерти Бог не сотворил, то это значит, что в человеке по сотворении заложена по крайней мере *возможность* бессмертия и отсутствует необходимость смерти»¹.

Тихой скорбью объята душа о. Павла Флоренского, когда он пишет в «Столпе и утверждении истины» о невозвратимом действии смерти, отбирающем дорогих людей. «Неизменно падают осенние листья; один за другим описывают круги над землею. Тихо теплится неугасимая лампада, и один за другим умирает близкий. «Знаю, что воскреснет в воскресенье, в последний день». И все таки, с какою-то умиротворенною мукой, повторяю перед *нашим* крестом... «Господи! Если бы ты был здесь, не умер бы брат мой». Все кружится, все скользит, в мертвенную бездну»².

Тяжесть утраты перемежается со светлой верой и надеждой, однако полностью не снимается. С одной стороны — надежда, а с другой — недоумение. Смерть бьет в прощелину богооставленности, и душевная рана, нанесенная смертью, оставляет след и в истинно верующей православной душе. Смерть остается злом и неправдой, и человеку предстоит перенести весь ужас «встречи», который возможно вынести лишь нравственно заглянув в бездну ледяного мрака.

Эти слова Флоренского можно считать неким духовным прологом ко всему «Столпу...», смысл которого и состоит в преодолении смерти, чей изначальный импульс недолжности был осознан философом и с такой проницательной силой описан на первых страницах этого замечательного памятника отечественной философско-богословской мысли.

Лев Шестов постоянно говорит о вмешательстве загадочного *fiat*, которое насильственно переводит человека из небытия в бытие и обратно. Это человек не в силах ни понять, ни принять.

Современные философы, основываясь на духовных интуициях отечественной мысли, продолжают традицию восприятия смерти как нравственно недолжного. Конечно, современный «философский процесс», буквально поражен «постмодернистским дискурсом», как в свое время советский был поражен марксистским. Однако, всегда есть радостные исключения. Н. Н. Трубников, который жил в тяжелой и гнетущей атмосфере истмата и диамата, формулирует предельно четко нравственную задачу человека в отношении своей жизни. Философ ставит радикальный вопрос о смысле человеческой деятельности как таковой: «Но для чего я все это делаю?...

¹ Булгаков С. Н. Софиология смерти // Булгаков С. Н. Тихие думы. М., 1996. С. 274.

² Флоренский П. А. Столп и утверждение истины // Флоренский П. А. Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 11.

Ведь не ради дела как такового. ...Дело ради дела? Давайте попробуем проследить, на что же в конечном счете направлены все наши помыслы и дела, начиная от заготовки дров на зиму до Рафаелевой Мадонны. Ведь только на преодоление смерти»¹.

Преодоление смерти обозначается Трубниковым как «*либидо этерналис*» — мощное энергия преодоления времени и созидания жизни. Трубников полагает, что это «этернальное чувство» более глубоко, чем «примитивное либидо сексуалис». В основе человеческого сознания и бытия лежит этот глубинный позитивный импульс, который и определяет сущность человека. Такой ход мысли совершенно чужд и марксистской философии, основанной на вульгарной социологии классовых приоритетов, и западной психологии, которая основывается на непреображенных сексуальных импульсах. Здесь чувствуется глубинная духовная связь с корневой традицией отечественной философии, для которой смерть есть главная духовно-нравственная проблема.

Итак, совершенно определено, что основой нравственного сознания человека является *идея смертности*, которая только в человеческом мышлении приобретает форму *радикального неприятия смерти*. Этим и определяется специфика человеческого бытия во всех возможных аспектах, начиная от «антропологической тайны» до «анти-энтропийной сущности культуры».

Периферийные слои создаются за счет интенсивности работы ядра. Они будут иметь положительную и отрицательную модальность. *Положительные нравственные качества личности* (хотя правильнее говорить не о качествах, так как это субстанция, а о состояниях нравственного сознания), имеют положительный модус в зависимости от степени неприятия смерти. Отрицательный модус, соответственно, формируется по мере оправдания смерти, принятие ее в качестве закона и естественности.

Положительные состояния нравственного сознания, таким образом, могут быть описаны в терминах существующих «положительных моральных качеств личности», которые жестко не иерархизированы и составляют богатство нравственного мира личности. Эти состояния суть: жертвенность, смирение, покаяние, вера, надежда, любовь, добротолубие, праведный гнев, стремление к правде, печаль (печалование о зле), страдание, сострадание, радость, страх Божий, любезность, бескорыстие. Отрицательные состояния суть: эгоизм, самодостаточность (гордыня), ропот, неправильное смирение, лицемерие, лукавство, цинизм, мизантропия, жестокость, уныние, страх смерти, злонамеренность.

Понятно, что этот ряд не полон и легко может быть дополнен различными состояниями и свойствами, которые будут расширять духовный мир человека, показывая тонкие грани и нюансы его души. Но самое главное, что уровень нравственности в человеке определяется его отношением к неприятию смерти.

Современный православный ученый и известный философ С. С. Хоружий пишет, что изначальный импульс человеческой природы есть «*Первоимпульс неприятия смерти*». Он настолько глубоко укоренен в человеке, что всецело определяет его сознание и бытие. «Ядро всей обширной, многообразной икономии отношений человека со смертью — первичная негатив-

¹ Трубников Н. Н. О смысле жизни и смерти. М., 1996. С. 84.

ная реакция сознания и организма, всего существа человека на собственное уничтожение: органический и произвольный импульс отталкивания, неприятия смерти как собственного абсолютного небытия, конца-уничтожения, тотальной аннигиляции субъектного мира»¹. Природу этого неприятия нельзя объяснить только ссылкой на страх личного уничтожения, или на невозможность понять, представить, вообразить процесс умирания, точку перехода, посмертное состояние. В силу фундаментальной укорененности неприятия в человеческом духе, которое составляет специфику именно человеческого бытия, речь может идти только о *трансцендентном послании-задании*.

Действительно, если повсеместно окружающая человека смерть является неким фундаментальным принципом существования природы, вообще принципом живого так такового, то откуда у человека это неистребимое качество, это всецелое стремление его натуры, это исконное чаяние и надежда всей человеческой культуры? Детерминизм смертного порядка бытия самоочевиден и неумолим. И все же, именно в человеке порастает это коренное свойство его духа, вызываемое из темных глубин его бессознательной животности светоносным призывом неприродного свойства.

Неприятие смерти, составляющее согласно С. С. Хоружему главное антропологическое свойство, можно воспринимать как *ядро нравственного сознания человека*. Все остальные нравственные качества определяются степенью и уровнем погружения духа в идею неприятия смерти. Именно смертность является одним из наиболее мощных мотивационных механизмов человеческого поведения и существования вообще. Но мотивация смертного — это естественная, то есть до- и вненравственная мотивация. Как только вступает нравственная мотивация, то человек становится не только смертным, но, прежде всего, не приемлющим смерть. И только в силу неприятия смерти он мыслит и действует, но уже как нравственное существо.

Поведение, основанное на неприятии смерти, это поведение, исходящее из более глубоких мотивов существования, чем поведение, основанное на иных мотивах. Первоимпульс неприятия смерти и есть самый базовый импульс-мотив, который не лежит на поверхности, на которой естественные (эгоистические) желания и стремления.

Итак, этико-философский подход, характерный для отечественной культуры, дает весьма глубокое осмысление феномена смерти. Он фиксирует нравственно негативную сущность смерти для человека любой эпохи и культуры и предлагает способы различного ее преодоления (и нравственного, и культурного, и физического).

Исходя из традиций отечественной философии, можно дать такое двоякое определение нравственности. С одной стороны нравственность задает человеку вопрос о нем самом, *кто он есть* в онтологическом смысле; с другой — ставит перед ним практическую задачу как правильно, подлинно, сообразно своей человеческой природе *прожить эту жизнь*. Иными словами, нравственность задает человеку два кардинальных вопроса — вопрос о *смысле жизни* и вопрос о *смысле смерти*. Тайна жизни и ее высшего смысла неразрывно связана с тайной смерти, преодолевая которую, человек стяжает себе единственно достойный, то есть нравственный смысл жизни.

¹ Хоружий С. С. О старом и новом. СПб., 2000. С. 495.

Онтологическому преодолению «большой смерти» как финалу предшествует многократное преодоление смерти в течение самой жизни. Смерть вовлечена в бытийную глубину жизни, в качестве экзистенциального кризиса личности, преодолевая который, она духовно возрастает. А процесс непрерывного духовного возрастания личности и есть смысл *образования* человека в его исконном значении. Человек в буквальном смысле *образуется в человека* посредством бесконечного самопревосхождения своей смертной наличности. Таким образом, преодоление смерти, обозначенное в русской философии, являясь нравственным заданием личности, является способом образования человека в культуре и в бытии.

Такое понимание смерти и смертности человека, смею утверждать, является уникальным. Философский опыт других народов не содержит ни столь глубоких умственных прозрений, ни столь высоких нравственных напряжений духа над последними, «проклятыми» вопросами человеческого бытия. Россия заглянула в ледяную бездну ужаса смерти, но не затем, чтобы погибнуть, или, исходя из извращенного эстетизма, цинично любоваться зрелищем человеческих страданий, но, чтобы в темной ночи смертной тоски увидеть явный свет Божьей Вечности, которая открывается лишь тому, кто мужественно и верно берет тяжкий крест страданий и испивает свою чашу до дна.

ВЫШАА КНИГА

Николай Рачков. Другое измеренье. — СПб.: ИПК ВЕСТИ, 2011.

Имя Николая Рачкова за последние годы стало одним из самых известных в современной отечественной поэзии. Его книги «Средь туманов и трав», «А Россия была и будет», «Рябиновая Русь», «Золотой венец», «Ивы над омутом», «Летающие в пламени» пришли на рубеже веков к всероссийскому читателю, чтобы напомнить ему о Родине, о жизни, о любви, о русской истории, об уходящей деревне, о смысле бытия в этом прекрасном, яростном и трагическом мире. В новый сборник «Другое измеренье» вошли стихи, написанные за последние два года. Николай Рачков продолжает тему Родины, русской деревни, философского осмысления истории и современной действительности, тему любви к природе и миру. Глубина чувств и магия поэтического слова, которым владеет поэт, не оставят читателя равнодушным.

**Валентина
СИДОРЕНКО**

«АНГЕЛ У РУССКОГО ДОЛА»

Валентина Васильевна Сидоренко — работала проводницей, корреспондентом газеты, художником, администратором кукольного театра. В литературу пришла в начале 70-х под влиянием творчества А. Вампилова. В Союз писателей СССР была принята в 1982 году. В конце 80-х она активно включается в общественную работу в направлении православной духовности: выступает редактором, составителем-редактором газеты «Литературный Иркутск», является инициатором создания общества Духовного возрождения. В последние годы сотрудничает с Иркутской епархией в качестве организатора массовых духовно-культурных мероприятий. **Живет в Иркутске.**

Димитрова суббота на Руси,
«Победная песнь» с «упокоим...»!
Морозно над вечным покоем.
Просторно и страшно в выси...
«Толцые!» — завещано нам...
Разверзнется высь —

по сказанью,

По белым воздушным волнам
К погостам, крестам, именам
Конь белый сойдет в назиданье.
Он встанет средь белых могил,
Пыль времени с плит обдувая.
Он каждую спросит: «Живая?»
Ответят из черных глубин:
— Живая, — ответят, — живая.
Оттоль — с куликовых седин.
И взыщет он русскую кровь,
И спросит он русскую душу:
«Ты клятвы отцов не порушил,
Забыв про отеческий кров?
Той смертной, суровой, святой
Той битвы ты помнишь обеты?»
Молчание будет ответом.
Сольются кресты с белым светом,
Сомкнется земля с пустотой...
И дрогнет он, всех опросив,
Он белою гривой заплетет,
И всякая плоть затрепещет
В субботу на белой Руси...

* * *

На Казанской взиграют метели,
В темных сумерках вызреет наст,
В безмятежные сны колыбелей
Матерь Божья судьбину подаст.
И заря, как хоругвь у престола,
Выткет утро крестом золотым.
Видишь, ангел у русского дола —
Меч — из ножен, и смотрит сквозь дым.
Твердый в поступи, в жестах покоен,
Взор глубокий, протяжный, как стон...
С неприступных жарков колоколен
Раскатился басистый трезвон.
Мать Казанская с ратью святою
По студеной пошла по Руси.
Губы полнятся речью простою
И извечной: — Прости и Спаси...

НИКОЛА

Из глубин поднялись туманы
И вразвалку бредут над водой.
Сам Угодник с небес неустанно
Драгоценной трясет бородой.
А прихлопнет своей рукавичкой —
И поземка по стылой земле.
Голенища его черевичек
Промеж звезд полыхают во мгле.
Ему сладко и славно трудиться
На родимых, на русских полях.

Лед промытый трещит половицей,
Бьется ворон в седых тополях.
Серебристой струит благодатью,
И кружится, и плещет куржак.
Лебедь солнца в малиновом платье
Наиграться не может никак.
Все Отечество словом и делом
В душу — духом, по пяди —
пешком... —
Праздник Родины древней —
Никола —
По России стучит посошком!

У ИКОНЫ

К голубиному лику Ея
Я цветы соберу луговые...
Колокольцами чтоб по краям,
Чтоб пахло росой и Россией,
Чтоб земная не дрогнула твердь
Под ногами Ея в час рассвета,

Чтобы тайна великая — смерть
Была тихой молитвой согрета.

Чтобы в пестике каждом цветка,
Как во взгляде Ея, во мгновение
Отражались река, облака,
Русских судеб пути и спасенье...

* * *

В новолунье, на снег молодой,
На весеннюю свежесть пороши,
Прилетели под млечной звездой
Сизокрылые, расхорошие,

Прикорнув на мгновение. И ввысь,
Неустанно вращая крылами,
Словно ангелы, поднялись
Над долинами и морями.

И поплыли — родные до слез,
Косяками, вразлет. Над Россией

На стоянье святое берез —
Белоснежные птицы России

Торопились, летели, рвались,
Возвращались в родимую высь!
Так и мы возвратились в Свой Дом,
Все сошлись над церковным крыльцом.

Под златыми стоим куполами
В час вечерний Великим Постом.
Смотрим кротко, как птицы крылами
Возвращаются в общий наш дом.

* * *

Когда грянут колокола
К завершенью печалей и бед,
Я скажу Тебе: «Это была
Твоя лучшая из планет.
Я на ней пробыла целый век,
Не опишет мой слабый язык
Красоту Твоих весей и рек
И народов таинственный лик...
Я пришла Тебя благодарить,

Что позволил узреть ненароком
Тайну сути Твоей изнутри,
Жизни горестный смысл,
и упреком
Не нарушу свой тихий исход
На мытарствах протяжных и узких...
Но скажу Тебе: — Лучший народ
Был Твоим на земле.
Был он русским...

* * *

Избяная, простая, родимая,
Величавая, как корабли,
Как Архангел, непобедимая,
Русь исходит из русской земли.

Красоту твоих крыш и зародов,
Первородную кротость лица,
И рожденье святого народа
От тебя, неземной, и Творца.

Русь проходит. Дыхание древнее
Затихает в стихии разрух.
Только теплится в каждой деревне
Память вечная в лицах старух.

В наши сроки последних исходов,
В разложение нечистых времен
Ты выходишь, проходишь, исходишь,
От земных исторгаясь плен...

Да в кладбищенской нищей юдоли,
Над крылами немых голубцов
Не затихшей, незримою болью
Сень курится от наших отцов.

Остается здесь была болевая,
И в протяжный кольцуется вихрь
Драгоценная память живая
Стариков и младенцев твоих.

Сень курится от русской закваски
Над разверстанной далью полей...
И родною, старинною сказкою
На младенческом стихнет челе.

В временных, грозových перекатах,
Безобразья пороков и бед
Светит-светит зарей незакатной
Твой негромкий, немеркнувший след.

Русь Великая! Солнце и ветер
Твоей славе поют вещий стих.
И не взыщет никто на планете
Грозной тайны истоков Твоих!

Все от века навек омолоив,
Русь исходит из русской земли!

* * *

Во всю грудь вздохну, до донышка,
В небо ясное взгляну.
Над Россией встает солнышко,
Как в седую старину.
По России травы стелются,
Стынут в росных жемчугах...
Все, мой милый, перемелется
В наших жутких временах.
Все пройдет. И воды вечности
Смоют лишнее, как сор.

В нашей русской бесконечности
Важно только Божий взор.
Да, наш долгий путь, единственный,
Словно солнце над землею.
Первородный и таинственный,
Данный нам трудом и боем.
Оттого света до донышка
Правда в русских словесах.
Над Россией поет солнышко,
Травы блещут в жемчугах...

* * *

В сентябре между рыжих полесий,
Когда грозный усядется вал,
Взору пристальному поднебесий
Свои бездны раскроет Байкал.

И чело сокровенное Бога
Отразится в глубинах его.

Воссияют бесстрастно и строго
Воды синие вдоль берегов,

Разойдутся багряные дали,
Размечаются вири без конца.
В тихой сени осенних подпалин
Будет зримо из света и стали
Торжество и величье Творца...

Андрей ЕГРАШОВ

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ...

*Главы
из автобиографической
повести «Птицы
неперелетные»*

Андрей Владимирович Михайлов (Еграшов) — родился в 1963 году на Новгородчине. Окончил Новгородский политехнический институт по специальности «инженер-строитель». В 1999 году поступил на государственную службу, занимал ведущие должности, в 2005 году окончил Академию Госслужбы РФ. Член Союза писателей России, православный мистик, печник и кроуельщик. В 2008 году переехал на постоянное жительство в **Окуловский район Новгородской области**, поближе к родовым корням и своему народу.

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ...

Наш народ, как лес дремучий! — один Бог ведает, что это такое на самом деле. Здесь можно сгинуть, можно пожить. Можно отчаяться, заблудившись в потемках, можно преисполниться духом, наблюдая внезапный рассвет, заслушавшись чудных птиц. Мы сами, здесь живущие, хоть какие умные, никогда до конца не сможем понять, что это такое — русский народ; можем лишь поражаться, когда в непогоду заколышутся, заходят корявые стволы, загудят кроны в вышине — какая подлинно силища сокрыта в нем!

Не спешите хоронить его! Русский народ много уже хоронили, а он жив донныне. Самое лучшее, что можем совершить — сделаться его частицей, и дай Бог! — не худшей.

Отцу моему Владимиру, упокой Господи его душу в селениях праведных, дорогим моим землякам, всем без исключения — живущим ныне и ушедшим, погибшим и спасшимся посвящаю. Ничто вчерашнее не останется напрасным, коль только человек вознамерится осмыслить жизни окружающих, а прежде всего — свою собственную. Осознать и покаяться!

Жив Господь!

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

*Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались,
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. Молись!*

А. Блок
из цикла «На поле Куликовом»

Замысел этой книги уже давно зародился в моей голове, и прежде всего благодаря деревенской Нюшке — с рассказов 84-летней окуловской пенсионерки Анны Александ-

ровны. Но городская жизнь оставляла мне немного шансов на то, чтобы замысел этот воплотился сколько-нибудь полно. Тому несколько причин — и суета заедала, и тишины не доставало, и сведений; да что там! — попросту не имел я морального права писать на эту тему, откуда являлся городским жителем. Что получилось бы — сюсюканье, взгляд со стороны? Ах, как здорово печечку топить! Ой, как благостно дровишечки колоть!

«Вода камень точит» — гласит народная поговорка. Главные мысли мои, начиная с того момента, как пришел в церковную ограду, как уверовал во Христа, ни много ни мало — о спасении души! А вера, как известно, без дел мертва! Правда, дел можно натворить таких, что мало не покажется. Поэтому затевать дела важные, определяющие следует с молитвой, с рассуждением, благословясь.

Итак, весенним мартовским днем прибыл я в уездный город Окуловку с обширным багажом, поскольку собрался налаживать свою дальнейшую жизнь в местной глубинке, в родовых краях. Не лошадка привезла меня сюда, а грузовая машина; не мешок с краюхой хлеба бросил в телегу, а под крышу забили мы с Серегой — хорошим человеком, фургон грузового авто всяким стройматериалом. И денег у меня за год работы на «Акроне» накопился некоторый запас — три полноценные месячные зарплаты, но затея моя оказалась воспринята «нормальным большинством», за меня денно и ночью страждущим, как несусветная, немыслимая афера.

Когда посетил «коридоры власти» — уже не как бывалыча, областным начальничком-ревизором, а в роли простого просителя, сам усомнился, расстроился: «Может и впрямь — афера?!» Допускал, конечно, что простому люду много сложнее живется на белом свете, много труднее решаются разрешительные вопросы, чем у тех, кто с деньгами, со связями, с положением, но не касался того заживо.

Нынче притопаю я ножками, не подкатил на служебном авто с «блатными» номерами; никто не ждал, не встречал меня, не радовался «искреннему» моему появлению — к нам приехал, к нам приехал, Андрей Владимыч, дорогой; у пары дверей пришлось подпереть стены в ожидании своей очереди. Привыкай, сердешный, привыкай!

Немного толку вышло. И что здесь удивляться! Чиновнику, втиснутому в рамки регламентов, зашуганному начальничьими взбучками, нужно самое настоящее гражданское мужество, чтобы оказать реальную помощь страждущему. Вспоминаю, как сам, в бытность мою на государственной службе, изрекал очередному посетителю: «У вас нестандартная ситуация, и решать ее придется нестандартно!» Нет! — ни в коем случае не намекая на необходимость подмазать это дело. Просто те алгоритмы, которые определялись служебным уставом, оказывались совершенно непригодны для практического решения частных житейских проблем. И фразу о «нестандартной ситуации» я сперва употреблял со вкусом, потом притомился, а затем оставил, осознав, что «стандартных ситуаций» в жизни не бывает вовсе.

Стандартных ситуаций не бывает, а жизнь-то современная усложняется! Оттого и линия партии и правительства гнется в сторону изощрения: следует предусмотреть все возможные варианты, заложить их в компьютер, чтобы потом только ЕНТЕР нажимать, распечатывать на принтере и быстро выдавать справки и разрешения с оплатой по преискуранту.

Не получается, ребята! Как прежде, так особенно теперь! Ибо, «суха теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет»! Для того чтобы убедительно отвечать на вызовы современности, особенно — помогать людям — желательно, как это больше было заведено при царе Горохе, иметь волю — политическую, руководящую, человеческую.

БЫТЬ ПО СЕМУ! — помните такую формулировку? **МНЕ ПОРУЧЕНО, И Я РЕШИЛ!** — вот как надо мыслить и действовать на подобной работе.

Иначе выходит уморительная до жути картина — чиновник-исполнитель пытается собрать «пазлы», мозаичную картину, а ничего у него не получается, потому что не подходят друг к дружке имеющиеся в наличии заготовки. И другой чиновник — его начальник, с опозданием признав невозможность «управлять по-прежнему», едет в столицу, где робко пытается объяснить, что «пазлы» — бракованные, они не складываются.

Очередная столичная тусовка заканчивается оформлением протокола заседания, где, как в детской игре в «испорченный телефон», извращенно изложена суть проблемы.

Ржавая шестерня законодательства, если и поворачивается со скрипом, так лишь через несколько лет выходит «издание переработанное и дополненное», которое... не помогает, а еще более осложняет работу. «Пазлы» увеличились численно, но по-прежнему не подходят друг дружке.

А всего-то — **ВОЛЯ НУЖНА!** Чтобы мог начальник реально помогать людям. Чтобы у него были деньги, власть! Власть подлинная! А спущенные сверху глупости на местах извратят до окончательного абсурда, а помогать кому, если и будут, так своим, по блату — вопреки закону, в нарушение регламентов.

А я им нынче не свой!

И о воле руководящей могу этак рассуждать лишь теперь, как человек безработный, безответственный — не при делах, диплом Академии Госслужбы покрылся пылью. Могу юродствовать.

Представьте, в отчаянной для обеих сторон ситуации приходит человек к **НАЧАЛЬСТВУЮЩЕМУ** и говорит: «Хочу порадовать стране, родному региону. Умею то и то, у меня вот такие способности. А деревня умирает. Помогите оформить документы, помогите немножко материально и приложу все силы и умение, чтобы эта конкретная деревня осталась жить». И представьте, что руководитель говорит: «Вижу, что ты человек дельный. **БЫТЬ ПО СЕМУ!** Вот тебе мешочек со звонкой монетой, вот тебе мое слово, что никто не станет чинить тебе препон в твоих намерениях. Но!!! — спрошу с тебя по строгости, коль обманешь. Головой ответишь!»

Не представляется? А ведь так жили наши далекие предки. Так они войны выигрывали, так страну отстраивали. Старец Паисий Святогорец говорил: «Для того чтобы преуспеть, надо иметь шальную, в хорошем смысле этого слова, жилку. В соответствии с тем, как человек использует эту шальную жилку, он становится или святым, или героем». Такую жилку Лев Гумилев называет пассионарностью. Нынешние сити-менеджеры и по сути своей, и по назначению на важные решения малоспособны. У них инструкции, циркуляры, ипотека и капризные жены. Они — грубо сказано, но — суть прислужники оккупантов. Оккупанты — это не обязательно фашисты, не обязательно даже иностранцы. Это... **ПОЛЬЗОВАТЕЛИ** произведенного

кем-то другим добра, суть — паразиты. А паразиты ничего путного не решают. Они жрут и вяло плодятся. Производители же элементарно не имеют времени и желания наводить порядки. Они же — производители!

У нас НЫНЧЕ Президент, да самые первые лица могут предпринимать подобные решения — волевые, говорить: «БЫТЬ ПО СЕМУ!»

Не стану спорить, что сохранились отдельные личности на самых разных этажах обветшавшей власти, которые ухитряются действовать так и НЫНЧЕ. Даст Бог, и мне попадутся. Но это такая редкость! Простые люди — те, да, помогали. За них Богу молюсь. И верю, что еще встречу таких. И сам, Бог даст, кому-то помогу, как помогал мой покойный родитель.

Но и с простыми людьми, сегодня глянул, хуже стало в глубинке. Не про всех речь, а все про то же несчастное большинство. Обеспечить потребительский рай духовно, а тем более культурно неразвитому человеку это все равно, что привить мистицизм человеку недоброму, неправославному. Страшный результат выходит. Сегодня совершил выход в город, был на рынке, в магазинах, на вокзале. Райцентр «цветет и пахнет»: в продаже имеется то, что провинции прежде и не снилось. И «крутые тачки» носятся туда-сюда, но уже не вижу тех окуловчан, которых видел еще в прошлом году. Страшная метаморфоза! И новые возможности втянули когда-то душевных, непритязательных сельчан в потребительскую гонку: «Да разве это зарплата?! Да разве это машина?! Да разве это дороги?! Да разве это работа?!» — перечислять можно до бесконечности. Но самое страшное, что настроения такие протестные распространяются и на близких, на сродников. Мне должны, я — прав! У меня — права! Конституционные!!!

Возможно, это просто день такой. Настроение такое. Оттого, что весна задержалась в этом году? Но я все больше боюсь людей. Боюсь нелюбви. И прихожу к выводу, что если тебе ничего не делают, это вовсе не значит, что тебе от этого ничего не делается. Если тебе не говорят «пожалуйста» в ответ на твою благодарность. Если тебе не смотрят в глаза. Если тебя вообще не видят, как будто бы нет тебя на белом свете. Видят протянутую тобою денежную купюру, бросают тебе чек, протягивают тебе полиэтиленовый пакет, но тебя не видят!

Конечно, я преувеличиваю! Наверное, это день такой. Настроение такое. Весна задерживается. Но ведь солнце, все вокруг белое, чистое. Я, когда ехали мы в Окуловку с Серегой, вдруг ощутил настроение, будто все плохое у меня осталось позади, а теперь я еду в сказку. И действительно — прежде я, оказавшись в глубинке, сразу ощущал перемену в людях, природе, животных даже. А теперь эта разница умалывается.

Поднимаюсь в гору, невольно вздрагиваю, когда мимо меня, совсем рядом мягко шуршит шинами залитая лаком иномарка: на борту машины броская надпись: «Окуловка. Автовождение. Учебная». Ниже нарисованы телефоны, какие-то рекламные слоганы. За рулем смазливая девица, на обнаженном предплечье модная нынче опоясывающая татуировка, хочется сплунуть с досады. Неужели это мой заповедный край? Неужели здесь тархтела телега с дедкой Ефимом Еграшовым.

Больно. Как стремительно меняется жизнь! Как горько принимать эти невозвратные перемены вдумчивому человеку, ведь за каждой мерещится опасность и не без оснований. Нашему поколению выпала мучительная доля: из социалистического детства, эвон, куда угодили! Канула эпоха, все

меньше на грешной планете мест заповедных, чудесных. Уже на моей памяти переменялась природа, да что там природа! — люди тоже, и между нами говоря — далеко не в лучшую сторону. И худо верится старым книгам, что в любом крестьянском доме можно было найти ночлег, потом уже в очередь принимали, а теперь вообще — кто пустит? А мы сами? В глухом лесу наткнешься на алюминиевую банку из-под алкогольного пойла. Природу, как девку бесстыжую, осрамили, раздели, выворотив на доступное обозрение и срам, и прелести. Скоро деньги брать начнут, чтобы даром не лапали.

Хотя... как знать, ощущение такое — не примета ли стареющего возраста? Брюзжание пресыщенного голодая, образованного невежды, ослепшего на доброе, на чудеса. Ребенку же все чудеса открыты: с умилением вспоминаю, как мой маленький сын хватал меня за рукав от полноты чувств: «Моти! Моти!» (смотри, смотри!), сам тараща глазенки и уперев пальчик. Уже и сыново детство за далекими горами, уже и того ничем не удивишь. Мир иссяк для нас, а точнее — закрылся.

Умей я рассказать свое детство, считал бы себя великим писателем. Такие были уже, а сказано ли главное? И, наверное, очень важный момент заключается в том, что дети искренно «заблуждаются», полагая, что их ЛЮБЯТ, причем ВСЕ без исключения. Такое «заблуждение» приводит к странному результату: к ним — доверчивым, готовым быть любимыми, взрослые и впрямь — относятся много лучше, нежели к своим сверстникам. Увы, приходит время, и вчерашние дети начинают постепенно «прозревать» — постепенно переходя от подозрения к уверенности, что любят их далеко не все, и не так уже искренно. Здесь начинается трагедия взросления, любовь же куда-то растворяется. Мир из доброго и сказочного делается серым и враждебным; взрослые постепенно вводят подростка в грязную суть своих взрослых дел-делишек, а ведь «...лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мтф, 18, 6). И такое неприглядное действо творится из поколения в поколение, из века в век.

Детское «заблуждение» есть не что иное, как ВЕРА и ЧИСТОТА помыслов! А постижение реальности есть не что иное, как приобщение к мерзости и греховности временного мира, который «во зле лежит».

Значит ли, что ВЕРА была ошибкой возраста, а ЧИСТОТА — невежеством?

С точки зрения прогресса — так оно и есть. Любое «чудесное» явление имеет свои прагматические суть и объяснение. А Святая Русь и Беловодье — красивые придумки неадекватных реальной жизни идеалистов — юродов. Прежде бесы в болотах обитали, теперь они обосновались в самой гуще общественной, а в болотах настала пора скрываться православным ортодоксам. Да, раньше в дорогу брали мешочек с родимой землицей, а теперь — деньги и документы.

Раньше были времена, а теперь моменты... Шуточная песенка. Шуточная.

Двадцать лет тому назад мне, военному строителю, довелось участвовать в возведении комплекса космических исследований, точнее одного из его огромных отделений. Наш объект после завершения предназначался, если кратко, для решения нижеследующих задач.

Дело в том, что при запуске носителя и выводе спутника на орбиту каждый грамм груза, находящегося на его борту, подлежит строгому уче-

ту, поскольку на его отправку в космос придется затратить соответственно несколько граммов топлива, которое, в свою очередь, тоже имеет вес. В результате выходит страшнейший дефицит полезного груза. Ученые не могут себе позволить разместить на борту спутника необходимое количество контрольно-измерительной аппаратуры, которое потребно для наблюдения за состоянием всех его узлов, агрегатов и корпуса. И они придумали... создать, смоделировать космическую ситуацию на земле. Вот такую штуку мы и строили! — позволяющую изобразить космический полет, причем продолжительностью всего в несколько секунд.

Таков был этап номер один. На втором следовало распилить корпус, разобрать начинку спутника на мелкие части, пронумеровать их и, изучив в подробностях, занести данные в каталог.

Примерно то же самое мы пытаемся делать со своими ощущениями, накапливающимися — переходящими в чувства; возникающими в процессе познания мира, будучи не в силах постигнуть его целиком.

— Куда уходит детство, в какие города? — лет десять мне было, когда слушал эту песню. Почему уже тогда щемило сердце у мальчонки от еще не состоявшейся безвозвратной потери? Ведь я же не был еще сегодняшним, битым жизнью мужиком, который теперь ностальгирует по былому!

«Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мтф. 18, 3).

Я тогда еще не знал Евангельских откровений... Или знал?

У меня не было еще печального опыта взрослой жизни.

Или был?

Откуда?!!!

Мне страшно бывает смотреть в не так давнее прошлое, но это необходимо для покаяния.

Впрочем, такая боязнь не относится к детству. Детство — заповедник, куда стремлюсь, которого чаю.

...И где найти нам средство, чтоб вновь попасть туда?

Где черта, отделившая детство от взрослости. Существует ли она? — детство оставляло нас постепенно, тускнело по мере «познания» суетного мира. Где тот «черный» день, когда детство ушло окончательно и бесповоротно?

В мире взрослых принято считать такой день, напротив — необходимо полезным.

Я и сам уже какое-то время добиваюсь от сына, чтобы тот повзрослел, наконец. Мне это нужно для того, чтобы мне самому показалось легче жить — от сына пошла поддержка.

Но разве зависит моя легкость от КОГО-ТО?

Я пытаюсь понять секрет детского мироощущения. Оно приходит иногда и теперь — с доброй книгой или когда сталкиваешься с человеческим поступком, которого не ожидаешь, а главное — не заслужил для себя. Оно бывает, когда сделаешь что-нибудь заведомо хорошее, но с той, пожалуй, разницей, что в детстве хорошего делал мало — просто жил так.

Наверное, это было ближе к Евангельскому: *Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их.* (Мтф. 6, 26).

Нам, взрослым, так не получится. Мы живем, в лучшем случае — если обладаем правильным пониманием — в ожидании, когда нас спасут. Так,

перебиться кое-чем до прихода спасателей, не обустроиваясь всерьез, а обходясь самым необходимым. Самое главное, сохранить то, что нужно спасти — себя, как личность.

И помочь спастись другим! — это тоже главное.

Кто-то скривится — наговорил невесть чего! — ничего нельзя себе позволить.

Так ведь это и есть о детстве — ребенку ничего лишнего не нужно. Как и птичке — попить, поклевать, попеть. Мамочку проведать.

Это я и вспомнил из детства — наверняка. Я вспомнил, когда в первый раз захотел того, что мне совсем и не нужно было.

Три рубля — мне их дедушка Толя предложил. Я сперва отказался, а потом, пока мы шли через село на станцию — нас они провожали с бабушкой на поезд, все терзался — зачем не взял?

И тогда впервые не жалел, что уезжаю от милых стариков, а пожалел трешницу. Уже при посадке в поезд дедушке на ухо торопливо прошептал:

— Ну хорошо, давай!

— Что? — не понял он, уже позабыв.

— Три рубля, — промямлил, не догадываясь, что **ДЕТСТВО УХОДИТ**.

Дедушка засмеялся, незаметно для остальных сунул хрусткую бумажку в кармашек моей дорожной курточки, легко пожертвовав для внука своим ежевечерним портвейном, как позже пойму. Дед уже возвращался в детство, а я...

Я потом скрытно игрался денежкой на верхней полке «плацкарта», пока не заснул, убаюканный стуками колес по щелочкам между рельсов. Уснул с ощущением **ТАЙНЫ**, взрослеющий мальчик.

Нарочно примитивно-просто описал происшествие, особенно — по сравнению с вышеизложенными мудрствованиями. Потому что истина — проста, а значит свободна.

Наверное, это не был первый случай.

Когда я был еще меньше, меня мама брала в баню с собой, в женское отделение. Мне там было интересно, потому что в тазике можно играть с корабликом; я не обращал внимания на то, что тетеньки устроены иначе.

Но через годик, когда меня перестали туда брать, я вдруг с интересом принялся вспоминать еще свежие впечатления, не понимая, что детство уходит.

Да нет, это слишком надуманно!

Случай с пилоткой — это серьезней. У меня была панамка, которая отлично защищала от солнца. Но брату на пять лет подарили настоящую пилотку. Я позавидовал брату и устроил по этому поводу скандал, подпортив ему праздник.

Курение в сопливом возрасте я почти не учитываю, потому что дымил чисто за компанию, не выражая протеста обществу. Я не сердился на брата и друзей до тех пор, пока не заметил, что они претендуют на нечто большее, чем дозволено мне.

Так уходило детство.

Так возникала привычка — обращать внимание на то, сколько берут другие и сколько беру сам лично; как другие живут и как я живу. Я начал **СРАВНИВАТЬ**. А желание сравнивать, как известно, ведет к отрицанию и революции.

С попытки самоутвердиться в этом мире фиксирую через сорок лет растрату детской мирности в душе.

Мне несколько раз родители неосторожно сказали, что я мальчик более выдающийся, чем другие дети в поселке.

Наверное, другим детям это тоже говорили их родители, но зачем мнотак поступили!

Не помню с каких пор, но я уже жил с ощущением того, что постоянно что-то утрачиваю.

В детском садике меня не утвердили на главную роль. Я был номером вторым, после сына заведующей этим дошкольным учреждением.

Перед самым концертом он заболел.

Интересно, кому я молился, чтобы это случилось?

Мне дали валенки, я так самозабвенно исполнял на репетициях «Не подшиты, стареньки...» — помню до сих пор свое ликование по поводу освободившейся вакансии.

Каин, где брат твой Авель?

— Ну-ну, — скажете вы, — нашел в чем ребенка обвинять! Мазохизм и самоедство!

Мальчик-конкурент, кстати, выздоровел за день до моей несостоявшейся премьеры — ведь он был сыном заведующей! А я тогда не умел еще скрывать своих чувств — жалкое, вероятно, получилось зрелище!

На простеньких и безобидных будто примерчиках открываю через десятилетия, когда и как раздробил свой детский, благодатный мир. Мне мало за сорок и у меня еще остается время, чтобы написать что-нибудь помудрее.

...Интересно устроил Господь, поместив мою жизнь, как минимум, в двух общественно-экономических формациях.

Некоторые скажут, что я выше завернул что-то нездоровое.

Но если сравнивать годы социализма и нынешнее время, то тоже есть резон утверждать, что или тот, или другой мир не дружит с головой. Они совсем разные. Совершенно.

Вот смотрю, благо аппаратура позволяет, кинохронику 1908 года — «Москва под снегом». Узкие городские улочки, валит снег хлопьями, спешат люди по своим делам. На записи той они страшно деловитые, спешат-торопятся успеть свои суетные заботы разрешить. У кого-то радость — преуспел в этой жизни, у кого-то — горе-неудача, болезнь или другие какие тяготы. Но они, торопыги, спешат и не подозревают двух вещей — во-первых, что хитрый оператор, пристроив свою треногу незаметно, крутит ручку и снимает городскую кутерьму, наслаждаясь реальной будничностью действия. А во-вторых... что сто лет спустя смотрит на них далекий потомок — в четвертом уж поколении, которому смешно и страшновато — ведь все они, БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ — даже мальчик-гимназист! — уже покинули этот мир. Они все — тени уже. Но, если честно — не те же ли тени окружают меня сегодня? Насколько все мимолетно! И вопрос малого времени, когда и мы останемся лишь в видеоформате.

Нет-нет! Конечно, я имею в виду внешнюю сторону! Если кто-то скажет мне, что, похоронив отца, я уничтожил его реальность, я ни за что не готов с ним согласиться.

Это же мой батянка написал: *«...Человек остается жить в будущей жизни, если ей отдал частицу своей души. Желательно, конечно, биоло-*

гическое продолжение, но вовсе не исключается, а наоборот — непременно, обязательно в этом случае продолжение духовное».

Каково мне, оказавшемуся на стыке двух эпох! Ведь прежде я жил в незыблемом мире материалистического авторитаризма — за мной стояло туповато-добродушное государство, которое все же не следовало злить по самоличным пустякам, потому что с равнодушием запущенной лебедки оно бы размочало мою физическую сущность, ни грамма не потеряв в мощности и оборотах. О другой своей, духовной ипостаси и ее неуязвимости, я не подозревал тогда; точнее — не задумывался.

Но передвигались с другой скоростью, жили от аванса до получки, по вечерам сидели у подъездов на лавочках: махались ветками, отгоняя толпы комаров; вечера были тихими, а лица — безмятежными. Мы ложились спать, не понимая своей несвободы, которая заключалась, наверное, в дефиците туалетной бумаги и нецветном телевидении.

Конечно, и там была подкладка — не стоит идеализировать прошлое. Помню, как мама вернулась с похорон родственницы из Ленинграда в шоке. Она не смогла удержаться, пожалеть меня — еще маленького, подробно описала всем нам, как опускали гроб в яму, наполненную водой, а экскаватор сбрасывал ковшом, ломая крышку домовины, глиняные глыбы.

Потом задавило трубами девчонку с нашей школы, мы ходили на похороны, куда нас строем отвели учителя, заставив аккуратнее перевязать пионерские галстуки. Двух ребят, самых послушных, поставили в изголовье гроба, указав приветствовать входящих пионерским салютом.

Примерно так же нас приучали в армии к смертям, поручая снимать с дерева висельников, отчищать совковыми лопатами от обугленной плоти отсеки выгоревших подлодок.

Куда денешься — со смертью социализм совладать не смог — это не безработица и не безграмотность. А молодые ребята самый безотказный народ — нет нужды обещать на бутылку или долго взывать к гражданской ответственности.

Да, так уходило детство и, как-то повзрослев, я приготовился было жить по общему, строго заведенному порядку, наверняка, на погибель своей душе, но тут объявили перестройку.

Перестраивали по живому, без наркоза. Это было больно, но я не предполагал, что больнее всего будет потом, когда все будто бы установится.

Я почему заговорил о детстве — наверное, даже у тех, кто жил в однослойное время, детство плохо стыкуется с взрослостью.

А как быть таким, как мы? У меня такое ощущение, что первая и вторая половины жизни изготовлены из принципиально разного материала. Они — несоединимы. И если я должен сегодня верить, что то, что было когда-то — было на самом деле, то почему бы не поверить в Царство Небесное?

Да что бы я сегодня делал без Веры отцов? Стал таким же, как эти бедняги?

Нет, смотрю хронику прошлого века и понимаю, что это было бы на уровне мышления стрекозы.

Потому и в детство резона нет возвращаться, даже стань то возможным. Детство — это этап. Очень важный, но начальный. Это этап, на котором оказались утеряны некие важные ключики, могущие открыть дверки, до ко-

торых, наконец, добрался сегодня. И это не игрушки компьютерные, хотя, следует признать, что многое в виртуальной реальности человек бездумно скопировал от настоящего и главного. Но, по извечной своей недалекости, извратил и испортил. Вот так и всегда! Потому и ключиков нету — глядь, дырка в кармане!

И кто-то, может, и скажет — чем в такие дебри лазить, так уж лучше под снежком посушиться, что в том плохого?!

Это как вам хочется! И не в порядке осуждения, а чтобы объясниться и с риском вас задеть, отвечаю — я не хочу быть такими, как вы, мерчендайзеры! Мне с вами страшно. И я знаю уже других, настоящих.

Они и впрямь на детей похожи. И с ними общаешься с чувством некоторой неловкости, потому что боишься, что они насторожатся и замолчат. А они смотрят ясными глазами и не боятся тебя — говорят, что думают.

Ты боишься им навредить, а они и этого не боятся, потому что знают, что ничего ты им не можешь навредить и испортить. И если ты боишься им навредить, то это значит, что сам ты еще не окончательный мерчендайзер.

И здесь опять противоречие кажущееся — оказывается в детство-таки можно вернуться! И щетина у тебя, и давление, но ты снова малыш.

Я вспоминаю ту ночь — на берегу Ладоги. Деревянный домик, сосны, октябрьские первые заморозки. Утром должен быть теплоход на Валаам, на который мы не попадем по Воле Божьей. И монах Андрей, с которым проговорим полночи. И ничего особенного он не скажет, но ту ночь я не забуду, как не забуду уже многое из своей православной уже жизни.

Из предыдущей — только лоскуты и узелки. Многое вспоминать стыдно и больно.

Да, как жаль, что я не талантливый писатель! Но разве я не способен чувствовать так же, как Пушкин? Ведь художник — это счастливец, который СПОСОБЕН зафиксировать красоту, отразить ее, подчеркнуть. Счастливец? А может — несчастный, сознающий, что не в состоянии выразить и тысячной доли того, что видит и чувствует? А может и я — писатель, ведь даже из моих бездарных текстов выглядывает что-то настоящее. И может быть нужно потрудиться, чтобы, безжалостно отрубив лишнее, оставить главное.

Во мне бурлит мысль. Мне не по силам остановить ее, замерить, зафиксировать. Моего здесь — только обрывки, выхваченные из эфира. Такое ощущение, что черпаешь воду рукой из океана. А стоит ли черпать? Нырнуть бы туда, вернуться в свою стихию, а не тырить горстями субстанцию, которая все едино сохнет, оставляя лишь соль на ладонях. Кстати, о соли. Нил Мироточивый говорит, что человек, не изведавший скорбей, это все равно что блюдо без соли — как бы хорошо ни было приготовлено, ничего не представляет из себя. Конечно, это лишь другая трактовка Евангельской притчи, однако сильно доходчивая!

Образы! — вы даете приблизиться к пониманию. Но только приблизиться. Такое ощущение, что сам — линия графика вдоль оси координат, пересечься с которой нельзя, так же как нельзя извлечь корень квадратный из минус числа или из нуля. Так же, как нельзя осознать бесконечность, про которую знаешь что она есть, потому что ее не может не быть. Бесконечность есть, а насчет Бога некоторые не согласны.

Играю, играю словами, здесь смысл и здесь же — опасность.

В ОКУЛОВКЕ

На основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 января 1965 года рабочий поселок Окуловка переименован в город Окуловка.

Из записи в трудовой книжке Анны Александровны Герасимовой

Благодатно думается и пишется в уютной тишине сельского дома, под приглушенный аккомпанемент кухонной бюрократии Юрия Николаевича да потрескивание полешков в печке.

У меня в Новгороде тоже оставлены печка и тишина. Но нет Юрия Николаевича, нет духа отцовского, которым напитан весь этот старый дом, доставшийся нам от почивших старушек-накопительниц. Упокой, Господи, их душеньки, да не вмени во грех такое заступление!

Нынче я в мажорном настроении. Погода пасмурная, но уже побеждает весна, и время от времени мы с Юрием Николаевичем вздрагиваем: шуршит и бумкает на кровлях. Это сползает снежная перина со старенькой крыши, которую готовлюсь капитально чинить.

Утром ездил в районную администрацию. Об этом и хотел рассказать в первую голову. Как прибыл туда, да зашел в приемную, неизменно неласковая секретарша на мой простой и прямой вопрос: «Глава на месте?» небрежно отреагировала вопросом своим: «А вы договаривались?» Не успел я с ней попикироваться или подмаслиться, как в приемную из коридора по направлению своего кабинета стремительно ворвался САМ.

— Геннадий Владимирович, пяток минут не уделите мне? — я вложил в голос и толику почтительности, и наработанной прежде руководящей самоуверенности.

Он бегло осмотрел меня, так же быстро принял решение не здороваться за руку и, недовольно мотнув головой, произнес:

— Вообще-то, особенного желания не имею.

Не успел я что-то подобрать для этой обескураживающей ситуации, как он добавил:

— Ну, заходи!

Причина такой неласковости мне была отлично известна. Еще при жизни отца я участвовал в акции Алексея Георгиевича Родионова с командой в установке Поклонных Крестов на территории Окуловского района и самого города. Родионовцы делали все стремительно, с размахом и со вполне понятным расчетом, что дальнейшие заботы по уходу за установленными Крестами возьмут на себя местные жители или, что бывало значительно реже, но бывало, местные власти. Геннадий Владимирович тогда только вступил в должность главы района, неожиданно победив на выборах прежнего верного прусаковского вассала, фамилию которого теперь даже и не припомню. Неудачника забрали потом в областной центр на приличную должность, а Геннадий Владимирович, вчерашний Окуловский военком, столкнулся с целым ворохом хозяйственных проблем, которые пока еще не умел решать совершенно. И когда ему предложили что-то установить на одной из городских площадей «на халяву», он, естественно, согласился с удовольствием, потому что это было бы сделано «уже при новом руководителе», работало бы на его авторитет.

Я говорю об этом без малейшего сарказма и издевки — такова жизнь, а за Котина скажу лишь, что знаю его и нынче только с лучшей стороны. Это вчера военный человек, с верными принципами, не заносчивый в общении с простыми людьми. Мне было малость неприятно видеть, когда он вынуждался угощать за скудный районный счет всякую шушеру из Новгорода, от которой могло зависеть будущее Окуловки и района. Да, сам я сидел с этой шушерой за одним столом и пил чай, когда Геннадий Владимирович и меня тогда уговаривал не стесняться: «За все, мол, уплачено!»

Позднее я постоянно интересовался судьбой Котина, постоянством его манер. Скажу, что окуловчане, у которых справлялся, отзываются о нем с любовью и уважением, сетуя, разве что, что «не умеет наш глава выбивать деньги для района». При этом добавляли: «Но мы лучше будем с таким, чем с жуликом. Мы его ценим!»

В продолжение той истории, которую теперь вспомнил, признаюсь, что тогда сразу ждал неприятностей на будущее. Потому что поставить посреди городской площади восьмиконечный Крест — действие, которое заведомо будет воспринято неоднозначно. Если бы мы установили там каменный барельеф Владимира Вольфовича Жириновского, вокруг которого навесили бы чугунные цепи, окуловчане покрутили бы пальцами у виска, да и забыли бы о том. А так мы получили целый ворох недоброжелателей, а среди них:

а) коммунисты-атеисты, числящие себя единоличными победителями фашизма и незаконным образом лишенными власти;

б) лица, «радеющие» за чистоту Веры отцов и воспринимающие установленный Крест либо за «могильный», либо за сектантский, поскольку прямо напротив этой площади возвышается коттедж наделавшего шума баптиста-евангелиста;

в) эстеты, полагающие, что на площади стоило бы поставить что-то повеличественнее, поархитектурнее.

С последними соглашусь отчасти, потому что Крест наш, хоть и является по сути СИМВОЛОМ СИМВОЛОВ, но эстетически не вполне украсил площадь и символизирует торжество Православия. Ребята быстро, профессионально выкопали ямку посреди круглой клумбы, собрали «изделие» и воздвигли его ввысь. Наспех перекрестившись, вскочили в «Газель» и помчались ставить следующие четыре.

Когда пришла весна, Крест, слегка покосившийся, искушал светскую публику. Позднее он дополнительно потерял вид, оказавшись в зарослях бесцеремонного чертополоха, потому что районный трест зеленого хозяйства резонно решил, что заботу о клумбе взяла на себя местная православная община.

В результате мы с Михаилом Александровичем на рейсовом автобусе, с лопатами приехали и провели подготовительные работы, с Юрием Николаевичем оплатили работу по устройству тротуарной дорожки к Кресту, осторожно упросили отца Сергия, благословившего когда-то установку Креста, поручить кому-нибудь из прихожан уход за клумбой. И каждый раз, по приезде в Окуловку, я боялся наткнуться на Котина или, наткнувшись-таки, краснел перед ним, не имея возможности даже внятно оправдаться, потому что местный батюшка отрезал на мой робкий запрос мирянина: «У нас там все нормально! Пусть не лезут не в свои дела!», имея в виду богоданную власть.

Батюшка Иоанн Миронов благословил меня на строительство часовни, я намеревался сделать это на том самом скандальном месте, предполагая, что так Господь устраивает ситуацию к лучшему, усадил власти — духовную и светскую, за стол переговоров, но ничего не вышло: отец Сергей предписал строить часовню где-то и как-то иначе, чем дело никак и кончилось.

Увы, «когда в товарищах согласия нет, на лад их дело не пойдет!» Эта пословица из басни Крылова справедлива и для атеистов, и для мусульман, а особенно для нашего брата. То, что мы традиционно и верно называем кознями бесовскими, имеет и самое приземленное объяснение. Но священников осуждать грех, тем более, что их резоны нам снизу неведомы; вполне возможно — отец Сергей имел вескую причину для своего несогласия. Но я затратил столько труда — организовал сбор подписей жителей Парахина, взяв на себя перед ними это обязательство, выступал на Городской Думе, внутренне готовился к такому непростому и долговому деланию: это ж только в мультиках «Что нам стоит дом построить». А часовенку! В одиночку-то! На зарплату госслужащего!

Признаюсь, что когда все отложилось, я в глубине души испытал невольное облегчение. Глупое, потому что вопрос был и остается, благословение отца Иоанна не снято и мне, возможно, еще предстоит этот труд.

Теперь та ситуация смазалась в уме озабоченного повседневными сложностями районного Главы, воплотившись в нехорошее, подозрительное отношение ко мне грешному: «Что он тут все крутится? Какие цели преследует? Отчего бывший начальник юродствует? Не нагорело бы мне за связь с опальным чиновником!»

Некоторое время мне пришлось потратить, объясняя, что никаких иных, тем паче — нехороших, целей не преследую, кроме как заручиться поддержкой в деле переселения в глухое, умирающее село Окуловской местности. Я сказал, что намерение о строительстве часовни — не брехня; оно не пропало втуне и, Бог даст, по благословиению отца Иоанна Миронова будет исполнено мною, что я теперь буду проживать здесь, в пределах досягаемости Главы, что с меня можно будет потребовать отчета, а так же — тут я помахал своими госстроевскими «корками» — могу принести пользу во многих проблемах строительного плана, как эксперт, как инженер для участия в работе всевозможных комиссий и принятия грамотных решений.

На том мы и расстались. Напоследок Геннадий Владимирович протянул мне дружескую руку, я испросил его разрешения в исключительных случаях звонить ему на сотовый, да еще наведалься в отдел программного обеспечения, где испросил электронный адрес окуловской администрации.

Добавила настроения малая удача, что на привокзальном рынке купил сушеных фиников для Юрия Николаевича, которых прежде не мог сыскать. Автобус тоже не замедлил, а люди, плотно его заполнившие, произвели нынче на меня то самое прежнее, благодатное впечатление. С простецкого вида мужичком мы обсудили нынешнее изобилие снега, опасное для ветхих крыш, другой миляга доброжелательно подсказал мне (из-за запотевших окон я затруднился понять), где мы теперь находимся.

В общем, все складывалось неплохо, и, соскочив с кулотинского рейса на своей остановке у ЦРБ, я, неожиданно для себя, надумал нанести визит Татьяне Олеговне, главному врачу больницы. Зайдя внутрь, я нашел там много изменений. К лучшему или как? — ремонт выполнен современный,

появились терминалы для оплаты услуг связи и коммуналки; все здешние люди, включая болящих, лучше одеты, выглядят посовременнее — но, увы, нет уже тех патриархальных образов из глубинки, что прежде притягивали взгляд своей самобытностью — нынешние личности выровнялись, скучно усреднились — так, обычные горожане: стрижечки, причесочки, макияжики, пусть даже и не только что из парикмахерской или салона, но с претензией: у больных яркие спортивные костюмчики, у медперсонала — современного покроя халаты и шапочки. Все бойкие, развязные, но без живинки. Или... чего я сам себе только не приностаальгирую!

В приемной главврача тоже новейшее офисное оборудование и мебель — не то убожество, что я видел несколько лет назад, когда навещался сюда в качестве инженера технадзора от заказчика, курировавшего строительство нового корпуса. На полу — ламинат, идеально ровные стены, которые при постукивании издают пустой звук, поклеены виниловыми обоями, подвешенный потолок — не кабинеты, а картонные коробочки. Чего плохого?

Не поругаю, но и не хвалится.

Я заглянул в кабинет Татьяны Олеговны. Та была не одна, напротив сидела другая женщина-врач, кажется — начальник отделения. Они глянули на меня, я кивнул головой, показав, что обожду в приемной, и женщина продолжила что-то напористо выпрашивать у своей начальницы. Та в свою очередь, не то чтобы оправдывалась — она уже вполне освоилась со своей ролью хозяйки крупной больницы, да и в Думе сживалась давно, но объясняла своей собеседнице настоящее бедственное финансовое положение, не позволявшее ей не то, что исполнить просимое, но и даже что-то обещать, пусть на отдаленную перспективу. До меня доносилось:

— Я была сегодня у Главы. Он сказал, что в отдельные дни в районной кассе нет ни копейки!

В последние дни моей бытности на «Акроне» я удивился, вновь встретив в коридоре офиса молодого мужичка, работавшего сперва прорабом в одной из наших подрядных организаций, а затем уехавшего в Окуловку на престижную должность главного инженера «Агрокабеля», крупного завода с питерской пропиской. Спрашиваю, отчего он снова здесь? — тот мне поведал, что завод встал, что в райцентре дела совсем нехороши. Теперь я убеждался в правдивости его слов и лучше понимал сегодняшнюю нервность Котина.

Насилу я дождался, пока ушла та женщина. Мы поздоровались с Татьяной Олеговной, она сразу поинтересовалась, по какому я делу пришел? Мне это немножко покорило, потому что прежде мы могли общаться без протокола. Ну что ж...

— Был я у Главы сегодня, Татьяна Олеговна. Собираюсь, как вам уже прежде говорил, перебраться в ваши края. И на всякий случай прошу вашей поддержки, если что. Вы же депутат, авторитетный человек.

— Да, конечно... — она тут же перевела разговор на свои беды, — Видите, что у нас творится!

— Да, Татьяна Олеговна! Помните, как хорошо прежде шли дела!

— Да, а теперь все замерло на нашей стройке.

— А тепло дали на корпус?

— Дали, по сто с лишним тысяч ежемесячно платим! А санэпиднадзор не разрешает нам заселяться до окончания работ. Вот, теснимся в старом здании.

— А помните, вы нам обещали помещение под молитвенную комнату?

— Помню, — вздохнула она, — все помню! И вам обещала, и отцу вашему, Царствие ему Небесное! Я же в Бога верую, в храм хожу, — показала рукой на собрание икон в книжном шкафу.

— Я ни на чем не настаиваю! — говорю негромко, потому что слышу — в приемную вошли люди, — но у нас с вами теперь надежда разве что на Господа!

— Согласна, Андрей Владимирович! Но некуда, понимаете?! Некуда!

— Хоть бы столик с лампадкой да иконочки где в коридорчике, в уголке... Больные же ведь!

— Надо посмотреть. Не знаю где. А пожарник? Он меня уже два раза штрафовал!

Дожились мы, люди русские! Обложили сами себя законами железными, бездушными. Да разве от лампадок Божьих люди гибнут? Там, где водка, сигарета — там и бетон горит, и арматура стальная плавится. Где нет места Богу, люди не то что мрут — они там и не рождаются!

Ночью просыпаюсь от душевной тягости. Раздумался: не уснуть — не успокоиться. Главный в районе гневается, видишь ли: Крест православный, поклонный поставили! — где безбожники храм Николая Чудотворца под магазин переделали. Так ты не гневайся, а иди, бедняга, к тому Кресту, проси у Бога и у Никулушки помощи. Глядишь, подкинет деньжат Угодник Божий. Ведь ты же в отчаянном положении, что уже терять?! И на что надеяться?

Вспоминаю историю, случившуюся с моим сродником — Олегом Я. Он работал в пожарной части заместителем командира. Начались у него нестроения с командиром, а до пенсии военной оставалось всего ничего. Обратился он ко мне за помощью, поскольку я общался «с сильными мира сего», близко знакомыми с его начальником. Мне это сильно претило, но не желая отказать другу и родственнику, я сделал это, получив ответ, которого ожидал:

— Нельзя вмешиваться в чужую кадровую политику!

Я в свою очередь так посоветовал приунывшему совсем Олегу:

— Если исчерпаны средства земные, нужно попробовать обратиться к помощи сверхъестественной. Сходи в храм, поставь свечку Никулушке.

Прошел некоторый срок. Интересуюсь, как дела:

— Да никак! Все плохо.

— А в церкви был?

— Был вчера! — огрызается — Толку то!

— Подожди немного, — прошу тихо, но твердо.

И что вы думаете? Меньше, чем через неделю снимают с работы евоного начальника! Проблема решается кардинально.

Но что удивительнее, через некоторое время снятый начальник получает должность еще лучшую, чем прежде. Ох, Никулушка, никого не обидел, снисходительный к слабостям человеческим! К слову сказать, не думаю, что сродник мой был в той ситуации невинной овечкой. Но не мне судить.

Вот и главврач — не исполнила обещание: ОБЕТ!!! — по сути дела. Пока дела шли хорошо, ездили губернатор с заместителями в гости, выделяли деньги на стройку, закупалось новое оборудование; она решила, что довольно золотого крестика на шее. Я испытываю глубочайшее к ней

почтение. Ответственный, порядочный человек — она обхватила теперь голову руками в глубокой задумчивости о порученном ей деле. И если на других работах — на заводах или в частных фирмах руководители в ответе за своих подчиненных, здесь присоединяется печаль-заботушка о многих-многих болящих. Ведь это крупная районная больница, страждущих свозят со всей округи: всяких разных — со страшными повреждениями, включая душевные. Каждый день решает она ребусы, за которые не возьмется никто другой, хоть, например, глава района, обратиться она к нему в отчаянии: «Татьяна Олеговна! Я в твою епархию не лезу! Я не медик! У меня своих забот полно. Ты сама знаешь!»

Какое там — медик! Часто приходится решать такие вопросы, которые к диагнозу и выписке лекарств имеют дальнейшее отношение — кто-то буйствует, выпрыгнул с третьего этажа, перебив предварительно стекла в палате, нет электричества в пищеблоке, в операционной крыша потекла, привезли больных, которых некуда уже разместить, и долги, долги, долги.

И она не вполне уповает на Господа в своем тяжелейшем служении. Оттого женщине-руководителю особенно тяжело, а дело ее лишается долговременной перспективы. Мы все на краю сегодня. Взлетать или падать!

А я сам?! Я же должен в набат бить! Я их должен как-то встряхнуть, как-то объяснить. Ведь мой родитель с ними понастойчивее был, а я, как замороженный.

Тяжело на душе. Такое ощущение, будто смерть с ногами на грудь забралась. И нет у нее косы; не череп, а усталое женское лицо. Смерть ты, смертушка! Утрудила с нами, грешными!

В ЗАРУЧЕВЬЕ

*Иногда покажусь себе будто бакеном на речке,
по которой редко кто проплывет.*

Из отцовского дневника

Конец мая. Вот я и заручевский мужик. Сегодня поутру выехал с Окуловки на Высокий Остров. Без малых искушений не обошлось — машинка снова чихала и кашляла, как при предыдущем «перелете» Новгород—Окуловка. Причину пока определить затрудняюсь, но когда разгружался, то увидел, как тяжело нагрузил свою старушку строительными материалами. Что поделаешь — все нужно, ничего лишнего!

Попал прямо на сороковины рабы Божией Клавдии. Упокой, Господи, ее душеньку! Когда зашел на дедову могилу, увидел неподалеку, около свежего холмика, скопление неспящего народа, в их числе Наталью-«мэра». Приблизился, узнал причину. Прочитал мирским чином Литию. Клавдина дочь позвала меня на поминки. Пошел, поскольку отказываться не следовало.

За недлинным столом уместились обе деревни — Заручевье и Высокий Остров, пили водку на помин души. В ходе застолья выяснилось, что официально в наших деревнях числится менее десяти человек. Вот такие дела! Я вовремя прибыл, незначительно улучшив статистику, но не знаю, что будет дальше, кроме того, что будет нелегко.

Первый ночлег в «новом» — полуразрушенном доме прошел неважно. Такова плата городского интеллигента за отвычку от естественной жизни. Мерещились крысы, мыши и еще невесть что. Везде дыры и щели. Но есть крыша над головой. «...Сынок, над тобой не каплет...»

Ох, батька, если б не ты, да разве вязался я в такую авантюру?! Эх, батька, кабы не ты, что было бы со мной теперь? Каждый день помню о тебе. Удивляюсь — как удалось тебе так меня завернуть? Сельская жизнь, как вера в Христа — трудно, да радостно. Литератор я аховый, а жизнь моя нынешняя получается, куда как увлекательная — есть о чем говорить.

Жажду подвига, но не вполне ощущаю себя к нему способным.

Какие только воспоминания не приходят в голову! Они хороши тем, что обрели сегодня полезный смысл. Фрагменты прошлой, всякой — в основном беспутной, жизни воспринимаются не хаотическими лоскутками, а будто притчами, которые кто-то произносит — не то в голове, не то в сердце моем.

Огорчил неожиданный факт, тишины нет даже в умирающей, глухой деревне. Ночь напролет сосед через дорогу, Коля Малов, отмечал с другом «приехало». Коля, питерский работяга, на стареньком «Москвиче» приехал на свою малую родину в отпуск, привез много водки и телевизор.

Природа отдает свои блага без разбора — и добрым, и злым. Кто благодарно принимает, а кто паразитирует на ней, разрушая и корежа благодатное тело, им не созданное, но попущенное в его власть.

Забегая вперед, расскажу про соседа. Коле в наследство остался в Заручевье родительский дом с огромным садом. Дом, как православный старик — крепкий, без гнилины. Сад — мечта любого садовода; яблони, понятное дело, что тоже совсем старые, но очень урожайные, и яблоки на них очень вкусные, не поверишь, что вызрели в северных краях.

Колина биография — типичная, как у выжившего среднестатистического деревенского выходца. Уехал из Заручевья на учебу в профессионально-техническое училище в Ленинград, призвался в армию, отслужил срочную, вернулся — не домой, а в тот же Ленинград, зацепился в последовательности: общага, комната, квартирнка. Все, как у всех: с женой развелся, дочке дает денег на разные, неважные ему самому, дела, ничем особенным не интересуется, типа дельтапланеризма или катания на сноуборде, за границу его не тянет.

Чем живет? Ну... типа того, что рыбак. Понятно, что скорее поедет рыбачить без червяков, чем без бутылочки. Оттого наверное, возвращается пустой и с фингалом под глазом. Да нет, он не драчлив — просто по пьяной лавочке бедному Ванюшке все пампушки.

В Заручевье Коля бывает наездами. «Москвич» у него уже старенький, отпуск раз в году, а рыбалка, если честно, на местных озерах не так уж и хороша. Местные рыбаки утверждают и даже готовы биться за истину, что здешние окушки не сравнимы в ухе ни с какими другими. А кто тут с ними будет спорить!

В Питере Коля работает карщиком на оптовом складе. Вozит с места на место разные тюки, коробки, контейнеры. Оттого изрядно в курсе — что какое бывает на белом свете из фасованного съестного. Сам он равнодушен и к еде. Может неделю жить на макаронах и «Частике». Главное, чтобы курево было. Телевизор. Выпивка.

Эта книга моя не вдруг напишется. Буду каждый день проходить мимо маловского сада и каждый раз, глядя на жалкий обрубок, вспоминать буду, как минувшим уже летом Коля, чуть живенький после полуночной попойки с нароновскими друзьями, карабкался по отцовской лестнице с ножовкой, чтобы обкарнать ветки яблоньке, положившей их на электропровода. Незадачливый наследник родового сада, чертыхаясь, варварски обкромсал сук — недопилив, доломал его.

А проблему так и не снял. Пришла зима, буйные в нашем углу метели натворили бед, на «буханке» прибыли боровенковские электрики с бензопилой, заодно с другими придорожными деревьями уделали бесхозную яблоньку: угрозы электроснабжению теперь уже не осталось никакой, но и ни малейшей надежды, что яблонька когда-нибудь будет снова плодоносить.

А какие были вкусные на ней яблоки! Август и сентябрь я, проходя за водой, буду затаривать карманы фуфайки мелкими, но сочными и сладкими плодами.

— Берите яблоки из сада, мне не жалко! — скажет перед отъездом Коля. Его покойный отец относился к своему добру иначе. До сих пор не валится забор — плотный, перевитый колючей проволокой. Колиного отца убило лесинной, он был лесничим. После ранней смерти жены он женился на местной красавице, про которую недобрая слава ходила в округе. А у нее прежнего мужа тоже убило лесинной. После гибели второго мужа она недолго оставалась вдовой, в третий раз сойдясь с приезжим учителем. Теперь учитель тот — унылый старик, а бывшая красавица лежит, не может ни умереть, ни подняться, разбитая параличом. Коля пожалел мачеху, черешни ей отнес.

Здесь, в Заручевье, среди лесов и озер, в бревенчатых стенах до боли сердечной принимаешь быстротечность человеческого времени. И тщету построения рая, пусть даже на десяти сотках.

Мой заручевский дом выбежал из деревни в поле и здесь, на отшибе, утвердился криво — на перевале, на семи ветрах. Часто, когда случалась непогода, делалось мне тревожно, как перед битвой — с северо-запада на мой одинокий окоп грозно наползали зловещие армады черных туч. Усиливавшийся ветер усугублял тревогу; тогда я утешался Иисусовой молитвой, да разумным воспоминанием, что дому моему уже больше сто двадцати лет, и коль он сохранился в прежних сражениях в гораздо худшем состоянии, так и нынче устоит.

— Сынок, над тобой не каплет! — сдержанно улыбается с фотографии отец, теплится лампада в красном углу.

Маятник жизни моей колеблется от отчаяния к восхищению — такое будто напыщенно-возвышенное определение наполнено фактическим, трагедийно-оптимистичным смыслом. Причина тех колебаний во мне и окружающем меня мире, она порождается нашим взаимодействием. Отчаиваясь, когда строю свои человеческие планы, и сознаю их тщету, хрупкость; благодушествую, когда полагаюсь на промысел Божий, когда, перетерпев, получу награду. И чувствую, как во мне созиждется нечто, что больше меня прежнего, но об этом лучше молчать и даже не думать.

А ведь здесь Сам Господь служит Литургию! Кадит ароматами цветущих яблонь, возглашает ветрами, а на безграничном клиросе заливаются каждая на свой голос, но не ломая Гармонии, певцы — птицы небесные. Они живут одновременно и на земле, и на Небе.

Одиночество... Великая вещь. И думается, и пишется...

Одиночество... Ужасная штука! Сознаешь, что ты, как прочие, состоишь в основном из лжи, вранья — сам заполнивший себя таким непотребством.

Одиночество. А где-то на белом свете остались и живут жена и сын...

Впрочем, где-то гагары, пингвины. Где-то пальмы и папуасы.

А я здесь! На своей родине. На земле предков.

Даже если окажусь болтуном, не удержусь в деревне — так и в том есть свои плюсы. Во-первых, лучше осознаю свое недостойнство, лучше каяться стану. А во-вторых, буду лучше ценить то, что воспринимал доселе, как некую данность — кров над головой, электрический свет, воду — холодную, а тем паче — горячую. Цените ли вы эти вещи? Или равнодушно выкручиваете кран и оставляете бежать ручьем ее, пришедшую к вам из матушки сырой земли, от которой вы, боясь опачкаться, отделились асфальтом.

Чтобы проникнуться благодарностью ко всему существующему окрест тебя, невелика жертва — запись в трудовой книжке. И я вовсе не так бездумен, как кому-то покажется, а просто смыться норовлю от скуки той жизни, которую обыватели себе определили в норму, до скончания собственного века.

Коль ты живешь во Христе, жизнь твоя обретает Гармонию и Смысл; довольно оказывается записать ее даже приблизительно на бумаге, чтобы эти Гармония и Смысл проступили настолько отчетливо, что дух захватывает, оторопь берет — как будто пыль тряпкой стер с прекрасной, уже прежде бывшей картины. И если еще не живешь во Христе, то, записав судьбу свою, вдруг пронзительно открываешь, как сама логика жизни настойчиво побуждает тебя перемениться в должную сторону, иначе ждет тебя неизбежная катастрофа. Да! — человеческое существование либо протекает в Богоустановленном русле и просто и естественно обретает тогда Смысл, Гармонию, либо выбивается из него, распадаясь в бессмысленном хаосе. Этот закон человеческого бытия есть главный определяющий Закон вселенной.

...К утру приозяб, хотя солнце уже вовсю светило во вчера только застекленное мной окно «спальни», но могильным холодом тянуло из-под пола. Дом понемногу светлеет, я отрываю доски, которыми были заколочены проемы, и яркий свет наступающего лета безжалостно озаряет мерзость запустения — хлам всяческий, покрытый пылью. Но дом, который еще ночью показался мне неприятен, уже становится МОИМ домом.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

...Спасибо моим учителям, которые заронили в мою душу надежду на торжество истины. И не беда, что вокруг много дряни. Это не так страшно, если веришь — можно не бояться! По себе скажу, что нет страха непреодолимого. А преодоленный страх — это счастье! Я рад, что иногда удавалось преодолевать страх и что я изведal высшее счастье победы над собою.

«Письмо к сыну». В. Михайлов

Декабрьский вечер. Темно и глухо в Заручевье. Мимо мрачной вереницы недопогребенных снегом домов, откуда ни звука, ни поблеска, бреду по зимнику, который прочищают посредством привязанной сзади к лесово-

зу или трелевику тракторной гусеницы нездешние люди, в направлении автобусной остановки. Мне, маленькому и жалкому, трудно верится, что взаправду сюда может прибыть обычный рейсовый автобус, что далекий гул означает в десятке километров отсюда скоропроходящий электропоезд — ярко освещенный, с улыбочивыми проводницами, разносящими постельное белье и предлагающими чай самодовольным пассажирам; вообще никак не верится в людское изобилие на Невском проспекте, когда сомнительно даже существование уездной Окуловки с покосившимся домиком в сосновом бору, где варит похлебку добрейший Юрий Николаевич! Край и конец света — Заручевье.

Но, чу! — Тузик, трусящий по своим собачьим делам, обыденно буркнул меня простуженным тенором. Затем — не может быть! — слышались оживленные — детские!!! — голоса: под гору, в сторону дома покойной бабушки Жени Никифоровой, мимо дубов, под которыми когда-то разворачивал выездную торговлю мой прадедущка Ефим Еграшов, на санках катаются Ленка — недавняя наркоманка, возвратившаяся в запустевшую деревню, и ее двое маленьких мальчуганов. По всем приметам ребятишки обречены на страшную жизнь, что им пока невдомек; во всяком случае гвалт исходит от них развеселый, а ненадежная мамаша, похоже, их взаправду любит.

Неужели обречены? Верить ли в такие приметы! Да и мало ли, что про молодуху говорят — слухи, бабьи пересуды! Живет деревня, покуда бродят сплетни. И мне ли те слухи передавать, тем более осуждать кого? Иногда вдруг, разозлившись на себя, хочется кулаком грудь избить, как дойдет, сколько носишь в себе неискоренного — плохого, как мало — хорошего. Навалится безмерная усталость от мучительного самовоссоздания и подмывает сорваться, ринуться во что угодно, лишь бы выскочить из узды кропотливого, малозаметного делания. А вокруг пусто, уныло, все разрушено, умерло. Кажется, нет ни малейшей надежды.

Ленка тащит в гору санки, следом прется малышня. С ними в гору движется и мое унылое настроение — полно, деревня, как деревня, откуда тут огням и народу взяться!

Из толпы иудейской ожесточенно поносили страждущего Христа, гневались на обманувшего их лучшие чаяния лже-Мессию, не воплотившегося в грозного вождя, хотя умевшего творить чудеса. Не так же ль и мы? — злобствуем на породившую нас страну, жалко корчащуюся под ударами всякой нечисти, юродствующую, вместо того чтоб возвыситься. Но не значит ли это, что где-то рядом существует, определен предел, когда перед глазами нашими раздерется, рухнет завеса, обновится сознание, и пойдем мы с пронзительной болью, с любовью огромной, что не выдумка красивая — на самом деле есть она, матушка-Русь! И мы — всякие, разные — такие, разэтакие, но дети ее! У Бога премудро устроено: чем безнадежнее ситуация, тем выше мера личной ответственности, больше поводов ко спасению: нужда — кого в горку, кого под горку толкает! Настал очередной момент истины.

Жизнь прожить — не поле перейти. А жизнь на Руси — доля сугубо тяжкая. Оттого разгадка русской жизни и разгадка смысла жизни вообще — одна разгадка! Русскому человеку прежде всего воля важна. Против воли-то и хорошее — плохое! Блудного сына батька дома не удерживал, сам вернулся, помыкавшись.

Я сделал, что мог: завершил отцову работу, записал некоторые судьбы особенно дорогих ему людей, земляков. Повторил, уточнил некоторые его мысли, поделился своим, наболевшим. Пушкин — великий поэт, но он писал для людей, и без них не было бы Пушкина. Я, хоть не Пушкин, тоже старался для вас, и сам через свой труд спасался. И коль вы прочитали мои записки, коль сердце отозвалось, поздравлю себя и вас — и вы живы, и я не согрешил.

Приходит «Пазик», где кроме водителя лишь три пассажира — подвыпившие нароновские мужички. Они протягивают мне вместо приветствия стакан — признали за своего! Отшучиваюсь, плюхаюсь на продавленное кресло, роняю рюкзак: уплывает назад Заручевье, ребятишки провожают автобус возбужденными катаньем взглядами, с улыбками на раскрасневшихся мордах.

Маленькие человечки, дорогие мои земляки, вы мне — боль и надежда! Как ни уныло, но надо трудиться, надо молиться, ибо «что невозможно человеку, возможно Богу!» И вы, никто иной — начатки новой жизни в запустелом, но окончательно еще не упраздненном Господом русском селе.

И сам я, многогрешный — оборвался с дерева, порхал семечком кленовым, вроде не ко времени — на мерзлую, будто мертвую землю припал. Снегом укрыло.

Будет ли прок?

Надо зимовать. Надо дожидаться весны. Здесь дожидаться.

ВЫШЛА КНИГА

Виталий Серков. За други своя. — Краснодар: Раритеты Кубани, 2011. — 496 с.

«За други своя» — новая книга избранных произведений Виталия Серкова. Лирика Виталия Серкова полна гражданственности. Поэт отстаивает вечные ценности. Кроме стихотворений в книгу вошли статьи о современной русской литературе, литературные пародии и эпиграммы, в которых автор являет новые грани своего дарования.

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская*)

Московское представительство:
119146, Москва, Комсомольский пр., 13.
Тел./Факс: +7 (499) 246-58-44

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://www.rodnaya-ladoga.ru>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
196158, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 81, кв. 70.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Корректоры *Г. А. Ильина, Н. П. Першакова*
Дизайн обложки *Г. Ю. Алкаева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Макаровой*

Подписано в печать 21.12.2011 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 27,0.
Тираж 1000 экз. Заказ 1110267.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.